

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2016 – № 2**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2016

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – № 2. – 199 с. – ISSN 2499-9679.
2016, № 2. – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, первый проректор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Заслуженный деятель науки РФ (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью МГЛУ; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности МГПУ; **Е. И. Горощко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Деметьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **О. С. Егорова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. А. Ермолин**, кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. И. Жельвис**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Заслуженный деятель науки РФ; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. проф. д-ра А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Т. Г. Кучина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Белоруссия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала Московского государственного лингвистического университета; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций МУБиНТ (Ярославль); **Т. Н. Федуленикова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Тел.: (4852) 30–55–96 (научная часть), 72–64–05, 32–98–69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № ФС 77–62331 от 3 июля 2015 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2016
© Авторы статей, 2016

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2016. – № 2. – 199 pages. – ISSN 2499-9679.
2016, № 2. – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Deputy Rector, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl (YSPU), Honoured Scientist (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU; **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, MSLU; **Jef Verschueren**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, MSPU; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, N. Chernyshevsky Saratov National State University; **O. S. Egorova**, Doctor of Philology, Professor; Department of Foreign Languages, Head of department, YSPU; **E. A. Ermolin**, Doctor of Education, Candidate of Art, Professor, Head of Journalism and Publishing Department, YSPU; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **V. I. Zhelvis**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Department of Cultural Studies, YSPU, Honoured Scientist of Russian Federation; **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Prof. Dr. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Pedagogical University; **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee; **G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **T. G. Kuchina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl); **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108
Tel.: (4852) 30–55–96 (research department), 72–64–05, 32–98–69 (publishing office)
Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Certificate of mass media registration

(Russian Federation Ministry for Press, Broadcasting and Mass Communication)
PI № FS 77–62331, 3 July 2015

© FSBEE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State
Pedagogical University named after K. D. Ushinsky», 2016
© Authors of the articles, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Лагузова Е. Н., Прокопова О. Н.* Синтаксические фразеологизмы с союзом *хоть* в современном русском языке..... 8
- Преображенский С. Ю.* «Сеновал» О. Э. Мандельштама: ритмика, рифма, интонация в контексте поэтической полемики 11
- Кулаковский М. Н.* Одоративная лексика в лирике В. В. Набокова 17
- Суханова И. А.* Поэты Серебряного века и Фра Анджелико: лингвоинтермедиаальный аспект 23

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

- Лукин О. В.* Наталия Александровна Булах: поколения и парадигмы..... 33
- Милосердова Е. В.* Концепция Н. А. Булах об отрицании в немецком языке и актуальные проблемы современной прагмалингвистики 40
- Кострова О. А.* Развитие научного наследия Н. А. Булах в Самарской лингвистической школе..... 46
- Щербакова А. В.* Некатегориальные формы выражения некоторых грамматических значений в синтаксисе современного немецкого языка..... 53
- Дубинин С. И.* Дискурсивный квази-имидж завоевателя (на материале немецко-русского словаря для солдат вермахта) 59
- Беспалова Е. В.* Сопоставительное исследование концептов природных объектов в немецкой и русской лингвокультурах 64
- Хамитова Л. Р.* Продолженная синтаксическая форма с семантикой причины в свете теории ментальных пространств..... 70

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

- Быкова Е. В., Селезнева Л. В.* Прагматическая девиация: способ репрезентации лжи в дискурсе..... 74
- Тортунова И. А.* Лингвистический «образ» современной деловой переписки 80
- Аниськина Н. В.* Лексическая экспликация концепта *красота* в современной рекламе 87
- Геккина Е. Н.* К типологии метаязыковых оценок в интернет-коммуникации..... 93
- Ухова П. С.* Терминологические наименования социолекта учащейся молодежи..... 98

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Тюпа В. И.</i> Эвиденции О. Э. Мандельштама 1937 года.....	106
<i>Корчинский А. В.</i> Форма и опыт: принцип вариативности в «Восьмистишиях» О. Э. Мандельштама.....	111
<i>Пронина Т. Д.</i> Ценностная архитектоника «Грифельной оды» О. Э. Мандельштама в контексте традиции лирических жанров.....	116
<i>Кузнецова Е. В.</i> Образ черепа в цикле О. Э. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» и материальные артефакты эпохи.....	121
<i>Филипповский Г. Ю.</i> Взаимосвязи книжности Руси, Скандинавии и Англии X–XII вв.: «Русская земля» и «Engla Lond».....	126
<i>Болдырева Е. М.</i> Автометаописания в романе В. Г. Короленко «История моего современника».....	132
<i>Федотова А. А.</i> Эквивалентность персонажей в сказе Н. С. Лескова.....	142

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Хренов Н. А.</i> Символизм в искусстве начала XX века на фоне бифуркационного взрыва в русской культуре.....	148
<i>Юрьева Т. В.</i> Проблемы сохранения культурного наследия в Ярославском крае в середине XIX – начале XX в.	156
<i>Летина Н. Н.</i> Гамлетизм в российской глоссарии пограничности.....	166
<i>Азеева И. В., Аконджанян Я. Э.</i> Театральный универсум Ивана Вырыпаева.....	170
<i>Летин В. А., Молчанова А. А., Салимова Л. Ф.</i> Господский костюм в контексте предметного мира поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова.....	174

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лукин О. В.</i> Международная научно-практическая интернет-конференция, посвященная 110-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Наталии Александровны Булах.....	179
<i>Булах Н. В.</i> И дольше века длится память (к 110-летию рождения профессора Н. А. Булах).....	182
<i>Гаврилова Т. Н.</i> Развитие образовательной системы Петришуле (НОУ гимназия № 222 г. Санкт-Петербурга).....	184
<i>Дубровина С. Н.</i> Из истории преподавания немецкого языка в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.....	187
<i>Ефимова М. Е.</i> Воспоминания Рассмагиной Галины Андреевны (студентки Н. А. Булах с 1950 по 1954 г.).....	190
<i>Ефимова М. Е.</i> Воспоминания о Наталии Александровне Булах сына, Ярослава Игоревича Клейненберга.....	192
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	194

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ.....198**

*“The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...”*
K. D. Ushinsky

THE CONTENT

RUSSIAN LANGUAGE

- Laguzova E. N., Prokopova O. N.** Syntactic phraseological units with the conjunction ‘*хоть*’ in the modern Russian language..... 8
- Preobrazhensky S. Yu.** O. E. Mandelshtam’s “Hayloft”: rhythm, rhyme, intonation in the context of poetic polemics 11
- Kulakovskiy M. N.** Odour lexis in V. V. Nabokov’s lyrics..... 17
- Sukhanova I. A.** Silver Age Poets and Fra Angelico: linguistic intermediate aspect..... 23

THEORY OF LANGUAGE

- Lukin O. V.** Natalia Aleksandrovna Bulakh: generations and paradigms..... 33
- Miloserdova E. V. N. A.** Bulakh’s conception of negation in the German language and topical problems of modern pragmalinguistics 40
- Kostrova O. A.** The development of N. A. Bulakh’s scientific legacy in Samara linguistic school 46
- Shcherbakova A. V.** Non-categorical forms expressing certain grammatical meanings in modern German syntax 53
- Dubinina S. I.** Discursive quasi-image of the conqueror (based on German-Russian dictionary for Wehrmacht soldiers)..... 59
- Bespalova E. V.** Comparative analysis of natural objects concepts in German and Russian linguistic cultures 64
- Khamitova L. R.** Continuous syntactic form with causative semantics in the light of mental space theory... 70

COMMUNICATION THEORY

- Bykova E. V., Selezneva L. V.** Pragmatic deviation: the means of presenting lie in discourse 74
- Tortunova I. A.** Linguistic «image» of modern business correspondence..... 80
- Aniskina N. V.** Lexical explication of the concept *beauty* in modern advertising..... 87
- Gekkina E. N.** On typology of metalinguistic evaluation in Internet communication..... 93
- Ukhova P. S.** Terminology of students’ sociolect..... 98

LITERARY CRITICISM

<i>Tyupa V. I.</i> O. E. Mandelstam's 1937 evidences.....	106
<i>Korchinsky A. V.</i> Form and experience: variation principle in "Octets" by O. E. Mandelstam.....	111
<i>Pronina T. D.</i> Value architectonics of Graphite Ode by O. E. Mandelstam within the context of lyric genres tradition.....	116
<i>Kuznetsova E. V.</i> The image of skull in O. E. Mandelstam's cycle Poems of the Unknown Soldier and material artefacts of the epoch.....	121
<i>Filippovsky G. Yu.</i> Relationships between book cultures of Russia, Scandinavia and England in X–XII centuries: "Russian land" and "Engla Lond".....	126
<i>Boldyreva E. M.</i> Autometadescriptions in V. G. Korolenko's novel The History of My Contemporary.....	132
<i>Fedotova A. A.</i> Equivalence of characters in N. S. Leskov's fairy tale.....	142

CULTURAL SCIENCE

<i>Khrenov N. A.</i> Symbolism in the art of the early XX century against the background of the bifurcation boom in Russian culture.....	148
<i>Yurieva T. V.</i> On cultural heritage conservation in Yaroslavl region in mid XIX – early XX centuries.....	156
<i>Letina N. N.</i> Hamletism in the Russian glossary of borderline state.....	166
<i>Azeeva I. V., Akopdzhanyan Ya. E.</i> Theatrical universe of Ivan Vyrypayev.....	170
<i>Letin V. A., Molchanova A. A., Salimova L. F.</i> Master's dress in the context of the object world in N. A. Nekrasov's poem Who Is Happy In Russia?.....	174

SCIENTIFIC LIFE

<i>Lukin O. V.</i> International scientific and practical Internet conference devoted to 110 anniversary of Natalia Aleksandrovna Bulakh, Doctor of Philology, Professor.....	179
<i>Bulakh N. V.</i> The memory lasts more than a hundred years (to 110 anniversary of Professor N. A. Bulakh).....	182
<i>Gavrilova T. N.</i> Education system in Petrischule (Grammar school № 222, St. Petersburg).....	184
<i>Dubrovina S. N.</i> The history of teaching the German language in Belarusian State Agricultural Academy	187
<i>Efimova M. E.</i> Memories of Galina Andreevna Rassmagina (N. A. Bulakh's student from 1950 to 1954)	190
<i>Efimova M. E.</i> Remembering Natalia Aleksandrovna Bulakh (by her son, Yaroslav Igorevich Kleinenberg).....	192

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	196
---	------------

CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN» AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS.....	199
--	------------

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

Е. Н. Лагузова, О. Н. Прокопова

Синтаксические фразеологизмы с союзом *хоть* в современном русском языке

В статье рассматривается структура и семантика синтаксических фразеологизмов с союзом *хоть* в современном русском языке. Выделены два типа устойчивых выражений в зависимости от степени их фразеологизации. Описаны субъективно-модальные значения синтаксических фразеологизмов с союзом *хоть*. Распространение конструкций разговорного синтаксиса в современном русском языке связывается со сближением устной и письменной форм речи.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, фразеомодель, воспроизводимость, акциональные глаголы, союз *хоть*.

RUSSIAN LANGUAGE

E. N. Laguzova, O. N. Prokopova

Syntactic phraseological units with the conjunction ‘*хоть*’ in the modern Russian language

The article looks at the structure and semantics of syntactic phraseological units with the conjunction ‘*хоть*’ in modern Russian. Two types of set expressions according to the degree of their phraseology are identified; subjective modal meanings of syntactic phraseological units with the conjunction ‘*хоть*’ are described. The spread of colloquial syntactic constructions in modern Russian are caused by oral and written speech coming closer.

Key words: syntactic phraseological unit, phraseomodel, reproducibility, action verbs, conjunction ‘*хоть*’.

В русском языке конца XX – начала XXI в. наряду с термином *фразеологизм* стал использоваться термин *синтаксический фразеологизм*. К синтаксическим фразеологизмам относят «синтаксические единицы, обладающие устойчивостью, воспроизводимостью, целостностью, идиоматичностью, специфическим характером отношений между компонентами, а также выполняющие в языке коммуникативную и эстетическую функции» [2, с. 52].

В современном русском языке распространены синтаксические фразеологизмы с союзом *хоть*, созданные по модели: *хоть* + глагол повелительного наклонения.

В БАС выделяются два значения союза *хоть* – уступительное и условное.

При этом отмечается, что уступительный союз *хоть* в сочетании с повелительной или неопределенной формой глагола обозначает «некий предел, степень проявления чего-нибудь или до-

пустимое следствие чего-нибудь в значении ‘так (такая), что впору, до такой степени, что’» [5, XVII, с. 414]. Условный союз «выражает (с глаголами будущего времени и повелительной формой глагола) предположительное условие, в значении ‘даже если, пусть даже, в случае и’, связывает условное придаточное с главным, употребляясь в начале придаточного предложения»: *Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь* [5, XVII, с. 416]. Большинство фразеологизмов с союзом *хоть* приписывается уступительное значение. В МАС условное значение не выделяется [4, IV, с. 622].

В ТСРЯ разграничивается собственно уступительное значение союза *хоть* и значение ‘до такой степени, что (о чем-то крайнем в своем проявлении)’, свойственное устойчивым выражениям: *Не понимает, хоть сто раз объясняй; Ничего не понимаю, хоть убей* (разг.); *Хоть выжми*

(о чем-нибудь моком; разг.); **Хоть умри**, а сделай; *Не соглашается, хоть умри* [6, с. 1071].

Действительно, в устойчивых выражениях с союзом *хоть* уступительное значение ослабляется, актуализируется семантика степени и следствия. При этом в предложении может выражаться положительная или отрицательная оценка состояния субъекта, ситуации в целом. Определенное оценочное значение опирается на семантику глаголов и контекст.

Оценка может быть выражена имплицитно, в этом случае учитывается экстралингвистический опыт носителя языка. Ср.: *Как пройдет по ковру с видом европейской манекенщицы, виляя всеми лапками, – **хоть стой, хоть падай!*** (Э. Успенский) и т. п. Фразеологизму *хоть стой, хоть падай* приписывается значение крайнего удивления, недоумения, растерянности [6, с. 947]. Упоминание о европейской манекенщице ассоциируется с красотой, изяществом, достоинством. В контексте выражена высшая степень похвалы, необычный выбор объекта сравнения (собака – прекрасная девушка) вызывает иронию.

Синтаксические фразеологизмы с союзом *хоть* строятся по одной модели, но различаются степенью фразеологизации. Одни из них обладают воспроизводимостью, постоянным составом компонентов, имеют строго закрепленное в языке значение. Такие устойчивые выражения фиксируются в лексикографических источниках как фразеологизмы: *хоть брось, хоть в гроб ложись, хоть волком вой, хоть в петлю лезь, хоть глаз выколи, хоть головой об стену бейся, хоть завались, хоть зарежь, хоть караул кричи, хоть кол на голове теши, хоть лопни, хоть отбавляй, хоть плачь, хоть разорвись, хоть святых выноси, хоть убей, хоть умри* [7, с. 511] и др.

В русском языке конца XX – начала XXI в. эти выражения употребляются в отмеченных словарями значениях. Ср.: 1) *А самому так плохо – **хоть караул кричи*** (Э. Успенский); **хоть караул кричи** ‘выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения’ [7, с. 213]. Фразеологизм выделяет степень интенсивности негативного состояния, обозначенного в контексте (*так плохо*), через указание на следствие.

2) *Впоследствии Анна Борисовна уверяла, что Петя загнал таксиста в машину методичными ударами палки справа и слева («очень ловкими», уточняла она). Петя не помнил, **хоть убейте*** (Д. Рубина); 3) *На иврите эта еженедельная*

*фантазмагория называлась «ешиват цвет», и **хоть убейте меня**, а это – при буквальном точном переводе – все-таки означает совсем иное* (Д. Рубина). В первом предложении фразеологизм **хоть убей** выражает значение невозможности понять, уяснить и т. п. что-либо, поверить чему-либо или сделать, выполнить что-либо. Во втором предложении реализуется значение ‘клятвенное заверение, обычно при отрицании чего-либо’ [7, с. 487]. Синтаксический фразеологизм актуализирует семантику несоответствия названия истинному переводу.

4) *А как выйдет он с ружьем, увидит зверюшку – выстрелить не может, **хоть ты плачь!*** (Э. Успенский); **хоть плачь** ‘выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения’ [7, с. 322].

5) *В танковом училище все двери были распахнуты настежь – и **хоть шаром покати!*** (К. Симонов). В сложносочиненном предложении слово *хоть* утрачивает союзные функции, приближаясь к частице. Фразеологизм актуализирует значение внезапности, интенсивности.

Другие синтаксические фразеологизмы создаются по той же модели *хоть + глагол повелительного наклонения*, но отличаются свободным лексическим составом.

Фразеомодель заполняется акциональными [1, с. 60–61] глаголами со значением: а) движения (*бежать, заходить, уезжать*); б) физического действия (*приколачивать, стучать*); в) глаголами, обозначающими занятие (*бренчать, фотографировать*). Ср.: а) ***Хоть из зоопарка беги!*** (Э. Успенский); ***Хоть совсем уезжай из деревни к родителям*** (Э. Успенский); б) *Сегодня эта кукушка разбушевалась, **хоть по трубе стучи!***; ***Хоть к табуретке его приколачивай*** (Э. Успенский); в) ***Хоть весь день бренчите!*** (К. Чуковский); *Обезьяна дружески попрощалась со всеми и бодрой походкой, на задних лапах, зашагала по дороге – **хоть фотографируй*** (К. Чуковский) и т. п. Синтаксические фразеологизмы включают также: г) модально-каузативные (*просить*) и д) каузативные глаголы (*учить, зажигать*). Ср.: г) *Столько звезд под одной крышей – **хоть автограф проси*** (Культура. 5–11.02.2016); д) *Хоть беги за ним, да **умуразуму учи** этих малышей* (Э. Успенский); – *И тебя тоже чуть не убил, – негромким, страшным голосом произнес владыка, и взгляд у него стал такой, что **хоть свечку об него зажигай*** (Б. Акунин).

В предложениях второго типа выделяется

субъективно-модальное значение вынужденности (а, б). Значение побуждения ослабляется, «на первый план выдвигается общее оценочное (отрицательное) значение» [3, с. 624]. Негативная семантика высказывания актуализируется в контексте. В предложениях может выражаться «значение неограниченной возможности» [3, с. 624] (в).

Интересно, что значение крайней степени проявления какого-либо состояния, свойственное собственно фразеологизмам с союзом *хоть* (*Хоть умри; Хоть убей; Хоть разорвись* и т. п.), не характерно для предложений со свободным составом компонентов. Действие, обозначенное глаголом повелительного наклонения, представлено как неизбежное следствие ситуации, названной в предыдущем контексте. Ср., например: *учить уму-разуму* 'наставлять, давать советы, как следует поступать, жить' [7, с. 494]. В контексте выделяется значение неожиданности, внезапности предпринятого действия (примеры а, б, в, г, д).

Значение нежелательности совершения действия, обусловленное определенной ситуацией, выражается сочетанием глагола повелительного наклонения с частицей *не*. Ср.: *Хоть + не + глагол повелительного наклонения: Старая шерсть с меня сыплется – хоть в дом не заходи* (Э. Успенский); *А самому так плохо, хоть в дом не заходи* (Э. Успенский).

Распространение синтаксических фразеологизмов с союзом *хоть* в современном русском языке отражает тенденцию к демократизации литературного языка, которая проявляется, в частности, в сближении устно-разговорной и письменной речи.

Библиографический список

1. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : МГУ, 1998. – 528 с.
2. Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология [Текст] / В. Ю. Меликян. – М. : Флинта, 2004. – 232 с.

3. Русская грамматика: В 2 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1980. – 783 с.

4. Словарь русского языка [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 4-х т. – Т. IV. – М. : Русский язык, 1988. – 800 с. (МАС).

5. Словарь современного русского литературного языка [Текст] / Под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др.: В 17 т. – Т. XVII. – М. – Л., 1965. – 2126 с. (БАС).

6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2011. – 1175 с. (ТСРЯ).

7. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka [Tekst] / G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Ju. Sidorova. – М. : MGU, 1998. – 528 s.

2. Melikjan, V. Ju. Sovremennij russkij jazyk. Sintaksicheskaja frazeologija [Tekst] / V. Ju. Melikjan. – М. : Flinta, 2004. – 232 s.

3. Russkaja grammatika: V 2 t. – Т. 1. – М. : Nauka, 1980. – 783 s.

4. Slovar' russkogo jazyka [Tekst] / Pod red. A. P. Evgen'evoj: V 4-h t. – Т. IV. – М. : Russkij jazyk, 1988. – 800 s. (MAS).

5. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Tekst] / Pod red. A. M. Babkina, S. G. Barhudarova, F. P. Filina i dr.: V 17 t. – Т. XVII. – М. – Л., 1965. – 2126 s. (BAS).

6. Tolkovij slovar' russkogo jazyka s vključenijem svedenij o proishozhdenii slov [Tekst] / Otv. red. N. Ju. Shvedova. – М. : Azbukovnik, 2011. – 1175 s. (TSRJa).

7. Frazeologicheskiy slovar' russkogo jazyka [Tekst] / Pod red. A. I. Molotkova. – М. : Russkij jazyk, 1986. – 543 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

С. Ю. Преображенский

**«Сеновал» О. Э. Мандельштама: ритмика, рифма, интонация
в контексте поэтической полемики**

Материал Второй научной конференции «Мандельштам и его время»,
которая состоялась в декабре 2015 года в РГГУ

В статье анализируется ритмика и синтаксис известного по многочисленным семантическим интерпретациям крупнейших мандельштамоведов «Сеновала». Несмотря на то, что вокруг этого произведения О. Э. Мандельштама сложилась целая филологическая антология (К. Ф. Тарановский, Е. Фарыно, М. Л. Гаспаров, Вяч. Вс. Иванов, О. Ронен и др.), вопрос о выборе ритмической модели, рифме и интонационном рисунке не был предметом подробного изучения. В статье высказывается ряд соображений, касающихся указанной проблемы: обращается внимание на специфику использования в идиостиле О. Э. Мандельштама соответствующего периода мужской моносиллабической рифмы вообще и ее же на стыке иктов. Обнаруживается ограниченное число ритмических схем, реализованных в тексте. Делается предположение о том, что в рамках стопной теории О. Э. Мандельштамом могла быть отрефлексирована своеобразная генеративная модель ритмического порождения стиховых отрезков. Высказывается гипотеза о возможной авторской трактовке логаядизации как средства синтеза и преодоления постфутуристического ритмического хаоса, указывается на возможные интертекстуальные связи с традицией имажинизма и экспрессионизма.

Ключевые слова: Мандельштам, «Сеновал», логаяд, ритм, моносиллабическая мужская рифма, интонация, интертекст, имажинизм, экспрессионизм.

S. Yu. Preobrazhensky

**O. E. Mandelshtam's "Hayloft": rhythm, rhyme, intonation
in the context of poetic polemics**

The article considers rhythmic and syntax of "Hayloft" which is known for its many semantic interpretations by leading researchers of Mandelshtam's work. In spite of the fact that a lot of philologists studied this poem (K. F. Taranovsky, E. Faryno, M. L. Gasparov, V. V. Ivanov, O. Ronen, etc.), the question of the rhythmic model, rhyme and intonation pattern has not been investigated in detail. The author pays attention to specific usage in O. E. Mandelshtam's idiolect of male monosyllabic rhyme in general and at the junction of ictuses. It is supposed that Mandelshtam could have thought of a special generation model to create rhythmic verse segments. There is a hypothesis about a possibility of the author's interpretation of logaoedic as a means of synthesis and overcoming post-futurist rhythmic chaos and possible intertextual relations with imagism and expressionism traditions.

Key words: Mandelshtam, "Hayloft", logaoedic, rhythm, monosyllabic male rhyme, intonation, intertext, imagism, expressionism.

О «двойчатке» О. Э. Мандельштама «Сеновал» писали практически все известные специалисты в области мандельштамоведения – К. Ф. Тарановский, Е. Фарыно, О. Ронен, М. Л. Гаспаров, Вяч. Вс. Иванов. Кроме того, этих стихотворений так или иначе не миновал вообще ни один из исследователей, всерьез касавшихся творчества «семантического поэта». Было бы непростительной дерзостью утверждать, что «Сеновал» недостаточно изучен. Тем не менее, на ряд вопросов и соображений «двойчатка», как кажется, по-прежнему провоцирует.

Об особенностях «неурегулированного трехдольника с тяготением к логаяду» [5, с. 237] в том тексте «двойчатки», который в канонической книжной редакции подается как второй, а хронологически вроде бы был первым, написано не так много, как о другом «логаядообразном» раннем тексте «Сегодня дурной день» (включая даже «мифологические» интерпретации [8]). Тем не менее, и М. Л. Гаспаров [3], и К. Ф. Тарановский ([10]), как это ни удивительно, гораздо больше внимания уделили вопросам культурно-семантической интерпретации стихотворений.

Естественно, что и другие исследователи (для которых стих не был сферой первостепенных интересов) также сосредоточивались преимущественно на интертекстуальных и метатекстуальных аспектах.

В наследии О. Э. Мандельштама до 1922 г. включительно найдется всего несколько примеров использования односложного слова, образующего в качестве мужской рифмы стык ударений с предшествующим: «Сегодня дурной день...», «Я не знаю, с каких пор...», да есть еще ритмически близкие использования односложного слова в рифмопозиции дольника: «Я ненавижу свет...» (все стихотворение), «Дано мне тело – что мне делать с ним...» (отдельные строки «Пусть мгновения стекает муть»); «Отчего душа так певуча» (отдельные строки «И вошел в лазоревый грот»); «Я вздрагиваю от холода...» (отдельные строки «Подхватывай легкий мяч»), «С розовой пеной усталости у мягких губ» (отдельные строки «Яростно волны зеленые роет бык»); можно еще учесть совсем ранний эксперимент с рифмой в «Нежнее нежного», где в отдельный стих выделено «И даль». Интуитивно складывается ощущение, что все эти случаи роднит одно – стремление поставить слово в такую позицию, когда оно максимально обособлено от прочей части стихового высказывания так, что хочется это интонационно-смысловое обособление подкрепить пунктуационным знаком: *Яростно волны зеленые роет – бык. Есть основания полагать, что в стихотворном синтаксисе рифмопозиция в отношении всего высказывания, ограниченного пределами стиха, выступает как некий аналог коммуникативной ремы. В таком случае чем в большей степени фонетические границы рифмы совпадают с границей лексического (фонетического?) слова, тем более ясно выражена реализуемая словом синтаксическая функция, синтаксическая роль в семантике высказывания, тем яснее чувствуется освобождение слова как части стиха от естественных, внесловых валентностей (ср.: «Семантические единицы связываются между собой не столько посредством естественного языкового, сколько собственно поэтического синтаксиса» [4, с. 330]. Тем более, когда речь идет о дольниках, логзадах и прочих «паузниках», где определяемая ритмическим сбоем пауза «выделяет» (Р. О. Якобсон) сегмент высказывания, вступая в конкуренцию не только с естественной сегментацией, но и с межстиховой. В «двойчатке» О. Э. Мандельштама мужская моносиллабическая клаузула ис-

пользована в трех видах ритмического построения стиха: а) вида «Набухает, звенит темь» (UU_UU__ – 7 раз); б) вида «И травы сухорукий звон (XU_UU_U_ – 7 раз); в) вида «Звезд в ковше медведицы семь» (_U_U_UU_ – 1 раз). В процессе текстологического анализа «двойчатки» И. М. Семенко и затем А. Г. Мец предложили реконструкцию, предполагающую первоначально единый текст, затем превращенный О. Э. Мандельштамом в «двойчатку» (см. подробнее [5, с. 233–234]). В такой версии практически половина строк стихотворения (15 из 32) завершается мужской моносиллабической рифмой, интонационно и синтаксически выделяющей последнее односложное слово: *Звезд в ковше медведицы – семь! Интонацией частного утверждения передается особый коммуникативный оттенок – именно X! (именно семь!). В чтении О. Э. Мандельштама интонация сохраняется и в следующих строках, где она едва оправдана, если пребывать в пространстве нормативной фонетики: «Набухает, звенит темь // И растет и звенит опять».

Ясно, что в наибольшей степени предложенную семантико-синтаксическую интерпретацию рифменного слова поддерживает ритмический рисунок вида (1): «Не по ней ли шуришит вор, (XU_UU_) // Комариный звенит князь? (UU_UU_)». Поскольку, скорее всего, О. Э. Мандельштам (как и большинство сверстников) использовал в качестве стиховедческой нотации стопную запись, то его нотация ритма строки могла бы выглядеть так: 2 стопы анапестических + мужская рифма, «нисходящий арсис хорей» [6, с. 96]. Еще раз заметим: сильный акцент на последнем моносиллабе неизбежен, он воспроизводит, таким образом, двухакцентную структуру русского высказывания с отчетливо выделенной ремой (и, следовательно, неизбежно выделенной первым иктом темой). Если исходить из предполагаемой коммуникативной модели, то рисунок вида (2): «Чтобы розовой крови связь, (XU_UU_U_)» – является в стопной интерпретации вариантом первого рисунка – 2 стопы анапестических + 1 ямбическая. Впрочем, возможно и иное прочтение: 1 стопа анапеста + 1 стопа пеоны 3 + мужская рифма, «нисходящий арсис хорей». Следующая гипотетическая стопная модель содержит вариант предыдущей в первом или втором прочтении (3): «Из горящих вырвусь рядов (XU_U_UU_) // И вернусь в родной звукоряд. (XU_U_UU_)» – 1 стопа анапестическая + 1 ямбическая + 1 анапестическая. Или же

иная стопная интерпретация: 1 стопа пeon 3 + 1 стопа хореймба. Для эффективности применения «стопной теории» чрезвычайно важны совпадения границы стопораздела и словораздела. У О. Э. Мандельштама граница пеонической стопы часто совпадает с границей фонетического слова (*сеновала; из горящих; а другая*); а хореймба реализован парой слов (*древний хаос; вырвусь рядов*). Возможно, для поэта именно фактом совпадения / несовпадения слово- и стопоразделов определялась метрическая интерпретация в рамках избранной модели. Появление четырехсложных стоп определяет следование двух-трехакцентной модели вида (4) «Я по лесенке приставной (XU_UUUU_)», чья наиболее вероятная стопная интерпретация выглядит так: 1 стопа пеона 3 + 1 стопа пеона 4, однако эта интерпретация лишь один раз оказывается подтвержденной совпадением стопо- и словоразделов («Защекочет, запорошит»), а этот стих в стихотворении – последняя реализация ритмической модели (4). К тому же это, очевидно, двухакцентный вариант, пребывающий в меньшинстве по отношению к числу трехакцентных и амбивалентных (2/3-ударных). В большинстве же случаев словораздел отделяет последнее трехсложие (анapest), но оставляет возможность для иной нотации предшествующего фрагмента строки: «Шанку воздуха, что томит; (_U_UUXU_)» – 1 стопа хорей + 1 стопа дактиля + 1 стопа анapestа). Таким образом, вариант (4) может рассматриваться и как производный от пеонического (3), и как результат преобразования схемы (2). Тем не менее, его интонационная характеристика подчинена той же коммуникативной модели – акцентная выделенность последнего (рематического) слова. Это подтверждается и авторским чтением О. Э. Мандельштама, читавшего «Я по лесенке приставной...» с ярко выраженной восходящей интонацией частного вопроса: *Я по лесенке (какой?) приставной? Причем восхождение интонации начиналось, как правило, с четвертого от конца стиха слога, то есть как бы подтверждало пеоническую интерпретацию.

Если согласиться с тем, что «двойчатка» и ее восстановленный А. Г. Мецом гипотетический исходный вариант представляют собой опыты в области конструирования именно логэдов, а не различных вариантов дольника, то тогда интересно обратить внимание на конечное и небольшое число использованных ритмических моделей. Их всего шесть, причем шестая может

быть без труда рассмотрена как правильный хорей, то есть соединена с маргиналиями – правильными размерами в контексте логэдов:

Группа 1

1. Этих сухоньких трав звон, _U_UU__
2. Через век, сеновал, сон. XU_UU__
3. Комариный звенит князь? UU_UU__
4. Не по ней ли шуршит вор, XU_UU__
5. Я не знаю, с каких пор XU_UU__
6. Добрых чувств на земле пять. _U_UU__
7. Набухает, звенит темь UU_UU__

Группа 2

1. Чтобы розовой крови связь _U_UU_U_
2. И травы сухорукий звон XU_UU_U_
3. Распростились; одна – скрепясь, UU_UU_U_
4. А другая – в заумный сон. XU_UU_U_
5. Не своей чешуей шуршим, XU_UU_U_
6. Распряженный огромный воз UU_UU_U_
7. И растет и звенит опять. XU_XU_U_
8. И подумал: зачем будить XU_UU_U_
9. Удлиненных звучаний рой, UU_UU_U_
10. Эолийский чудесный строй? UU_UU_U_
11. Раскидать бы за стогом стог, UU_UU_U_
- *Приподнять бы, как душный стог
12. Распороть, разорвать мешок, UU_UU_U_

Группа 3

1. Против шерсти мира поем. _U_U_UU_
2. Лиру строим, словно спешим _U_U_UU_
3. Обрасти косматым руном. UU_U_UU_
4. Из гнезда упавших щеглов XU_U_UU_
5. Косари приносят назад, – UU_U_UU_
6. Из горящих вырвусь рядов XU_U_UU_
7. И вернусь в родной звукоряд. XU_U_UU_
8. Поперек вселенной торчит. UU_U_UU_
9. Сеновала древний хаос UU_U_UU_
10. Звезд в ковше медведицы семь. _U_U_UU_
11. В этой вечной склоке ловить XU_U_UU_
12. Я дышал звезд млечных трухой, XU_X_UU_
- *Стрекозиных крылышек тьмой/ *овечьей трухой
13. Колтуном пространства дышал. UU_U_UU_

Группа 4

1. Защекочет, запорошит... UU_UUUU_
2. Я по лесенке приставной XU_UUUU_
- *И по лесенке приставной
3. Лез на включенный сеновал, – _U_UUUU_

4. Уворованная нашлась UU_UUUU_
5. Шапку воздуха, что томит; _U_UUXU_
6. Эта песенка началась, – _U_UUUU_

Группа 5

1. Прошуршать спичкой, плечом UU__UU_
- *Прошуршать, спичкой, ребром
2. Растолкать ночь, разбудить; UU__UU_
- *Щекотал звездной трухой

Группа 6

1. Я хотел бы ни о чем XU_UUU_
2. Еще раз поговорить, UX_UUU_

Маргиналии

1. Воздух, что шапкой томит, (2Дк)
2. Перетряхнуть мешок, (ЗЯ)
3. В котором тмин зашит. (ЗЯ)

Знаком (*) помечены стихи, являющиеся вариантами, согласно версии А. Г. Меца и канонической версии, и отличающиеся лексическим наполнением.

На примере рифмовки видно, как кажется, что избранная поэтом тактика в значительной степени строится на нарушении привычной внутристиховой рекуррентии, поэтому решающее значение приобретают те сигналы «прозаизации», которые рассматриваются как сигналы перехода в пространство тактового, акцентного счета, а именно: стык ударных иктов, безударный интервал между иктами три и более слога, альтернатива двусложного ритма (напр., хорейамб) вроде «*Косари приносят назад*» (UU_U_UU_). С этой точки зрения в каждой из групп образуется собственная позиция ритмического разрыва. Группа 1 – стык рифмы и предшествующего слова; группа 2 – центр симметрии стиха («*А другая – в заумный сон*»), группа 3 – рифмуемое слово («*Обрасти косматым руном*»), группа 4 – рифмуемое слово, группа 5 – граница между первым трехсложным и следующими словами. Естественно, позиция, связанная с рифмуемым словом, представляется более сильной, чем позиция по отношению к цезуре (группа 5 – самая малочисленная). Тем не менее, как кажется, эта все та же семантико-синтаксическая стратегия организации стиха. Вполне уместно вспомнить соображения В. П. Руднева: «...в логее количество ритмических типов слов резко ограничено, что создает эффект метрической семантизации – каждое слово, стремящееся занять определенное место в решетке логееда, стремится к тому, что-

бы быть близким этой позиции по смыслу, так как сама эта позиция уже семантизируется» [8].

Период с 1919-го по 1922 год для русской поэзии, особенно для ее московской составляющей, – время скандальных и сенсационных событий, начиная от всеми обсуждаемой и осуждаемой (особенно членами МЛК) книги В. Брюсова о стиховедении и заканчивая атаками имажинистов и экспрессионистов на поэтический олимп. Именно в этот период (1920–1923 гг.) продумывается и оформляется несколько концептуальных статей О. Э. Мандельштама, в том числе «Армия поэтов», где название одного из московских поэтических ристалищ «Стойла Пегаса» употреблено уничижительно во множественном числе («*Домино, Кофейни Поэтов и разных Стойл*»). Тем самым О. Э. Мандельштам подчеркнул, что поэтические бойцы, как и места их сражений, представляются ему чем-то обобщенным и усредненным (стогообразным?). И имажинисты, и экспрессионисты претендовали на революцию в стихе. Если о семантической ограниченности имажинизма О. Э. Мандельштам высказался ясно и подробно, то претензии на изобретение «паузника» имажинистами, и особенно экспрессионистами (И. Соколов), не были им прокомментированы. Возможно, «Сеновал» оказался, в частности, таким своеобразным комментарием. Упорядочив дольники и тактовики в пределах стихотворения, О. Э. Мандельштам обратил их «млечную труху» в новый ритмический порядок, логеедизировав, сообщив схемам регулярность, соблюдая при этом те законы разрушения регулярного стиха, которые он уловил в поэзии С. Есенина, В. Шершеневича, И. Соколова и его соратников. Аргументов в пользу предположения о том, что «Сеновал» – ответная поэтическая реплика, довольно много. Во-первых, следует заметить, что обсуждавшаяся выше рифма с поставленным встык моносиллабом применялась, например, В. Шершеневичем в ранних стихах (причем в программных, цитируемых строках): «*А я люблю только связь диссонансов, // Связь на вечер, на одну ночь...*» (1913 г.), С. Спасским («*Когда идут умирать сквозь толпу дни...*», 1917 г.), И. Оксеновым в гетероморфном стихотворении («*...и острый блеск глаз...*», 1915 г.) и т. д. Во-вторых, очевидно совпадение ритмического рисунка вычлененного выше «логееда № 2» с начальными строками стихотворения С. Есенина 1919 г.: «*Я покинул родимый дом, // Золотую оставил Русь...*», а также с отдельными стихами знаменитого «Пантократора» («*Непо-*

корный, разбойный сын...»), в котором имеются многочисленные мотивные переключки с «Сеновалом» (*звезды; за млечными холмами серебряструйный Водолей; Медведица, как черпак; овсяная воля, горькое молоко над ветхой кровлей, красный конь, впрягающийся в оглобли земли; медом струящаяся плоть* и проч.) и который в 1920 г. подавался А. Мариенгофом как образец «удовлетворяющий колоссальным требованиям современного искусства» [6; 36] (причем цитировались как раз те три строфы, где сконцентрированы совпадающие с «двойчаткой» О. Э. Мандельштама мотивные лексемы). В той же статье А. Мариенгоф писал об имажинистских текстах: «...художественное целое представляет собой блестящую, великолепную, но все же хаотическую кучу» [6; 36],

Вообще, статьи о поэзии, написанные О. Э. Мандельштамом в период с 1921-го по 1923 год, временами, как кажется, демонстрируют достаточно явное знакомство с манифестами имажинистов и экспрессионистов. Если разоблачению некоторых имажинистских тезисов (о самоценности образа, о вещности, об эволюции искусства как «дальнейшего восхождения по ступеням формы» (В. Шершеневич)) О. Э. Мандельштам посвятил специальные фрагменты (напр., в статьях «Слово и культура», «О природе слова»), то полемика с манифестами экспрессионистов не столь эксплицитна. Однако обращает на себя внимание, что в «Бедекере по экспрессионизму» И. Соколов пишет о А. Бергсоне, что его «гносеология есть теория знания, а не теория познания», что он «разделил время и пространство» – «время не протяженность, а чистая длительность» [9; 63], на что О. Э. Мандельштам практически дает ответную реплику: «Бергсон рассматривал явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их *пространственной протяженности*» [6; 172]. Еще одна деталь в пользу факта знакомства О. Э. Мандельштама именно с этим манифестом экспрессионистов: И. Соколов в этом тексте цитирует стихотворение О. Э. Мандельштама «Мы хотим познать нумен (да, Когда бы не Елена, что Троя нам одна» [6, с. 172], а последний к таким фактам был неравнодушен.

Итак, есть версия, что «Сеновал», многократно интерпретированный как текст о трагической невозможности упорядочить хаотическое мироздание средствами поэзии (М. Л. Гаспаров, К. Ф. Тарановский, Е. Фарыно и др.), обретает

еще одну смысловую составляющую – сугубо внутрипоэтическую, цеховую. В трактовке Л. Видгофа, обратившего внимание на тематическую близость «Сеновала» и очерка «Сухаревка», тематическая группа прилагательного «*косматый*» и семантически сближаемого с ним «*сена*» имеет явную московскую локализацию: «...и в «Сухаревке» одичание также проявляется, как выше было показано, в существенных чертах «сухости» и «косматости» (сказанное не означает, естественно, что не имеется никаких других признаков этого угрожающего хаоса)» [2]. Но и «Стоило Пегаса» соединяет Москву и сено, как и шуршащая фамилия В. Шершеневича и многочисленные «сенные» параллели: Н. Асеев, С. Есенин, И. Оксенов и др. В этом свете, возможно, интерпретаторам следует быть осторожнее со словом «заумный» и не приписывать ему свойства исключительно эстетической самохарактеристики О. Э. Мандельштама (см. напр. [11; 262], отказывая «заумному» в сеновальной амбивалентности. Похоже, бесспорно апроприирован поэтом был только «эолийский строй».

Библиографический список

1. Брюсов, В. Я. Основы стиховедения. Общее введение. Метрика и ритмика [Текст] / В. Я. Брюсов. – М. : КРАСАНД, 2012. – 138 с.
2. Видгоф, Л. «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город [Текст] / Л. Видгоф. – М. : Астрель, 2013. – 704 с.
3. Гаспаров, М. Л. «Сеновал» О. Мандельштама: история текста и история смысла [Текст] / М. Л. Гаспаров // Тыняновский сборник: 9-е Тыняновские чтения. – М., 2002. – С. 376–390.
4. Золян, С., Лотман, М. Исследования в области семантической поэтики акмеизма [Текст] / С. Золян, М. Лотман. – Таллин : Изд-во Таллинского ун-та, 2012. – 353 с.
5. Иванов, Вяч. Вс. Параллели к «Сеновалу» Мандельштама [Текст] / Вяч. Вс. Иванов // Стих язык, поэзия. Памяти М. Л. Гаспарова. – М. : Изд-во РГГУ, 2006. – С. 233–243.
6. Мариенгоф, А. Буян-остров. Имажинизм [Текст] / А. Мариенгоф // Поэты-имажинисты. – СПб. : Пб. Писатель, М. : Аграф, 1997. – С. 32–42.
7. Мандельштам, О. Э. О природе слова [Текст] // О. Э. Мандельштам. Сочинения в 2-х т.: Т.2. Проза. – М. : Худож. лит. 1990. – С. 172–187.

8. Руднев, В. П. Логаэдизация [Электронный ресурс] // В. П. Руднев // Режим доступа: <http://refoteka.ru/r-72933.html>

9. Соколов, И. Бедкер по экспрессионизму [Текст] // И. Соколов // Русский экспрессионизм. Теория. Практика. Критика. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 61–64.

10. Тарановский, К. Ф. «Сеновал». О замкнутой и открытой интерпретации поэтического текста [Текст] // К. Ф. Тарановский // О поэзии и поэтике. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 39–77.

11. Ronen, O. Two acmeist images of unintelligible poetry [Text] // O. Ronen // Philologica. – N 8 (2003/2005). – С. 259–267.

Bibliograficheskiy spisok

1. Brjusov, V. Ja. Osnovy stihovedenija. Obshhee vvedenie. Metrika i ritmika [Tekst] / V. Ja. Brjusov. – М.: KRASAND, 2012. – 138 s.

2. Vidgof, L. «No ljublju moju kurvu-Moskvu». Osip Mandel'shtam: pojet i gorod [Tekst] / L. Vidgof. – М.: Astrel', 2013. – 704 s.

3. Gasparov, M. L. «Senoval» O. Mandel'shtama: istorija teksta i istorija smysla [Tekst] / M. L. Gasparov // Tynjanovskij sbornik: 9-e Tynjanovskie chtenija. – М.: 2002. – С. 376–390.

4. Zoljan, S., Lotman, M. Issledovanija v oblasti semanticheskoi pojetiki akmeizma [Tekst] / S.

Zoljan, M. Lotman. – Tallin : Izd-vo Tallinskogo unta, 2012. – 353 s.

5. Ivanov, Vjach. Vs. Paralleli k «Senovalu» Mandel'shtama [Tekst] / Vjach. Vs. Ivanov // Stih jazyk, poezija. Pamjati M. L. Gasparova. – М.: Izd-vo RGGU, 2006. – С. 233–243.

6. Mariengof, A. Bujan-ostrov. Imazhinizm [Tekst] / A. Mariengof // Pojety-imazhinisty. – SPb.: Pb. Pisatel', М.: Agraf, 1997. – С. 32–42.

7. Mandel'shtam, O. Je. O prirode slova [Tekst] // O. Mandel'shtam. Sochinenija v 2-h t.: T. 2. Proza. – М.: Hudozh. lit. 1990. – С. 172–187.

8. Rudnev, V. P. Logajedizacija [Elektronnyj resurs] // V. P. Rudnev // Rezhim dostupa: <http://refoteka.ru/r-72933.html>

9. Sokolov, I. Bedker po jekspressionizmu [Tekst] // I. Sokolov // Russkij jekspressionizm. Teorija. Praktika. Kritika. – М.: IMLI RAN, 2005. – С. 61–64.

10. Taranovskij, K. F. «Senoval». O zamknu-toj i otkrytoj interpretacii pojeticheskogo teksta [Tekst] // K. F. Taranovskij // O poezii i pojetike. – М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2000. – С. 39–77.

11. Ronen, O. Two acmeist images of unintelligible poetry [Text] // O. Ronen // Philologica. – N 8 (2003/2005). – С. 259–267.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.05.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

М. Н. Кулаковский

Одоративная лексика в лирике В. В. Набокова

В статье рассматриваются особенности использования одоративной лексики в лирике В. Набокова. В работе представлена тематическая классификация художественных образов данного автора, связанных с обонятельными характеристиками, определяются наиболее характерные функции данной группы лексики и ее связь с различными информативными уровнями художественного текста. Описано взаимодействие одоративных характеристик с вкусовыми, зрительными, осязательными и звуковыми. Определяются основные структурные модели трансформации данных характеристик при создании целостного художественного образа. Описывается роль данной группы лексики при взаимодействии различных пространственно-временных планов текста. Отмечается существенное расширение круга объектов, приобретающих обонятельные характеристики.

Ключевые слова: одоративная лексика, лексика чувственного восприятия мира, номинация запаха, художественный текст, пространственно-временной план текста, художественная деталь, метафорический образ, интертекст.

M. N. Kulakovsky

Odour lexis in V. V. Nabokov's lyrics

The article considers the use of odour lexis in V. Nabokov's poems. There is a thematic classification of the writer's artistic images referring to olfactory characteristics in the article. The author defines the most typical functions of this lexical group and its connection with different informative levels of literary text. Relations between odour characteristics with taste, eyesight, touch and sound ones are defined and the role of this lexical group in the interaction of different space-time text plans is described. The author notes considerable extension of the range of objects acquiring olfactory characteristics.

Key words: odour lexis, lexis of sensory perception of the world, naming odour, literary text, space-time text plan, artistic detail, metaphorical image, intertext.

В тексте лирического произведения важную роль играет лексика чувственного восприятия мира. При создании художественного образа значимым оказывается воздействие на различные органы чувств, в том числе и на обоняние.

Лексика, передающая запахи, обычно незначительно представлена в художественном тексте. Именно поэтому появление лексем данного семантического поля становится особенно заметным. Использование одоративной лексики позволяет актуализировать различные грани художественной детали, соединить традиционный зрительный или слуховой план восприятия с передачей обонятельных характеристик.

Внимание к деталям – одна из характерных особенностей стиля В. В. Набокова. При этом детали, связанные с обонянием, достаточно часто подчеркивают взаимодействие различных пространственно-временных планов текста. Важную роль подобных деталей подмечает и сам В. В. Набоков в одном из своих произведений: «...как известно, память воскрешает все, кроме запахов,

и зато ничто так полно не воскрешает прошлого, как запах, когда-то связанный с ним» [1].

В лирике В. В. Набокова наиболее последовательно представлены запахи растений, что в целом достаточно традиционно для художественного текста: «Я всем вам говорю, о странники! – нежданный / глубокий благовест прольется над туманной / землей, и, полный птиц, волнистый встанет лес, / **черемухой пахнет** из влажного оврага, / и ветру веинему неведомый бродяга / ответит радостно «воистину воскрес» [2].

Обычно автор актуализирует силу и приятный характер подобного запаха: «*Меня приветствуя, лохматый черный пес / визжит, и прыгает, и хлопает ушами... / Вперед! Широкий парк душистыми листьями / шумит пленительно*» [2].

Подобная обонятельная характеристика может являться значимой деталью при формировании многоаспектного метафорического образа: «*Разбились облака. Алмазы дождевые, / сверкая, капают то тише, то быстрее / с благоухаю-*

щих, взволнованных ветвей. / Так Богу на ладонь дни катятся людские» [2].

Передача запаха традиционно связана с взаимодействием с вкусовыми характеристиками. Так, острота и аромат запаха обычно передаются с помощью лексемы «пряный» (и ее производных): «*И лоснится, и пахнет пряно / стволов березовых кора, / и вся в подснежниках поляна, / и роща солнечно-пестра»* [2].

Сладость запаха, актуализированная лексемой «медовой», может быть ассоциативно связана с приятным, «сладостным» характером воспоминаний лирического героя: «*Не знаю, нежные, но из чуждой страны / гляжу я в глубину тоскующего сада; / я помню вечера в начале листопада, / и дуб мой на лугу, и запах медовой ...»* [2].

Гораздо реже представлены неприятные вкусовые характеристики запаха: «*Поведаем ли, кто в обитель ночи синей / приходит зажигать лампы без числа, / чтоб теплилась любовь, чтоб жизнь была светла? / Воскликнем ли: «Пора, вот сумрак, о Тарквиний!»? / Сберем ли жемчуга, где океан глубок? / Пойдем ли коз пасти, где горько пахнет дрок?»* [2].

В некоторых случаях может наблюдаться взаимодействие обонятельной характеристики с осязательной: «*По занавескам свет, как призрак, проходил. / Внимая трепету и тренью / смолкающих колес, я раму опустил: / пахнуло сыростью, сиренью»* [2].

При этом обонятельная характеристика может быть связана с конкретным зрительным образом, а осязательная – с планом воспоминаний лирического героя: «*И с неба липою пахнуло / из первой ямки голубой, / и влажно в памяти скользнуло, / как мы бежали раз с тобой»* [2]. Кроме того, в данном отрывке следует отметить и своеобразное пространственное смещение запаха, подчеркивающее причину его распространения («*И с неба липою пахнуло...*»).

Важную роль при формировании обонятельного образа играют глаголы, подчеркивающие особенности распространения запаха: «*Идет навстречу оборванец: / под мышкой клетка, в клетке чиж; / повеет Вербой... Влажный глянец / на листьях липовых дрожит»* [2].

Следует отметить, что запах метафорически может соотноситься с предметом или явлением, опосредованно связанным с конкретным растением. Например, пахнуть может тень кустарника: «*А сам я (о, как сладко-совершенно / мне это чудилось!) – я сам стою / на деревенском кладбище, где дышит / так пряно тень черемухи*

склоненной, / где меж могил алеет земляника, / где сыплются ольховые сережки / на старые, горбатые кресты...» [2].

В других случаях запах растений может ассимилироваться со зрительно-временным образом: «*Сторожевые кипарисы / благоуханной веют мглой, / и озарен Ай-Петри лысый / магометанскою луной»* [2].

В тексте произведения может актуализироваться и непосредственное воздействие запаха на лирического героя: «*В полях блуждаем с Виолетой: / под черной тучей глубину / закат, бывало, раздумянит, – / и так в Россию вдруг потянет, / обдаст всю душу тошный жар, – / особенно, когда комар / над ухом пропоет, в безмолвный / вечерний час, – и ноет грудь / от запаха черемух. Полно, / я возвращусь когда-нибудь»* [2].

В некоторых случаях наблюдается смешение различных запахов: «*Как пахнет липой и сиренью, / как золотеет серп луны! / Неторопливо, тень за тенью, / подходят сумерки весны»* [2]. Необычность подобного взаимодействия запахов может подчеркиваться автором с помощью оценочной характеристики: «*По потолку гудит досада / двух запутавшихся имелей, / и веет свежестью из сада, / из глубины густых аллей, / неизъяснимой веет смесью / еловой, липовой, грибной»* [2].

Запах травы также представлен в лирике В. В. Набокова: «*И пахло травой. И стоял я без мысли. / Когда же смолк туманный гуд, / заметил, что смерклося, что звезды нависли, / что слезы по лицу текут»* [2]. При этом используемые автором прилагательные обычно характеризуют подобный запах как приятный: «*Я бежал за тобою сквозь дымку закатную, / но догнать я скоро не мог... / Ты вздыхала, раздвинув траву ароматную: / “Потеряла я башмачок!”»* [2].

Лексема «душистый» характеризует не только приятный характер запаха, но и его силу: «*На заре, в тени росистой, / о грядущем сны мои, / о цветах – в траве душистой / по краям путей любви»* [2]. А с помощью традиционной метафоры может подчеркиваться активный характер распространения запаха: «*Я помню влажный лес, волшебные дороги, / узорные лучи на дышащей траве... / Как были хороши весенние тревоги! / Как мчались облака по вольной синеве!»* [2].

Запахи цветов, активно используемые многими поэтами, в лирике В. В. Набокова встречаются крайне редко. При этом точное название цветка может быть даже не обозначено: «*Повторяй мне, душа, / что сегодня весна, / что земля хо-*

роша, / что и смерть не страшна; / что над первой травой / **дышит горный цветок**, / наряженный в живой / мягко-белый пушок» [2]. Запах цветка поэт метафорически связывает с его душой, а распространение аромата – с дыханием как проявлением жизни: «Шептала, запрокинув лик, / ты о разлуке предстоящей, / а я глядел, как бился блик / на дне шушукующей чаши, / как – в дымке – **ландыша душа / дышала**, и как с тонкой ношей / полз муравей, домой спеша, / такой решительный, хороший...» [2]. Вкусовая же характеристика при этом появляется только у запаха увядших цветов: «Откуда?.. Уходи... Не надо... / Как были хороши... Мне лепестков не шить, / а **тлен цветочный сладок, сладок...**» [2].

Прилагательное, характеризующее запах грибов, является промежуточным звеном при переходе от общей оценки образа к его зрительному восприятию: «И бурых **подберезовиков ряд**, / таких родных, **пахучих**, мишистых, / и слезы леса летнего горят / на корешочках их пятнистых» [2].

Представлены в стихотворениях В. В. Набокова и запахи плодов: «Перистым вылился узором, / лучистой выгнулся дугой, / и **мандаринами и бором** / в гостинной **пахнет голубой**» [2]. Подобные запахи часто оказываются связанными с образами, мотивированными временем созревания плодов: «И, сонный, сладостный, в аллеях лепет слышен: / то словно каплет на песок / тяжелых **груш**, пурпурных поздних **вишен / пахучий сок**» [2].

Последовательно представлены в лирике В. В. Набокова и запахи, связанные с природными явлениями. Запах снега обычно ассоциируется со временем его таяния: «Где был сугроб, теперь дырявый / продолговатый островок / вдоль зеленеющей канавы: / покрылся копотью, размок / **весною пахнувший снежок**» [2].

Запах росы оказывается связанным с конкретным топонимом, а ассоциативно – с более широким интертекстом (в саду Гефсимании Иуда, согласно Новому Завету, предал Иисуса Христа): «Апостол, – скажу я, – пропусти мя!..» / Перед ним развяжу я узел свой: / два-три заката, женское имя / и темная горсточка земли родной... / Он поводит строго бровью седую, / но на ладони каждый изгиб / **пахнет еще гефсиманской росой** / и чешуей иорданских рыб» [2].

Одоративным прилагательным завершается цепочка лексем, характеризующих воздух: «**Воздух** живителен, влажен, **душист**. / Как жимолость благоухает! / Кончиком вниз наклоняется лист / и с кончика жемчуг роняет» [2].

Многообразие запахов ветра актуализируется у В. В. Набокова с помощью метафорического образа «азбуки»: «И ты войдешь тропинкою пятнистой / туда, в мой лес, и нежный и тенистый, / где сердце есть у каждого листка, / туда, где нет ни жалоб, ни желаний, / где **азбуке душистой ветерка** / учился я у ландыша и лани» [2].

Совершенно другой запах связан с образом ветра оставленной автором Родины: «Напрасно ткнут они, напрасно жнут и веют, / развозят по Руси и сукна, и зерно: / она давно мертва, и **тленом ветры веют**, / и все, что цело, сожжено» [2].

Контраст образов может актуализироваться и при передаче чередования запахов: «Люблю целовать их янтарные раны, / люблю их стыдливые гладить листки... / То **медом повеет** с соседней поляны, / то **тиной потянет** с недалекой реки» [2].

Запахи неба обычно мотивируются традиционной метафорой: «Катится небо, дыша и блистая... / Вот он – дар Божий, бери не бери! / Вот она – воля, босая, простая, / холод и золото звонкой зари!» [2].

Запах земли оказывается ассоциативно связанным с образом женщины-матери: «Ах, припади к **земле** дрожащей, / губами крепко припади, / к ее взволнованно звенящей, / **благоухающей груди!**» [2]. При этом развертывание образа связано с переходом от его звукового восприятия к обонятельному.

Появление запаха моря актуализирует определенную деталь, мотивированную событийным планом текста: «Откуда прилетел? Каким ты дышишь горем? / Скажи мне, отчего твои уста, летун, / как мертвые, бледны, а **крылья пахнут морем?** / И демон мне в ответ: “Ты голоден и юн, / но не насытишься ты звуками. Не трогай / натянутых тобой нестройных этих струн” ...» [2].

Образ окружающего мира в целом также характеризуется положительной коннотацией: «Намызу, милые! Ямщик / возжжюю овода прогонит, / и – с Богом! Жаворонок тонет / в звенящем небе, и велик, / и свеж, и светел **мир**, омытый / недавним ливнем: благодать, / **благоуханье**. Что гадать?» [2].

При этом обычно подобные положительные ассоциации связаны с временным планом прошлого: «Игру нам виденья внушали / из нестрых, воинственных книг, / и сказочно сосны шуришали, / и **мир** был **душист** и велик» [2].

Аналогичное обонятельное восприятие сопровождает и возникающий в лирике В. В. Набокова образ рая: «Все они, уплывшие от нас / в **рай**, **благоухающий широко**, / собрались, чтоб

встретить в должный час / душу Александра Блока» [2]. Обратим внимание и на возникающее в текстах пространственное расширение образа («мир был душист и велик – рай, благоухающий широко»).

Проявление запаха может быть ассоциативно связано с конкретным топонимом: «Назло неистовым тревогам, / ты, дикий и душистый край, / как роза, данная мне Богом, / во храме памяти сверкай!». [2].

При этом, как уже было подмечено, образ России оказывается связанным с многообразием запахов: «И вот они живут; все в них живет – / привычки, поговорки и повадка; / их родина – такая вот Россия, / какую носим мы в той глубине, / где смутный сон примет невыразимых, – / Россия запахов, оттенков, звуков, / огромных облаков над сенокосом, / Россия обольстительных болот, / богатых дичью... Это все мы любим» [2].

А вот проникающий в Россию запах Европы сопровождается отрицательной коннотацией: «Рабу стыдливую, поющую про зори / свои дрожавшие, увел он в темноту / и в ужасе ее, терзанных и позоре / познал восторга полноту. / Он груди вырвал ей, глаза святые выжег, / и что ей пользы в том, что в тишь ее равнин / польется ныне смрад от угольных изрыжек / Европой пущенных машин?» [2].

Запахи могут быть ассоциативно связаны и с временными характеристиками. Так, может актуализироваться определенное время суток: «Темнело. Тающие свечи / на круглом низеньком столе, / покрытом пестрой скатереткой, / мерцали ласково и кротко / в пахучей, теплой полумгле» [2]. Типичная ассоциативная связь может возникать и при характеристике определенного времени года или конкретного месяца: «Подойдут с приветствием к нему, / возликуют, брата принимая / в мягкую цветную полутьму / вечно дышащего мая» [2].

Ододоративная характеристика может появляться и при актуализации определенного исторического периода или одного из этапов жизни автора (лирического героя): «Что ж! В годы грохота и смрада, / еще иссякнуть не успев, / журчит, о бледная отрада, / наш замирающий напев...» (Поэты) [2].

Запахи животных представлены незначительно: «И в липком сумраке зеленом / пожаром гибким и слепым / кружусь я, опьяненный звоном, / полетом, запахом твоим...» [2]. Как и в случае с растениями, подобные запахи могут быть метафорически связаны с образом души, а их рас-

пространение – с динамикой движения животного: «Пожаром яростного крапа / маячу в травяной глуши, / где дышит след и росный запах / твоей промчавшейся души» [2]. Традиционно как неприятный характеризуется запах пойманной рыбы: «Там мяса розовые глыбы; / сырая вонь блестящей рыбы; / ножи; кастрюли; пиджаки / из гардеробов безмянных; / отдельно, в положениях странных / кривые книжные лотки» [2].

Значимую роль в лирике В. В. Набокова играют запахи различных веществ: «Бессмертен мир картины этой, / и сладкий дух таится в нем: / так пахнет желтый воск, согретый / живым дыханьем и огнем» [2].

Последовательно представлены запахи, связанные с миром детства: «Я разноцветные любил карандаши, / пахучих сургучей густые капли, краски, / бразильских бабочек и английские сказки. / Я чутко им внимал. Я был героем их...» [2].

Но особенно значимы для Набокова запахи, связанные с так любимыми им бабочками: «И в сад я выхожу к туманам, чудесам, / и липким золотом я мажу по сырому / дубовому стволу, и с кисти каплет сок, / по трещинам ползет, блестящий и пахучий...» [2]. Чаще всего это запахи веществ, используемых при их ловле: «И возвращаюсь я с добычей воздушной: / еще стучится жизнь о стенки коробка, / на вату лью эфир, холодный, сладко-душистый, / под грудку я беру малютку мотылька» [2].

При этом актуализироваться могут и особенности воздействия данного вещества на насекомое: «На ствол я навожу круг лампочки карманной / и вижу: пять ночниц вбирают сок дурманный, / блаженно выпустив витые хоботки / и крылья серые на розовой подкладке / подняв, оцепенев, – и вдруг, взмахнув крылом, / скрываются во мрак – и вновь на запах сладкий / летаются легко» [2].

И даже запах истлевших насекомых кажется автору приятным: «Не знаю, мотыльки, быть может, вы погибли; / проникла плесень, моль, подъели червячки, / сломались крылышки, и лапки, и сяжки, – / иль руки грубые заветный шквал открыли / и хрустнуло стекло, – и вы превращены / в цветную горсточку благоуханной пыли...» [2].

Запахи, связанные с человеком, представлены незначительно. Традиционно присутствуют запахи духов: «Но завтра... Сердца стебелек / я обнажу, из нежной раны / в воде надушенной дымок / возникнет матово-румяный...» [2]. Обычно подобный запах связан с предметом, ко-

торым пользуется человек. При этом возникающий метафорический образ (например, «душистая дуга веера») может актуализировать особенности распространения запаха: «А все предчувствие живее; / рыданий души горький зной, / и укорачивает веер / полупрозрачный, вырезной, / то смутно-розовый, то сизый, / свою душистую дугу, / а рот у маленькой маркизы – / что капля крови на снегу...» [2].

Положительная коннотация данных образов часто оказывается связанной с временным планом прошлого: «И улыбка твоя мне давно знакома / и знаком изгиб этих тонких бровей, / и с тобою пришло из родного дома / много милых, душистых теней» [2].

Запахи могут быть связаны и с одеждой человека: «Твоих одежд воздушных я коснулся, / и мелкие посыпались цветы / из облака благоуханной ткани. / Стояли мы на белых ступенях, / в полдневный час, у моря, и на юге, / сверкая, колебались корабли» [2]. При этом наблюдается переход от тактильного восприятия образа («Твоих одежд воздушных я коснулся») к одоративной характеристике.

Последовательно представлены и запахи дома: «Сверкают стекла, невнятно / пахнет эфиром и прелью в комнате длинной и светлой. / Радостен тонкий труд, и радостно думать, что дома / ждет меня томик стихов и музой набитая трубка» [2].

Рисуемый автором зрительный образ может выступать в качестве причины усиления запаха: «В камине ласковый, ручной, / огонь стоит на задних лапах, / и от тепла шершавый запах / увядшей мебели слышней / в старинной комнате моей» [2]. Следовательно, создание художественного образа связано со следующей трансформацией: зрительное восприятие (огонь в камине) – тактильное ощущение (тепло) – одоративное восприятие (запах мебели).

Передача запахов дома может строиться на сравнении: «А в доме спят, – / в большом, совсем обыкновенном доме, / где Бог живет, где солнечная лень / лежит на всем; и пахнет в этом доме, / как, знаешь ли, на даче, – в первый день...» [2].

Подобная образная трансформация может строиться и на сопоставлении разноплановых понятий. При этом основу для сравнительного оборота может формировать традиционный одоративный образ: «Сегодня, в темноте, под липами, укромней, / зари прощальный луч нежнее там за тих. / Сегодня все цветет: вся ширь природы Бо-

ждей / любовью полнится и шепотом, как ложе / благоуханное супругов молодых» [2].

Заполняют пространство дома и запахи предметов: «Вот письма, все – твои (уже на гнибах тают / следы карандаша порывистого). Днем, / сложившись, спят они, в сухих цветах, в моем / душистом ящичке, а ночью – вылетают» [2]. Чаще это запахи засохших цветов и любимых бабочек: «Как перед тем, чтоб на зиму уехать, / в гербарий, на шершавую страницу / кладешь очаровательно-увядший / кленовый лист, полоскою бумаги / приклеиваешь стебель, пишешь дату, / чтоб вновь раскрыть альбом благоуханный / да вспомнить деревенский сад, найдя / багряный лист, оранжевый по краю, – / так, некогда, осенний ясный день / я сохранил и ныне им люблюсь» [2].

В лирике В. В. Набокова представлены и запахи, связанные с богослужением: «И резцы белели из-под черной / складки, и зловонным торжеством / смерти заглушен был ладан сладкий / теплых миртов, млеющих кругом» [2]. Чаще всего подобные детали формируют общую атмосферу повествования, актуализируют передаваемые чувства: «...а ныне пыльная печаль / стоит во мгле бледно-лиловой; / вдовец завесил зеркала, / чуть пахнет ладаном в столовой, / и, тихо плача, жизнь ушла» [2].

Подобная актуализация может строиться на противопоставлении: «Заливаются птицы на клиросе, / плещут воды живые под сводами, / вдаль по ризам колеблются радуги, / и не свечи мы держим, а ландыши, / влажной зеленью вет – не ладаном» [2].

Одоративная характеристика может являться составной частью создаваемого автором эпитета (соединяясь, например, со зрительным образом): «И он своим святым простит, / что золотые моли гибли / в лампадах и меж слитых плит / благоуханно-блеклых библий» [2].

Запахом может наделяться и абстрактное понятие: «Я ведаю, что истинная вера / душистей роз и сумерек моих» [2].

Появление запаха у определенного чувства традиционно мотивируется ситуативным сопоставлением, сопряжением пространственно-временных планов: «Как теперь далеко это счастье душистое! / Одинокий, в чуждой стране, / вспоминаю я часто минувшее чистое, / а недавно приснилось мне, / что, бродя по лугам несравненного севера, / баимачок отыскал я твой – / свежей ночью, в траве, среди туманного клевера, / и в нем плакал эльф голубой...» [2].

Звуки у В. В. Набокова также могут быть ассоциативно связаны с определенными запахами: «Клубились бронзовые волны, / и каждый звук, как будто полный / густого меда, оставял / в лазури звездной **след пахучий**, / и Дух стоокий, Дух могучий / восторг земли благословлял» [1]. При этом следует отметить, что звуковой образ трансформируется в обонятельный через промежуточное звено – образ зрительно-тактильный (*след*).

Творчество также может наделяться одоративными характеристиками: «И в час сладчайший, час напрасный, / коснувшись бледных тайн твоих, / в долине лилий сладострастной / он лишь сорвал **душистый стих!**» [2]. С помощью подобного переноса актуализируется воздействие художественного слова на различные органы чувств: «А я молюсь о нашем дивьем диве, / о **русской речи**, плавной, как по ниве / движенье ветра... Воскреси! / О, воскреси **душистую**, родную, / косноязычный сон ее гнетет. / Искажена, искромсана, но чую / ее невидимый полет» [2].

При этом положительная коннотация возникает не только по отношению к результату творчества, но и к самому творческому процессу: «Так это ты, твое дыханье? / Бедняжка муза, это ты? / Бессмертие, **благоуханье**, / одно мне верное создание / среди враждебной темноты!» [2].

Таким образом, проведенный анализ показал, что одоративная лексика играет достаточно важную роль в лирике В. В. Набокова, при этом наблюдается существенное расширение круга

объектов, приобретающих обонятельные характеристики.

Библиографический список

1. Набоков, В. В. Машенька [Текст] / В. В. Набоков. – М., 2009. – 192 с.
2. Набоков, В. В. Стихотворения и поэмы [Текст] / В. В. Набоков. – М.: Современник, 1991. – 574 с.
3. Николина, Н. А. Одоративная лексика и система обозначения запахов в современном русском языке [Текст] / Н. А. Николина // Актуальные вопросы лексикологии (русский язык). – М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. – С. 4–18.

Bibliograficheskiy spisok

1. Nabokov, V. V. Mashen'ka [Tekst] / V. V. Nabokov. – M., 2009. – 192 s.
2. Nabokov, V. V. Stihotvorenija i pojemy [Tekst] / V. V. Nabokov. – M.: Sovremennik, 1991. – 574 s.
3. Nikolina, N. A. Odorativnaja leksika i sistema oboznachenija zapahov v sovremennom rusском jazyke [Tekst] / N. A. Nikolina // Aktual'nye voprosy leksikologii (russkij jazyk). – M.: Izd-vo MGPI im. V. I. Lenina, 1989. – S. 4–18.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.05.2016
Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

И. А. Суханова

Поэты Серебряного века и Фра Анджелико: лингвоинтермедиаальный аспект

В статье анализируются с точки зрения интермедиаальных связей стихотворения четырех поэтов Серебряного века – А. Блока, К. Бальмонта, Н. Гумилева и С. Городецкого, посвященные творчеству итальянского художника Раннего Возрождения Фра Анджелико. Согласно типологии интермедиаальных связей, предлагаемой автором статьи, в стихотворениях присутствуют как интермедиаальные отсылки, так и собственно интермедиаальные связи парциального и миметического типа. Минимум связей оказывается в стихотворении Блока; Бальмонт и Гумилев склонны к моделированию «мира по Фра Анджелико»; обращение же к конкретному элементу конкретной картины встречается только в стихотворении Городецкого. Содержащиеся в текстах стихотворений (кроме стихотворения Блока) оценки творчества художника различаются до прямой противоположности, а следовательно, не вытекают из изображения и потому не могут рассматриваться как интермедиаальные связи.

Ключевые слова: интермедиаальные связи поэтического текста с произведениями изобразительного искусства, типы интермедиаальных связей, поэзия Серебряного века, А. Блок, К. Бальмонт, Н. Гумилев, С. Городецкий.

I. A. Sukhanova

Silver Age Poets and Fra Angelico: linguistic intermediate aspect

The article presents the analysis of poems by four Silver Age poets – A. Blok, K. Balmont, N. Gumilev and S. Gorodetsky – which are devoted to the creative work of Fra Angelico, an Italian Renaissance painter. According to typology of intermedial relations offered by the author of the article, the poems have both intermedial references and intermedial relations of partial and mimetic types. Blok's poem appears to contain minimal relations; Balmont and Gumilev tend to model "the world according to Fra Angelico", whereas a reference to a particular element of a particular picture can only be found in Gorodetsky's poem. All the poems (except for Blok's poem) contain evaluation of the painter's work but differ radically and, consequently, do not result from the picture, thus cannot be considered as intermedial relations.

Key words: intermedial relations of poetic text with paintings, types of intermedial relations, Silver Age poetry, A. Blok, K. Balmont, N. Gumilev, S. Gorodetsky.

В ряде работ ([12; 13; 14]) нами была предложена примерная типология интермедиаальных связей художественного текста с произведениями изобразительного искусства. Мы предлагаем различать в первую очередь интермедиаальную отсылку и собственно интермедиаальную связь. Отсылка представляет собой упоминание в словесном тексте названия произведения смежного искусства или имени автора, то есть в этом случае происходит непосредственное встраивание указанных языковых единиц в новый текст. В случае же собственно связи элемент картины (скульптуры, фрески, иконы и т. д.) встраивается в словесный текст путем вербализации (парциальная связь) либо создается словесная аналогия изображения путем использования приемов построения невербального претекста или создания тем или иным путем сходного настроения (миметическая связь). Данная типология применима при таком подходе, когда рассматриваются только те интермедиаальные связи, для которых в тек-

сте обнаруживается материальное выражение в виде единиц речи. Как уже неоднократно подчеркивалось, мы считаем такой подход не единственно верным, но необходимым в ряду других подходов к проблеме.

При исследовании интермедиаальных связей поэтических текстов с произведениями изобразительного искусства встречаются особо интересные случаи, когда к одному и тому же явлению искусства обращаются разные поэты, при этом заметно проявляется их индивидуальность, в том числе в преимущественном использовании разных типов связи.

Мы уже вскользь касались отражения образов Фра Анджелико в стихотворениях А. Блока и К. Бальмонта в плане примеров парциальной связи [13, с. 23–24, 38–39]. Наши наблюдения нелишне было бы расширить, а материал дополнить также стихотворениями Н. Гумилева и С. Городецкого: между двумя поэтами по по-

воду творчества Фра Анджелико разворачивается своего рода дискуссия.

Итальянский художник Фра Джованни да Фьезоле (1395/1400–1455), доминиканский монах, уже после смерти прозванный Беато Анджелико – «Блаженный Ангельский», – в конце XX в. действительно был беатифицирован (то есть причислен к лику блаженных) Ватиканом [9; 17; 18]; в настоящее время его принято называть Фра Анджелико. Видимо, его творчество было особенно популярно среди поэтов Серебряного века.

Искусствовед Джон Поуп-Хенесси замечает: «Работы ни одного другого художника не воспроизводились столь часто, и, хотя многочисленные репродукции зачастую оставляют желать лучшего, они продолжают выполнять роль, изначально взятую на себя его искусством, свидетельствуя о непреходящей значимости его апостольского служения» [9, с. 79]. П. Гнедич, автор «Всеобщей истории искусств», отмечает, что Фра Анджелико «не любил изображать отвратительное и страшное, поэтому в его картинах преобладают светлые краски. Фигуры у Анджелико иногда менее правильны, чем у Мазаччо, но всегда полны внутренней нежности, тихого благоговейного настроения и человечности» [4, с. 182]. Интересно, что приведенная цитата почти исчерпывает тему о Фра Анджелико в книге П. Гнедича, впервые изданной в конце XIX в., и что совсем удивительно – о нем не говорится в вышедшей в последней трети XX в. «Краткой истории искусств» Н. Дмитриевой [8]. Видимо, имеет место особенно выраженный случай колебания оценок наследия мастера с течением времени.

В настоящей работе мы используем для сравнения с поэтическими текстами изоиздания [3; 9; 10; 11; 16; 17] и материалы интернет-сайта Fra Angelico [19].

Рассмотрим, насколько по-разному организуется интермедиальная связь с произведениями одного художника у разных поэтов; заметим, что и отношение к его творчеству у них разное.

Для Александра Блока ценность наследия Фра Анджелико безусловна. В цикле «Итальянские стихи» художнику посвящена строчка одного из стихотворений о Флоренции и небольшое стихотворение «Фьезоле». Строка «*Беато снился синий сон!*» из стихотворения «Флоренция» [2, с. 248] содержит, по нашей терминологии, отсылку в виде имени художника и собственно интермедиальную связь парциального характера

типа цитаты или аллюзии, объективно вербализующую особенность произведений Анджелико с точки зрения цвета: констатируется его страстие к цветам *синей* гаммы, которые определяют общий колорит многих его картин. В первую очередь это цвет неба (картины «Страшный Суд», «Оплакивание Христа», «Снятие с креста» в Музее Сан Марко (Флоренция), сцены в пределах алтарей «Казнь святых Космы и Дамиана» – Лувр, Париж, «Успение Марии» – Музей Сан Марко, в «Сценах из жизни Святого Лаврентия и Святого Стефана» – фрески в капелле Николая V в Ватикане). Кроме того, *синий* или голубой цвет играет значительную роль в одеждах персонажей. Насыщенный *синий* цвет обязателен в одеждах Мадонны, сидящей на троне, фигуры в *синем* или голубом обязательно присутствуют в многофигурных композициях. Так, в «Короновании Марии» (Лувр, Париж) одежды центральных фигур – синий плащ Христа и синее платье и голубой плащ Богоматери – как будто продолжают в треугольниках синего неба по сторонам балдахина (картина имеет сложную конфигурацию), в синих одеждах двух ангелов с музыкальными инструментами, в голубом плаще святой на первом плане внизу, в синем плаще святого в короне в левой части картины и в отдельных фрагментах синих и голубых одежд персонажей, видных в разных частях картины.

Другой характерный для Анджелико цвет упоминается в стихотворении Блока «Фьезоле». *Фьезоле* – название города близ Флоренции, в котором художник был монахом и одно время настоятелем доминиканского монастыря, оно обычно присоединяется к имени художника: *Фра Джованни да Фьезоле* или *Фра Беато Анджелико да Фьезоле*. Поэтому заглавие может одновременно восприниматься в какой-то мере и как интермедиальная отсылка – понятие *Фьезоле*, как более широкое, может включать в себя и представление о художнике Фра Анджелико. Приведем стихотворение полностью:

Фьезоле

*Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный.*

*Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьезоле когда-то,*

*Когда впервые взор Беато
Флоренцию приметил с гор?*

(1909) [2, с. 252].

Интересно, что образ творчества *Беато* возникает в контексте звуковых ассоциаций, причем звуки участвуют в некоем движении навстречу друг другу, вверх и вниз: на горе расположен *Фьезоле*, *топор*, как становится ясно из второй строфы, *стучит* именно там; в долине – *Флоренция*, оттуда снизу вверх *плывет* и *доплыл звон с кампанил* (колоколен); вниз на Флоренцию, возможно, под стук *топора* некогда был устремлен *взор Беато*, то есть сверху *Беато* видел *Флоренцию*, куда ему предстояло спуститься и создать свои лучшие произведения – фрески монастыря Сан Марко, то есть намечается путь из *нагорного Фьезоле* во *Флоренцию*. Во всем стихотворении только одно слово – эпитет *золотистый* – непосредственно связано с картинами и фресками Фра Анджелико: оно отражает другое его характерное цветовое пристрастие. Золотой «иконный» фон имеет место на таких картинах Анджелико, как «Триптих Сан Пьетро Мартире», «Мадонна с Младенцем на троне» (обе – музей Сан Марко, Флоренция), «Мадонна с Младенцем и двенадцатью ангелами» (Штеделевский художественный институт, Франкфурт-на-Майне), «Мадонна с Младенцем на троне и Святыми Домиником и Николаем Барийским» (Национальная галерея Умбрии, Перуджа) и других; отметим также роспись свода капеллы Сан Брицио в Соборе в Орвьето, где золотой фон «продолжается» в золотой мандорле Христа и золотых нимбах святых. Золотые нимбы встречаются практически на всех картинах Анджелико (для их изображения действительно использовано листовое золото [17, с. 15]).

Так же, как и в связи с эпитетом *синий* в рассмотренном уже случае, можем отметить связь типа цитаты или аллюзии.

Эпитет *старинный (сон)* несет, видимо, информацию о том, что художник принадлежал к Раннему, а не Высокому Возрождению, он был предшественником титанов Возрождения. Может быть, со «старинностью» связан и образ *сна* – в обоих стихотворениях с творчеством Анджелико ассоциируется *сон*. Необычно употребление глагола *разбудил* с существительным *сон* в качестве прямого дополнения. По словарю Д. Н. Ушакова *разбудить* – «сов. к будить в 1 знач.» [15, Т. 3, стлб. 1121]; *будить* в 1 значении – «заставлять проснуться» [15, Т. 1, с.198]. Что значит *разбудил сон*? Сон в результате этого действия

перестал сниться, состояние исчезло или наоборот: сон начался, «проснулся» и вступил в свои права? Сон как более истинное состояние, чем бодрствование? Судя по второй строфе, сон именно вступил в свои права – как будто снова наступили времена *Беато*.

Так или иначе, образ Фра Анджелико в стихотворении создается, вернее, только намечается через впечатления, причем – парадоксально – звуковые от тех мест, которые связаны с его жизнью и творчеством; возникает цепь метонимий: звуки – Флоренция и Фьезоле – жизнь и творчество художника – излюбленный им цвет. Блок ограничивается только отсылкой (имя художника, одно из условных его имен) и вербализацией одного элемента – характерного для творчества художника цвета. То есть в стихотворении, полностью посвященном конкретному художнику, интермедиальных элементов оказывается почти столько же, сколько в одной строчке другого стихотворения, о котором говорилось вначале. Отсутствуют и какие-либо оценки: они лишние, образы напоминают выхваченный из вечности кадр, остановленное мгновение, где все ценно само по себе и ценность эта не может быть подвергнута сомнению. Концепт «творчество Фра Анджелико» предполагается в сознании читателя, но и при отсутствии такового стихотворение может быть воспринято подобно тому, как воспринимаются музыкальные произведения – без рациональной расшифровки образов.

По сравнению с шедевром Блока написанное несколькими годами ранее стихотворение Константина Бальмонта «Фра Анджелико» (1900 г.) кажется достаточно бесхитростным с его перечислением характерных деталей картин художника и изложением субъективного впечатления от его творчества (приводим стихотворение полностью):

Фра Анджелико

*Если б эта детская душа
Нашим грешным миром овладела,
Мы всем утратили бы тело,
Мы бы, точно тени, чуть дыша,
Встали у небесного предела.
Там, вверху, сидел бы добрый бог,
Здесь, внизу, послушными рядами
Призраки с пресветлыми чертами
Пели бы воздушную, как вздох,
Песню бестелесными устами.*

Вечно примиренные с судьбой,

*Чуждые навек заботам хмурым,
Были бы мы озером лазурным
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом и безбурном*
[1, с. 130].

Высокая духовность образов Фра Анджелико подчеркивается словами с семантикой нематериальности: *тени, призраки, бестелесными*, к ним же примыкают фразеологизм *чуть дыша* и сравнение *воздушную, как вздох*, – «почти нематериальность». Надмирный, гармоничный характер образов передается словами *добрый, послушными, пресветлыми, примиренные, безмятежно (-голубой), безбурном*. То есть, в отличие от стихотворения Блока, все начинается с оценки, с тех черт в творчестве художника, которые импонируют поэту.

На первый взгляд, в стихотворении вербализуются композиция и детали произведений Фра Анджелико на тему Страшного Суда. Но это не совсем так – ассоциации со «Страшным Судом» не случайны, но задействованы в стихотворении не только они. Поэт строит «модель мира по Фра Анджелико», а не по отдельной его картине и не по отдельному сюжету.

Вербализация композиции «Страшного Суда» начинается со слов: «Там, вверху, сидел бы добрый бог». Разумеется, у всех художников Бог – вверху, но не у всех – сидит, кроме того, именно у Анджелико Бог – добрый, с выражением кротости и милосердия на лице. Примеры – картина сложной конфигурации из музея Сан-Марко во Флоренции «Страшный Суд», ок.1431 и небольшая картина из Национальной Галереи (Палаццо Барберини) в Риме, 1450-55, а также фреска «Христос в окружении ангелов» на своде Капеллы Сан Брицио в Соборе в Орвьето. В двух последних жест правой руки Христа очень напоминает «Страшный Суд» Микеланджело, но там – грозный Судия, а у Фра Анджелико – именно добрый Бог. Христос изображен в мандорле, вокруг которой располагаются ангелы. Это – источник верхней части «мира по Анджелико» (Там, вверху). Но нижняя часть картин на тему Страшного Суда (у фрески на своде низа, естественно, нет) изображает не только молитву и райский хоровод праведников, но и наказание грешников – препровождение их в ад и адские муки. Нижняя часть мира, моделируемая Бальмонтом (Здесь, внизу), отличается от картин Анджелико на сюжет Страшного Суда тем, что и в ней царит гармония. Эта часть мира – с других картин Анджелико, скорее всего – с нескольких

вариантов «Коронования Марии» (Музей Сан-Марко, 1430-е гг.; Уффици 1435; Лувр, ок. 1450–53). В этих композициях группы поющих ангелов наверху – вокруг Христа и Марии – плавно переходят в предстоящую внизу толпу святых, многие из которых узнаются по характерным атрибутам (они не стоят *послушными рядами* – рядами сидят святые по сторонам мандорлы в композициях Страшного Суда). И, наконец, в модели определяются основные характерные цвета, почти так же, как и в стихотворениях Блока: *озером лазурным / В бездне безмятежно-голубой, / В царстве золотистом...я*, – мир Фра Анджелико воссоздан. То есть связи парциальные называют цвет и особенности композиции и складываются в связь миметическую [13].

Большое стихотворение посвятил художнику Николай Гумилев («Фра Беато Анджелико», 1912 [6, с. 92–93]). В каком-то смысле он повторил опыт и Блока, и Бальмонта, однако сделал это в соответствии с собственной индивидуальностью. В стихотворении 12 строф, поэт долго подходит к заявленной в заглавии теме, говоря сначала об Италии и наследии Возрождения, отвергая других мастеров, противопоставляя им одного:

*Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце полюбило.*

Далее две строфы посвящены перечислению этих мастеров и причинам, по которым они не близки поэту. Наконец, в пятой строфе возникает топоним *Фьезоле*. Подобно Блоку, Гумилев воспринимает мастера неразрывно с его родным селением, однако не через звуковые образы, как Блок, а через зрительные:

*На Фьезоле, среди тонких тополей,
Когда горят в траве зеленой маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке,-
На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.*

Далее идут две достаточно парадоксальные строчки:

*О да, не все умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, – совершенно.*

В утверждении, что Анджелико «...не все умел <...> рисовать...», возможно, содержится

намеки на то, что в его времена техника живописи еще не достигла уровня Высокого Возрождения (на картинах Анджелико отмечают неудачные фигуры, например, справа в «Коронации Марии» из Лувра, которые считаются написанными учениками и помощниками мастера [9]; см. также приведенную выше цитату из книги П. Гнедича), однако следующая строчка этому как будто противоречит. Если «...то, что рисовал он, – совершенно», откуда следует, что «не все умел он рисовать»? Относится ли *совершенно* к результату творчества или к тематике (христианской), за рамки которой художник никогда не выходит? Или совершенно само «несовершенство» Анджелико?

Далее идет вербализация того *совершенного*, что художник *умел рисовать и рисовал*. Это перечисление занимает три строфы и также вызывает некоторые вопросы. Подобно Бальмонту, Гумилев также отмечает *простоту смиренную* (ср. у Бальмонта – *детская душа*), также создает «мир по Анджелико», но мир этот оказывается земным, ничуть не бестелесным.

*Вот скалы, рощи, рыцарь на коне, –
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий;*

*Мария держит Сына своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под рождество
Наверно снятся женщинам бесплодным;*

*И так не страшен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под нимбом золотым,
И здесь есть свет, и там – иные светы.*

Начнем, однако, с того, что вопросов не вызывает. *Скалы* и *рощи*, достаточно условно изображенные, можно найти на ряде картин и фресок Фра Анджелико. *Скалой* с устроенной в ней дверью выглядит опустевшая гробница на фреске «Noli me tangere!» (монастырь Сан Марко, Флоренция), на дальнем плане видны за забором густые кроны деревьев, сливающиеся с кронами пяти деревьев на среднем плане, перед забором, – так изображен, очевидно, Гефсиманский сад. Подобным же образом – в виде *скалы* – изображена гробница на картине «Оплакивание Христа» (Старая Пинакотекка, Мюнхен). Скала-гробница занимает большую часть композиции,

из-за нее видны справа и слева ряды деревьев. В виде белой *скалы* предстает гора Фавор на фреске «Преображение» (монастырь Сан Марко, Флоренция). Соприкасающиеся друг с другом деревья, среди которых идентифицируются кипарисы и ели, четко прорисовываются на дальнем плане «Алтаря Сан Марко» (Музей Сан Марко, Флоренция). *Скалы* с редкими деревьями изображены на дальнем плане в правой части «Снятия с креста» (Музей Сан Марко, Флоренция). *Скалы* занимают верхнюю часть круглого «Поклонения волхвов», законченного после смерти Фра Анджелико другим художником – Фра Филиппо Липпи (Национальная галерея, Вашингтон). *Скалы* можно видеть на дальних планах картин «Казнь Святых Космы и Дамиана» (Лувр, Париж), «Бегство в Египет» (Музей Сан Марко, Флоренция), композиций пределл «Благовещения из Кортонны» (Музей Диочеано, Кортонна). Густые сближенные кроны деревьев поднимаются из-за стены в композиции пределлы т.н. «Триптиха Линайуоли» – «Мученичество Святого Марка» (Музей Сан Марко, Флоренция) и из-за дощатого забора на одной из двух фресок на сюжет Благовещения в монастыре Сан Марко во Флоренции. *Скалы* могут быть просто условным способом изображения гор – без растительности («Успение Марии», Музей Сан Марко, Флоренция), *рощей* может оказаться условное изображение сада. Таким образом, слова *скалы* и *рощи* вербализуют детали картин Фра Анджелико, не одной какой-либо картины, а характерные детали многих. Посчитаем эти слова выражением парциальной связи типа перифраза.

Строчка «...заря на городской стене...» содержит связь типа цитаты, может быть, не совсем точной: крепостная *стена*, освещенная солнцем, встречается на картинах: «Поклонение волхвов» (композиция пределлы «Благовещения» из Кортонны), «Оплакивание Христа» (Музей Сан Марко), «Святой Николай спасает приговоренных к казни» (композиция пределлы полиптиха, Национальная галерея Умбрии, Перуджа), «Казнь Святых Космы и Дамиана» (Лувр), «Снятие с креста» (Музей Сан Марко), на фресках в Ватикане в Капелле Николая V («Проповедь Святого Стефана» и «Изгнание Святого Стефана из города»). В «Поклонении волхвов» (пределла «Триптиха Линайуоли») *стена* красноватых тонов, что может ассоциироваться с *зарей*.

Однако ни *рыцарь на коне*, ни *стада на улицах предместий* на картинах и фресках Фра Анджелико не встречаются.

В следующей строфе имеются в виду изображения Мадонны, держащей на коленях Младенца. Таких картин у Фра Анджелико много – в книге Поуп-Хенесси [9], например, воспроизведены 13 «Мадонн на троне» и 5 «Поклонений волхвов», на большинстве из них Младенец на коленях Марии, придерживаемый ею (*держит*), румян и кудряв. Самое изящное и одухотворенное изображение *кудрявого* белокурого Младенца с *румянцем благородным* имеется на одной из фресок монастыря Сан Марко («Мадонна с Младенцем на троне со Святыми Домиником, Космой, Дамианом, Марком, Иоанном Евангелистом, Фомой Аквинским, Лаврентием и Петром Мучеником», ок.1450, монастырь Сан Марко, коридор верхнего этажа).

В третьей из приведенных выше строф имеются в виду, видимо, композиции пределлы Алтаря Сан Марко, особенно находящаяся в Лувре «Казнь Святых Космы и Дамиана», где есть и *связанные святые*, и *палач*, и *золотые нимбы*. Святых пять – Косма и Дамиан и их три брата (см. Поуп-Хенесси [9]). Трем уже отрубили головы – один святой лежит, другой падает на землю, третий еще не успел упасть; хлещет кровь из шей, три головы в *золотых нимбах* лежат на земле почти в ряд. Два младших брата, также с *золотыми нимбами*, стоят на коленях с завязанными глазами и связанными назади руками; палач замахнулся мечом, однако он не *в рубашку синюю одетый* – на нем красно-белое обтягивающее одеяние, *синие* же одеяния – широкие и длинные – на трех казненных святых.

Возможно, на поэтический образ повлияла еще и фреска из цикла «Мученичество Святого Лаврентия» из Капеллы Николая V в Ватикане – «Святой Лаврентий перед Валерианом». Святой с нимбом, со связанными назади руками стоит перед императором, указывающим на лежащие на полу орудия пыток. На первом плане спиной к зрителю – воин с мечом, в серо-голубых доспехах. Может быть, этот образ контаминирован в стихотворении с палачом из «Казни Святых Космы и Дамиана».

Любопытно, что *Палач, в рубашку синюю одетый*, обнаруживается на картине сходного содержания, но принадлежащей совсем другому художнику: это картина Герардо Старнины «Мученичество Святой Екатерины» (1405–1410, Национальная галерея, Лондон; воспр. В [11, с. 599]). Палач в *синем* длинном одеянии замахнулся мечом над склонившейся святой в *золотом нимбе* (она, однако, не связана, а сло-

жила руки в молитве), причем действие происходит снаружи от *городской стены*, очень похожей на стены в картинах Фра Анджелико; эта стена – красно-оранжевого цвета (*Горит заря на городской стене*). О том, что в творчестве Старнины есть действительно что-то общее с творчеством Фра Анджелико (хотя круг произведений Герардо Старнины искусствоведы считают достаточно неопределенным – см. [11, с. 599]), косвенно свидетельствует такой факт, что есть произведение – картина «Фиваида» (Уффици, Флоренция), которая в одних изданиях публикуется как работа Старнины – [11, с. 602]; [16, с. 40–41], в других – как работа Фра Анджелико – [3, с. 44–45]; [19]. (На ней есть скалы и всадники, однако не рыцари, а старцы-отшельники).

Для нашего вопроса суть не в том, чтобы уличить поэта, возможно, спутавшего художников, картины, детали на картинах, тем более, как видим, атрибуции могут меняться со временем. Нас интересует вопрос: является ли каждый конкретный случай связью или не связью, и если является, то связью какого типа?

Видимо, мы имеем дело не с воспроизведением определенной картины, а с общим впечатлением от творчества художника. Поэты Серебряного века имели возможность путешествовать. Они много видели, видели картины и фрески в оригинале и в единстве с той средой, где те создавались. Видели не на ходу, пробегая с экскурсией, а пользуясь возможностью как следует рассмотреть то, что их интересовало. Однако вряд ли какой-либо поэт стоял перед произведением искусства, педантично протоколируя его детали в записную книжку – образы создавались на основе впечатлений и ассоциаций. А поскольку видели много, в сознании формировался общий контекст для творчества отдельных художников. Так, скажем, Фра Анджелико оказывался частным проявлением широкого понятия «итальянское искусство первой половины и середины XV в.», или еще шире: «итальянское искусство Раннего Возрождения», искусство до «титанов», отвергаемых Гумилевым.

Так, всадники – среди городских стен – могли появиться, например, из цикла фресок Амброджо Лоренцетти на тему «Аллегория доброго правления» (1338–1340, Палаццо Пубблико, Сиена; воспр. в [10], [11] и др.), особенно из фрески «Доброе правление в городе Сиена» или «Влияние доброго правления на провинциальную жизнь». Кроме того, в Палаццо Пубблико в Сиене находится самое, пожалуй, известное изоб-

ражение рыцаря на коне, относящееся к Раннему Возрождению – фреска Симоне Мартини с конным портретом Гвидориччо да Фольяно (1328–1330), где всадник движется от одной белой крепости к другой на фоне синего неба и белых скал (воспр. в [10], [11] и др.).

Стада, преимущественно овец, изображаются на дальнем плане в картинах на сюжет Рождества в эпизоде Благовестия пастухам. Назовем для примера «Поклонение волхвов» Доменико Венециано (Берлин, Государственные собрания), «Рождество» Бенедетто Гирландайо (церковь Нотр-Дам в Эгеперсе, Овернь) или фреску Спинелло Аретино «Чудо с серпом» (Сан Миньято аль Монте, Флоренция; все воспр. в [11]). Подчеркнем, что, приводя в качестве примеров именно данные картины (как и в случае с *рубашкой синей*), мы не утверждаем, что поэт видел данные детали именно на них, эти примеры должны продемонстрировать саму возможность «заимствования» деталей каких-либо других произведений.

В конце стихотворения Гумилев оценочно характеризует краски Анджелико и передает легенды о нем:

*А краски, краски, – яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.*

*И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал, и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно.*

Здесь, видимо, развертывается аллюзия на прозвище художника *Ангельский*. Художник представляется поэту идеалом человека, в последних строчках стихотворения дается формула творчества Фра Анджелико в понимании Н. Гумилева:

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.*

Как ни странно, вербализация конкретного элемента конкретной картины Фра Анджелико – парциальная связь типа измененной цитаты – обнаруживается в стихотворении поэта, который этого художника не принимает: Сергей Городецкий отвеча-

ет на стихотворение Гумилева, которое его возмутило, своим стихотворением с тем же названием («Фра Беато Анджелико», 1912 [5]).

*Ты хочешь знать, кого я ненавижу?
Конечно, Фра Беато Анджелико.
Я в нем не гения блаженства вижу,
А мертвеца гробницы невеликой.*

Пристрастие к творчеству именно этого художника представляется Городецкому изменой принципам акмеизма, слабостью, недопустимой для лидера этого направления. Однако теоретическое обоснование остается за пределами текста, и аргументация Городецкого выглядит неубедительной, чем-то вроде «как ты можешь любить это, ведь мне оно совсем не нравится!» Оценки Городецкого прямо противоположны оценкам Гумилева и Бальмонта: Анджелико для него не *детская душа*, не *человек*, / *Который любит мир и верит в Бога*, а почему-то *плотоядный монах*. Даже христианской сути его произведений Городецкий не признает:

*Он только карлик кукольных комедий,
Составленных из вечной и пречистой
Мистерии, из жертвенных трагедий.*

Почему же Фра Анджелико видится Городецкому таким? Единственный аргумент, связанный непосредственно с изображением, следующий:

*Ты только посмотри на ту фигуру,
Что в *Deposizione della Croce*
Разводит ручками! Ужель натуру
Ты видывал тупее и короче?*

Видимо, стоит посмотреть на *ту фигуру*, и все заблуждения рассеются. На картине «Снятие с креста» (*Deposizione della Croce*) из Музея Сан Марко справа от центра стоит некто в длинном одеянии, однако не просто разводящий руками (*ручками*, потому что написал его *карлик кукольных комедий*), а демонстрирующий орудия страстей: терновый венец и гвозди. По сравнению с центральными фигурами эта, может быть, не самая совершенная. Но, лишенная аргументации, возмущение поэта очень похоже на реакцию неофита, впервые столкнувшегося с особенностями живописи кватроченто (что, конечно, абсолютно исключено).

Но наш вопрос не в этом. Фрагмент *фигуру* <...> *Разводит ручками* – оказывается типичной

парциальной связью типа цитаты, слегка измененной. Связь поддержана отсылкой в виде названия картины. Однако оценки *тупее* и *короче* слишком субъективны и неопределенны, чтобы вывести их из изображения и, следовательно, считать связью.

Что же касается красок, цвета, то они для Городецкого *сурик* и *сусало*:

*Когда в свой сурик и в свое сусало
Все красил с простотою негритянской?*

Согласно словарю Д. Н. Ушакова, *сурик* – «красно-оранжевая <...> или красно-коричневая <...> краска» [15. Т.4, стлб. 596]. У В. И. Даля – «суриковый цвет, киноварный с примесью желтизны» [7. Т.4, с. 362]. Красный цвет, разумеется, присутствует в картинах Анджелико (вспомним *зарю на городской стене* – Гумилев), но не является доминирующим, однако *синий сон* (Блок), *озеро лазурное* (Бальмонт), яркие и чистые краски (*краски ярки и чисты* – Гумилев) для Городецкого не существуют. Возможно, слово *сурик* кажется поэту грубым – ведь для того, что Блок назвал *золотистым сном*, Городецкий выбрал окказиональную номинацию *сусало*. В словаре Д. Н. Ушакова есть слово *сусала* с пометками «ед. (редко) сусало, а, ср. (обл., простореч. вульг.). Скулы, лицо. Ударить по сусалам» [15. Т.4, стлб. 597]. То есть, как видим, о цвете речь не идет. Но есть слово *сусаль* – «то же, что сусальное золото или серебро». *Сусальный* – «прил., по знач. связанное с изготовлением из различных металлов (золота, серебра, олова, меди) тонких пленок золотистого или серебристого цвета и золочения или серебрения ими каких-н. изделий. *Сусальное золото* (тончайшие пластинки или настоящего золота, или других металлов, чаще мелкие пленки двусернистого олова). *Сусальное серебро*. *Сусальная позолота*. *С. пряник* (покрытый сусалью)». У этого слова отмечается переносное значение: «перен. слащавый, сентиментальный (разг.)» [Там же]. В словаре В. И. Даля слово *сусала* – «морда, рыло, скулы» – приводится в статье «СУСАЛЬ», а глагол *сусалить* (там же) имеет два значения: «золотить, серебрить сусалью; // бить по морде» [7: Т. 4, с. 363]. Однако как обозначение краски или цвета слово *сусало* нигде в словарях не фигурирует (вспомним, однако, в связи с глаголом *сусалить* об использовании золота в картинах Фра Анджелико [17, с. 15]). Видимо, поэт намеренно сближает слова, чтобы придать грубую окраску номинации излюбленного художником цвета, недаром он

употребляет глагол *красил*, более подходящий к обозначению действий маляра, нежели художника. То есть Анджелико предстает у Городецкого таким варваром, грубо и в то же время слащаво создающим нелепые фигуры, некомпетентным ни в искусстве, ни в христианстве, абсолютно устаревшим (*мертвецом*) да еще *плотоядным* (по Д. Н. Ушакову – «хищный, питающийся мясом других животных (о животном; зоол.)», а в переносном значении – «низменно-чувственный; сладострастно-жестокый (книжн.)» [15: Т. 3, стлб. 807]). Разумеется, по латинской пословице, *de gustibus et coloribus non est disputandum* ('о вкусах и цветах не спорят', буквально '...не есть подлежащее обсуждению'). Но что это дает для нашей проблемы – проблемы интермедиальности? Видимо, то, что оценки, коль скоро они могут быть столь противоположными и недоказуемыми, не вытекают из изображения и не суть интермедиальные связи.

Так какие же действительно интермедиальные элементы мы имеем в рассмотренных четырех стихотворениях? К каким общим выводам мы приходим?

Названия стихотворений представляют собой прямую отсылку у Бальмонта («*Фра Анджелико*»), Гумилева и Городецкого («*Фра Беато Анджелико*»), возможно, перифрастическую отсылку у Блока («*Фьезоле*»). В текстах стихотворений прямые отсылки есть у Блока (*Беато*) и Городецкого (*Фра Беато Анджелико*, *Беато*). Отсылка, однако, неся в основном ориентирующую функцию, может ориентировать читателя неверно: в стихотворении Гумилева среди деталей картин Фра Анджелико вербализованы, возможно, детали произведений других художников. Этот факт лишний раз подтверждает, что отсылку надо отличать от собственно интермедиальной связи.

Вербализация конкретного элемента конкретной картины встречается только в стихотворении Городецкого. Остальные поэты вербализуют элементы, характерные для творчества художника в целом: цвет, характерные детали и характерные особенности композиций. Это собственно связи парциального характера, близкие к цитате, точной и неточной. Меньше всего интермедиальных элементов отыскивается в стихотворении Блока. В стихотворениях Бальмонта и Гумилева кроме парциальных связей выстраивается и связь миметическая – поэты конструируют «мир по Фра Анджелико» (миметизм больше выражен в стихотворении Бальмонта).

Являются ли собственно связью парциального характера элементы, вербализованные в тексте, но не имеющие, как выясняется, отношения к Фра Анджелико, заявленному прямой отсылкой в названии стихотворения? Являются, но их источник иной, подлежащий особому установлению; отсылка в отношении их не срабатывает или срабатывает неправильно.

В стихотворении Городецкого номинации *сурик* и *сусало*, видимо, являются носителями собственно связей парциального характера, близкими к перифразу, промежуточными средствами вербализации, так как в них не все компоненты значения объективны по отношению к вербализуемому элементу (см. [12]).

Общая оценка творчества художника (глубоко положительная у Бальмонта и Гумилева и резко отрицательная у Городецкого; Блок обходится без прямых оценок, оставляя их на имплицитном уровне) связью не является, так как выражающие ее языковые единицы не вербализуют изображение, оценка не вытекает из изображения, поэтому весьма произвольна.

Библиографический список

1. Бальмонт, К. Д. Стихотворения [Текст] / К. Д. Бальмонт. – М. : Художественная литература, 1990. – 397с.
2. Блок, А. Стихотворения. Поэмы [Текст] / А. Блок. – М. : Художественная литература, 1978. – 384 с.
3. Галерея Уффици, Флоренция [Текст] М. : АРИА-АиФ, 2011. – 80 с. – (Музеи мира).
4. Гнедич, П. П. Всеобщая история искусств. Живопись. Скульптура. Архитектура [Текст] / П. П. Гнедич. – М. : Эксмо, 2013. – 608 с. : ил.
5. Городецкий, С. Фра Беато Анджелико [Электронный ресурс] / С. Городецкий // Николай Гумилев: электронное собрание сочинений. Чужие стихи. – Режим доступа: <http://gumilev.ru/additional/76/>. – (Дата обращения: 12.02.2016).
6. Гумилев, Н. Избранное [Текст] / Н. Гумилев. – М. : Просвещение, 1990. – 383 с.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
8. Дмитриева, Н. А. Краткая история искусств [Текст] / Н. А. Дмитриева. – М. : АСТ-ПРЕСС; Галарт, 2000. – 623 с.
9. Поуп-Хенесси, Д. Фра Анджелико [Текст] / Д. Поуп-Хенесси; пер. с англ. С. И. Козловой. – М. : СЛОВО/SLOVO, 1996. – 80 с. : ил.

10. Прокоп, М. Итальянская живопись XIV века [Текст] / М. Прокоп. – Будапешт : Корвина, 1988. – 55 с. : ил.

11. Сони́на, Т. В. Италия. XIII – начало XVI века: Биографический словарь. [Текст] / Т. В. Сони́на. – СПб. : Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 720с. : ил. – (Художники Западной Европы).

12. Суханова, И. А. Интермедиа́льные связи трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» [Текст] : монография / И. А. Суханова; под науч. ред. Н. А. Николиной. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – 307 с.

13. Суханова, И. А. Любите живопись, поэты! (Интермедиа́льные связи поэтического текста) [Текст] : монография / И. А. Суханова. – Дюссельдорф : Lambert Academic Publishing, 2016. – 221с.

14. Суханова, И. А. О парциальной и миметической интертекстуальности. [Текст] / И. А. Суханова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 2. – С. 119–123.

15. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М. : Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.

16. Флоренция: Альбом. [Текст] / Сост., авт. коммент. Е. Микелетти; пер. с исп. О. Г. Крачковского, А. Ю. Мартыновой. – М. : АСТ, 2001. – 240 с. : ил.

17. Фра Анджелико. Художественная галерея № 46 [Текст]. – ДеАгостини, 2005. – 31 с.

18. Хмелевских, И. В. Анджелико, фра (фра Джованни да Фьезоле) [Текст] / И. В. Хмелевских // Сони́на Т. В. Италия. XIII – начало XVI века: Биографический словарь. – СПб. : Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – С. 46–55.

19. Fra Angelico / Фра Беато Анджелико / Полное собрание работ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://art.c-rover.com/ang/angelico3130.htm>.

Bibliograficheski spisek

1. Bal'mont, K. D. Stihotvorenija [Tekst] / K. D. Bal'mont. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1990. – 397s.
2. Blok, A. Stihotvorenija. Pojemy [Tekst] / A. Blok. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1978. – 384 s.
3. Galereja Uffici, Florencija [Tekst] M. : ARIA-AiF, 2011. – 80 s. – (Muzei mira).

4. Gnedich, P. P. Vseobshhaja istorija iskusstv. Zhivopis'. Skul'ptura. Arhitektura [Tekst] / P. P. Gnedich. – M. : Jeksmo, 2013. – 608 s. : il.
5. Gorodeckij, S. Fra Beato Andzheliko [Jelektronnyj resurs] / S. Gorodeckij // Nikolaj Gumil'jov: jelektronnoe sobranie sochinenij. Chuzhie stihhi. – Rezhim dostupa: <http://gumilev.ru/additional/76/>. – (Data obrashhenija: 12.02.2016).
6. Gumil'jov, N. Izbrannoe [Tekst] / N. Gumil'jov. – M. : Prosveshhenie, 1990. – 383 s.
7. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. [Tekst] / V. I. Dal'. – M. : Gosud. izd-vo inostr. i nac. slovar'ej, 1955.
8. Dmitrieva, N. A. Kratkaja istorija iskusstv [Tekst] / N. A. Dmitrieva. – M. : AST-PRESS; Galart, 2000. – 623 s.
9. Poup-Henessi, D. Fra Andzheliko [Tekst] / D. Poup-Henessi; per. s angl. S. I. Kozlovoj. – M. : SLOVO/SLOVO, 1996. – 80 s. : il.
10. Prokopp, M. Ital'janskaja zhivopis' XIV veka [Tekst] / M. Prokopp. – Budapesht : Korvi-na, 1988. – 55 s. : il.
11. Sonina, T. V. Italija. XIII – nachalo XVI veka: Biograficheskij slovar'. [Tekst] / T. V. Sonina. – SPb. : Izdatel'skaja gruppa «Azbuka-klassika», 2010. – 720s. : il. – (Hu-dozhniki Zapadnoj Evropy).
12. Suhanova, I. A. Intermedial'nye svjazi trilogii D. S. Merezhkovskogo «Hristos i Antihrist» [Tekst] : monografija / I. A. Suhanova; pod nauch. red. N. A. Nikolinoj. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. – 307 s.
13. Suhanova, I. A. Ljubite zhivopis', pojety! (Intermedial'nye svjazi pojeticheskogo teksta) [Tekst] : monografija / I. A. Suhanova. – Djussel'dorf : Lambert Academic Publishing, 2016. – 221s.
14. Suhanova, I. A. O parcial'noj i mimesicheskoj intertekstual'nosti. [Tekst] / I. A. Suhanova // Vestnik KGU im. N. A. Nekra-sova. – 2015. – № 2. – S. 119–123.
15. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Tekst] / pod red. prof. D. N. Ushakova. – M. : Gosud. izd-vo inostr. i nac. slovar'ej, 1935–1940.
16. Florencija: Al'bom. [Tekst] / Sost., avt. komment. E. Mikeletti ; per. s isp. O. G. Krachkovskogo, A. Ju. Martynovoj. – M. : AST, 2001. – 240 s. : il.
17. Fra Andzheliko. Hudozhestvennaja galereja № 46 [Tekst]. – DeAgostini, 2005. – 31 s.
18. Hmelevskih, I. V. Andzheliko, fra (fra Dzhovanni da F'ezole) [Tekst] / I. V. Hmelevskih // Sonina T. V. Italija. XIII – nachalo XVI veka: Biograficheskij slovar'. – SPb. : Izdatel'skaja gruppa «Azbuka-klassika», 2010. – S. 46–55.
19. Fra Angelico / Fra Beato Andzheliko / Polnoe sobranie rabot [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://art.c-rover.com/ang/angelico3130.htm>. (Data obrashhenija: 12.02.2016).

Дата поступления статьи в редакцию: 19.05.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 82-94

О. В. Лукин

Наталья Александровна Булах: поколения и парадигмы

Статья посвящена профессору Н. А. Булах, известному германисту, основателю и первой заведующей кафедрой немецкого языка Ярославского государственного педагогического института. Исследование продемонстрировало, с одной стороны, взаимосвязь между научной мыслью профессора Н. А. Булах и ее учителей и учителей их учителей, с другой стороны, оно показывает преемственность в развитии идей ученого в работах ее учеников и учеников их учеников.

Ключевые слова: лингвистическая историография, Н. А. Булах, лингвистические парадигмы.

THEORY OF LANGUAGE

O. V. Lukin

Natalia Aleksandrovna Bulakh: generations and paradigms

The article is devoted to Professor N. A. Bulakh, a famous Germanist, the founder and the first Head of Department of the German language, Yaroslavl State Pedagogical University. The study shows, on the one hand, interrelation between the scientific thought of Professor N. A. Bulakh and her teachers and their teachers' teachers; on the other hand, the article shows continuity in developing the scientist's ideas in the works of her pupils and the pupils' pupils.

Key words: linguistic historiography, N. A. Bulakh, linguistic paradigms.

Творчество каждого большого ученого – это всегда результат его взаимодействия с его учителями, коллегами, учениками, друзьями, родными и другими людьми из его окружения. Живя и творя сравнительно краткий промежуток времени, он так или иначе оказывается причастным к нескольким поколениям и нескольким парадигмам в развитии науки. В науку он приходит, опираясь на знания и творчество своих учителей и учителей своих учителей. Иногда учителем может стать человек того же поколения – ровесник или даже младший по возрасту. Значительно чаще – это ученый старшего поколения, хотя не только физический возраст играет в этом какую

бы то ни было роль. В науку человек приходит и на определенном этапе ее развития, вписываясь в существующую научную парадигму и продолжая те или иные традиции – традиции своих учителей, традиции научной школы, традиции отечественного языкознания.

Истоки научного творчества Н. А. Булах следуют искать, разумеется, прежде всего, и в том времени и в том месте, с которыми связано начало ее научного творчества. Это Ленинград начала 20-х гг. прошлого века. Для развития лингвистики – это, как известно, начало структурализма, который в нашей стране был представлен двумя влиятельными школами – Московской

и Ленинградской. Наталия Александровна оказалась причастной к традициям Ленинградской школы, представленной профессорами Ленинградских вузов – учениками И. А. Бодуэна де Куртенэ, покинувшего город в 1918 г.

Между двумя мировыми войнами отечественная лингвистика решала множество актуальнейших для молодой Советской республики задач, таких как нормирование русского языка как языка межнационального общения, систематизация его документальных норм, описание по единой схеме языков народов СССР, формирование литературных норм этих языков, введение всеобщей грамотности, создание единой советской школы и многие другие.

В эти годы в Ленинграде жили и творили выдающиеся ученые, академики: Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971 гг.), известный своими трудами по немецкой и общей диалектологии, истории германских языков, теории грамматики, истории литературы, сравнительному литературоведению; Лев Владимирович Щерба (1880–1944 гг.), внесший значительный вклад в развитие лексикографии и фонологии, крупнейший специалист по общему языкознанию, русскому, славянским и французскому языкам. В ноябре 1923 г. академик Николай Яковлевич Марр (1864–1934 гг.), кавказовед, археолог и историк выступил со своим «Новым учением о языке», под знаменем которого советское языкознание развивалось вплоть до 1950 г.

В этом же 1923 г. семнадцатилетняя Наталия Булах поступила на факультет иностранных языков Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. После его окончания в 1927 г. до 1931 г., а затем с 1934 до 1937 г. работала в этом институте – вначале на курсах иностранных языков, затем – на кафедре немецкой филологии, впоследствии – на кафедре немецкого языка. В 1937 г. Наталия Александровна стала старшим преподавателем вновь образованного 1-го Ленинградского педагогического института иностранных языков. В 1939 г. она поступает в очную аспирантуру.

В 1930 г. Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена закончил Владимир Григорьевич Адмони (1909–1993 гг.), выдающийся советский германист и литературовед,

научный руководитель Н. А. Булах. В этом же институте он основал кафедру германской филологии и до 1960 г. заведовал ею [2]. С 1963 г. до 1971 г. этой кафедрой заведовала его супруга, Тамара Исааковна Сильман (1909–1974 гг.), знаменитый литературовед и переводчик. О знакомстве и сотрудничестве с этими замечательными учеными Ленинградской школы свидетельствуют документы из фонда В. Г. Адмони и Т. И. Сильман (Ф. 1376) отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Кстати, научным руководителем В. Г. Адмони был академик Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971 гг.), один из наиболее выдающихся представителей Ленинградской грамматической школы. Учениками В. М. Жирмунского были ученые, «...чьи имена по достоинству украшают отечественную германистику (В. Г. Адмони, Л. Р. Зиндер, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсон, А. В. Десницкая, Б. Я. Гейман, М. Л. Тронская)» [1, с. 63]. Ученицей С. Д. Кацнельсона была кандидат филологических наук, доцент О. А. Кармина, которая одной из первых пришла на кафедру немецкого языка Ярославского пединститута и проработала там многие десятилетия. А ученицей М. М. Гухман была доктор филологических наук профессор Л. С. Ермолаева, которая возглавляла кафедру немецкого языка с 1983 по 1987 гг. и чьи ученики, И. В. Козина, О. В. Лукин, О. В. Соболева и М. В. Федотова, работают на кафедре теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского.

Своим учителем в области германистики В. М. Жирмунский называл профессора Федора Александровича Брауна, ученика Германна Пауля, ср.: «Моим учителем в области германистики был проф. Ф. А. Браун, ученик акад. А. Н. Веселовского и основатель германской филологии в нашей стране. В области германистики он был учеником младограмматиста Г. Пауля...» [3, с. 7].

Через короткое время после начала Великой Отечественной войны, 4 июля 1941 года, Н. А. Булах с четырьмя маленькими детьми эвакуировали сначала в Ярославскую, затем – в Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область, где в 1942–1945 гг. она работает учителем немецкого языка и завучем в деревне Васильевка Белозер-

ского района. Пожалуй, и без слов понятно, что испытала женщина с четырьмя детьми вдали от родного дома в лихие годы войны. Весной 1945 г. в далекую Васильевку из Ярославля пришло письмо, в котором ленинградская коллега Наталии Александровны Елена Осиповна Костецкая приглашала ее создать и возглавить кафедру немецкого языка. Годом рождения кафедры можно считать победный 1945 г., и с этого года Н. А. Булах была ее бессменной заведующей.

В 1954 г. в 1-м Ленинградском государственном педагогическом институте иностранных языков Н. А. Булах с успехом защитила кандидатскую диссертацию «Развитие грамматической категории отрицания в немецком языке (на материале древневерхненемецкого и средневерхненемецкого периодов)». Не проходит и десяти лет, и 30 мая 1963 г. Наталия Александровна защищает докторскую диссертацию «Средства отрицания в немецком литературном языке».

Научные труды Н. А. Булах не потеряли своей актуальности и сейчас: они имеют исключительное значение не только для теоретической грамматики немецкого языка, истории немецкого языка, они – важный методологический фундамент для исследования категории отрицания во многих языках и группах языков. Наиболее известными и широко цитируемыми ее трудами являются кандидатская и докторская диссертации и статья «К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках», опубликованная в Ученых записках Ярославского государственного педагогического института в 1957 г.

Работы Н. А. Булах, созданные в эпоху структурализма, оказались востребованными сейчас, в новой антропоцентрической парадигме современного языкознания. Труды Н. А. Булах стали теоретической базой исследований в области отрицания для исследователей в самых разных отраслях современного языкознания – теории языка, сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, языков народов Российской Федерации, германских языков, романских языков, русского языка, языков народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии. Это работы, выполненные в парадигме прагмалинг-

вистики, когнитивной лингвистики, работы, анализирующие языковую картину мира. Это диссертации, защищенные во многих городах нашей страны и ближнего зарубежья – Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Челябинске, Махачкале, Тобольске, Воронеже, Тамбове, Барнауле, Волгограде, Уфе, Майкопе, Йошкар-Оле, Киеве, Ташкенте. Это многочисленные статьи в известных рецензируемых журналах в нашей стране и за рубежом.

Под руководством Н. А. Булах было написано и защищено 15 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности «Германские языки». Учениками Наталии Александровны были Т. С. Григорьева, В. Г. Долгих, В. А. Жеребков, Л. Т. Жукова, Х. А. Конькова, О. А. Кострова, Р. Г. Мамедова, Е. В. Милосердова, И. Б. Минакова, Л. А. Невская, И. Н. Силина, Н. К. Смирнов, Б. К. Усилов, Г. М. Фирсова, А. В. Щербакова. Их кандидатские диссертации посвящены важным вопросам теоретической грамматики немецкого языка.

Получив из рук Наталии Александровны эту путевку в научную жизнь, все они стали вузовскими преподавателями, организаторами науки и учебного процесса во многих институтах и университетах Советского Союза. Г. М. Фирсова, Т. С. Григорьева и Л. А. Невская связали свою жизнь с родным Ярославским педагогическим, с кафедрой немецкого языка. Гертруда Михайловна после смерти Наталии Александровны возглавила кафедру, долгое время заведующей кафедрой была Татьяна Сергеевна, затем – Людмила Александровна. Л. Т. Жукова в 1970 г. возглавила кафедру иностранных языков вновь образованного Ярославского государственного университета. Н. К. Смирнов был заведующим кафедрой иностранных языков в Рыбинском авиационно-технологическом институте. И. Б. Минакова возглавляла кафедру немецкого языка в Челябинском педагогическом институте. Долгое время работала деканом факультета иностранных языков во Владимирском педагогическом институте Х. А. Конькова.

С 1975 г. работает профессором кафедры немецкого языка университета МГИМО В. Г. Долгих. Общий объем ее печатных работ

превышает 80 п. л. Из последних работ можно назвать: «Немецкий язык. Ускоренный курс для начинающих» (1997 г.), «Федеративная республика Германия» (1997 г.), «Учебник немецкого языка для 2 курса» (в соавторстве с В. В. Журавлевой, К. В. Шевяковой и В. В. Шлыковой, 2002 г.), учебное пособие по немецкому языку «ФРГ» (2005 г.), учебное пособие по немецкому языку «Нибелунги» (2005 г.), «Deutsch. Schnelllehrgang für Anfänger» (2008 г.) и инновационное пособие «Deutschland neu entdecken» (в соавторстве с Е. М. Игнатовой, О. Е. Ореховой, Е. В. Пивоваровой, Е. А. Шестериной, О. В. Яичниковой, 2009 г.) с пособием для преподавателя, книгой для дополнительного чтения и диском.

Четверо из учеников Наталии Александровны впоследствии защитили диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «Германские языки». Самой первой была диссертация Вадима Александровича Жеребкова «Грамматическая категория времени в системе немецкого глагола», защищенная в Ленинграде уже в 1972 г., при жизни Наталии Александровны. В. А. Жеребков долгое время работал в Калининском государственном университете, затем стал заведующим кафедрой в Высшей школе профсоюзов (г. Москва). Он известен как автор многочисленных научных трудов в российских и зарубежных изданиях, в том числе, журналах «Fremdsprachen», «Sprachpflege», «Deutsch als Fremdsprache», а также учебных пособий по немецкому языку, выпущенных большими тиражами в издательстве «Высшая школа»: «Глагол» (1977 г.), «Народное хозяйство ГДР» (1979 г.), «Стилистическая грамматика немецкого языка» (1988 г.).

В 1991 г. в Ленинградском отделении института языкознания АН СССР состоялась защита докторской диссертации Елизаветы Васильевны Милосердовой «Прагматические аспекты модальности простого предложения в современном немецком языке». Е. В. Милосердова долгие годы проработала профессором кафедры немецкой филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. В сферу ее научных интересов входят: антропоцентрический характер языкового знака и его отражение в грам-

матических категориях; прагматика языка в контексте межкультурной коммуникации; асимметрия языкового знака в свете синергетической концепции языковой системы; прагматическая асимметрия «я-мира» и «не-я-мира» и особенности ее проявления в разных языках; специфика прагматических парадигм в разных языковых системах; модальное усложнение языкового знака в аспекте его прагматической интерпретации; языковая личность в контексте взаимодействия языка и культуры; особенности функционирования речеповеденческих стереотипов, обусловленные социокультурными факторами. Перу Е. В. Милосердовой принадлежит более 100 научных трудов, среди которых монография «Прагматика речевого общения» (Тамбов: ТГУ, 2001 г.), учебное пособие «Некоторые вопросы сравнительной типологии немецкого и русского языков», коллективный сборник научных статей «Актуальные проблемы германского и общего языкознания» (Тамбов-Москва, 2001 г.), коллективное учебное пособие «Функционирование некоторых антропоцентрических категорий в современном немецком языке» (Тамбов: ТГУ, 2006 г.).

Кроме указанных публикаций в рамках научно-исследовательской темы «Прагмалингвистическое исследование языковой личности в контексте взаимодействия языка и культуры» были сделаны научные доклады на многочисленных международных конференциях, в частности, на международной конференции, организованной немецкими специалистами «Культурологические аспекты в преподавании иностранного языка» (Великий Новгород, 2004 г.); на международной конференции «Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур» (Воронеж, 2004 г.); на международном семинаре при Рурском университете (г. Бохум, ФРГ), на международных семинарах «Гендер. Язык. Коммуникация» (Москва, 2001 г.) и др.

25 февраля 1992 г. свою докторскую диссертацию «Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством (на материале современного немецкого языка)» в Институте Языкознания АН СССР защитила Ольга Андреевна Кострова. Одним из трех ее офици-

альных оппонентов выступил ученик Н. А. Булах, профессор В. А. Жеребков.

О. А. Кострова с 1971 г. работает на кафедре немецкого языка Куйбышевского (впоследствии Самарского) государственного педагогического университета, с 1992 г. до 2012 г. она возглавляла эту кафедру, сейчас она профессор кафедры немецкого языка Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. Круг ее научных интересов необычайно широк: это сложное предложение; языковая прагматика; сопоставительная типология; переводоведение. Она перевела и издала в родной Самаре знаменитый труд немецкого лингвиста Руди Келлера «Языковые изменения: О невидимой руке в языке» (1997 г.). Она написала около ста пятидесяти научных трудов, среди которых особое место занимают книги «Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка» (2004 г.), «Сравнительная типология немецкого и русского языков» (2006 г.). Ольга Андреевна – заместитель председателя диссертационного совета Д 212.216.03 по защите кандидатских и докторских диссертаций при Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

Четвертым доктором наук, ученицей Н. А. Булах и ученицей ее ученицы Е. В. Милосердовой, стала А. В. Щербакова, защитившая свою диссертацию «Активные процессы в современном немецком письменном языке» в 2001 г. в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина. Сейчас Александра Васильевна работает в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Тамбовский филиал), она автор многих научных трудов, область ее научных интересов – активные процессы в современном немецком языке, английские влияния в немецком языке, вторичные топонимы и этнонимы в немецкой, британской и американской лингвокультурах. А. В. Щербакова – член диссертационного совета Д 212.261.04 (филологические науки) при Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина.

Научная мысль Н. А. Булах нашла продолжение и в учениках ее учеников – уже третьем поколении германистов. Под руководством

О. А. Костровой было защищено 24 диссертации – 22 кандидатские и 2 докторские; Е. В. Милосердова была научным руководителем 16 кандидатских и научным консультантом 2 докторских диссертаций; под научным руководством А. В. Щербаковой было защищено 2 кандидатские диссертации. Только в XXI в. ученые степени получили 37 кандидатов и 4 доктора наук, приходящиеся Наталии Александровне Булах «научными внуками».

Однако не только научное родство сблизило Н. А. Булах и ее учеников с младшими поколениями российских германистов, но и прямое кровное родство – и самой Наталии Александровны и ее учениц. Германистами, кандидатами наук стали дочь Наталии Александровны Магдалина Игоревна Булах, защитившая в 1978 г. в Калининском государственном университете диссертацию «Цитата как лингвистическое явление немецкой научной прозы», и внучка Наталья Владимировна Булах, чья диссертация «Уступительные сложноподчиненные предложения в современном немецком языке» была защищена в 1996 г. в Тверском государственном университете. Дочь О. А. Костровой – Елена Викторовна Беспалова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Самарского аэрокосмического университета, ее диссертация «Статус стилистически маркированного словосложения в современном немецком языке» была защищена 2002 г.

Наша наука не стоит на месте, она движется вперед вместе с обществом, вместе с нами. Приходят и уходят люди, сменяются поколения и парадигмы, но живут и развиваются идеи и не горят рукописи. Поэтому научное наследие, оставленное нам Н. А. Булах, будет жить и развиваться, а продолжать ее идеи будут и четвертое, и пятое, и последующие поколения лингвистов, которые сейчас только начинают свой путь в науке или еще сидят на студенческой скамье.

Приложение

Диссертационные работы Н. А. Булах и ее учеников

1. Булах, Н. А. К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках [Текст] / Н. А. Булах // Ученые записки. Вып. XXX (XL). Иностранные языки. –

Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1957. – С. 37–86.

2. Булах, Н. А. Развитие грамматической категории отрицания в немецком языке (на материале древневерхненемецкого и средневерхненемецкого периодов) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Наталия Александровна Булах. – Ленинград, 1954. – 16 с.

3. Булах, Н. А. Средства отрицания в немецком литературном языке [Текст] / Н. А. Булах. – Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1962. – 336 с.

4. Григорьева, Т. С. Структурно-семантическое оформление косвенной речи в немецком литературном языке (на материале источников XIV-XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Татьяна Сергеевна Григорьева. – Ярославль, 1972. – 26 с.

5. Долгих, В. Г. Абсолютные падежные конструкции в современном немецком языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Валентина Григорьевна Долгих. – Ярославль, 1973. – 24 с.

6. Жеребков, В. А. Способы выражения относительного будущего в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Вадим Александрович Жеребков. – Ленинград : 1966. – 19 с.

7. Жеребков, В. А. Грамматическая категория времени в системе немецкого глагола : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Вадим Александрович Жеребков. – Ленинград, 1972. – 40 с.

8. Жукова, Л. Т. Предложения и словосочетания с уступительным значением в немецком литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Людмила Тарасовна Жукова. – Ярославль, 1967. – 18 с.

9. Конькова, Х. А. Распространенное причастное определение в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Хина Александровна Конькова. – Ярославль, 1971. – 25 с.

10. Кострова, О. А. Средства выражения условных отношений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Ольга Андреевна Кострова. – Ярославль, 1971. – 17 с.

11. Кострова, О. А. Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Ольга Андреевна Кострова. – М., 1991. – 32 с.

12. Мамедова, Р. Г. Наречие как лексико-грамматический разряд слов в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Р. Г. Мамедова. – Ярославль, 1972. – 16 с.

13. Милосердова, Е. В. Структура побудительных предложений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Елизавета Васильевна Милосердова. – Ярославль, 1973. – 27 с.

14. Милосердова, Е. В. Прагматические аспекты модальности простого предложения в современном немецком языке : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.04 [Текст] / Елизавета Васильевна Милосердова. – Ленинград, 1991. – 36 с.

15. Минакова, И. Б. Глагольная аналитическая конструкция würde + инфинитив в немецком литературном языке (на материале источников XIII-XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / И. Б. Минакова. – Ярославль, 1969. – 27 с.

16. Невская, Л. А. К оформлению определительного прилагательного в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Людмила Александровна Невская. – Ярославль, 1968. – 20 с.

17. Силина И. Н. Глаголы legen, setzen, stellen в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / И. Н. Силина. – Ярославль, 1970. – 17 с.

18. Смирнов, Н. К. Инфинитивный оборот с um ... zu и его синонимы в немецкой научно-технической литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Николай Константинович Смирнов. – Ярославль, 1973. – 24 с.

19. Усилов, Б. К. Кваликативный качественно-количественный атрибут сказуемого и определения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Б. К. Усилов. – Львов, 1966. – 23 с.

20. Фирсова, Г. М. Выражение цели в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Гертруда Михайловна Фирсова. – Ярославль, 1968. – 15 с.

21. Щербакова, А. В. Синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость глаголов приема и изъятия в современном немецком языке (на материале глаголов nehmen, ergreifen, entnehmen, entnreißen, rauben, stehlen) : автореферат дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 [Текст] / Александра Васильевна Щербакова. – Калинин, 1975. – 30 с.

22. Щербакова А. В. Активные процессы в современном немецком письменном языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Александра Васильевна Щербакова. – Тамбов, 2001. – 34 с.

Библиографический список

1. Белобратов, А. В. В. М. Жирмунский и русская германистика [Текст] / А. В. Белобратов // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов, Том 1. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 59–73.

2. Гончарова, Е. А. История кафедры [Электронный ресурс] / Е. А. Гончарова. – Режим досту-

па: <http://www.herzen.spb.ru/main/structure/inst/in yaz/1410533555/1410533888/1410983072/>.

3. Жирмунский В. М. Предисловие [Текст] / В. М. Жирмунский // Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1976. – С. 7–10.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belobratov, A. V. V. M. Zhirmunskij i russkaja germanistika [Tekst] / A. V. Belobratov // Russkaja germanistika : Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov, Tom 1. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – S. 59–73.

2. Goncharova, E. A. Istorija kafedry [Jelektronnyj resurs] / E. A. Goncharova. – Rezhim dostupa:

<http://www.herzen.spb.ru/main/structure/inst/in yaz/1410533555/1410533888/1410983072/>.

3. Zhirmunskij V. M. Predislovie [Tekst] / V. M. Zhirmunskij // Zhirmunskij V. M. Obshee i germanskoe jazykoznanie. – L. : Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1976. – S. 7–10.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Е. В. Милосердова

**Концепция Н. А. Булах об отрицании в немецком языке
и актуальные проблемы современной прагмалингвистики**

В статье рассматриваются проблемы современной прагмалингвистики, связанные, в частности, с такой универсальной языковой категорией, как отрицание. Подчеркивается значение классической работы Н. А. Булах по исследованию отрицания в немецком языке. Особое внимание уделено новым тенденциям в современной коммуникации к использованию имплицитного и косвенного отрицания.

Ключевые слова: отрицание, прагматика, речевой акт, имплицитность, косвенность, политкорректность.

E. V. Miloserdova

**N. A. Bulakh's conception of negation in the German language
and topical problems of modern pragmalinguistics**

The article considers some problems of modern pragmalinguistics connected with such universal category as negation. N. A. Bulakh's classical work on analyzing negation in the German language is of great importance. Special attention is paid in the article to new tendencies in modern communication to use implicit and indirect negation.

Key words: negation, pragmatics, speech act, implicitness, indirectness, political correctness.

Современная лингвистика активно разрабатывает вопросы, связанные с новыми требованиями, которые ставит перед ней бурно изменяющийся мир, в первую очередь, социум, фундаментальные проблемы в котором все очевиднее оказываются завязанными на языке, речевом общении тех, кто составляет этот социум и решает сегодня его судьбы. Все это вызвало потребность в переосмыслении многих подходов к изучению языка и появление новых методологий его анализа. К сожалению, при этом нередко можно заметить, что в работах, выполненных в русле очередного актуального направления, наблюдается эдакое снисходительно-пренебрежительное отношение к тем фундаментальным исследованиям, которые относятся к традиционной лингвистике.

Молодые авторы лихо берутся критиковать работы той плеяды, в частности, отечественных лингвистов, которые долгие годы составляли и составляют гордость нашей науки. Читая статьи подобных «критиков», убеждаешься в том, насколько поверхностно они воспринимают критикуемые ими исследования, ставшие за долгие годы тем, что называется классическим достоянием в науке. А классические сочинения, как известно, независимо от того, являются ли они художественными или научными, характеризуются тем, что каждое новое поколение при внима-

тельном их изучении может найти в них отклик на свои собственные актуальные проблемы. Не случайно уже столетиями на самых разных сценах появляются все новые и новые трактовки «Гамлета», «Короля Лира», «Трех сестер», «Вишневого сада» и других великих произведений, глубина которых кажется поистине неисчерпаемой.

Не является исключением и научная сфера. Если проследить за развитием лингвистики хотя бы за последние 100 лет, то нетрудно увидеть, как в ней одни модные методы сменяли другие. Ни в коей мере не желая умалить заслуги таких направлений в лингвистике, как структурализм, бихейвиоризм, генеративизм, первая и вторая когнитивные революции и т. п., подчеркнем, что на определенном этапе полезно бывает обратиться к тем научным работам, которые в период упоения новыми методами были, что называется, «сброшены с корабля современности», к работам, которые некоторыми молодыми исследователями воспринимаются как архаичные и даже устаревшие.

Смена научных парадигм, иногда воспринимаемая как своеобразный прогресс в той или иной отрасли знаний, часто бывает лишь сменой ценностных ориентиров, принятых в определенный период времени. Не случайно

Ю. С. Степанов еще в 1985 г. писал: «Все ‘парадигмы’ односторонни, и когда одна сменяет другую, то, хотя весь процесс приближает нас к познанию объективной реальности, все же в известной мере одна односторонность сменяется другой» [12, с. 5].

Парадокс состоит в том, что внимательное изучение работ, которые относятся, в частности, к традиционной грамматике, позволяет убедиться, насколько они многогранны и глубоки, убедиться, что в них содержатся многие идеи, предваряющие последующие научные открытия. К таким исследованиям, вне всякого сомнения, относятся труды Н. Кузанского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. М. Пешковского, И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова, А. А. Потебни и других российских филологов. В немецкой отечественной лингвистике такими классическими работами являются исследования В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, В. Г. Адмони. В этом же ряду находятся и работы Н. А. Булах, выполненные еще в середине XX в.

Фундаментальное исследование Н. А. Булах посвящено языковой категории отрицания [3]. Отрицание относится к числу тех понятий, которые только на первый взгляд кажутся ясными и очевидными. О нем можно сказать словами Блаженного Августина: «Если меня не спрашивают, я знаю, что это; но если спрашивают – не знаю». И хотя философ имел в виду такой феномен, как время, категория отрицания оказывается не менее загадочной и нелегко эксплицируемой. На это указывает и Н. А. Булах: «Грамматическая категория отрицания относится к таким лингвистическим категориям, которые в практике языка представляются хорошо известными и всем понятными категориями, но, тем не менее, нелегко поддаются точной дефиниции» [3, с. 4]. Не удивительно поэтому, что к изучению отрицания обращались и обращаются философы и логики, социологи, психологи и, конечно, лингвисты.

Исторический охват исследуемого Н. А. Булах материала поражает: это немецкие литературные тексты с XIV до XX в. Столь огромный массив материала заставил автора исключить из анализа некоторые вопросы, имеющие отношение к теме, чтобы сосредоточиться на главном – на анализе развития монологичности в немецком языке. Тем не менее, даже при указанных ограничениях в работе Н. А. Булах, как это свойственно классическим исследованиям, заложены предпосылки для тех современных

направлений в изучении языка, которые являются особенно актуальными в рамках прагмалингвистики, так как демонстрируют те глубокие связи, которые существуют между структурой языка и средой его функционирования.

Не в последнюю очередь это связано с особенностями отрицания как категории, с тем, что в ней отражаются взаимосвязи языка и мышления, языка и объективной действительности, она обнаруживает непосредственную глубокую связь с человеком, с субъектом речи, поскольку именно он постулирует ее в процессе коммуникации. Именно говорящий актуализирует в отрицании свою определенную реакцию на явления окружающей действительности, на меняющиеся обстоятельства, на собеседника и т. д.

Свойство, которое делает отрицание столь интересным для лингвистов, состоит в том, что концепт «отрицание» не содержит информацию об окружающем мире. И. Н. Бродский указывал, что «реальность не содержит в себе ничего отрицательного, она положительна в том смысле, что все вещи являются тем, чем они являются» [2, с. 51]. Многие авторы подчеркивают коммуникативную природу отрицания, его ориентацию на коммуникативную деятельность человека. Это объясняет большое количество работ, посвященных анализу того, что можно назвать отрицательными смыслами: отказ, порицание, недоверие, неодобрение, несогласие, осуждение, уклонение от ответа и т. п. Необходимость подобных исследований вызвана, с одной стороны, чисто лингвистическими проблемами языка как сложнейшего антропоцентрического феномена, но с другой – вопросами, входящими в сферу психологии и социологии, но становящимися сегодня все более актуальными, в частности, в связи с мерой воздействия человека на используемый им язык и с влиянием естественного языка на поведение и мышление человека, особенно в плане формирования его картины мира.

Указанные проблемы стали особенно острыми в конце XX – начале XXI в. Ученые самых разных областей знания (философы, социологи, экологи, психологи, филологи и др.) выражают все большую озабоченность по поводу тех процессов, которые происходят в современном мире. Многие из них утверждают, что тот финансовый кризис, о котором, начиная со второй половины 2008 г., до сих пор твердят средства массовой информации, представляется ничтожным в сравнении с тем духовным кризисом, который переживает сегодня человечество в целом.

Не в последнюю очередь это связано с так называемыми «общечеловеческими ценностями», на которые делался и делается упор в политике западных государств и которые в конечном итоге вылились в насильственное насаждение стереотипов, норм поведения одних (в частности, западных) культур в других культурах, в политику игнорирования национальных традиций и опыта, ментальных и культурных особенностей других народов. Как пишет С. П. Курдюмов: «Путь, вымощенный «общечеловеческими ценностями», «идеологией открытого общества» и прочими благими намерениями, поразительно быстро привел многих в ад» [5, с. 12]. В. В. Колесов характеризует данную проблему в аспекте противостояния понятий «культура», неотъемлемой частью которой является язык, и «цивилизация». Он пишет: «...обозначилась явная тенденция подавить национальную культуру другой цивилизацией. Слишком хрупка культура под напором агрессивной техногенной цивилизации, и защищать ее сложно. Силы неравные: тонкая материя родного языка – и вся мощь современной техники» [4, с. 169].

Все чаще исследователи напрямую увязывают состояние языка с состоянием общества, подчеркивая при этом необходимость бережного отношения к той великой ценности, какой предстает национальный язык для любого народа. Сложность проблем, встающих перед современным мировым сообществом, как никогда ранее, убеждает в важности умения договариваться друг с другом, умения и желания понять собеседника. Этим объясняется столь пристальное внимание к тем проблемам, которые в конце концов привели к формированию антропоцентрической научной парадигмы. Данное направление с полным основанием можно считать последователем классического отечественного языкознания, в котором на всем протяжении его формирования и развития неизменно ощущался интерес к языку не только как к объекту, отвлеченному от человека, как феномену «чистого знания», знания, по Ф. де Соссюру, «в самом себе и для себя», а в которых язык предстает не просто как сфера общественного *познания*, чаще всего предполагающего *производство знания*, но и как сфера постижения другого, то есть *понимания*.

Известно, что знание может быть отвлечено от субъекта, результаты получения знаний хранятся вне человека (в библиотеках, на электронных носителях и т. д.), тогда как понимание всегда связано с конкретным субъектом, оно субъек-

тивно уже по своей природе, всегда вписывается в конкретный личностный и культурно-исторический контекст. Убедительнее всего это можно проиллюстрировать на примере интерпретаций, то есть понимания художественных произведений в разные исторические эпохи, но в не меньшей степени это касается и разного толкования фраз собеседника в обычном диалоге [7]. Такое понимание языка предполагает его исследование не просто как *функции*, а как инструмента для взаимодействия человека со *средой* функционирования, что неизбежно потребовало учета гораздо большего количества факторов, оказывающих влияние на ту самую языковую систему, которая используется конкретными людьми.

Сегодня даже для простого наблюдателя очевидно, что одной из самых заметных черт современного мира является его, без всякого преувеличения, стремительное изменение. Это изменение касается самых разных областей и сфер, в том числе и языка. Причем это уже не традиционные представления об изменениях в языковой системе, связанные с появлением многочисленных новых слов, с активным заимствованием терминов, понятий из других языков. Гораздо более интересными представляются те изменения, которые связаны с тем, что Ю. М. Малинович называет «семантикой личностной пристрастности, на которой зиждется вся прагматика языка» [6, с. 14], то есть с субъективностью языка как с его неотъемлемой чертой. Подобные изменения затрагивают ту сферу функционирования языка, которая касается форм взаимодействия человека с человеком, и определяются факторами, самым непосредственным образом фиксирующими специфику самого человека как субъекта той интерактивной деятельности, которая и составляет самую суть коммуникации.

Антропоцентрическая лингвистика и, в частности, прагмалингвистика с ее вниманием к человеческому фактору позволяет выявить теснейшую связь языкового и ментального, языка и культуры, языка и национального характера, потому что, говоря словами Э. Бенвениста, «то, что можно *сказать*, ограничивает и организует то, что можно *мыслить*» [1, с. 111]. Перефразируя знаменитый афоризм Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую», можно утверждать: «*Как я мыслю, так я, следовательно, и существую*».

Прагмалингвистические исследования предполагают учет не только всей совокупности отношений, в которые с человеком вступает языковой знак, но и анализ того коммуникативного контекста, в рамках которого происходит общение. Возникающее при таком условии разнообразие факторов, влияющих на процесс коммуникации, на выбор говорящим языковых форм, позволяет обратиться к одному из важнейших прагматических феноменов коммуникации, каким выступает *смысл высказывания*, а еще точнее – *индивидуальный личностный смысл высказывания*, то есть то, какую цель преследует говорящий, выбирая именно данную языковую форму, как он сквозь призму данной формы, с одной стороны, видит собеседника, а с другой – какое представление о своей личности он хочет создать у него.

С позиции формирования личностного смысла высказывания приоритет прагматического компонента определяется тем очевидным фактом, что именно на прагматическом уровне мы имеем дело с высказыванием не просто как с актуализированной единицей языковой системы, а как с частью коммуникативного (а это значит, в первую очередь, речевого) поведения человека в конкретном речевом контексте. Очевидно, что именно на этом уровне связь языка и культуры проявляется наиболее отчетливо. Интересно высказывание известного современного писателя З. Прилепина, который в программе «Тем временем» на канале «Культура» сказал: «Самым глубинным уровнем смысла является то непроявленное содержание, которое связывает человека с миром ценностей, законов, образцов поведения в данной культуре».

Эти базовые признаки, связанные с общественным укладом, жизненной практикой того или другого народа и формирующие мировосприятие человека, его менталитет, а вместе с тем и доминантные основы поведения, выявляющие важнейшие правила поведения, находят отражение в языковых категориях, фиксирующих регламентируемые данным социумом ценности. Примером может служить, в частности, фраза «Конец цитаты», появившаяся в наших СМИ в 90-е гг. XX в. и призванная обозначить границу чужого высказывания [см. 8; 9]. В этом же ряду и постепенно возвращающаяся форма «якобы», которая в институциональном дискурсе времен СССР практически исчезла, но которая сегодня в новостных передачах выступает в качестве средства выражения сомнения говорящего, его ди-

станцированности от передаваемого сообщения. Конечно, до формирования такой грамматической категории, как пересказывательность, какая существует, например, в болгарском языке, русскому языку еще далеко, однако в исторической перспективе это вполне возможно.

Для современного западного общества в роли таких культурно обусловленных сценариев выступают такие компоненты категории вежливости, как снижение категоричности, стремление к сохранению собственного лица, к «неущемлению» лица собеседника и т. п. Эти, без сомнения, положительные основы речевого поведения, как и многие другие явления нашей жизни, к сожалению, обладают двойственностью, которая может легко превращаться в свою противоположность, что проявляется в стремлении говорящих к косвенному выражению своих мыслей, к так называемой «непрямой коммуникации». В результате преобладающей формой речевого конвенционального общения становятся косвенность и имплицитность, ярчайшим проявлением которых стала пресловутая политкорректность.

Отвечая на новые вызовы так называемого «демократического» общества, которое впало в эйфорию политкорректности, знаки языковой системы, предполагающие так называемое прямое общение, уже считаются слишком резкими, они вызывают чувство неловкости, воспринимаются участниками коммуникации как тревожный сигнал в общении, как недопустимый дурной тон. Общество, озабоченное в первую очередь тем, чтобы никоим образом не задеть, не обидеть тех, кто считает себя ущемленным в своих правах, начинает искать иные способы выражения своих интенций, новые политкорректные языковые формы, уже стараясь не замечать того, как все более нагло и агрессивно (и отнюдь не толерантно по отношению к большинству) ведут себя «обиженные» [см. 10; 11]. И вот уже английский парламент принимает беспрецедентное решение убрать из учебников английского языка слова «отец» и «мать», так как они ущемляют права детей, выросших в однополых семьях. Показательно, что А. Меркель, лидер страны, одной из первых провозгласивших «политику мультикультурализма», открыто заявляет, что эта политика себя не оправдала, а последние политические события это еще ярче подтверждают.

В одном ряду с этими фактами, по моему мнению, находятся требования представителей некоторых бывших союзных республик изменить грамматические и орфографические правила

в русском языке. Так, сразу же после распада Советского Союза в прессе вдруг появились такие наименования, как «Таллинн», «Алматы»; сегодня повсюду слышим недовольства со стороны политиков, писателей соседней Украины, когда кто-то вдруг по старинке осмелится сказать «на Украине» вместо «в Украине». Но почему-то никто из этих лиц не высказывает никаких претензий к американцам, англичанам, французам, немцам и другим нациям, которые пишут и произносят старые названия так, как это исторически сложилось в их языках, по правилам, сложившимся в течение тысячелетий. Как видим, политкорректность и толерантность в таком «демократическом» обществе очень избирательны.

Для современного западного общества в роли таких культурно обусловленных сценариев выступают: снижение категоричности, стремление к сохранению собственного лица, к «неущемлению» лица собеседника, соблюдение речеведческих норм общения и т. п. Указанные тенденции находят свое выражение в принципах: 1) демократичности; 2) толерантности; 3) политкорректности; 4) принципа Полианны. Доминантой в этой культуре является ритуализованность стратегий коммуникативного поведения, в основе которой лежит *демонстрация*, то есть *внешнее проявление* положительного отношения говорящего к собеседнику. Поэтому некоторые современные философы видят и в этой тенденции другое: «Человечество учится искусству не слышать собеседника». Что происходит, когда кто-то нарушает (или просто не соблюдает) эти правила, показывает ситуация с Г. Грассом. После его статьи общество как-то сразу забыло о свободе слова, о демократических принципах и с упоением «низвергало» лауреата Нобелевской премии с его высот.

Некоторые историки предлагают рассматривать историю развития человечества с позиции навязывания одной группой людей своего образа жизни другим группам. Для современного общества эту мысль можно экстраполировать и на формы общения. Сегодня это выражается в том, что одни формы общения признаются нецивилизованными, тогда как другие объявляются единственно приемлемыми. Поэтому фраза Дж. Маккейна «Мы должны научить их (русских) поведению», сказанная им в августе 2008 г., очень показательна: Запад стремится навязать остальному миру не только свою политику, но и свой образ жизни, свой стиль поведения, не считаясь с национальными традициями

и обычаями. В результате все разговоры о взаимопонимании между культурами часто сводятся к тому, что называется *улицей с односторонним движением*. Противостоять этому натиску иных (чуждых) влияний и стереотипов, других моделей поведения, иной ментальности может только человек, с одной стороны, осознающий себя как личность, четко идентифицирующий себя с определенной национальной культурой, а с другой стороны, отдающий себе отчет в том, что другой человек имеет право на самобытность, особое, иное восприятие мира.

Библиографический список

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974.
2. Бродский, И. Н. Отрицательные высказывания [Текст] / И. Н. Бродский. – Л., 1973.
3. Булах, Н. А. Средства отрицания в немецком литературном языке. Ученые записки. Выпуск LVII [Текст] / Н. А. Булах. – Ярославль, 1962.
4. Колесов, В. В. Язык и ментальность [Текст] / В. В. Колесов. – СПб., 2004.
5. Курдюмов, С. П. Синергетика и прогнозы будущего [Текст] // Синергетика и прогнозы будущего. – 1997.
6. Малинович, Ю. М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука: лингвофилософский и понятийно-содержательный базис [Текст] // Вестник ИГЛУ. Серия: Антропологическая лингвистика. – № 7. – Иркутск : ИГЛУ, 2004.
7. Милосердова, Е. В. Семантика и прагматика модальности [Текст] / Е. В. Милосердова. – Воронеж : ВГУ, 1991.
8. Милосердова, Е. В. Прагматика речевого общения [Текст] / Е. В. Милосердова. – Тамбов : ТГУ, 2001.
9. Милосердова, Е. В. Специфика грамматических категорий как феномен национальной культуры [Текст] // Реальность, язык и сознание. Вып. 4. – Тамбов : ТГУ, 2010.
10. Милосердова, Е. В. Современный культурный контекст: между искренностью и лицемерием [Текст] // Вестник Тамбовского гос. университета им. Г. Р. Державина. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 12(92). – Тамбов : ТГУ, 2010.
11. Милосердова, Е. В., Грачева, М. К. Политкорректность – культура или псевдокультура? [Текст] // Культура в зеркале языка и литературы. – Тамбов : ТГУ, 2010.

12. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1985.

Bibliograficheskij spisok

1. Benvenist, Je. Obshhaja lingvistika [Tekst] / Je. Benvenist. – М. : Progress, 1974.

2. Brodskij, I. N. Otricatel'nye vyskazyvanija [Tekst] / I. N. Brodskij. – L., 1973.

3. Bulah, N. A. Sredstva otricanija v nemeckom literaturnom jazyke. Uchjonye zapiski. Vypusk LVII. [Tekst] / N. A. Bulah. – Jaroslavl', 1962.

4. Kolesov, V. V. Jazyk i mental'nost' [Tekst] / V. V. Kolesov. – SPb., 2004.

5. Kurdjumov, S. P. Sinergetika i prognozy budushhego [Tekst] // Sinergetika i prognozy budushhego. – 1997.

6. Malinovich, Ju. M. Antropologicheskaja lingvistika kak integral'naja nauka: lingvofilosofskij i ponjatijno-soderzhatel'nyj bazis [Tekst] // Vestnik IGLU. Serija: Antropologicheskaja lingvistika. – № 7. – Irkutsk : IGLU, 2004.

7. Miloserdova, E. V. Semantika i pragmatika modal'nosti [Tekst] / E. V. Miloserdova. – Voronezh : VGU, 1991.

8. Miloserdova, E. V. Pragmatika rechevogo obshhenija [Tekst] / E. V. Miloserdova. – Tambov : TGU, 2001.

9. Miloserdova, E. V. Specifika grammaticheskikh kategorij kak fenomen nacional'noj kul'tury [Tekst] // Real'nost', jazyk i soznanie. Vyp. 4. – Tambov : TGU, 2010.

10. Miloserdova, E. V. Sovremennyj kul'turnyj kontekst: mezhdu iskrennost'ju i licemeriem [Tekst] // Vestnik Tambovskogo gos. universiteta im. G. R. Derzhavina. Serija: Gumanitarnye nauki. Vyp. 12(92). – Tambov : TGU, 2010.

11. Miloserdova, E. V., Gracheva, M. K. Politkorrektnost' – kul'tura ili psevdokul'tura? [Tekst] // Kul'tura v zerkale jazyka i literatury. – Tambov : TGU, 2010.

12. Stepanov, Ju. S. V trehmernom prostranstve jazyka. Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [Tekst] / Ju. S. Stepanov. – М. : Nauka, 1985.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

О. А. Кострова

Развитие научного наследия Н. А. Булах в Самарской лингвистической школе

В Самарской лингвистической школе научное наследие Н. А. Булах развивается по следующим направлениям: комплексное описание единиц языка; систематизация семантики и функционирования сложноподчиненных предложений в немецком и английском языках; исследование глагольных категорий; изучение видов речи и типов текста; выявление скрытых значений, имплицитированных в слове, словосочетании, предложении и тексте.

Ключевые слова: продолженная синтаксическая форма, когнитивная прагматика, семантика условия, придаточные объектные, субъектные, определительные, темпоральные отношения, интенция обещания, средства манипулирования, номинативное поле, прецедентность, эвиденциальность, дискурсивные стереотипы.

О. А. Kostrova

The development of N. A. Bulakh's scientific legacy in Samara linguistic school

There are several directions in developing N. A. Bulakh's scientific legacy in Samara linguistic school: complex description of language units; systematizing semantics and functioning of compound sentences in the German and English languages; analyzing verb categories; studying types of speech and text; investigating implicit meanings of words, collocations, sentences and text.

Key words: continuous syntactic form, cognitive pragmatics, semantics of condition, object, subject and attributive clauses, temporal relations, intention of promise, manipulation means, nominative field, precedence, equivalence, discourse stereotypes.

1. Научное наследие Н. А. Булах: идеи и методы

Научное наследие моего научного руководителя – доктора филологических наук, профессора Наталии Александровны Булах состоит, по моему глубокому убеждению, из двух частей: научных идей, заложенных в ее собственных работах и работах ее учеников, с одной стороны, и методов исследования языка, применяемых в этих работах, с другой.

Основная идея, представленная в школе Н. А. Булах, – это, на мой взгляд, неразрывная связь исторического развития и современного функционирования единиц языка. Эта идея пронизывает основной фундаментальный труд Наталии Александровны «Средства отрицания в немецком литературном языке» (1962 г.), который не утратил актуальности по сей день. Не останавливаясь на анализе этого замечательного исследования, намечу лишь основные направления, по которым шло дальнейшее развитие содержащихся в нем идей в школе Н. А. Булах и которые стали отправными точками для развития этих идей в Самарском педагогическом университете.

Одно направление охватывает исследование функционирования языковых единиц, отталкива-

ясь от их семантики [1; 2; 3 и др.], другое принимает за исходную точку форму или категорию и выявляет их функции [4; 5 и др.]. Следующие направления включают диахроническое [6; 7 и др.] и стилистическое варьирование языковых единиц [2; 6; 8].

Основной метод, применяемый Н. А. Булах и ее учениками, – это эмпирический анализ корпуса языковых единиц, который составлялся вручную и был представлен на бумажных карточках. Этот корпус подвергался тщательному анализу с функционально-семантических, количественных, диахронических или стилистических позиций в зависимости от целей исследования. Во многих работах применялся структурно-системный метод, который, как правило, сочетался с семантическим анализом [4; 3; 9 и др.].

2. Развитие научных идей в Самарской лингвистической школе

Будучи аспиранткой, я получила от Наталии Александровны задание посмотреть, как формируется условное значение в языковых единицах, не содержащих прямого указания на условие, то есть *имплицитным способом*. В то время об имплицитах практически не было литературы, поэтому для теоретической главы Наталия Александровна предложила мне сделать обзор

по сложноподчиненному предложению (СПП) с придаточным условия, чтобы использовать эту языковую единицу в качестве *прототипа*. Один этот факт являет собой свидетельство научной прозорливости Наталии Александровны, сумевшей предвосхитить Элеонору Рош, предлагая к использованию понятие прототипа, не называя так это явление. Этот путь ведет нас к *категоризации* и *концептуализации*, то есть к когнитивной лингвистике.

Именно он и лег в основу моих дальнейших изысканий в области синтаксиса. В своей докторской диссертации [10] я продолжила систематизацию сложных синтаксических единиц определенного семантического содержания [см. 2] и пришла к понятию «*продолженная синтаксическая форма (ПСФ)*». ПСФ объединяет разновые уровневые синтаксические и гиперсинтаксические единицы однородной семантики: сложные предложения, предложения, осложненные вторичной предикацией или предложными группами обстоятельственного типа, а также цепочки предложений, имплицитно выражаемые союзом сложного предложения.

После защиты докторской диссертации в 1992 году при кафедре немецкого языка Самарского педагогического университета, с которой неразрывно связана моя научно-педагогическая деятельность, была открыта аспирантура по германским языкам. Обучение в ней под моим руководством прошли 25 человек, 22 из которых защитили кандидатские диссертации, а А. В. Антонова вслед за кандидатской защитила и докторскую диссертацию. Работая с аспирантами, я руководствуюсь принципами, которые применяла Наталия Александровна, среди них: учет интересов соискателя при выборе темы исследования, составление корпуса эмпирического материала и его многоаспектный анализ, включая выявление имплицитной семантики, учет функционального стиля или вида речи, в котором реализуется исследуемая единица, апробация отдельных аспектов проблемы при подготовке докладов и статей.

Тематика работ моих аспирантов и соискателей довольно разнообразна, тем не менее, она укладывается в круг проблем, обозначенных в школе Наталии Александровны. Естественно, однако, что работы, выполненные на рубеже веков и в начале XXI в., впитали в себя новые лингвистические теории, вошедшие в научный обиход во второй половине XX в. Это теории, возникшие в русле антропоцентрического пово-

рота лингвистики, конкретизированные как *теория речевых актов*, упоминавшаяся выше *когнитивная лингвистика* и *лингвопрагматика*. Новые веяния значительно расширили лингвистический горизонт: от исследования собственно структурных явлений грамматисты перешли к изучению адекватности их функционирования в аспекте соотношения с обозначаемой ситуацией, а также в аспекте категоризации окружающего мира.

В области синтаксиса значительная часть работ, выполненных под моим руководством, посвящена *проблематике СПП*, которая разрабатывается в референциально-прагматическом и когнитивно-прагматическом аспектах. С этих позиций были обследованы СПП с *придаточными субъектными, объектными и атрибутивными* в немецком языке. Привлечение новой теоретической базы повлекло за собой новый взгляд на традиционные синтаксические единицы. Так, придаточные субъектные рассматриваются как *средства дескрипции субъекта*, референтом которого является положение дел [11, с. 5]. СПП с придаточными объектными анализируются на основе теории речевых актов, что приводит к выводу об *опосредованном характере информации*, содержащейся в придаточном предложении [12, с. 6–7]. Основная функция придаточных определительных в газетном тексте определяется как *уплотнение информации* за счет контаминации в этих предложениях семантики причины, времени, места, цели, уступки, условия, следствия [13, с. 64–70].

Сопоставление функционирования СПП с разными типами придаточных в речи носителей немецкого языка как *родного и иностранного* [14] имеет прямой выход в методику преподавания немецкого языка как иностранного. Упомянем в этой связи словарь школьно-педагогических терминов [15], составленный при активном участии Н. А. Булах и свидетельствующий о ее внимании к педагогической тематике.

На материале английского языка описывается варьирование СПП с *придаточными времени* в авторской и прямой речи [16]. На основе сопоставления функционирования этого типа СПП в английском и немецком языках выведены *принципы когнитивно-прагматического варьирования* ситуаций их употребления [17]. ПСФ со значением условия описаны в английской научной речи [18].

В продолжение исследования СПП с придаточными объектными написана монография, в которой систематизируется *семиотика косвен-*

ности в немецком языке [19]. Монография, в свою очередь, использована для обоснования видов *эвиденциальности* в немецком языке, которые выделяются на основе анализа СПП с придаточным объектным [20].

Функционирование отдельных языковых единиц исследовано на материале *глаголов зрительного и слухового восприятия*; анализ ситуаций их употребления привел к понятию «*пространство непосредственной коммуникации*», которое ограничивается рамками досягаемости восприятия друг друга органами зрения и слуха [21].

Исследование глагольных категорий, начатое в школе Н. А. Булах В. А. Жеребковым, продолжено на материале грамматических форм немецкого *пассива*. Обращение к функционированию этой категории выявило ее функции в построении текста и дискурса [22].

Продолжено исследование литературного языка, функциональных стилей и видов речи. Литературный язык изучался на материале *метафор*. Выявлены тенденции развития метафорических выражений, используемых немецкими авторами XVIII и XX вв., во временном периоде, охватывающем 150 лет, в частности, их *синтаксическое сжатие* и увеличение количества *стилистически сниженных единиц* [23, с. 5]. В свете когнитивной лингвистики описано функционирование метафор в британской и американской литературе XX в. Когнитивный подход позволил выдвинуть и доказать гипотезу о взаимосвязи *степени новизны метафоры со структурой значения ее компонентов*, понимаемой, вслед за М. В. Никитиным, как интенционал и импликационал [24, с. 8]. Симптоматический статистический анализ корпуса метафорических выражений британских и американских авторов приводит к выводу о том, что в американской литературе почти в два раза чаще, чем в британской, встречаются индивидуальные метафоры [24, с. 18].

При исследовании несобственно-прямой речи (НПР) – тематике, представленной в школе Н. А. Булах, в ней выделяется лингвопрагматическая категория *дейксиса*. НПР рассматривается как *особый текстотип* повествования в художественном тексте, отличный как от авторского повествования, так и от внутреннего монолога [25, с. 5].

Экспрессивное варьирование разноуровневых единиц обобщено в учебном пособии по экспрессивному синтаксису современного немецкого языка [26].

В русле когнитивной лингвистики выполнены диссертации, в которых исследуется взаимодей-

ствии пространственных категорий с временными и с категориями жанра: описываются языковые единицы, выражающие слитный *концепт «пространство-время»* в немецком языке [27, с. 5]; выявляются различия в реализации *категории пространственности* в немецких народных и литературных сказках [28, с. 5].

Одна из проблем когнитивной лингвистики – исследование прецедентных имен. Этой проблеме посвящена диссертация Ю. А. Блиновой, в которой *прецедентные имена* рассматриваются на материале немецкого газетного дискурса. Автор систематизирует эти имена с учетом концептов, типичных для немецкой лингвокультуры [29].

В нескольких диссертациях разрабатывается проблема языковых полей, зачатки которой в неявном виде содержатся в школе Н. А. Булах [1; 2]. Новизну этих работ определяет акцент на *периферийных средствах*, контаминирующих, как правило, *имплицитные семантические компоненты*. Исследование периферийных фрагментов семантико-прагматического поля причины в немецком языке выявляет признаки периферийности конструкций и стилистические ограничения в их употреблении [30, с. 6–7]. При описании *номинативных полей* с семантическим центрами «*терроризм*» и «*террористы*» в газетном дискурсе ФРГ особое внимание уделяется *эвфемизмам*, заменяющим прямые номинации и тем самым затемняющим остроту социальной проблемы [31, с. 5; 13 и др.].

В заключение остановимся на развитии теории речевых актов, зародыши использования которой содержатся в исследовании диалогической речи уже в кандидатской диссертации Е. В. Милосердовой [9] и которая впоследствии находит блестящее воплощение в стилистической грамматике В. А. Жеребкова [32]. В рамках этой теории выполнены обе диссертации А. В. Антоновой. В кандидатской диссертации с привлечением *теории релевантности* Д. Шпербер и Д. Вильсона описывается реализация интенции обещания в английском языке [33]. В докторской диссертации, выполненной на материале британской политической речи, и монографии по ее результатам А. В. Антонова представляет методологию ориентации на получателя информации в системе *речевой манипуляции* [34].

Развитие теории речевых актов на материале письменной речи представлена и в последней коллективной монографии, посвященной исследованию *дискурсивных стереотипов* [35].

3. Выводы

Подведем краткий итог. Обращение к истокам собственных научных идей довольно поучительно. Оно показывает, что идеи не рождаются на пустом месте, они рождаются из накопленного прошлого опыта научных исследований, в данном случае из научного наследия Наталии Александровны Булах и ее школы. Анализ наследия помогает осознать, что было в известном смысле на интуитивном уровне, и в полной мере оценить плодотворность знаний, полученных в аспирантуре. По признанию многих ученых, они всю жизнь занимаются разработкой или доработкой программ, намеченных в молодости.

Другой важный аспект обращения к творческому наследию Учителя – сохранение памяти о нем, выражение глубокой признательности за то, чему Он научил. В моем случае – это восхищение научной прозорливостью Н. А. Булах и ее качествами научного руководителя, воспитавшего поколение последователей.

Библиографический список

1. Адоевская, О. В. Пространство непосредственной коммуникации и его глагольная организация в современном немецком языке: монография [Текст] / О. В. Адоевская. – Самара : ПГСГА, 2009. – 119 с.
2. Аминова, Т. А. Сложноподчиненное предложение с придаточным субъектным в референциально-прагматическом аспекте (на материале современного немецкого языка) [Текст] / Т. А. Аминова / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 29 с.
3. Антонова, А. В. Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А. В. Антонова. – Самара, 2004. – 24 с.
4. Антонова, А. В. Речевая манипуляция в предвыборном агитационном дискурсе Великобритании [Текст]: монография / А. В. Антонова. – М.: Маска, 2011. – 368 с.
5. Блинова, Ю. А. Аксиологический потенциал прецедентных имен собственных: на материале немецкого газетного дискурса [Текст] / Ю. А. Блинова // Известия Самарского научного центра РАН. 2006. – № 4. – С. 36–41.
6. Булах, Н. А. Средства отрицания в немецком литературном языке [Текст] / Н. А. Булах / Ученые записки / Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского, вып. 57. – Ярославль, 1962. – 334 с.
7. Бурдаева, Т. В. Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур (на материале современного немецкого языка как родного и иностранного) [Текст] / Т. В. Бурдаева / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2002. – 17 с.
8. Гундарева, Е. С. Сложноподчиненное предложение с придаточным объектным в единстве синтаксиса и прагматики (на материале немецкоязычной прозы) [Текст] / автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Е. С. Гундарева. – Самара, 2002. – 23 с.
9. Гундарева, Е. С., Кострова, О. А. Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточными объектными) [Текст]: монография / Е. С. Гундарева, О. А. Кострова. – Тольятти: ТГУ, 2005. – 130 с.
10. Долгих, В. Г. Абсолютные падежные конструкции в современном немецком языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / В. Г. Долгих. – Ярославль, 1973. – 24 с.
11. Дронова, Н. П. Несобственно-косвенная речь в немецком языке (на материале драматических произведений XVI–XX вв.) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. / Н. П. Дронова. – Ярославль, 1975. – 208 с.
12. Евстафиади, О. В. Продолженная синтаксическая форма с семантикой условия в английском языке [Текст] / О. В. Евстафиади / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2011. – 24 с.
13. Ефремова Ю. И. Моделирование категории пространственности в жанровых разновидностях немецкой сказки [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Ю. И. Ефремова. – Самара, 2008. – 22 с.
14. Жеребков, В. А. Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого языка [Текст] / В. А. Жеребков / Ученые записки / Калининский гос. пед. ин-т им. М. И. Калинина, т. 72, вып. 3. – Калинин, 1970. – 260 с.
15. Ишмухаметова, А. З. Пассивные конструкции со значением процесса в немецком языке: семантика, текстовые и дискурсивные функции [Текст] / А. З. Ишмухаметова / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2010. – 23 с.
16. Карышева, А. В. Периферийные синтаксические средства выражения причинных отношений в современном немецком языке и их дискурсивно-прагматический потенциал [Текст]:

автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Карышева. – Самара, 2004. – 21 с.

17. Коломийцева, О. Ю. Номинативные поля с семантическими центрами «терроризм» и «террористы» в газетном дискурсе ФРГ [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Коломийцева / Самара, 2012. – 19 с.

18. Кострова, О. А. Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы [Текст] : монография / О. А. Кострова, Е. В. Беспалова, О. Ю. Коломийцева, М. А. Кулинич, Е. В. Тарасова, О. В. Хабер. – Самара : ПГСГА, 2015. – 208 с.

19. Кострова, О. А. Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством (на мат. совр. нем. яз.) / О. А. Кострова / Дис. ...докт. филол. наук. – М. : АН СССР, ин-т языкознания. – 1992. – 355 с.

20. Кострова, О. А. Средства выражения условных отношений в современном немецком языке [Текст] / О. А. Кострова / Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ярославль, 1971. – 24 с.

21. Кострова, О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка [Текст] / О. А. Кострова. – 2-е изд., стереот. – М. : Флинта ; Наука, 2012. – 240 с.

22. Кострова, О. А., Собчакова, Н. М. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в немецком и английском языках: монография [Текст] / О. А. Кострова, Н. М. Собчакова. – Самара : ПГСГА, 2010. – 172 с.

23. Макарова, О. А. Метафора в британской и американской литературе XX века в свете когнитивной лингвистики [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Макарова. – Самара, 2005. – 22 с.

24. Милосердова, Е. В. Структура побудительных предложений в современном немецком языке [Текст] / Е. В. Милосердова / Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ярославль, 1973. – 27 с.

25. Минакова, И. Б. К проблеме кондиционалиса в немецком языке / И. Б. Минакова / Н. А. Булах (отв. ред.). Германские языки: сборник статей / Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль : Верне-Волжское книжное изд-во, 1966. – С. 69–121.

26. Немецко-русский школьно-педагогический словарь [Текст] / Сост. Н. А. Булах и др. ; П. А. Лебедев (отв. ред.). – М. : Сов. Энциклопедия, 1972. – 823 с.

27. Новикова, Е. И. Метафора в немецкоязычной художественной прозе XVIII–XX веков:

когнитивно-синтаксический подход [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2004. – 20 с.

28. Омелькина, О. В. Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория (на материале немецкоязычной прозы) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Омелькина. – Самара, 2007. – 26 с.

29. Петрянина, О. В. Локативность как периферийное средство выражения темпоральных отношений в современном немецком языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Петрянина. – Самара, 2007. – 26 с.

30. Смирнов, Н. К. Инфинитивный оборот с *ut...zu* и его синонимы в немецкой научной речи [Текст] / Н. К. Смирнов / Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ярославль, 1973. – 24 с.

31. Собчакова, Н. М. Когнитивно-прагматическое варьирование сложноподчиненного предложения с придаточным времени в авторской и моделируемой прямой речи (на материале английского языка) [Текст] / Н. М. Собчакова / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 22 с.

32. Суворина, Е. В. Функции сложноподчиненных предложений с придаточным определительным в структурировании немецкого газетного дискурса [Текст] / Е. В. Суворина // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». – 2006. – № 1. – С. 64–70.

33. Щербакова, А. В. Синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость глаголов приема и изъятия в современном немецком языке (на материале глаголов *nehmen, ergreifen, entnehmen, entreißen, rauben, stehlen*) [Текст] / А. В. Щербакова / Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Калинин, 1975. – 29 с.

34. Kostrova Olga. Kinds of Evidentiality in German Complement Clauses [Tekst] / Olga Kostrova / On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia / Ed. by Pirrko Suihkonen and Lindsay J. Whaley. JohnBenjaminsPublishingCompany, 2014. – P. 311–338.

35. Žerebkov, V. A. Deutsche Stilgrammatik [Tekst] / V. A. Žerebkov. – М. : Высшая школа, 1988. – 222 с.

Bibliograficheski spisok

1. Adoevskaja, O. V. Prostranstvo neposredstvennoj komunikacii i ego glagol'naja organizacija v sovremennom nemeckom jazyke: monografija

- [Tekst] / O. V. Adoevskaja. – Samara : PGSGA, 2009. – 119 c.
2. Amineva, T. A. Slozhnopodchinennoe predlozhenie s pridatochnym subjektnym v referencial'no-pragmaticeskom aspekte (na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka) [Tekst] / T. A. Amineva / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2005. – 29 s.
3. Antonova, A. V. Intencija obeshhanija i sredstva ee vyrazhenija v anglijskom jazyke [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. / A. V. Antonova. – Samara, 2004. – 24 s.
4. Antonova, A. V. Rechevaja manipuljacija v predvybornom agitacionnom diskurse Velikobritanii [Tekst] : monografija / A. V. Antonova. – M. : Maska, 2011. – 368 s.
5. Blinova, Ju. A. Aksiologičeskij potencial precedenitnyh imen sobstvennyh: na materiale nemeckogo gazetnogo diskursa [Tekst] / Ju. A. Blinova // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2006 – № 4. – S. 36–41.
6. Bulah, N. A. Sredstva otricanija v nemeckom literaturnom jazyke [Tekst] / N. A. Bulah / Učenyje zapiski / Jarosl. gos. ped. in-t im. K. D. Ušinskogo, vyp. 57. – Jaroslavl', 1962. – 334 s.
7. Burdaeva, T. V. Variantnost' slozhnopodchinennogo predlozhenija i jekvivalentnyh emu struktur (na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka kak rodnogo i inostrannogo) [Tekst] / T. V. Burdaeva / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2002. – 17 s.
8. Gundareva, E. S. Slozhnopodchinennoe predlozhenie s pridatochnym objektnym v edinstve sintaksisa i pragmatiki (na materiale nemeckojazyčnoj prozy) [Tekst] / E. S. Gundareva / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2002. – 23 s.
9. Gundareva, E. S., Kostrova, O. A. Semiotika kosvennosti v nemeckom jazyke (na materiale slozhnopodchinennyh predlozhenij s pridatočnymi objektnymi) [Tekst] : monografija / E. S. Gundareva, O. A. Kostrova. – Tol'jatti : TGU, 2005. – 130 s.
10. Dolgih, V. G. Absoljutnye padezhnye konstrukcii v sovremennom nemeckom jazyke [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. / V. G. Dolgih. – Jaroslavl', 1973. – 24 s.
11. Dronova, N. P. Nesobstvenno-kosvennaja rech' v nemeckom jazyke (na materiale dramatičeskijh proizvedenij XVI–XX vv.) [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk. / N. P. Dronova. – Jaroslavl', 1975. – 208 s.
12. Evstafiadi, O. V. Prodolzhennaja sintaksičeskaja forma s semantikoj uslovija v anglijskom jazyke [Tekst] / O. V. Evstafiadi / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2011. – 24 s.
13. Efremova Ju. I. Modelirovanie kategorii prostanstvennosti v zhanovyh raznovidnostjah nemeckoj skazki [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. / Ju. I. Efremova. – Samara, 2008. – 22 s.
14. Zherebkov, V. A. Opyt opisanija grammatičeskoj kategorii vremeni v sisteme nemeckogo jazyka [Tekst] / V. A. Zherebkov / Učenyje zapiski / Kalininskij gos. ped. in-t im. M. I. Kalinina, t. 72, vyp. 3. – Kalinin, 1970. – 260 s.
15. Ishmuhametova, A. Z. Passivnye konstrukcii so znacheniem processa v nemeckom jazyke: semantika, tekstovye i diskursivnye funkcii [Tekst] / A. Z. Ishmuhametova / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2010. – 23 s.
16. Karysheva, A. V. Periferijnye sintaksičeskie sredstva vyrazhenija pričinnyh otnošenij v sovremennom nemeckom jazyke i ih diskursivno-pragmaticeskij potencial [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. / A. V. Karysheva. – Samara, 2004. – 21 s.
17. Kolomijceva, O. Ju. Nominativnye polja s semantičeskimi centrami «terrorizm» i «terroristy» v gazetnom diskurse FRG [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. / O. Ju. Kolomijceva / Samara, 2012. – 19 s.
18. Kostrova, O. A. Diskursivnye stereotipy: mezkul'turnyj aspekt konceptosfery [Tekst] : monografija / O. A. Kostrova, E. V. Bepalova, O. Ju. Kolomijceva, M. A. Kulinič, E. V. Tarasova, O. V. Haber. – Samara : PGSGA, 2015. – 208 s.
19. Kostrova, O. A. Prodolzhennaja sintaksičeskaja forma kak promezhutočnoe zveno mezdu prostym predlozheniem i sverhfrazovym edinstvom (na mat. sovr. nem. jaz.) / O. A. Kostrova / Dis. ... dokt. filol. nauk. – M. : AN SSSR, in-t jazykoznanija. – 1992. – 355 s.
20. Kostrova, O. A. Sredstva vyrazhenija uslovnyh otnošenij v sovremennom nemeckom jazyke [Tekst] / O. A. Kostrova / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Jaroslavl', 1971. – 24 s.
21. Kostrova, O. A. Jekspressivnyj sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka [Tekst] / O. A. Kostrova. – 2-e izd., stereot. – M. : Flinta ; Nauka, 2012. – 240 s.
22. Kostrova, O. A., Sobčakova, N. M. Slozhnopodchinennye predlozhenija s pridatočnymi vremeni v nemeckom i anglijskom jazykah: monografija [Tekst] / O. A. Kostrova, N. M. Sobčakova. – Samara : PGSGA, 2010. – 172 s.

23. Makarova, O. A. Metafora v britanskoj i amerikanskoj literature HH veka v svete kognitivnoj lingvistiki [Tekst]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. A. Makarova. – Samara, 2005. – 22 s.
24. Miloserdova, E. V. Struktura pobuditel'nyh predlozhenij v sovremennom nemeckom jazyke [Tekst] / E. V. Miloserdova / Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. – Jaroslavl', 1973. – 27 s.
25. Minakova, I. B. K probleme kondicionalisa v nemeckom jazyke / I. B. Minakova / N. A. Bulah (otv. red.). Germanskije jazyki: sbornik statej /Jarosl. gos. ped. in-t im. K. D. Ushinskogo. – Jaroslavl' : Verne-Volzhscoe knizhnoe izd-vo, 1966. – S. 69–121.
26. Nemecko-russkij shkol'no-pedagogičeskij slovar' [Tekst] / Sost. N. A. Bulah i dr. / P. A. Lebedev (otv. red.). – M. : Sov. Jenciklopedija, 1972. – 823 s.
27. Novikova, E. I. Metafora v nemeckojazyčnoj hudozhestvennoj proze XVIII–XX vekov: kognitivno-sintaksičeskij podhod [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2004. – 20 s.
28. Omel'kina, O. V. Nesobstvenno-prjamaja rech' kak lingvopragmatičeskaja kategorija (na materiale nemeckojazyčnoj prozy) [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. V. Omel'kina. – Samara, 2007. – 26 s.
29. Petrjanina, O. V. Lokativnost' kak periferijnoe sredstvo vyražhenija temporal'nyh otnošenij v sovremennom nemeckom jazyke [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. V. Petrjanina. – Samara, 2007. – 26 s.
30. Smirnov, N. K. Infinitivnyj oborot s um...zu i ego sinonimy v nemeckoj nauchnoj reči [Tekst] / N. K. Smirnov / Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. – Jaroslavl', 1973. – 24 s.
31. Sobchakova, N. M. Kognitivno-pragmatičeskoe var'irovanie slozhnopodčinenogo predlozhenija s pridatočnym vremenijem v avtorskoj i modeliruemoj prjamoj reči (na materiale anglijskogo jazyka) [Tekst] / N. M. Sobchakova / Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2006. – 22 s.
32. Suvorina, E. V. Funkcii slozhnopodčinnennyh predlozhenij s pridatočnym opredelitel'nyim v strukturirovanii nemeckogo gazetnogo diskursa [Tekst] / E. V. Suvorina / Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Special'nyj vypusk «Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk». – 2006. – № 1. – S. 64–70.
33. Shherbakova, A. V. Sintaksičeskaja i leksiko-semantičeskaja sočetaemość glagolov priema i izjatija v sovremennom nemeckom jazyke (na materiale glagolov nehmen, ergreifen, entnehmen, entreißen, rauben, stehlen) [Tekst] / A. V. Shherbakova / Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. – Kalinin, 1975. – 29 s.
34. Kostrova Olga. Kinds of Evidentiality in German Complement Clauses [Text] / Olga Kostrova / On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia /Ed. by Pirrko Suihkonen and Lindsay J. Whaley. John-BenjaminsPublishingCompany, 2014. – P. 311–338.
35. Žerebkov, V. A. Deutsche Stilgrammatik [Text] / V. A. Žerebkov. – M. : Vysshaja shkola, 1988. – 222 s.

*Дата поступления статьи в редакцию: 25.04.2016
Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016*

А. В. Щербакова

Некатегориальные формы выражения некоторых грамматических значений в синтаксисе современного немецкого языка

В статье рассматриваются две некатегориальные формы выражения грамматических значений – конструкция *gehoren* + 2. *Partizip*, эксплицирующая в результате грамматикализации категорию необходимости и пассивного залога, а также необычное использование презенса вместо традиционного претерита в придаточных предложениях времени с союзом *als*. Первое явление отражает тенденцию экономии, второе – тенденцию точности.

Ключевые слова: синтаксическая структура / конструкция, грамматикализация, категория необходимости, категория пассивного залога, необычное использование презенса, тенденция экономии и точности.

A. V. Shcherbakova

Non-categorical forms expressing certain grammatical meanings in modern German syntax

The article deals with two non-categorical forms of expressing grammatical meanings: construction *gehoren* + 2. *Partizip* explicating the category of necessity and the Passive Voice as a result of grammaticalisation, as well as the unusual use of the *Präsens* instead of the traditional *Präteritum* in time clauses with the conjunction *als*. The first phenomenon shows the tendency towards economy, the second one – towards accuracy.

Key words: syntactic structure / construction, grammaticalisation, category of necessity, category of the Passive Voice, unusual use of the *Präsens*, tendency towards economy and accuracy.

Данная статья посвящается памяти выдающегося ученого, доктора филологических наук, профессора Наталии Александровны Булах, оставившей заметный след в отечественной германистике XX столетия. Имя Н. А. Булах принадлежит к числу известнейших русских лингвистов, внесших огромный вклад в исследование принципов и законов развития синтаксиса немецкого литературного языка в синхронии и диахронии.

Как известно, на каждом этапе развития культурных языков можно наблюдать определенные изменения, обновления, например, таковые в системе языковых категорий. Современное состояние синтаксиса немецкого литературного языка позволяет говорить о протекающих в нем подобных активных процессах [7; 8]. Это особенно ярко проявляется в тех случаях, когда при чтении художественной, научной и публицистической литературы читатель наталкивается на необычные явления, воспринимаемые им как отклонение от языковой нормы. Однако с течением времени, по прошествии двух-трех десятилетий, такие явления становятся менее необычными и постепенно приближаются к признанию их нормативными. В предлагаемой статье рас-

сматриваются два подобных явления немецкого синтаксиса, когда для выражения определенных грамматических значений используют необычные, некатегориальные формы.

Использование синтаксической конструкции «глагол *gehoren* + причастие прошедшего времени (*Partizip II*)» для выражения модального значения необходимости и пассивного залога.

Среди изменений, встречающихся в современном немецком языке, можно фиксировать одно из необычных явлений, состоящее в том, что знаменательный глагол *gehoren*, обладающий самостоятельным лексическим значением «принадлежать кому-либо», «относиться к чему-либо», «входить в состав чего-либо», утрачивает в некоторых случаях свое основное значение принадлежности и приобретает специфические грамматические значения долженствования и пассивности. Речь идет о модальном значении необходимости, долженствования и о значении пассивного залога, которые актуализуются в синтаксических конструкциях, образуемых исследуемым глаголом в сочетании с некоторыми словами и словосочетаниями.

Как можно объяснить этот необычный случай с позиций когнитивной лингвистики, главным постулатом которой является осмысление? В когнитивной грамматике главной операциональной единицей является смысл. Он выступает в языке как когнитивная основа грамматических значений и понимается как содержание, которое связано не только с конкретной грамматической формой, а обусловлено данностями и потребностями языка и коммуникативными практиками [2; 3; 10; 15].

В каждой категории имеются центральные, ядерные члены, обладающие прототипическими характеристиками, и нецентральные, наиболее удаленные от прототипа. Согласно Дж. Лакоффу, центральные члены категории быстрее опознаются и усваиваются, чаще употребляются и используются при понимании категории в целом [5, с. 32]. Так, центральным членом категории необходимости в немецком языке является пара модальных глаголов-синонимов *müssen / sollen* «быть должным», «долженствовать».

Категория пассивного залога, в свою очередь, представлена в грамматике ее центральным членом «вспомогательный глагол *werden* + партицип II смыслового глагола». При этом надо иметь в виду «некоторую неопределенность границ грамматических категорий» [2, с. 49], невозможность «провести резкую грань между областью языковых явлений, которые включаются в сферу грамматической категориальности, и теми явлениями, которые ею не охватываются» [3, с. 20].

Прежде чем рассмотреть необычные значения необходимости и пассивности, актуализуемые лексемой *gehören*, остановимся на семантической структуре этого многозначного глагола. В первых, основных значениях: 1. *j-m gehören* = *jmds Besitz sein*. 2. *Zu etwas gehören* = *Teil von etwas sein* лексема выступает как полнозначный глагол, например: *Der Koffer gehört diesem Herrn*. – Чемодан принадлежит этому гражданину. *Zu welcher Mannschaft gehört er?* – Из какой он команды?

Однако в сочетаниях с обстоятельством места, указывающим направление (*Direktivum*), значение принадлежности бледнеет, стирается, а появляется значение требования, близкое к семантике необходимости, ср.: *Wohin gehört dieses Buch?* = *Wo ist dafür der Platz?* *Der Stuhl gehört auf diesen Platz*. – Стул надо поставить на это место. *Der Teppich gehört unter den Tisch*. – Ковер надо постелить под стол. *Das Kleid gehört in den Schrank*. – Платье надо повесить в шкаф.

Wörterbücher gehören ins untere Fach. – Словари надо поставить на нижнюю полку.

Такое употребление глагола *gehören* с директивом характерно для разговорного языка. В этих примерах ярко отражается национальное мировосприятие немецкого народа, идея о необходимости упорядоченности жизни (в том числе, в быту), которой немцы постоянно руководствуются: *Jedes Ding gehört an seinen Platz*. – Всякой вещи свое место. Эту мысль подтверждает и необычный пример из словаря Г. Пауля: *Was zu stehen gehört, stand; was zu liegen gehört, lag*. – Что должно стоять, стояло, а что должно лежать, лежало. Лексема *gehören* употребляется здесь в составе свободных словосочетаний типа: *auf diesen Platz/unter den Tisch/ in den Schrank gehören* [14, с. 53].

По этой же модели глагол образует и устойчивые словосочетания, которые символизируют моральные нормы немцев, относящиеся к сфере духовной жизни, например: *Kranke Leute gehören ins Krankenhaus*. – Больные должны лежать в больнице. *Er gehört auf die Anklagebank*. – Его место на скамье подсудимых. *Der Dieb gehört ins Gefängnis*. – Вору место в тюрьме.

Der Verbrecher gehört vors Gericht. – Преступник должен предстать перед судом. *Er gehört an den Galgen*. – По нему веревка плачет (Его надо повесить).

Еще одна модель: *jemandem (Dat.) gehört etwas (Abstraktum)*. В этой модели конструкция с глаголом *gehören* также относится к сфере духовной жизни и эксплицирует требование наказания или поощрения за соответствующее поведение (поступок), например: *Dir gehört eine Tracht Prügel!* – Тебе надо задать трепку (взбучку)! *Ihm gehört eine derbe Zurechtweisung*. – Он заслужил строгий выговор. *Für deine Frechheit gehört dir ein paar Ohrfeigen*. – За твою наглость тебе причитается пара пощечин. *Dem gehört eins auf die Nase*. – Этого (человека) надо поставить на свое место (щелкнуть по носу). *Ihm gehört Lob*. – Он заслуживает похвалы *Der Universität gehört eine Anerkennung*. – Университет заслуживает признания.

Во всех описанных выше случаях употребления глагола *gehören* имеем дело с «грамматикализацией синтаксической структуры» [1, с. 607]. Явление грамматикализации (грамматизации) ярко иллюстрирует постоянные изменения в ходе языкового развития. Грамматизация понимается как процесс, в результате которого соответствующие синтаксические конструкции встраиваются

ваются в грамматические парадигмы языка [13, с. 229–230]. В нашем случае глагол *gehoren* начинает выполнять функцию грамматической категории необходимости вместо модального глагола *müssen*, и соответствующая лексема попадает, таким образом, с лексического уровня на грамматический.

Еще большую степень грамматизации структуры ощущаем в предложениях типа: *Der gehort gescholten/ausgelacht* из обиходной речи южной Германии. В таких предложениях глагол *gehoren* сочетается с причастием прошедшего времени (*gehoren* + 2. Partizip), например: *Das Haar gehort abgeschnitten.* – Волосы нужно подстричь. *Unartige Kinder gehoren ins Bett gesteckt.* – Непослушных детей следует уложить в постель. *Dieser Mann gehort aus der Regierung entfernt.* – Этого человека необходимо убрать из правительства.

Описываемую конструкцию можно отметить в произведениях художественной литературы при передаче писателем народного языка в прямой, косвенной или внутренней речи героев. Приведем несколько примеров из романа Г. Канта «Der Aufenthalt»: «*Vielleicht glaubt man in Ihrer Heimat*», sagte er, «*Sie haben konigliche Zwiebelgeheimnisse verpiffen, haben den Stolz von Oranien in die profane Erde von Ausschwitz gebuddelt – da gehoren Sie eingesperrt...*». [S. 435]. *Einmal hat er den Porzellanmacher so in Rage gebracht, dass der schrie, solche wie er gehorten eingesperrt, und ich war zu meinem Gluck in der Lage, dies al seine vollig idiotische Bemerkung zu erkennen.* [S.43]. *...fur meine Mutter war ich der Sohn, und fur die Frau war ich ein Gefangener, ein Deutscher. Aus dem Deutschen muss ein Pole werden. Dann musste meine Mutter ...auch noch denken, der Pole soll etwas Schlimmes gemacht haben. Oder sie musste an das denken, was General Eisensteck gemacht haben soll. Gemacht hat. Aber nicht General Eisensteck; der gehort dann auch umgekehrt: Aus dem gehort ein polnischer General gemacht...*» [S. 465].

Характерно, что синтаксическая конструкция *gehoren* + 2. Partizip не зарегистрирована в словарях современного немецкого языка. Лишь у некоторых ученых и в грамматике Дуден находим отдельные замечания, в которых указывается, что эта структура выражает безусловную необходимость, требование и соответствует пассивному залогу с *müssen*: *Ein solches Verhalten gehort bestraft* (= *Ein solches Verhalten muss bestraft werden/ Man muss ein solches Verhalten bestrafen.*) [11, с. 178–179]. Эрбен объясняет по-

добные выражения из южнонемецкой обиходной речи типа «*Unartige Kinder gehoren ins Bett gesteckt*» как «гибридные конструкции» (*Mischkonstruktion*) из двух сочетаний: *Unartige Kinder gehoren ins Bett/ werden ins Bett gesteckt* *Dem gehort eine Strafe / Der sei bestraft* [12, с. 95].

В описанных в статье случаях имеем дело с «грамматикализацией синтаксической структуры» [1, с. 607]. Неправильно было бы квалифицировать здесь глагол *gehoren* как полуслужебный или полусвязочный, но утрата в какой-то мере его основного лексического значения налицо. Взамен этой утраты глагол приобретает в обиходном языке грамматические значения необходимости и пассивного залога, что является выигрышем, так как представляет собой более экономную форму выражения.

Необычное использование презенса вместо нормативного претерита в придаточных предложениях времени, вводимых союзом *als*.

Это синтаксическое явление явно противоречит норме немецкого литературного языка, согласно которой временной союз *als* («когда») закреплен за прошедшим временем. Он может выражать *одновременность* действий в главном и придаточном предложениях (в этом случае в обеих частях сложноподчиненного предложения употребляется претерит) или *предшествование* действию главного предложения (тогда, исходя из правила согласования глагольных времен, в придаточном предложении употребляется плюсквамперфект, а в главном – претерит), что бывает гораздо реже, например: *Als er auf dem Lande lebte, war er viel ausgeglichener*. *Marat blieb, als der Freund ihn verlassen hatte, noch lange mit der Frage beschäftigt* [11, с. 768].

Вместе с тем немецкая грамматическая традиция предусматривает возможность использования презенса вместо претерита в отдельно взятом самостоятельном предложении. Грамматисты имеют в виду следующие три случая, в которых презенс выражает *однократные* действия в прошлом:

– Так называемый «исторический презенс» (*Prasens historicum*), благодаря которому достигается стилистический эффект большего оживления (*Verlebendigung*), «осовременивания» (*Vergegenwartigung*) прошлых событий, так что читающий/слушающий может представить себе происходившие когда-то действия так живо, как будто они разворачиваются перед ним в настоящий момент, например: *Da liege ich doch gestern*

auf der Couch und lese, kommt Ingeborg leise ins Zimmer und gibt mir einen Kuss [11, с. 146].

Prasens historicum часто используют также в газетных заголовках: *Lokomotive kollidiert mit Lastwagen* [11, с. 146].

– «Сценический презенс» (szenisches Prasens) – в этом случае презенс находится в претеритальном окружении, т.е. формы презенса прерывают претерит – временную форму повествования: *Und aus einem kleinen Tor, das ...sich plötzlich aufgetan hatte, bricht – ich wahle hier die Gegenwart, weil das Ereignis mir so sehr gegenwärtig ist – etwas Elementares hervor...* [11, с. 146].

– «Эпический презенс» (episches Prasens) служит описанию прошлых событий в цельных кусках произведения, выступая вместо эпического претерита – собственно повествовательного прошедшего времени, ср. пример из романа Г.Фаллады «Kleiner Mann – was nun?», в котором вся жизнь героев, с первых страниц произведения и до конца, повествуется в презенсе: *Pinneberg greift in die Tasche, holt aus dem Etui eine Zigarette und brennt sie an. Um die Ecke weht Lammchen, im plissierten wei?en Rock...* Для сценического и эпического презенса характерно то, что в случае замены презенса на претерит особый стилистический эффект «живой картины» и, хотя бы воображаемого, присутствия в эпизоде читателя, конечно, исчезает.

Что касается необычного употребления презенса вместо нормативного претерита в придаточных временных предложениях с союзом *als*, следует сказать, что в некоторых грамматиках немецкого языка этот случай объясняется как факт использования «исторического презенса» [12, с. 184; 11, с. 769] и иллюстрируется некоторыми примерами из художественной литературы. Достаточное количество подобных примеров встречаем в произведениях известных немецких писателей XX–XI вв. Следует отметить особую тягу к «оживлению» эпизодов из прошлого у Г. Фаллады. Приведем небольшой отрывок из его романа «Der eiserne Gustav», в котором все глагольные действия / состояния, включая придаточное предложение с *als*, относятся к прошлому, но выражены презенсом (эпический презенс): *Als der Vater so unerwartet zuruckkommt, fährt der jetzt schon angekleidete alteste, der Otto, auf seinem Fensterplatz schreckhaft zusammen. Angstvoll versucht er, Holz und Schnitzmesser zu verbergen...*

В другом эпизоде романа придаточные предложения с *als* органично встраиваются в цельную картину строгого досмотра, создающую у читателя эффект присутствия «здесь» и «сейчас»: *Als er die Tur zum Schlafzimmer offnet, ist er uberrascht, wie dunkel es darin ist. Er kann nicht erkennen, ob sie in ihren Betten liegen und schlafen... Er ist schon im Begriff loszubrechen, als ihm einfallt, dass er erst nachsehen will, ob die anderen da sind. Er tastet nach dem zweiten Bett, er befiehlt das Kopfende: Siehst du, auch das Bett ist leer.*

Употребление презенса в придаточных предложениях с союзом *als* наблюдается не только в художественной, но и в научной и публицистической литературе. Так, Й. Эрбен иллюстрирует употребление исторического презенса примером из литературоведения: *Als er (Herodes) aber beim zweiten Abschied verblendet wiederum den Todesbefehl gibt, bricht in ihr (Marianne) alles zusammen* [12, с. 184].

Публицистику представим журналом *fluter*, где почти в каждом номере можно встретить случаи использования описываемой конструкции с эпическим презенсом. В нижеследующем отрывке, в котором корреспондент описывает в настоящем времени веселую вечеринку в белградской квартире, где он присутствовал, презенс выполняет функцию эпического претерита, описывая события в прошлом: *Eine Geburtstagsparty in einer Belgrader Wohnung. Es geht auf drei Uhr zu in der serbischen Hauptstadt, als jemand jugoslawischen Rock der 80er auflegt. Es ist der Moment, ab dem es kein Halten mehr gibt: Auf einmal wird getanzt und gesungen, und weil der Raum eng ist, auch auf Stuhlen und dem Sofa* (*fluter* 2013. № 47, S. 25).

Стремление писателей, классиков немецкой литературы, оживить, осовременить в своих произведениях за счет презенса какие-то эпизоды из описываемых событий прошлого достигает желаемого стилистического эффекта и оказывает на читателя глубокое эмоциональное воздействие. Остается только вопрос: почему союз «*als*»? Ведь есть же временной союз «*wenn*», который хорошо сочетается с настоящим временем?

Здесь самое время напомнить о строгом разграничении в употреблении временных союзов *als* и *wenn* в немецком литературном языке. Итак, *als* (punktuelles *als*) относится к какому-либо конкретному факту в прошлом и сочетается обычно с претеритом, обозначающим *однократные законченные действия*, например: *Helmut zeigte*

sich...von seiner praktischen und von seiner freundlichen Seite, **als er das Lied von Sonne, Mond und Sternen anstimmte**... (H. Kant. Das Impressum, S. 192); wenn (iteratives wenn) может употребляться во всех временах, но для обозначения *многократных, повторяющихся* действий в предложениях типа: (*Immer*), *wenn die Sonne scheint/ schien/ geschienen hat, gehen/gingen wir spazieren/sind wir spazierengegangen* [11, с. 769]. Контекст нередко содержит наречия *immer, manchmal, jedesmal*, маркирующие повторяемость, многократность. Приведем пример, иллюстрирующий повторяемость в прошлом: *Immer, wenn sein Vater das Meisterwerk der International Watch Company aufgezogen hatte, er tat es an jedem Abend, und manchmal war David dann noch wach, lie? er die Uhr vor den Augen seines Sohnes pendeln und sagte dazu: «Die hat dir der Herr Blumenthal geschenkt!»*. Повторяемость в настоящем времени проиллюстрируем примером из «Граматики немецкого языка» Е. И. Шендельс, которая использует для этой цели немецкий перевод известного стихотворения К. Симонова «Жди меня»: *Wart auf mich, ich komm zuruck, Aber warte sehr, Warte, wenn der Regen fallt Grau und trub und schwer. Warte, wenn der Schneesturm tobt, Wenn der Sommer gluht. Warte, wenn die andern langst, Langst des Wartens mud'* [6, с. 78].

Wenn обозначает *однократное действие*, только если речь идет о будущем времени (оно может выражаться футурумом и презенсом), например: **Wenn du zuruckkehrst**, werde ich schon in Moskau sein. Приведем еще один пример, в котором первая часть (*Manchmal, wenn...*) выражает *многократное* действие в прошедшем времени, а вторая часть («*Wenn du gro? bist...*») – *однократное* действие в будущем: **Manchmal, wenn David die ersten Bilder und dann die ersten Buchstaben und Zahlen erkannt oder ein schwieriges Wort richtig nachgesprochen hatte, sagte seine Mutter: «Wenn du gro? bist, wirst du noch viel mehr lernen durfen, dafur hat der Herr Blumenthal gesorgt!»**.

В следующем отрывке, написанном в презенс, лишь первая часть (до прямой речи) относится к настоящему. Вторая часть повествует об уже происшедшем эпизоде, который благодаря презентной форме предстает перед читателем очень живо: *Derek ist Abgeordneter im Europaischen Parlament fur die United Kingdom Independence Party, Gro?britanniens Anti-EU-Partei. Au?erdem ist er ein 79-jahriger ehemaliger Lehrer fur Naturwissenschaften sowie ein ehemaliger Rugbyspieler, und er*

kann mehr Old Speckled Hen trinken als ich. «Entschuldigung. Ich muss mal zur Toilette», sage ich als er gerade eine Redepause macht. Derek sagt: «Ich hole noch eine Runde London Pride». Ich nicke resigniert und suche meine englischen Pfund raus... (fluter 2013. № 47. S.48).

Содержащаяся в отрывке конструкция с *als* могла бы быть заменена на соответствующее придаточное с *wenn*: «*Ich muss mal zur Toilette», sage ich, wenn er eine Redepause macht*. Однако союз *wenn* постоянно вызывает в сознании представление о повторяющемся действии, что способствует неоднозначности восприятия, в то время как конструкция с *als*, усиленная к тому же наречием *gerade*, точнее выражает *одномоментность* ситуации.

Итак, необычное использование презенса в придаточных временных предложениях с союзом *als*, предназначенным для выражения действий в прошедшем времени, вызвано стремлением оживить события прошлого. В художественной и публицистической литературе это, в основном, случаи исторического и эпического презенса. Презентные формы в сочетании с союзом *als* выступают как средство точности, четко отграничивая однократные действия в прошлом от повторяющихся, многократных, выражаемых союзом *wenn*.

Рассмотренные в статье два необычных явления свидетельствуют о процессах развития, совершенствования, постоянно протекающих в строе современного немецкого языка, а именно: формируется новый, более экономный способ выражения предикации типа *gehört bestraft* вместо *muss bestraft werden*, а употребление в придаточных предложениях времени союза *als* говорит нам о том, что действие относится к прошлому, но намеренно «оживляется» автором использованием презенса; с другой стороны, против союза *wenn*, несущего в себе смысл повторяемости, многократности события, выступает фактор более точной и ясной дифференциации данных союзов.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – Изд. 2-е, стер.

3. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [Текст] / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1983.
4. Булах, Н. А. Средства отрицания в немецком литературном языке [Текст] // Уч. записки ЯГПИ им. К. Д. Ушинского. – Вып. LVII. – Ярославль, 1962.
5. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1988.
6. Шендельс, Е. И. Грамматика немецкого языка [Текст] / Е. И. Шендельс. – М., 1958.
7. Щербакова, А. В. Активные процессы в современном немецком письменном языке [Текст] : Дисс ... д-ра филол. наук / А. В. Щербакова. – Тамбов, 2001.
8. Щербакова, А. В. Тенденции экономии и точности в современном немецком письменном языке [Текст] : Науч. издание / А. В. Щербакова. – Тамбов : ТГУ, 2001(а).
9. Arssenjewa, M. G u.a. Grammatik der deutschen Sprache [Текст] – Moskau, 1960.
10. Croft, W. Radical Construction Grammar [Текст]. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2002.
11. Duden, Bd. 4. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache [Текст] / 5., vollig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim/Leipzig /Wien/Zurich, 1995.
12. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik [Текст]. – Berlin : Akademie-Verlag, 1966.
13. Gluck, H. Grammatikalisierung. [Текст] // Metzler-Lexikon Sprache / hrsg. von Helmut Gluck. Stuttgart; Weimar : Metzler, 1993.
14. Paul, H. Deutsches Wörterbuch [Текст]. 8. Aufl. Halle (Saale), 1961.
15. Talmy L. The relation of grammar to cognition [Текст] // Topics in cognitive linguistics/ Ed. by Rudzka-Ostin. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
16. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch [Текст]. Gutersloh.
2. Boldyrev, N. N. Kognitivnaja semantika: Kurs lekcij po anglijskoj filologii [Текст] / N. N. Boldyrev. – Tambov : Izd-vo Tamb. un-ta, 2001. – Izd. 2-e, ster.
3. Bondarko, A. V. Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii [Текст] / A. V. Bondarko. – L. : Nauka, 1983.
4. Bulah, N. A. Sredstva otricanija v nemeckom literaturnom jazyke [Текст] // Uch. zapiski JaGPI im. K. D. Ushinskogo. – Vyp. LVII. – Jaroslavl', 1962.
5. Lakoff, Dzh. Myshlenie v zerkale klassifikatorov [Текст] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. 23. – М., 1988.
6. Shendel's, E. I. Grammatika nemeckogo jazyka [Текст] / E. I. Shendel's. – М., 1958.
7. Shherbakova, A. V. Aktivnye processy v sovremennom nemeckom pis'mennom jazyke [Текст] : Diss ... d-ra filol. nauk / A. V. Shherbakova. – Tambov, 2001.
8. Shherbakova, A. V. Tendencii jekonomii i tochnosti v sovremennom nemeckom pis'mennom jazyke [Текст] : Nauch. izdanie / A. V. Shherbakova. – Tambov : TGU, 2001(а).
9. Arssenjewa, M. G u.a. Grammatik der deutschen Sprache [Текст] – Moskau, 1960.
10. Croft, W. Radical Construction Grammar [Текст]. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2002.
11. Duden, Bd. 4. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache [Текст] / 5., vollig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim/Leipzig /Wien/Zurich, 1995.
12. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik [Текст]. – Berlin : Akademie-Verlag, 1966.
13. Gluck, H. Grammatikalisierung. [Текст] // Metzler-Lexikon Sprache / hrsg. von Helmut Gluck. Stuttgart; Weimar : Metzler, 1993.
14. Paul, H. Deutsches Wörterbuch [Текст]. 8. Aufl. Halle (Saale), 1961.
15. Talmy L. The relation of grammar to cognition [Текст] // Topics in cognitive linguistics/ Ed. by Rudzka-Ostin. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
16. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch [Текст]. Gutersloh.

Bibliograficheskij spisok

1. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Текст] / O. S. Ahmanova. – М. : Sovetskaja jenciklopedija, 1969.

*Дата поступления статьи в редакцию: 26.05.2016
Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016*

С. И. Дубинин

**Дискурсивный квази-имидж завоевателя
(на материале немецко-русского словаря для солдат вермахта)**

На примере переизданий краткого немецко-русского словаря «Soldaten-Wörterbuch» для рядовых нацистского вермахта (1941–1944 гг.) анализируется пропагандистское манипулирование, так называемое «дискурсом солдата», оцениваются тематические группы, содержание и коннотации лексических единиц словника, речевой репертуар «оруженосца нации».

Ключевые слова: военный дискурс, словарь для военнослужащего, языковая манипуляция, вермахт, коммуникативные установки, речевые практики, двуязычный словник.

S. I. Dubinin

**Discursive quasi-image of the conqueror
(based on German-Russian dictionary for Wehrmacht soldiers)**

The article analyses so called “soldier’s discourse” manipulated by propaganda; evaluates thematic groups, content and connotations of lexical units, speech repertoire of the “nation’s armiger”. The analysis is based on reprints of the concise German-Russian dictionary «Soldaten-Wörterbuch» for Nazi Wehrmacht privates (1941–1944).

Key words: military discourse, dictionary for the military, linguistic manipulation, Wehrmacht, communicative attitudes, speech practice, bilingual dictionary.

Военный (милитарный) дискурс относится к институциональному (статусно ориентированному) исторически динамичному типу, подразделяясь на формальный (официальный) и неформальный. Репрезентирующие его тексты и контексты отличаются исходная четкость и структурированность. Комплексный анализ военного институционального дискурса и его разновидностей (военно-политического, пропагандистского, милитаристского и др.) невозможен без рассмотрения системы ключевых концептов, окрашенных как позитивно, так и негативно («Война», «Армия», «Оружие», «Солдат», «Оккупант», «Противник», «Партизан», «Коллаборационист» и др.). Как индикаторы его специфики, позволяя обозначить направления критического анализа структуры и форм общения в рамках милитарного дискурса, они помогают с разных сторон понять особенности маркирующих его социальных институтов.

Интерес представляет соотношение ключевых для милитаристского дискурса разновидностей лингвокультурных концептов, содержанием которых является типизируемая личность, каковыми в частности являются *лингвокультурный типаж* и *модельная личность*. Среди них можно выделить персонализированные: «Солдат»,

«Фронтовик», «Новобранец (Рекрут)», «Ополченец» и др., которые интерпретируются как лингвокультурные типажи в виду их социокультурной или идеологической образцовости и доминантной позитивности. Они имеют образную, понятийную и ценностную стороны и наделены типизированным коммуникативно-ролевым поведением (вербальный ряд), особым стереотипным имиджем [4, с. 98–100]. Дискурсивный имидж соотносится со смежными понятиями: «роль», «стереотип», «амплуа», «персонаж», «речевой портрет» и формируется сознательно, являясь инструментом для обработки общественного мнения (в особых случаях – также средством самовоспитания) [5, с. 8–12].

«Солдат вермахта» как модельная личность активно конструировался нацистской военно-пропагандистской системой в течение десятилетия с момента учреждения «новой» армии Третьего Рейха законом о строительстве вермахта в 1935 г. и в ситуации введения всеобщей воинской повинности. Ключевые черты его манифестированы, в частности, в опоре на традиции и менталитет прусской армии и на измененную нацистами концепцию «гаранта внешней безопасности государства» в пропагандистских изданиях, в фильмах и художественной литературе,

в прессе (см. в частности журнал «Die Wehrmacht»), в присяге, уставах, в ритуалах (День вермахта) и др. [3, с. 12–19].

Немецкое «der Soldat» («солдат, военный, рядовой») акцентировалось идеологами вермахта как собирательное название, близкое к русскому «военнослужащий», но с менее нейтральной окраской, поскольку несло и качественную оценку – «воин». Так, «первым солдатом вермахта» и «солдатом для солдат» почтительно называли генерала-фельдмаршала Эрвина Роммеля (1891–1944 гг.). В солдатскую книжку вермахта были внесены «10 заповедей по ведению войны немецкими солдатами» и на первом месте стояла запись: «Немецкий солдат сражается за победу своего народа, как рыцарь. Жестокость и ненужные разрушения позорят его». В соответствии с принятой вермахтом теорией войны решающее значение для победы над врагом имели личностное, профессионально-корпоративное, моральное превосходство и только во вторую очередь превосходство материальное и численное.

Уникальный материал для анализа компонентов имиджа и шире – лингвокультурных концептов и типажей противника СССР – нацистской Германии дают лексикографические источники. Это двуязычные словари и разговорники для военнослужащих вермахта, которые были подготовлены к общению с русскоязычным населением и пленными, располагая разнообразными массовыми малоформатными пособиями типа базовых словарей, разговорников, словарей картинок разного качества [2, с. 169–173]. Некоторые из них появились на основе изданий для кайзеровской армии 1914–1918 гг. Военный словарь-разговорник можно рассматривать как связный текст в совокупности с идеологическими, жизненными, социокультурными, психологическими и другими факторами, как особый прагматически ориентированный текст в событийном аспекте военной ситуации.

Анализ содержания краткого анонимного немецко-русского словаря «Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch» (далее – SWB), 2 издания 1941 г. и 3 переиздания 1942–1944 гг. со скудной разговорной частью показал, что его коммуникативная установка минимальна. Алфавитный словарь SWB не ориентирован на выработку навыков, или даже исходной системы форм корректной, связной речи военнослужащих вермахта по-русски, на ведении допросов: «*Der Krieg hat gezeigt, wie mit einfachen Mitteln sich der deutsche Soldat überall verständigen kann. Die richtigen*

Worte, ohne Rücksicht auf Grammatik nebeneinander gestellt, genügen fast immer» [SWB 2, S. 2–3]. В первом издании употреблено «*Der Weltkrieg hat gezeigt*», то есть имелся в виду опыт Первой мировой войны, а не начало военных действий с 1939 г., поэтому речевой портрет «солдата вермахта», который коммуникативно дистанцирован от своего партнера (местный житель, пленный) обозначен здесь крайне скудно. Словарик мог быть особо востребован квартирьерами, дозорными, рекогносцировщиками и полицейско-патрульной службой, которая служила своеобразным «профессиональным примером» другим военнослужащим [1, с. 16–17].

«Солдат вермахта» предстает через призму словника SWB и деталей военной повседневности. Тематически и инвентарно (базовая лексика) словарь являет собой пеструю смесь преобладающей общеупотребительной лексики (в основном существительных), многообразных военных реалий и терминов, немногих коллоквиализмов и бранных лексических единиц (ЛЕ), а солдатские жаргонизмы в словаре не представлены. Отсутствие рубрикации словаря позволяет предположить, что военнослужащие уверенно ориентировались в данном предметно-понятийном поле. Обращают на себя внимание, хотя и немногие в 1-м издании, ЛЕ охранно-управленческой и контрольно-репрессивной семантики: *bestrafen, festnehmen, verboten, erschies-sen / erschies-sen lassen, Beitreibung* («реквизиция»), *Geisel* («заложник»), *Meuterei* («бунт»), *Todesstrafe*. Во 2-м издании это также *Feldgendarm u. Feldpolizei, Spähtrupp* («дозор»), *Streife* («патруль»), *Standrecht* («закон военного времени»), *Todesurteil* («смертный приговор»), *Gnade* («помилование»), *absperren* («оцеплять»), *amtlich* («официально»), *Gesuch* («прошение»), *Aufsicht u. Aufseher* («надзор, надзиратель»), *Ausfuhrgenehmigung* («разрешение на вывоз»), *Ultimatum*.

SWB акцентирует важность и детальное знание военного ремесла, обеспечивающего качественное превосходство над противником. Редкие императивные фразы-команды типа: «*Aufstehen! Antreten! Stillgestanden! Halt! Vorwärts! Hinlegen! Was ist passiert? Uhrzeit? Weg! Hilfe! Vorsicht! Ich blute. Mir ist es warm! Wer? Wo? Womit? Wieviel? Was für ein? Er ist weg*» рассеяны в словнике для поддержания положительного имиджа военнослужащего вермахта, который не выглядел бы a priori агрессивным оккупантом или карателем [1, с. 23].

Во 2-м издании SWB появляются немногие необходимые реалии, связанные с последствиями затяжных военных действий и их эскалацией – пленные, пропаганда в отношении противника, поиск дезертиров, контроль за беженцами: *rückwertiges Gebiet* («тыловой район»), *Gefangenerlager/ Internierungslager* («лагерь военнопленных – для интернированных»), *sich ergeben* («сдаваться»), *Flüchtling* («беженец»), *Zivilist* («штатский»), *Wehrpflichtiger* («военнообязанный»), *Flugblatt* («листовка»). Пропагандистское распространение листовок производилось вермахтом с целью стимулирования бойцов Красной Армии к получению якобы «спасительного» статуса военнопленного или к дезертирству (см. появление ЛЕ *Deserteur*). Отметим также ЛЕ, связанные с отправлением вермахтом общих внешних директив – местное население обязано вести себя в соответствии с приказами, изданными для него немецкими властями, проявлять самоорганизацию; ср. во 2-м издании: *Militärbehörde* («военное управление»), *Vollmacht* («полномочие»), *Verordnung* («постановление»), *Vorgesetzter* («начальник»).

Идеографическая база и понятийная схема SWB, важная для имиджа «армейца», просматриваются через анализ лексико-семантических групп (ЛСГ). Среди множества ЛСГ, которые во 2-м и отчасти в 3-м изданиях пополнялись и дифференцировались, доминируют: *военное дело, амуниция, управление, право и вооружение; питание и провиант; топливо и технические вещества; военный и вспомогательный транспорт; техника и средства связи; санитария и болезни, гигиена, физкультура*. Некоторые из них актуализированы, как отмечено выше, в связи с затягиванием «восточной кампании» (*плен, содержание военнопленных*) и со спецификой ситуации войны с СССР в новых условиях (климат, бездорожье и др.): *зимнее обмундирование; дорожное дело, конная тяга*.

Хотя печатная продукция для вермахта была сильно идеологизирована и армия рассматривалась нацистами как «главный помощник партии» [3, с. 14, 348], в словнике SWB это в целом заметно мало. Так, приведенный здесь набор контактоустанавливающих приветствий, извинений, реакций, клише вежливых обращений, например, в ситуации покупки, ориентации на местности, обнаружения соответствий (*Wie heißt auf Russisch?*) ближе к элементарному речевому репертуару путешествующего, а не военнослужащего. Диссонансом в перечне звучат лишь не-

многие команды *Halt! Hände hoch!* и фраза в возможной ситуации дознания *Befindet sich N. zu Haus?*, «выдавая» специфику издания [SWB 1, S. 4–6].

Ключевой концепт «Солдат» предстает в SWB в особом виде. Единого звания для рядовых солдат вермахта не существовало даже внутри родов войск, и они именовались по специальности, должности или по традиции воинских подразделений. Рядовой состав (*Mannschaften*), насчитывая до 40 наименований, представлен в SWB только основными номинациями: *Schütze* («стрелок»), *Soldat*, *Pionier* («сапер»), *Reiter* («кавалерист»), *Funker* («радист»), *Fahrer* («шофер»). Нет традиционных обозначений для воинских подразделений, имевших долгую историю (*Grenadier*, *Kanonier* и др.) Во 2-м издании добавляется только *Gefreiter* («ефрейтор»). Словарик не содержит характеристик, которые можно было бы приписать образу «солдата фюрера», хотя официально военнослужащие вермахта приводились к присяге Гитлеру.

В целом SWB по-военному содержательно реалистичен. Идеологические маркеры словника немногочисленны и даже официальное наименование вооруженных сил Третьего рейха (*Wehrmacht*) отсутствует. Реалии нацистского режима в Германии и на подвластных территориях отмечены лишь во 2-м издании ЛЕ *Hakenkreuz*, *Nationalsozialismus*, *Parteilzelle* («ячейка») – в НСДРП, *Gau* («округ») – так называемые новые территории. Но примечательны уничижительные в отношении еврейского населения обозначения: *Jude*, *jüdisch* – «еврей (жид)», «еврейский (жидовский)» как проявление антисемитизма, унаследованного вермахтом от армии Пруссии. При номинации партизан и их тактики использованы как общеизвестные *Partisanen* и *Hinterhalt* («заграда» – 2-е издание), так и уничижительно-жаргонное в нацистской армии *Heckenschütze* («стрелок из кустов» – также с криминальным оттенком значения «убийца из-за угла»). Но красноармеец номинирован нейтрально как *Frontsoldat* («фронтвик») – 2-е издание, и как синонимическая пара представлены нейтральные ЛЕ *Gegner / Feind* «враг (противник)».

Однако в целом в SWB репрезентация образной или общей понятийно-ценностной составляющих модельной личности «солдата вермахта» выглядит скудно. Это отражают лишь немногие ЛЕ, пунктирно обозначающие важные личностные ориентиры (корпоративность, сплоченность), формирующие воинские ценности: пара

Freund («приятель, друг») и *Kamerad* («товарищ»); *zusammen* («вместе»). Для «армейца нового образца» отмечены такие установки, качества, навыки и способности солдата, как: *Auskunft* («информация»), *Reglement / Vorschrift* («устав»), *Kontrolle* («контроль»), *Verspätung* («опоздание»), *Zeit* («время»), *Sieg* («победа»), *Achtung* («внимание»), *erkunden* («рекогносцировать»), *üben/Übung* («упражняться; упражнение, занятие»), как навык *flicken* («починить (одежду)»), способность исправить (*Irrtum* «ошибка»).

После неудач и потери стратегической инициативы концепция «превентивной акции на востоке» в 1941 г. была скорректирована, усилены требования устава и дисциплины в войсках вермахта. Это отразилось в появлении «дисциплинарной» лексики и в корректуре образа солдата во 2-ом издании SWB, ср.: *amtlich* («официально»), *Appell* («переключка, сбор»), *Aufsicht* («надзор»), *Disziplin*, производные с корнями *Dienst-* (*Dienstgeheimnis, Dienstplan*) и *Exerzier-* (*Exerzierplatz, Exerzierausbildung, exerzieren* – «упражнять»), *Entwarnung* («отбой после тревоги»), *Feldgericht/Feldpolizei* («полевой суд; полиция») и др. Показательны корректуры и в 3-м издании 1942 г., сохраненном в объеме и вышедшем к завершению начального периода войны, когда наступление германских войск было остановлено и план «Барбаросса» не дал результатов. В заметно расширенной части «Redensarten» показательны фразы, отражающие реалии столкновений с РККА и с партизанами, оперативную работу с населением: «*Sind hier Rotarmisten (Partisanen) gewesen? In welcher Stärke? Sind im Ort Waffen vorhanden?*», разведывательные действия, ориентация на местности, квартирование: «*Wir brauchen Lebensmittel! Wieviel Vieh haben Sie? Wo ist eine Furt? Wo sind die Feldbefestigungen? Zeigen Sie es auf der Karte!*» и т. п. Фразы-обращения приведены по-прежнему в вежливой форме, впервые появляется и обозначение *deutsche Soldaten* («германские войска»).

Отметим добавление в переиздания важных для построения речи глаголов: *antworten, sprechen, sagen, fragen, brauchen* (формы 1 лица), *denken, schreiben, machen, wissen, vergessen*, модальных глаголов и их парадигм в 1 и 2 лице, а также с отрицанием, производных УСК («*Was soll das?*»). Показательны фразы: «*Russisch (Deutsch) lernen; Ich will Russisch lernen*» [SWB 3, S. 44] и причастия, используемые в регламенти-

рующих объявлениях (*verboten, verdeckt*). Но это нельзя расценивать как акцент на вербализацию словника и переформатирование SWB в универсальный разговорник.

Массовые переиздания словарика (два последних стереотипны и вышли в серии *Merkblätter* – специальных брошюр-инструкций и памяток командования сухопутных войск) фиксируют константность нацистской военной имиджелогии, манипулирование «победоносным духом» и образом профессионала вермахта, несмотря на трагически меняющуюся для захватчиков реальность войны с СССР. Эта «маска» была необходима вермахту (так называемым «армейцам», «людям в зеленой форме», «оруженосцам нации») как главной военной силе Рейха в войне, декларируемой как «справедливая и освободительная», как оправданный упреждающий ответ на подрывную политику, неизбежную агрессию СССР против Германии.

«Солдатский словарь» идеологически манипулятивно демонстрирует размытость статусного компонента немецкого военного дискурса в пользу личностного (имиджевого) компонента. Военнослужащий вермахта предстает в его зеркале в первую очередь как профессионал ремесла, как квалифицированный специалист, уделяющий внимание быту, развивающему командный дух солдата спорту, здоровью и питанию, ориентирующийся в военном деле, тактике и технике и т. п. Но не как отправитель приказов, насильник-агрессор, носитель идей аннексии, реванша за поражение в Первой мировой войне. Он не позиционирован как проводник нацистской политики на захваченных территориях СССР – противника Рейха в борьбе двух идеологий, покорения «неполноценного противника», подавления чуждой государственности любыми методами ведения войны [1, с. 33].

«Победоносный дух», уникальный потенциал и образ солдата вермахта – это его черты скорее не как «первого оруженосца нации» («вторым оруженосцем» именовались войска СС) или как «первой опоры государства» («второй опорой» именовалась НСДРП), а как германского солдата нового образца в «войне на востоке». Статичный квази-имидж «профессионала вермахта», лапидарно отраженный в SWB и тиражируемый в переизданиях этого массового словарика, конституируется в заданных параметрах, рефлексивно самоорганизуется и его идеального носителя.

Библиографический список

1. Ермаков, А. М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии [Текст] / А. М. Ермаков. – М. : Яуза; Эксмо, 2006.
2. Дубинин, С. И. Лаконичность речевого репертуара «оруженосца нации» [Текст] // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. – Калуга : изд-во КГУ, 2015. – С. 168–173.
3. Дубинин, С. И. Трансформация «дискурса завоевателя»: на материале немецко-русского словаря «Soldaten-Wörterbuch» [Текст] // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. № 7 (129). – Самара : изд-во СамГУ, 2015. – С. 16–23.
4. Карасик, В. И., Дмитриева, О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы [Текст] / Под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 5–25.
5. Карасик, В. И. Модельная личность как лингвокультурный концепт [Текст] // Филология и культура: Материалы III-й Междунар. науч. конфер. – Тамбов : изд-во ТГУ им. Державина, 2001. – Ч. 2. – С. 98–101.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ermakov, A. M. Oruzhenoscy nacii. Vermaht v nacistskoj Germanii [Tekst] / A. M. Ermakov. – M. : Jauza; Jeksmo, 2006.
2. Dubinin, S. I. Lakonichnost' rechevogo repertuara «oruzhenosca nacii» [Tekst] // Teorija i istorija germanskih i romanskih jazykov v sovremennoj vysshej shkole Rossii. – Kaluga : izd-vo KGU, 2015. – S. 168–173.
3. Dubinin, S. I. Transformacija «diskursa zavoevatelja»: na materiale nemecko-russkogo slovarja «Soldaten-Wörterbuch» [Tekst] // Vestnik SamGU. Gumanitarnaja serija. № 7 (129). – Samara : Izd-vo SamGU, 2015. – S. 16–23.
4. Karasik, V. I., Dmitrieva, O. A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniju ponjatija // Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi [Tekst] / Pod red. V. I. Karasika. – Volgograd : Paradigma, 2005. – S. 5–25.
5. Karasik, V. I. Model'naja lichnost' kak lingvokul'turnyj koncept [Tekst] // Filologija i kul'tura: Materialy III-j Mezhdunar. nauch. konfer. – Tambov : izd-vo TGU im. Derzhavina, 2001. – Ch. 2. – S. 98–101.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Е. В. Беспалова

Сопоставительное исследование концептов природных объектов в немецкой и русской лингвокультурах

Н. А. Булах рассматривает развитие отрицательного значения, средств его выражения и их функционирование в немецком литературном языке. Перенимая этот подход, который получил название «от этимологии к прагматике», мы применяем его к сопоставительному изучению концептов природных объектов в разных лингвокультурах. Анализ этимологии, структуры и функционирования концептов проявляет их лингвокультурную специфику, связанную с особенностями их восприятия и метафорического переосмысления.

Ключевые слова: концепт, этимология, базовый код культуры, пространственный код культуры, природно-ландшафтный код, природные объекты, признаки концептов, этноспецифика, социокультурная специфика, метафора.

E. V. Bespalova

Comparative analysis of natural objects concepts in German and Russian linguistic cultures

N. A. Bulakh studied the development of negation, means of its expression and functioning in the German literary language. This approach, which is called “from etymology to pragmatics”, is applied to comparative study of natural objects concepts in different linguistic cultures. Etymological, structural and functional analysis of the concepts reveals their linguistic and cultural specificity connected with their comprehension and metaphorical re-thinking.

Key words: concept, etymology, basic cultural code, spacious cultural code, natural landscape code, natural objects, features of concepts, ethnic specificity, sociocultural specificity, metaphor.

Исследование Н. А. Булах, посвященное развитию отрицательного значения в немецком языке [2], выполнено в русле подхода, который в современном языкознании получил название «от этимологии к прагматике» (см. [11]). Принцип анализа языковых единиц, учитывающий факты истории языка, принципы концептуализации и развития значения, развитие прагматических значений на основе существующей «базы», может быть, на наш взгляд, применен к сопоставительному анализу концептов природных объектов в двух разных лингвокультурах.

Рассматривая многомерную структуру концепта, Ю. С. Степанов говорит об этимологии или «внутренней форме» концепта, называя ее самым отдаленным в истории слоем [8, с. 49]. Изучая на базе этимологических данных внутреннюю форму языковых единиц, можно проследить путь формирования не только значений лексем, служащей именем концепта, описать так называемый вектор ее семантического развития [6, с. 134–135], но и выявить особенности формирования структуры самого концепта. Сопоставительный анализ развития концептов в разных лингвокультурах позволит описать об-

щее и различное в их структурах и способах представленности в языке.

Далее мы проанализируем внутреннюю форму концептов ЛЕС/WALD, выявим общее и различное в этимонах лексем-репрезентантов концептов, проследим некоторые закономерности их представленности в лексических системах языков, рассмотрим прагматический потенциал фразеологических единиц и паремий с компонентами ЛЕС/WALD.

Рассмотрим внутреннюю форму концептов ЛЕС/WALD в русской и немецкой лингвокультуре. Общее состоит в том, что развитие значений имен концептов шло по пути от наименования конкретного объекта к обозначению множества объектов, а затем к обобщению. Необходимо отметить, что на формирование этимонов, а затем и структур концептов, повлияли особенности ландшафта и быта. Так, этимологи указывают, что русское слово *лес* когда-то означало «дерево, дуб», косвенным подтверждением этого можно считать наличие параллелей в некоторых славянских языках и территориальных вариантах (словен. *les* ‚дерево‘, воронеж. *лес* ‚дубовое дерево, дуб‘, полаб. *lós* ‚лес, дерево‘, русск. разг. *леси-*

на ,одно дерево') [9, с. 476–477]. По другой версии *лес* родственен обозначению орешника: **lěščina* ,орешник': русск. *лещина*, укр. *ліщина*, болг. *лящина*, польск. *leszczyna* [там же]. Таким образом, концептуализация развивалась от наименования одного конкретного объекта к множеству, а затем к классу объектов: лес – это много деревьев / кустарников, ср. толкование по словарю Н. Ю. Шведовой [10, с. 4897]: «множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами; само такое пространство». И дуб, и орешник обозначены в современном языке другими лексемами, однако благодаря широкому распространению на территории России они входят в русском языковом сознании в структуру концепта ЛЕС: ср.: *поехали в лес за орехами, леса и дубравы*.

В этимологии немецкой лексемы *Wald* истории языка прослеживают следующие особенности: Г. Пауль называет лат. *vellere* ,rupfen' [15, 719 f.], делая вывод, что *Wald* означает ,*das gerupfte Laub*' [см. также 13, с. 872]. Ф. Клуге возводит происхождение лексемы к германскому корню **walŕu* и понимает исходное значение как *Büschel, Laubwerk, Zweige* [там же]. Г. Пауль отмечает тот факт, что *Wald* в немецком языке часто обозначает горы, покрытые лесом: *Bregenzer, Bayerischer, Böhmischer, Thüringer Wald, Schwarzwald* [15, 719 f.]. Путь концептуализации имени концепта в немецком языке был, по-видимому, в какой-то мере сходным с русским: от наименования конкретного объекта к наименованию множества в целом и обобщению. Внеязыковая реальность расположения многих лесов на территории Германии на горах делает этот признак существенным в структуре концепта: лес для носителя немецкого языка – это часто и горы. Кроме того, Ф. Клуге и Г. Пауль указывают на близость лексемы *Wald* с прилагательным *wild* [см. 13, с. 280; 15, 719 f.]. Этот признак оттеняется наличием лексемы *Forst*, исходное значение которой определяется как нечто огороженное «*Zaun, Eingezäuntes*» [15, с. 199]. Комментируя это значение, Ф. Клуге пишет: «*Gemeint ist der gehegte Forst im Gegensatz zum wilden Wald*» [13, с. 280]. Различия в этимонах немецкой и русской лексем определяют, в общем, различия в структурах концептов и, в частности, неодинаковое распределение признаков концептов: при наличии в немецком и русском языковом сознании признака большого количества объектов, в немецком можно отметить признак дикого, неосвоенного человеком места, признак «располо-

жение на горе» и обособление признака освоенной территории леса (*Forst*). В структуру русского этимона имплицитно входит признак «дерево», включая его денотативные признаки (например, вертикальное расположение).

С течением времени структура концепта усложнялась, добавлялись новые признаки, некоторые из которых по объективным причинам совпадают в обеих лингвокультурах: вид леса, структура леса, его состав, цвет, звук, влажность / сухость, богатство / продукты леса и т. п. [ср. 3]; имена концептов закономерным образом входят в схожие типы дискурсивных практик (научный дискурс, дискурс СМИ, художественный дискурс и др.). При более детальном рассмотрении обнаруживаются отличия в вербализации признаков концептов, неодинаковая номинативная плотность. Рассмотрим вербализацию таких существенных признаков концептов ЛЕС / WALD, как «хозяйственная деятельность человека», «среда обитания животных/растений» и «дикое, неосвоенное человеком место». Именно в вербализации этих признаков выявляются, на наш взгляд, довольно заметные различия.

Как на территории России, так и на территории Германии хозяйственная деятельность человека, связанная с лесом, имеет давнюю историю. Лесная промышленность в России является старейшей, в ней выделяют около 20 отраслей, подотраслей и производств, наиболее значимыми являются лесозаготовительная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная и лесохимическая отрасли. Кроме того, Россия является страной с большими запасами лесов естественного происхождения (25 % мировых запасов), поэтому заготовка древесины носит характер добывающей промышленности. В Германии леса занимают одну треть всей площади страны (10,7 млн. га), значительная часть лесных участков (2 млн. угодий) находится в частной собственности, лесное хозяйство хорошо развито. Специалисты указывают, что когда в России в XVII в. впервые понадобились консультанты для организации лесного хозяйства, именно немцы стали у нас первыми «учителями по лесному делу» [5]. Поэтому в лексических системах языков насчитывается большое количество единиц, связанных с ведением лесного хозяйства. Так, по данным словарей русская лексема *лес* входит в состав сложных и производных слов, связанных с лесной промышленностью: *лесозавод, лесозаготовка, лесокомбинат, лесоматериалы, лесопилка, лесопильня, лесопиление, лесопромышленность,*

лесоразработка, лесосека, лесосплав, лесоторговля, лесоэксплуатация [3, с. 76]. В немецком языке в составе эквивалентов использованы другие лексемы: *Schneidemühle, Sägewerk* (лесопилка), *Holzkombinat* (лесокомбинат), *Holzflößen, Flösserei, Flößung* (лесосплав), *Holzaufbereitung* (лесозаготовка), *Holzeinschlag, Holzhaul* (лесосека), *Holzware* (лесоматериал). Расхождения объясняются следующими причинами.

Лингвистическим фактором является развитие значений лексем – имен концептов. В русском языке лексема *лес* развивает значение «срубленные деревья как строительный, поделочный и т. п. материал»: *барочный лес, строевой лес, сплавлять лес* [7, с. 27411], что логично объяснить присутствием в этимоне значения «дерево». Это значение синонимично лексеме *древесина* в значении «бревна, доски и другие лесоматериалы»: *заготовка древесины, сплав древесины* [7, с. 14462]. В немецком языке эти значения развивает лексема *Holz*, ее этимологический анализ говорит о развитии значений от конкретного *Holzscheit* «полено» к обобщению *Wald* «лес» и специализации на признаке «продукт леса»: *Holz* «древесина» [15, с. 300]. Ф. Клуге отмечает сходное развитие значения *Holz* от двн. *holz* из герм. **hulta*, означавшего «Gesamtheit der zuschlagen den Schößlinge des Niederwaldbaums» (Trier) [13, с. 381]. Хотя значение «лес» Г. Пауль отмечает только в старонемецких диалектах, все же он приводит пример из Шиллера: *da ritt in seines Zornes Wut der Graf ins nahe Holz* [там же]; в сложных и производных словах, а также в устойчивых словосочетаниях *Holz* также сохраняет значение «лес»: *Laubholz* («лиственный лес»), *Nadelholz* («хвойный лес»), *Holzapfelbaum* («лесная (дикая) яблоня»), *Holzbirne* («груша»), *Holzlerche* («лесной жаворонок»), *Holztaube* («крупный лесной дикий голубь, вяхирь»), *Holz-zuchtplantage* («лесной питомник»), *Gehölz* («роща, лесок»), *Holzboden* («лесная почва»), *abständiges Holz* («сухостой»), *lebendes Holz* («лес на корню»), *windbrüchiges Holz* («бурелом») [5, С. 645–646].

Показательным примером структурных различий концептов в немецком и русском языках являются и обозначения профессий, связанных с лесом. В русском языке в состав сложных и производных слов входит лексема *лес*: *лесник, лесничий, лесовод, лесовицик, лесозаготовитель, лесомелиоратор, лесопромышленник, лесоруб, лесорубицик, лесоторговец, лесогон* [3, с. 77]. В немецком языке в составе аналогичных наиме-

нований употребляются все три лексемы: *Wald, Forst, Holz*. При этом композиты с компонентом *Wald-* либо называют профессию в общем плане: *Waldarbeiter* «jmd., der Waldarbeit leistet, bes. Holzfäller», либо в их семантике прослеживается компонент, направленный на преодоление этимологического признака «дикость»: *Waldaufseher* «Angestellter der Forstverwaltung, der für die Einhaltung der polizeilichen Vorschriften im Wald zu sorgen hat», *Waldfacharbeiter, Waldhüter* «im forstwirtschaftlichen Bereich tätiger Facharbeiter» [12, с. 645]. В композитах с компонентом *Forst-* ясно прослеживается более высокий статус профессий: *Förster* («лесничий»), *Forstfachmann* («специалист-лесовод»), *Forstmann, Forstmeister* («главный лесничий»), *Forstwirt* («лесовод»). В наименованиях с компонентом *Holz-* простирается семантическая связь с дровами как материалом: *Holzbracker* («браковщик древесины»), *Holzer, Holzfäller* («лесоруб»), *Holzhacker, Holzhaue, Holzknecht* («дровосек, дровокол, колуницик»), *Holzsäger* («пильщик, распиловщик») [ср. 5, с. 491; 645–646].

Признак леса как среды обитания животных и растений входит естественным образом в структуру концептов как русской, так и немецкой лингвокультуры. Различия выявляются в разной объективации имен концептов при категоризации растительного и животного мира лесов. В немецком языке, по данным словарей, насчитывается большое число сложных слов – наименований животных и растений с компонентом *Wald-*: *Waldameise, Waldeule, Waldgärtner, Waldhase, Waldkauz, Waldlaubsänger, Waldmaus, Waldpferd, Waldreh, Waldschildkröte, Waldchampignon, Walderdbeere, Waldhaar, Waldmeister, Waldrebe, Waldschlüsselblume*. Большинство данных единиц – зоологические и ботанические термины. В их словарных толкованиях присутствует информация о лесе как месте обитания / произрастания: *Waldgärtner* – «Angehöriger einer Gattung der Borkenkäfer, die in Kiefernwäldern große Verwüstungen anrichten» [12, с. 645], *Waldhase* (jägerspr.) – «Hase, der vorzugsweise im Wald lebt», *Waldchampignon* – «in Fichtenwäldern oder in Mischwäldern wachsender ... Champignon» [12, с. 645]. В некоторых толкованиях присутствует значение «дикий»: *Waldpferd* (Paleontol.) – «großes, schweres, starkknochiges, vor etwa 5000 Jahren bereits ausgestorbenes westeuropäisches Wildpferd», *Walderdbeere* – «in Wäldern vorkommende wilde Form der Erdbeere», но *Waldapfelbaum* («яблоня домашняя»). В русском языке эк-

виваленты названий растений и животных не образуются по модели словосложения; в словосочетаниях лексема «лесной» присутствует не столь редко: «лесной (рыжий) муравей», «земляника лесная», «мышь лесная», «герань лесная», «лесная фиалка», «лесной горох», «лесной орех», «лесной хвощ», «лесная фисташка» [4, с. 24829]. Однако большинство зоологических и ботанических терминов не имеет в составе обозначения лексем «лес» или «лесной», что отличает их от немецких эквивалентов: *ящерица живородящая* (*Waldeidechse*), *неясыть обыкновенная* (*Waldeule*), *канюк обыкновенный* (*Waldgeier*), *сойка* (*Waldhäher*), *черника* (*Waldheidelbeere*), *тетеревиные* (*Waldhühner*), *сова ушастая* (*Waldohreule*); в единичных случаях есть компонент «горный»: *вяз шершавый*, *горный ильм* (*Waldulme*). Таким образом, признак «лесной» в названиях животных и растений в немецкой лингвокультуре является выделенным, важным, он часто связан с признаком «дикий», восходящим к этимону. В толкованиях русских терминов повторяется определение «обыкновенный», нейтрализующий признак дикости.

Концептуальные признаки леса в немецких и русских фразеологизмах и паремиях также проявляются неодинаково. При внешнем структурном сходстве пословиц *за деревьями не видеть леса* и *den Wald vor lauter Bäume nicht sehen* в их значениях все же выявляются некоторые отличия. В русском это «пословица о мелочах, заслоняющих собою главное» [10, с. 4897], в немецком значение пословицы «das Offensichtliche nicht sehen, keinen Durchblick haben; etwas, was man sucht, nicht sehen, ob wohl es in unmittelbarer Nähe liegt». Обращает на себя внимание тот факт, что в словарных толкованиях пословиц в русском «мелочи» занимают более сильную позицию, в немецком в сильной позиции «очевидное, искомое». Смысл русской пословицы, таким образом, в том, что кто-либо, уделяя внимание несущественным мелочам, не видит главного. Немецкая пословица говорит о том, что кто-либо не видит того, что у него перед носом, не видит очевидного. Учитывая внутреннюю форму имен концептов, данные выражения могут быть объяснены следующим образом. Внутренняя мотивация русской пословицы «работает» на противопоставлении «части, элементы, детали» – «обобщение, целое» (см. этимон). В структуре мотивации немецкой пословицы прослеживаются оба значения: «очевидное, то, что сложно не заметить (подобно горе)», «нужное человеку, то,

что он ищет» (подобно веткам, связке хвороста). Внутренняя мотивация пословицы «работает» на противопоставлении «большое, очевидное, хорошо заметное, важное» – «множество деталей».

Концептуальный признак леса как объекта приложения хозяйственной деятельности человека актуализован в пословице *лес рубят – щепки летят*, смысл которой в том, что всякое большое дело не обходится без жертв. ЛЕС имплицитно здесь интенциональный признак большого количества, воспринимаемого как большой объем; в импликационал концепта входит несущественный признак незначительного объема щепки. На этой антитезе создается метафорический смысл оправдания жертвенности в других областях деятельности. В немецком языке аналогично используется образ, ассоциированный с лесом, поскольку работа рубанком предполагает снятие стружки с древесного объекта: *Wo gehobelt wird, da fallen Späne* [14, с. 212]. Различие обусловлено культурно-исторически: в русской изначально сельской культуре дрова использовались для отопления, и вырубка леса расценивалась как жизненная необходимость, по сравнению с которой щепки не принимались в расчет. В немецкой культуре большое значение придается ремесленно-цеховой деятельности, которую и отражает пословица.

В пословице о неслаженных, несогласованных действиях, о разном в делах *кто в лес, кто по дрова* эксплицитно и сама хозяйственная деятельность – в лес ходят за дровами. Мотивация основана на том, что люди, делая формально одно дело (идут в лес и дрова рубят в лесу), разобщены. «Идти в лес» имплицитно не обязательно сбор дров, это может быть сбор ягод, трав, охота и т. п., то есть множественные импликации противопоставляются единичной. В немецком языке для выражения аналогичного смысла используется образ, не связанный с лесом: *der eine sagt hü, der andere hott* [14, с. 212].

С концептом WALD в немецком языке связана идея «дикого, опасного» места. Признак неизвестного / опасного проявляется в немецком фразеологизме *jemanden in den Wald wünschen* (‘jemanden verwünschen’) [16, с. 1691], что буквально значит «желать, чтобы кто-то оказался в лесу». Фразеологизм имплицитно означает «будет один в опасном месте / не будет уверен в своей безопасности / не получит помощи в случае опасности / сгинет и т. п.». Тот же признак задействован в смысловой структуре русской пословицы *Волков бояться – в лес не ходить*,

смысл которой, однако, направлен на преодоление страха перед неизвестным. ЛЕС не имеет здесь отрицательной коннотации. Прагматический потенциал пословицы носит положительный характер, в русском языке это способ ободрить кого-либо, придать решимости. Аналогичная пословица немецкого языка связана с другой образностью: *Wer Honig schlecken will, darf die Bienen nicht scheuen* [14, с. 72].

Признак отсутствия культуры проявляется в следующих немецких единицах: *im Walde aufgewachsen sein* ('kein gesittetes Benehmen haben'), *im Wald wohnen* ('dumm sein'), *sind wir im Wald?* (Mahnung), *Hinterwäldler* ('weltfremder, rückständiger [undbäurischer] Mensch') [16, с. 1691]. В первом случае номинативный акцент проявляет недостаточный социальный опыт (вырасти в лесу – значит вырасти вдали от людей, вдали от культуры), имеющий следствием отсутствие воспитанности, плохое владение нормами поведения, принятыми в обществе. В таком же ключе следует понимать и призыв вести себя в соответствии с нормами поведения (*sind wir im Wald?*). Во втором выражении отсутствие социализации имплицитно подразумевает отсутствие ума. Такое развитие значения основано, по-видимому, на идее обучения / развития умственных способностей среди себе подобных, то есть также среди людей, в обществе. Те же импликации присутствуют и в единице *Hinterwäldler*. В русском языке признак отсутствия культуры и его следствие – неспособность разбираться в каких-либо вещах можно выделить в выражении *Как в лесу (разг.) – «ничего не понимая, ни в чем не разбираясь»* [10, с. 4897].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Сопоставительное исследование концептов природных объектов в разных лингвокультурах должно учитывать внутреннюю форму имен концептов, сохраняющую некоторые существенные для данной лингвокультуры признаки, проявляющиеся в «памяти значения». На формирование структуры концепта влияют как языковые, так и внеязыковые факторы, определяющие выделенность существенных концептуальных признаков.

Библиографический список

1. Большой немецко-русский словарь : в 3 т. [Текст] / авт.-сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др. ; под общ. рук. О. И. Москальской. – М. : Рус. яз., 2001.
2. Булах, Н. А. Средства отрицания в немецком литературном языке [Текст] / Н. А. Булах // Ученые записки / Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского, вып. 57. – Ярославль, 1962. – 334 с.
3. Бутерина, О. В. Представление концепта «ЛЕС» в русских и немецкий лингвокультурных источниках [Текст]: дис. ... канд. фил. наук / О. В. Бутерина. – Саратов, 2008. – 232 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т I–IV. – Москва, 1998. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246>.
5. Кириллов Ю. Леса Германии // Лесная индустрия. № 2 (16) 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lesindustry.ru/issues/li_n16/Lesa_Germanii_104
6. Латушкина, О. Л., Карамышев, Е. А. Лексический инвариант английского слова «tree» в диахронической плоскости [Текст] // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 133–137.
7. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; подред А. П. Евгеньевой – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240>.
8. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
9. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т.: 1. [Текст] / П. Я. Черных. – Москва, 2006. – 621 с.
10. Шведова, Н. Ю. Русский семантический словарь [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М. : «Азбуковник», 1998. – 924 с.
11. Sweetser, E. From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure [Текст]. – Cambridge, 1991. – 188 P.
12. Brockhaus Wahrig Deutsches Wörterbuch: In sechs Bänden. [Текст] Bd. 6 / hrsg. von G. Wahrig, H. Kramer, H. Zimmermann. – Stuttgart: F. A. Brockhaus Wiesbaden Deutsche Verlags-Anstalt, 1984. – 920 S.
13. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Текст]. – Berlin, New York, 1999. – 922 S.
14. Langenscheidt 1994 – Langenscheidts Taschenwörterbuch Russisch. Russisch-Deutsch, Deutsch-Russisch. Von Stanislaw Walewski und Prof. Dr. Erwin Wedel. Berlin. München. Wien. Zü-

rich [Tekst]. – New York: Langenscheidt, 1994. – 568 S.

15. Paul, H. Deutsches Wörterbuch [Tekst]. – Halle (Saale), 1960. – 777 S.

16. Röhrich, L. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten [Tekst]. – Freiburg, Basel, Wien, 1991. – 1910 S.

Bibliograficheski spisok

1. Bol'shoj nemecko-russkij slovar': V 3 t. [Tekst] / Avt.-sost. Leping E. I., Strahova N. P., Filicheva N. I. i dr.; Pod obshh. ruk. O. I. Moskal'skoj. – M. : Rus. jaz., 2001.

2. Bulah, N. A. Sredstva otricanija v nemeckom literaturnom jazyke [Tekst] / N. A. Bulah // Uchenye zapiski // Jarosl. gos. ped. in-t im. K. D. Ushinskogo, vyp. 57. – Jaroslavl', 1962. – 334 s.

3. Buterina, O. V. Predstavlenie koncepta «LES» v russkij i nemeckij lingvokul'turnyh istochnikah [Tekst] : dis. ... kand. fil. nauk / O. V. Buterina. – Saratov, 2008. – 232 s.

4. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. T I–IV. – Moskva, 1998. – [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246>.

5. Kirillov Ju. Lesa Germanii // Lesnaja industrija. № 2 (16) 2007. – [Jelektronnyj re-surs]. – Rezhim dostupa: http://www.lesindustry.ru/issues/li_n16/Lesa_Germanii_104

6. Latushkina, O. L., Karamyshev, E. A. Leksicheski invariant anglijskogo slova «tree» v diahronicheskoj ploskosti [Tekst] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2015. – № 3. – S. 133–137.

7. MAS – Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. / AN SSSR, In-t rus. jaz.; podred A. P. Evgen'e-voj – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Russkij jazyk, 1981–1984.

[Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240>.

8. Stepanov, Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury: Izd. 2-e, ispr. i dop. [Tekst] / Ju. S. Stepanov. – M. : Akademicheskij Proekt, 2001. – 990 s.

9. Chernyh, P. Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: V 2 t. T.: 1. [Tekst] / P. Ja. Chernyh. – Moskva, 2006. – 621 s.

10. Shvedova, N. Ju. Russkij semanticheskij slovar' [Tekst] / N. Ju. Shvedova. – M. : «Azbukovnik», 1998. – 924 s.

11. Sweetser, E. From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure [Tekst]. – Cambridge, 1991. – 188 P.

12. Brockhaus Wahrig Deutsches Wörterbuch: In sechs Bänden. [Tekst] Bd. 6 / hrsg. von G. Wahrig, H. Kramer, H. Zimmermann. – Stuttgart: F. A. Brockhaus Wiesbaden Deutsche Verlags-Anstalt, 1984. – 920 S.

13. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Tekst]. – Berlin, New York, 1999. – 922 S.

14. Langenscheidt 1994 – Langenscheidts Taschenwörterbuch Russisch. Russisch-Deutsch, Deutsch-Russisch. Von Stanislaw Walewski und Prof. Dr. Erwin Wedel. Berlin. München. Wien. Zürich [Tekst]. – New York: Langenscheidt, 1994. – 568 S.

15. Paul, H. Deutsches Wörterbuch [Tekst]. – Halle (Saale), 1960. – 777 S.

16. Röhrich, L. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten [Tekst]. – Freiburg, Basel, Wien, 1991. – 1910 S.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Л. Р. Хамитова

Продолженная синтаксическая форма с семантикой причины в свете теории ментальных пространств

Статья посвящена изучению продолженной синтаксической формы (термин О. А. Костровой) с семантикой причины в англоязычных художественных текстах. В статье рассматриваются синтаксические единицы, выражающие причинно-следственные отношения: сложноподчиненные предложения и цепочки предложений, объединяемые понятием ПСФ с позиций теории ментальных пространств.

Ключевые слова: продолженная синтаксическая форма, семантика причины, ментальное пространство, эпистемическая интерпретация, выводное следствие.

L. R. Khamitova

Continuous syntactic form with causative semantics in the light of mental space theory

The article is devoted to studying continuous syntactic form (term by O. A. Kostrova) with causative semantics in English language fiction. The author considers syntactic units expressing causal relations – compound sentences and chains of sentences connected by continuous syntactic forms – from the point of view of mental space theory.

Key words: continuous syntactic form, causative semantics, mental space, epistemic interpretation, inferential consequence.

Изучением причинно-следственных отношений в лингвистике занимаются уже давно. Можно указать целый ряд лингвистов в английской филологии, посвятивших свои труды данной проблеме, как-то: А. М. Амаатов, И. В. Кузнецова, М. А. Пахомова, О. М. Ламухина и другие. Так, А. М. Амаатов обобщил средства выражения причинно-следственных отношений каждого языкового уровня (фонема – морфема – лексема – денотема – предложение – диктема) в механизме языковой каузации, выявив корпус единиц, способных выражать значение каузальности. Особое внимание он уделил функционированию каузативных глагольных предикатов [1]. О. М. Ламухина охарактеризовала наиболее распространенные средства и способы выражения каузальности в английской диалогической речи [7]. Варьирования способов выражения семантико-прагматической категоризации каузальности в естественных языках (немецком и английском) были рассмотрены О. А. Костровой и М. А. Кулинич [2, с. 33–42]. И. В. Кузнецовой удалось проанализировать семантику причинно-следственных союзов *because*, *as*, *since*, *for* в структуре сложного предложения и определить степень конкретности/абстрактности причинно-следственных отношений в зависимости от упо-

ребления того или иного союза [6]. М. А. Пахомова описывает когнитивные репрезентации причинно-следственных отношений в русле когнитивной лингвистики, отмечая общие структурно-семантические особенности фрейма причинности [8]. Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению данной проблемы, эта область лингвистических исследований продолжает вызывать интерес ввиду многообразия проявления анализируемых отношений.

Причинно-следственные отношения возникают, поскольку всякое действие мотивировано, обусловлено какой-либо причиной. Наиболее широко причинно-следственные отношения представлены в полипредикативных структурах, а именно сложноподчиненных предложениях с обстоятельственным придаточным причины, в которых соотнесены две ситуации, одна из которых поставлена в обусловленную зависимость от другой. Однако отношения обусловленности характеризуются широкой вариативностью и могут выражаться и в других структурах.

Изучение продолженной синтаксической формы с семантикой причины предполагает рассмотрение синтаксических единиц, выражающих причинно-следственные отношения, реализуе-

мые в сложноподчиненных, сочиненных и осложненных простых предложениях, а также в цепочке предложений.

Теоретической базой данной статьи послужили труды О. А. Костровой, ученицы выдающегося германиста, профессора Наталии Александровны Булах. Прежде всего, рассмотрим ключевые понятия, раскрывающие содержание темы. Термин «продолженная синтаксическая форма» (далее – ПСФ) был предложен О. А. Костровой. ПСФ понимается как синтаксическая единица, которая употребляется в речи в виде пяти структурных вариантов: 1) два элементарных предложения, из которых одно представлено в свернутой форме – в виде предложно-субстантивной конструкции или причастного / герундиального / инфинитивного оборота; 2) сложноподчиненные предложения (далее – СПП), объединяющее два или более ЭП, с однофункциональными придаточными; 3) два или более ЭП в составе сложносочиненных (далее – ССП), связанные сочинительной союзной или бессоюзной связью; 4) цепочки семантически связанных ЭП, следующих друг за другом через точку, восклицательный или вопросительный знак, а также сепарированные ЭП с союзами и союзными словами; 5) контексты, объединяющие часть сложного предложения и последующее самостоятельное предложение [4, с. 31–34].

Основная задача данной статьи заключается в определении особенностей функционирования ПСФ с семантикой причины в англоязычном художественном тексте в рамках теории ментальных пространств.

В качестве материала исследования использовалось произведение английской художественной литературы XX в. «The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring by John Ronald Reuel Tolkien».

Было выявлено, что отношения причины встречаются чаще в авторских рассуждениях (59 %), нежели в прямой речи персонажей (41 %). Причинно-следственные отношения выступают логическими основаниями, опираясь на которые автор выводит тезисы, объясняет тот или иной поступок героя, убеждает читателей. Это позволяет читателю принять его точку зрения, наиболее полно оценить события.

С когнитивной точки зрения, конструирование высказываний организуется при помощи ментальных пространств, которые определяются как упорядоченные множества с элементами и отношениями между ними, открытые для попол-

нения их новыми элементами и отношениями. Опираясь на статью О. А. Костровой и М. А. Кулинич [2, с. 33–42], выделим 3 степени анализа: 1) определение ментального пространства, на основе которого построена ПСФ; 2) эпистемическая интерпретация описываемой ПСФ ситуации; 3) интерпретация следствия. Семантика причины тесно сочетается с различными отношениями.

Количественный анализ примеров ПСФ с семантикой причины позволил получить следующие данные о количественном соотношении различных структур:

СПП (сложноподчиненные предложения) – 45,63 %;

СФЕ (сверхфразовое единство) – 26,21 %;

ССП (сложносочиненные предложения) – 12,62 %;

БСП (бессоюзные предложения) – 7,77 %;

ЭП с усложненной структурой (элементарные предложения) – 7,77 %.

Однако проанализировать все виды ПСФ с точки зрения ментальных пространств в рамках одной статьи не представляется возможным. Поэтому подробно мы остановимся на одном виде – следствии.

Согласно проведенному анализу, наиболее частотным вариантом ПСФ с семантикой причины в художественном тексте является сложноподчиненное предложение. Возможно, это объясняется тем, что СПП позволяют выразить наиболее полное содержание мысли. Отношения причины реализуются в двух вариантах СПП: причины – 23,3 %, следствия – 22,33 %. СПП с придаточными причины и следствия тесно связаны между собой, так как в одной части предложения выражается причина, в другой – следствие (в СПП с придаточными причины в главной части – следствие, в придаточной – причина, в СПП с придаточным следствия наоборот). Для выражения следствия используются такие маркеры, как *so*, *sothat*, *thatiswhy*, частотность которых составляет соответственно 39,13 %, 21,74 %, 4,35 %.

Главное предложение в СПП с причинным придаточным чаще всего выражает обоснование. Ср. следующий пример:

It seemed plain that the farmer would tell them more, if allowed to do it in his own time and fashion, so they all accepted the invitation (Tolkien, 323).

Ситуация: Когда Фродо, Сэм и Пин забрели на землю старого Бирюка, в воротах показался

хозяин, который уже было решил спустить собак на незнакомцев. Но, узнав их, извинился и объяснил, что в этих краях происходят странные вещи. После чего пригласил их в дом. *Ментальное пространство* содержит элементы: встреча, таинственные события, приглашение, ожидание объяснения. *Эпистемическая интерпретация описываемой ситуации* заключается в том, что герои приняли приглашение, поскольку были заинтересованы в том, чтобы узнать больше. *Выводное следствие*: принятие приглашения в ответ на намерение фермера рассказать больше. Из примера мы видим, что объяснение принятия решения усиливается употреблением эпистемического выражения «*It seemed plain that*».

В ПСФ с семантикой причины встречаются предположения:

Of course, he possessed the ring for many years, and used it, so it might take a long while for the influence to wear off (Tolkien, 275).

Ситуация: Гэндальф рассказывал Фродо о кольце власти. И предположил, что, поскольку Бильбо долго пользовался и владел Кольцом, он не сможет быстро избавиться от его влияния. *Ментальное пространство*: обладание объектом, привычка к нему, нежелание расставаться с ним. *Эпистемическая интерпретация описываемой ситуации*: понимание того, что стойкие привычки сложно изменить. *Выводное следствие*: предположение о времени, которое потребуется, чтобы осуществить намерение повлиять на обладателя кольца. Глагол *may* в условном наклонении подчеркивает предположительный характер следствия.

Наряду с предположением и обоснованием мы часто сталкиваемся с явным или скрытым намерением. Рассмотрим пример:

But I am not going by road: it would be safer to wait here than that. If I go through the North-gate my departure from Buckland will be known at once, instead of being secret for several days at least, as it might be. And what is more, the Bridge and the East Road near the borders will certainly be watched, whether any Rider gets into Buckland or not. We don't know how many there are; but there are at least two, and possibly more. The only thing to do is to go off in a quite unexpected direction (Tolkien, 340).

Ментальное пространство детализовано: намерение покинуть место незамеченным, выбор пути, оценка степени опасности. *Эпистемическая интерпретация описываемой ситуации* рас-

творяется в ее подробном описании. *Выводное следствие*: намерение идти в неожиданном направлении как единственный способ уйти незамеченными. Прослеживается футуральная ориентация, достигнутая с помощью будущего времени.

Как показали наши наблюдения, еще одним отношением, возникающим в ментальном пространстве причины, может быть закономерное следствие. Приведем пример:

The Authorities, it is true, differ whether this last question was a mere «question» and not a «riddle» according to the strict rules of the Game; but all agree that, after accepting it and trying to guess the answer, Gollum was bound by his promise (Tolkien, 239).

Ментальное пространство: игра, соблюдение правил, связанность обещанием, оценка игроков. *Эпистемическая интерпретация описываемой ситуации*: Горлум предложил Бильбо поиграть в отгадывание загадок. Бильбо долго не мог придумать свою последнюю загадку и спросил, что находится в его кармане. Авторитеты соглашались, приняв этот вопрос за загадку и попытавшись ответить на него. Горлум был связан своим обещанием, ведь правила игры диктуют поведение людей. *Закономерность следствия* вытекает из причинно-временной связи. Прослеживается оценка действий, посредством ссылки на мнение авторитетов *all agree that*, которая усиливает факт истинности высказывания.

Ментальное пространство каузальности может обусловить и альтернативное следствие:

But suitable sites for these large and ramifying tunnels (or smials as they called them) were not everywhere to be found and in the flats and the low-lying districts the Hobbits, as they multiplied, began to build above ground (Tolkien, 231).

Таким образом, продолженная синтаксическая форма с семантикой причины в данном художественном тексте обладает определенными особенностями. Ментальные пространства каузальных ПСФ содержат, как правило, элементы, отношения между которыми обосновывают выводное или закономерное следствие. Выражение следствия, в свою очередь, может имплицировать скрытое или альтернативное намерение. Поскольку исследование проводилось на тексте одного автора, выводы требуют дополнительной проверки, так как полученные результаты могут быть отражением индивидуального стиля автора.

Библиографический список

1. Амаатов, А. М. Причинно-следственные отношения на разных уровнях языка [Текст]: автореф. дис. д. филол. н. / А. М. Амаатов. – М., 2005.
2. Кострова, О. А., Кулинич, М. А. Семантико-прагматическая категоризация каузальности в немецком и английском языках (на немецком языке) [Текст] // Научный журнал «Иностранные языки в высшей школе». – Рязань, 2014. – № 3 (РИНЦ). – С. 33–42.
3. Кострова, О. А. Нестрогая аргументация в немецком и русском языках [Текст] // Русская германистика: ежегодник Рос. союза германистов: Т. 9. Сравнительно-сопоставительные подходы в германистике: IX съезд Рос. союза германистов, Казань, 24–26 нояб. 2011 г. / организаторы: Е. Н. Шевченко, Р. А. Сафина. – М.: Яз. славян. культуры, 2012. – 254 с.
4. Кострова, О. А. Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством [Текст]: автореф. ... дис. докт. фил. наук / О. А. Кострова. – М., 1991. – С. 31–34.
5. Кронгауз, М. А. Семантика [Текст] / М. А. Кронгауз. – М., 2001.
6. Кузнецова, И. В. Семантика причинно-следственных союзов в современном английском языке: на материале союзов because, as, since, for [Текст]: автореф. дис. ... к. филол. н. / И. В. Кузнецова. – Уфа, 2003.
7. Ламухина, О. М. Каузальные отношения в типологии диалогов: на материале английского языка [Текст]: автореф. дис. ... к. филол. н. / О. М. Ламухина. – Армавир, 2006.
8. Пахомова, М. А. Структурно-семантический анализ причинно-следственных отношений в тексте: на материале английского языка [Текст]: автореф. дис. ... к. филол. н. / М. А. Пахомова. – Самара, 2009.
9. Сорокин, Ю. Е. Введение в аргументативно-оценочный дискурс [Текст]: монография / Ю. Е. Сорокин. – Самара: Издательство СГПУ, 2004. – 271 с.

Bibliograficheski spisok (in Russ)

1. Amatov, A. M. Prichinno-sledstvennyye otnosheniya na raznyh urovnjah jazyka [Tekst]: avtoref. dis.. d. filol. n. / A. M. Amatov. – M., 2005.
2. Kostrova, O. A., Kulinich, M. A. Semantiko-pragmaticeskaja kategorizacija kauzal'nosti v nemeckom i anglijskom jazykah (na nemeckom jazyke) [Tekst] // Nauchnyj zhurnal «Inostrannye jazyki v vysshej shkole». – Rjazan', 2014. – № 3 (RINC). – S. 33–42.
3. Kostrova, O. A. Nestrogaja argumentacija v nemeckom i russkom jazykah [Tekst] // Rus-skaja germanistika: ezhegodnik Ros. sojuza germanistov: T. 9. Sravnitel'no-sopostavitel'nye podhody v germanistike: IX sjezd Ros. sojuza germanistov, Kazan', 24-26 nojab. 2011 g. / organizatory: E. N. Shevchenko, R. A. Safina. – M.: Jaz. slavjan. kul'tury, 2012. – 254s.
4. Kostrova, O. A. Prodolzhenaja sintaksičeskaja forma kak promezhutočnoe zveno mezhdru prostym predlozheniem i sverhfrazovym edinstvom [Tekst]: avtoref. ... dis. dokt. fil.nauk / O. A. Kostrova. – M., 1991. – S. 31–34.
5. Krongauz, M. A. Semantika [Tekst] / M. A. Krongauz. – M., 2001.
6. Kuznecova, I. V. Semantika prichinno-sledstvennyh sojuзов v sovremennom anglijskom jazyke: na materiale sojuзов because, as, since, for [Tekst]: avtoref. dis. ... k. filol. n. / I. V. Kuznecova. – Ufa, 2003.
7. Lamuhina, O. M. Kauzal'nye otnosheniya v tipologii dialogov: na materiale anglijskogo jazyka [Tekst]: avtoref. dis. ... k. filol. n. / O. M. Lamuhina. – Armavir, 2006.
8. Pahomova, M. A. Strukturno-semanticheskij analiz prichinno-sledstvennyh otnoshenij v tekste: na materiale anglijskogo jazyka [Tekst]: avtoref. dis. ... k. filol. n. / M. A. Pahomova. – Samara, 2009.
9. Sorokin, Ju. E. Vvedenie v argumentativno-ocenochnyj diskurs [Tekst]: monografija / Ju. E. Sorokin. – Samara: Izdatel'stvo SGPU, 2004. – 271 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

УДК 659.4

Е. В. Быкова, Л. В. Селезнева

Прагматическая девиация: способ репрезентации лжи в дискурсе

В статье поднимается проблема, связанная с анализом ложных высказываний. Авторы подходят к ее решению с позиций дискурс-анализа и рассматривают ложные высказывания как прагматическую девиацию, под которой понимают несоответствие смысла высказывания коммуникативной ситуации. Анализируя варианты репрезентации лжи в дискурсе, авторы показывают на конкретном речевом материале, как формируются ложные высказывания на всех этапах текстообразования. Подробно рассмотрены фреймы, стратегии, речевые акты, которые используются при формировании ложных высказываний. Сочетание речевого материала и его графического представления формирует облик ложного высказывания, которое вводит реципиента в заблуждение и позволяет им манипулировать в соответствии с задачей креатора.

Ключевые слова: прагматическая девиация, дискурс, коммуникативные стратегии, речевые акты, фреймы.

COMMUNICATION THEORY

E. V. Bykova, L. V. Selezneva

Pragmatic deviation: the means of presenting lie in discourse

The article deals with the problem of false statements. The authors approach this problem from the point of view of discourse-analysis and treat false statements as pragmatic deviation which, in their opinion, is the discrepancy between the meaning of the statement and the communicative situation. Analyzing different variants of presenting lie in discourse and using specific cases, the authors show how false statements are constructed at all stages of text formation. They give a detailed description of frames, strategies and speech acts used in forming false statements. The combination of speech material and its graphic design forms the image of a false statement which misleads and manipulates the recipient in accordance with the creator's aim.

Key words: pragmatic deviation, discourse, communicative strategies, speech acts, frames.

*Лжей много, а правда одна.
(В. И. Даль)*

«Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?» – произносит один из персонажей романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина», и такое выражение мы часто используем, когда сомневаемся в наличии самого предмета, давшего повод для беспокойства и хлопот, подразумевая ложь и обман. Повседневная речевая практика показывает разные варианты лжи: от искажения реального положения вещей до создания объектов, не существующих в реальности, то есть симулякров. Однако порой бывает сложно специфицировать оппозицию «правда-ложь» и определить варианты и способы репрезентации лжи в контексте

имплицитных выражений. На наш взгляд, концептуально важным является исследование высказываний с учетом социальной ситуации и рассмотрение прагматической девиации в рамках дискурс-анализа. Под прагматической девиацией мы понимаем несоответствие смысла высказывания коммуникативной ситуации.

М. М. Бахтин отмечал, что «всякое высказывание претендует на справедливость, истинность, красоту и правдивость (образное высказывание) и т. п. И эти ценности высказываний определяются не их отношением к языку (как чисто лингвистической системе), а разными формами отношения к действительности, к говорящему субъекту и к другим (чужим) высказываниям (в частности, к тем, которые их оценивают как истинные, пре-

красные и т. п.)» [1, с. 319]. Эти аксиологические требования выдвигают на первый план такие понятия, как истина и правда.

Данные категории взаимосвязаны и часто используются как синонимы. Однако если истина, являясь категорией логики и теории познания, характеризует речевые действия по отношению к реальности, то правда относится к нравственным категориям и квалифицирует речевые действия по отношению к нравственным ценностям. В логике дифференциация истинных и ложных суждений решается на основе выделения двух миров: области мыслей и реальности, в которой существуют объекты и их признаки. И если структура мысли соответствует структуре действительности, то суждение истинно, если не совпадают – ложно [4].

Однако логическая истинность суждений не учитывает прагматические факторы, которые важны при создании и анализе текста: коммуниканты, их социальный и гендерный статус, отношения между ними, коммуникативное намерение, степень знакомства, хронотоп и проч. Н. Д. Арутюнова замечает, что правда «имеет статус факта, конкретной информации, иногда мнения и оценки» [10, с. 19]. Следовательно, одним из сигналов ложного текста является отсутствие фактов или их искажение. Необходимо отметить, что не всякое событие является фактом: событие может быть вымышленным, факт – нет, так как факт ориентирован на знания, а событие имеет прагматическую привязку и может происходить в реальном времени/пространстве или в вымышленном. Поэтому при определении прагматической девиации мы прежде всего соотносим реальность и смысл высказывания (текста).

Мы рассматриваем ложь и правду в рамках дискурсивного похода к тексту, который предполагает учет прагматических и социальных условий порождения высказывания. Такой подход основывается на ситуативной привязанности предложений, заключающейся в «согласовании значения предложения с совершенно конкретным событием внелингвистического мира» [6, с. 284]. Априори мы понимаем, что высказывание должно отображать то, что существует объективно, и факты, приведенные в тексте, должны соответствовать действительности.

При этом, говоря о дискурсе как процессе текстообразования, мы предполагаем, что при создании высказывания (текста) учитывается архитектура дискурса, которая представляет собой конфигурацию инстанций креатор – референт – реципиент. В этом плане Н. Д. Арутюнова отмечает: «Отношение «человек – правда» или «говорящий – правда – адресат» заменяется отношением «дис-

курс – правда». Мы используем термин «дискурс», поскольку концепт правды (в отличие от истины) связан с личностным (авторским) и адресованным текстом, включенным в поток текущей жизни» [10, с. 35].

Такое соотношение «дискурс – правда» в идеале должно проявляться на всех фазах текстообразования: креативной, рецептивной и референтной. Создание правдивого высказывания предполагает, что креатор изоморфно воспринимает действительность, отбирает те факты и знания, которые отвечают признаку «прагматической пригодности» (термин О. Г. Ревзиной) [7], соотносит с нормами и правилами (языковыми, социальными, профессиональными, этическими и т. п.) и учитывает особенности адресата. В ходе референтной фазы объекты действительности становятся темой, и высказывание (текст) приобретает относительную предметно-смысловую завершенность. Все это получает завершение на рецептивной фазе, когда адресат воспринимает текст и соотносит представленные в нем знания и факты со своими знаниями о языке, мире, нормами и правилами. Совпадение или несовпадение приводит к оценке высказывания как правдивого или ложного.

Вот пример из жизни, описанный пользователем социальной сети Facebook:

Решил после работы сходить в кино. Подхожу к кассе кинотеатра. Там надпись «Билетов на 18:40 нет». Тут подходит девушка, видит это объявление и обращается к кассиру: «А билетов вообще нет?»

– Нет, один остался, – отвечает кассир. Девушка покупает билет и идет в кино, а я стою и понимаю все недостатки своего технического образования и достоинства женского ума, для которого существует разница между «Билетов нет» и «Билетов вообще нет».

Так, для адресата высказывание «Билетов нет» в данной ситуации воспринимается как ложное, как введение в заблуждение. Подобные высказывания мы рассматриваем как проявление прагматической девиации, то есть как несоответствие высказывания реальной ситуации.

Девиацию вообще рассматривают широко, как отклонение от разного типа норм: языковых, текстовых, социальных, этических, профессиональных и т. п. Прагматическая девиация определяется при сопоставлении с социальными, профессиональными, этическими нормами, ведь понять в чем заключается отклонение можно только, если знаешь правила и стандарты. Например, для «черного юмора» характерна насмешка над смертью, то есть нарушение этических норм и ценностей: «Алло!

Это я в морг попал? Нет, пока только дозвонилась»; Недавно в хрюпинском лесопарке на мальчика Петю напал медведь. Мальчик отделался легким испугом и своим другом Сережей. (<http://anekdoty.onru.ru/anekdoty/anekdoty/26/page11.html>)

При этом к девиантным высказываниям мы относим как ошибочные высказывания, так и заведомо ложные высказывания. Например: *Солвей Фарма является лидером по разработке и производству лекарственных препаратов в следующих областях здравоохранения (медицины): кардиология, неврология и психиатрия, вакцины для профилактики гриппа, ферменты поджелудочной железы, гастроэнтерология, мужское и женское здоровье.* В данном высказывании прагматическая девиация проявляется двояко: в фактической ошибке при перечислении областей здравоохранения и в грамматической ошибке – включении в ряд однородных членов несопоставимых понятий: *вакцины для профилактики гриппа, ферментов поджелудочной железы* (по аналогии с *шел дождь и два студента*).

Ложные высказывания зачастую намеренно создаются для получения выгоды, в целях обмана, мошенничества. При этом креатор пытается воздействовать на сознание реципиента для изменения его поведения и образа мыслей, манипулирует им. Стратегии воздействия, используемые креатором, по мнению О. С. Иссерс, имеют два направления: воздействие на представление ситуации и воздействие на шкалу ценностей [7].

Для первого направления характерно включение тактик усложнения/упрощения; для второго – тактик обвинения, упрека, оправдания, дискредитации, издевки и т. д. Включение тактик усложнения/упрощения связано с установкой на симультанность восприятия, столь свойственную массовому потребителю информации, который притупляет внимание при чтении так называемых лонгридов (длинных текстов). Современный пользователь прочитывает, как правило, 20 % из всего размещенного на странице текста и избегает больших абзацев, он скользит взглядом по странице, останавливая внимание только на визуальных «маячках»: заголовках, шрифтовых актуализациях, фотографиях. Подобного рода речевое поведение реципиента дает простор для расстановки коммуникативных ловушек со стороны креатора.

При формировании девиантного высказывания креатор активизирует восприятие реципиента на готовых смысловых блоках (прототипических конструктах, узнаваемых ситуациях – фреймах). В классическом понимании фрейм – это структура данных, предназначенная для представления сте-

реотипной ситуации. В основе формирования фрейма лежат особенности восприятия действительности при сопоставлении полученной извне информации с той информацией, которая хранится в памяти субъекта коммуникации, что предоставляет создателю девиантного высказывания большую свободу для манипуляции [5].

Готовые смысловые блоки не подлежат семантической ревизии со стороны реципиента, поскольку симультанно извлекаются из речевого и жизненного опыта и автоматически экстраполируются на узнаваемую ситуацию: *конверт – почта России – письмо – новость – деньги*. Как отмечал Ч. Филлмор: «Люди могут понять то, что мы говорим, если их языковой репертуар активизирует такие же сходные схемы и если опыт по усвоению этих схем сравним с нашими» [9, с. 111]. Подвох (читай, задача) креатора в выстраивании манипулятивной речевой стратегии упрощения заключается в том, что ситуации, на которую экстраполируется фрейм реципиента, не существует в реальной действительности. Распознать это не просто, поскольку в узнаваемый фрейм креатор намеренно вводит новый слот, который не распознается реципиентом: коммуникативная ситуация внешне репрезентирована как типичная, стереотипная и воспринимается сразу и в целом (*Высказывание Купите два гамбургера по цене трех и вы получите его бесплатно!* в поверхностной структуре выглядит как выгодное предложение).

Покажем это на примерах. При создании ложных (манипулятивных) высказываний креаторы используют весь арсенал воздействующих средств, включают в текст дополнительные семиотические и параграфемные компоненты, погружая тем самым реципиента в искусственно создаваемое коммуникативное пространство, нереальную действительность.

Для вовлечения в несуществующую реальность реципиента креаторы используют широкий арсенал речевых и неречевых средств: тексты, написанные якобы от руки: *«Если честно, я очень нуждаюсь в деньгах. Поэтому и решила написать Вам лично и попросить пересмотреть свое решение об аннулировании моих прав на приз. Если же уже ничего изменить нельзя, то не могли бы вы рассмотреть мою кандидатуру для вручения приза в следующей акции...»*; печати и штемпели:

СОСТАВЛЕНО И ПРИНЯТО 29.04.2016	ПОДЛЕЖИТ ПЕРЕДАЧЕ В БАНК 30.06.2016	КОПИЯ С ОРИГИНАЛА
---------------------------------------	--	----------------------

бланки, платежные квитанции, фотографии, конверты, факсимиле подписей, голограммы, стикеры

и проч. В окружении симулякров, то есть семиотических знаков, которые выглядят как настоящие, но не существуют в действительности, реципиент теряет ощущение реальности и вписывает симулякры в свое личное пространство, принимает их за реальные.

В формировании девиантного высказывания особую роль играет организация речевого материала, в которой презентация смысла происходит в интересах отправителя. «Истинная цель не осознается получателем информации, потому что она содержится в имплицитной форме. Автор скрывает свое коммуникативное намерение ... актуализирует для получателя только поверхностные смыслы, не отражая сути сообщения» [5, с.115].

Девиантные высказывания могут вводить реципиента в замешательство, вызывают чувство вины при помощи тактики обвинения, упрека, оправдания, дискредитации, издевки; проявляются в различных речевых формах, выражающих сообщение, предупреждение, просьбу, приказ, увещание и прочее.

Девиантные высказывания могут содержать:

– репрезентативы («Уведомление о согласии на получение 1 900 000 рублей 30 июня 2016 года. Заполняется клиентом...»);

– директивы («Важно! Вложите вашу квитанцию об оплате товара в один конверт с этим документом!»), комиссивы-обещания («В знак огромной благодарности за Ваш быстрый заказ в течение 3-х дней я хотел бы преподнести вам 30 000 рублей. В знак благодарности за Ваш заказ на сумму от 1000 рублей Вы можете стать обладателем дополнительной премии в размере 100 000 рублей. Эти деньги скоро могут стать вашими...»);

– экспрессивы / эмотивы («В последнюю минуту! Мы хотим помочь вам пережить кризис!»), декларации («Больше не будет ни одного напоминания!»), обвинения («Из-за Вашего молчания мы были вынуждены 2 раза менять программу награждения»);

– упреки («Как вы видите сами, в общей сложности из-за неполучения своевременных ответов мы выплатили 170 000 рублей неустойки»), оправдания («Возможно, вы не ответили именно из-за того, что боялись огласки выплаты такой огромной суммы. Иначе объяснить себе и коллегам Ваше молчание не могу»);

– дискредитации («Документы о выплате отправляются Вам уже в третий раз, вы утрачиваете наше доверие и поблажек вам не будет!»);

– издевки («Вы совсем запутаетесь в документах»).

Коммуникативную цель креатора девиантного высказывания можно выявить только в контексте. В приведенных выше примерах речевые акты нацелены на перлокутивный эффект – потерю бдительности реципиентом и совершение им действия в пользу инициатора сообщения (креатора-манипулятора).

Те фрагменты текста, которые не входят в сферу прагматического интереса креатора-манипулятора, обычно организованы в плоскости страницы намеренно мелким, неудобочитаемым шрифтом, не разделяются на абзацы, представляют собой так называемый «кирпич». Креатор-манипулятор справедливо полагает, что читатель пренебрежет этим фрагментом текста. Так креатор управляет процессом коммуникации, манипулирует реципиентом. Адресату сложно отделить правду от лжи, языковую игру от манипуляции. Поэтому развенчание того или иного высказывания (текста) и определение его как правдивого или ложного может идти по нескольким направлениям в рамках дискурс-анализа.

Рассмотрим в качестве примера девиантного высказывания текст письма, адресованного российскому пенсионеру. Цель письма – побуждение адресата к действиям, выгодным для отправителя-манипулятора (креатора). Получатель письма должен вовлечься в соревнование с другими покупателями за ненужный товар для получения приза в 1 900 000 рублей (обычно этот прием называют «лохотроном»):

«Главный приз 1 900 000 рублей выплата 30.06.2016. ООО «Почта Сервис» а/я 49, Московский АСЦ 140 961. Информацию об акции, Организаторе и сроках проведения читайте внутри конверта.

Хронотоп в формате восприятие текста реципиентом «здесь и сейчас» имеет определяющее значение, поскольку «всякое вступление в сферу смыслов свершается через ворота хронотопов» [2, с. 234]. Для осмысления многих текстов значима дата, которая вписывает содержание текста в личное пространство получателя: *Вручение приза состоится 30.06.2016.* «Пространственно-временные координаты (хронотоп) воспроизводят пространственно-временные координаты объективной действительности, в которой сосуществуют отправитель и получатель» [5, с. 89]. Сообщение, пришедшее на домашний адрес получателя с актуализированными реквизитами, является контактоустанавливающим средством, создает доверительное отношение к отправителю.

Дорогая Ираида Александровна!

Сказать, что я в ужасе – это не сказать ничего! Я лично 2 раза опускал конверты с Вашими документами в почтовый ящик, но ваш ответ о согласии стать обладателем 1900000 рублей 30 июня 2016 года до сих пор не получен.

БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ НИ ОДНОГО НАПОМИНАНИЯ: СРОК ОТВЕТА – 10 ДНЕЙ!

Думаю, Вы догадываетесь, что не в моих правилах отправлять документы повторно, тем более дважды, но ситуация исключительная.

Ираида Александровна, мне не хотелось бы ни в коем случае быть невежливым, но из-за вашего молчания мы были вынуждены 2 раза менять программу награждения! В первый раз мы хотели, чтобы в церемонии в офисе «НА ДОМ» приняла участие звезда театра и кино, и оправили Вам запрос на Ваше согласие. Ответа мы не получили. Второй раз мы решили сделать сюрприз, забронировали номер в отеле «Москва», столик в ресторане, внесли предоплату, но Ваше согласие так и не было получено.

Ираида Александровна! Мы отменили все, заплатив неустойку. Но даже при этих условиях я не мог поверить, что вы могли бы отказаться от получения 1 900 000 рублей. Поэтому я пишу Вам в третий и последний раз. На это раз после получения вашего согласия 1 900 000 рублей будут просто переведены на Ваш расчетный счет¹. Никаких церемоний награждения мы устраивать не будем. Возможно, Вы не ответили именно из-за того, что боялись огласки выплаты такой огромной суммы... Иначе объяснить себе и коллегам Ваше молчание я не могу.

Ираида Александровна, я сделал для Вас копии всех аннулированных документов (см. оборот моего письма), чтобы Вы собственными глазами могли убедиться, что Вы потеряли! Надеюсь, эти документы помогут Вам понять, что вручение 1900 000 рублей – дело более чем серьезное.

Я также вкладываю в конверт для Вас копию платежного поручения, которое подлежит передаче в банк. Еще хотел приложить копии документов к выплате, которые мы получили из банка, но просто боюсь, что Вы совсем запутаетесь в бумагах и опять не ответите!

Итак, Ираида Александровна, сейчас или никогда. Или вы отвечаете и становитесь полноправным получателем 1 900 000 рублей 30 июня 2016 года, или же мы аннулируем выплату, и Вы навсегда распрощаетесь с мечтой о нормальной, полноценной жизни!

Решать Вам. Я сделал все, что от меня зависело.

С уважением

А. Воронов, директор «НА ДОМ»

Креатор заранее предполагает, что реципиент связывает в своем сознании компоненты фрейма: почта – письмо – новость, почта – пенсия – деньги, пенсия – деньги, банк – деньги. Креатор использует базовый фреймовый нарратив пенсия – почта – деньги и банк – деньги, но вводит во фрейм новый компонент: приз. Компонент приз является структурным элементом другого фреймового нарратива: игра – соревнование – приз, игра – обман. На рецептивной фазе у получателя два фрейма соединяются: первый, который связан с реальным миром предметов и фактов, и второй, который связан с миром ирреальным.

Реальный мир представлен одной речевой формой: обращение к получателю по имени-отчеству. Остальные речевые формы репрезентируют мир ирреальный:

– использование формы сослагательно наклонения (мне не хотелось бы, что вы могли бы отказаться)

– создание ложных событий (Я лично 2 раза опускал конверты с Вашими документами в почтовый ящик; Мы были вынуждены 2 раза менять программу награждения; Забронировали номер в отеле «Москва», столик в ресторане, внесли предоплату; Мы отменили все, заплатив неустойку).

– апеллирование к эмоциональной сфере получателя с актуализацией комплекса вины: я в ужасе; не в моих правилах отправлять документы повторно; из-за Вашего молчания мы были вынуждены.

Ключевое сообщение в случае объявления Вас главным победителем в девиантном высказывании выведено в самое «неударное» место верстки (правое поле с выключкой по вертикали), поскольку оно не входит в сферу коммуникативного намерения отправителя сообщения. Реципиент не замечает неактуализированного компонента и воспринимает ситуацию как реальную (истинную): *Вы победитель. Вы выиграли 1 900 000 рублей.*

Подводя итог проведенным наблюдениям, можно заключить, что рассмотрение лжи как прагматической девиации способствует исследованию вариантов ее репрезентации в дискурсе путем анализа как речевого материала, так и графического его представления. Графическое исполнение вместе с речевыми фрагментами составляют речевой облик девиантного высказывания, камуфлируют коммуникативное намерение, искажают картину реальной действительности в сознании реципиента, который становится жертвой манипуляции. Истинный смысл высказываний, усиленных поликодовым многоканальным эффектом, обнаруживает

асимметричные отношения между семантикой (прямым значением) высказывания и коммуникативным заданием креатора.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках [Текст] // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 297–325.
2. Бахтин, М. М. Эпос и роман [Текст] // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
3. Боровицкая, Е. Н. Ложь и варианты ее проявления в дискурсе (социально-прагматический анализ) [Текст] // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 367–379.
4. Брюшинкин, В. Н. Практический курс логики для гуманитариев [Текст] / В. Н. Брюшинкин. – М.: Новая школа, 1996. – 320 с.
5. Быкова, Е. В. Речевая организация модульного текста [Текст] / Е. В. Быкова. – СПб.: РГГМУ, 2011 – 220 с.
6. Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике [Текст] / В. А. Звегинцев. – М.: изд-во ЛКИ, 2008. – 336 с.
7. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
8. Ревзина, О. Г. Дискурс и дискурсивные формации [Текст] // Критика и семиотика. – 2005. – Вып. 8. – С. 66–78.
9. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 12. Прикладная лингвистика / сост. В. А. Звегинцева. – М.: Радуга, 1983. – С. 74–122.
10. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис [Текст] / отв. ред. Т. В. Булыгина. – М.: Наука, 1992. – 281 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin, M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah [Tekst] // Jestetika slovesnogo tvorchestva. – M.: Iskusstvo, 1986. – S. 297–325.
2. Bahtin, M. M. Jepos i roman [Tekst] // Voprosy literatury i jestetiki. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. – S. 234–407.
3. Borovickaja, E. N. Lozh' i varianty ee projavlenija v diskurse (social'no-pragmaticheskij analiz) [Tekst] // Logicheskij analiz jazyka. Mezhdju lozh'ju i fantaziej / otv. red. N. D. Arutjunova. – M.: Indrik, 2008. – S. 367–379.
4. Brjushinkin, V. N. Prakticheskij kurs logiki dlja gumanitarijev [Tekst] / V. N. Brjushinkin. – M.: Novaja shkola, 1996. – 320 s.
5. Bykova, E. V. Rechevaja organizacija modul'nogo teksta [Tekst] / E. V. Bykova. – SPb.: RGGMU, 2011 – 220 s.
6. Zvegincev, V. A. Mysli o lingvistike [Tekst] / V. A. Zvegincev. – M.: izd-vo LKI, 2008. – 336 s.
7. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Tekst] / O. S. Issers. – M.: Izd-vo LKI, 2008. – 288 s.
8. Revzina, O. G. Diskurs i diskursivnye formacii [Tekst] // Kritika i semiotika. – 2005. – Vyp. 8. – S. 66–78.
9. Fillmor, Ch. Osnovnye problemy leksicheskoi semantiki [Tekst] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. 12. Prikladnaja lingvistika / sost. V. A. Zveginceva. – M.: Raduga, 1983. – S. 74–122.
10. Chelovecheskiy faktor v jazyke: Kommunikacija, modal'nost', dejksis [Tekst] / otv. red. T. V. Bulygina. – M.: Nauka, 1992. – 281 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

¹ В случае объявления Вас главным победителем.

И. А. Тортунова

Лингвистический «образ» современной деловой переписки

В статье представлен лингвистический «образ» современной деловой переписки, под которым понимается филологический анализ стилистических, жанровых и композиционных средств создания современных деловых писем. Культурологическо-исторический подход к лингвистическому материалу выражен в детальном освещении истории возникновения и изучения деловой переписки в России. Автор статьи предлагает классификацию видов и жанров современных деловых писем, основанную на анализе функций языка и коммуникативных задач, стоящих перед автором. В работе также детально описаны современные стилистические тенденции деловых писем, например, активное смешение функциональных стилей.

Ключевые слова: деловой дискурс, деловая переписка, жанры деловой корреспонденции, стилистические особенности служебной переписки.

I. A. Tortunova

Linguistic «image» of modern business correspondence

The article presents the linguistic «image» of modern business correspondence which is considered as philological analysis of stylistic, genre and compositional means for writing business letters. The author studies linguistic material using cultural and historical approach paying attention to detailed description of the origin of business correspondence in Russia. The author gives the classification of types and genres of modern business letters based on the analysis of language functions and communicative aims of the author. The article also presents a detailed description of current stylistic trends in business letters, such as a mixture of functional styles.

Key words: business discourse, business correspondence, genres of business correspondence, stylistic peculiarities of official correspondence.

Современное деловое общение представляет собой массовый вид социальной коммуникации, представленной в сфере коммерческих, административно-правовых, экономико-правовых и дипломатических отношений. Письменные формы деловой коммуникации в России уходят корнями в глубокую древность и связаны с формированием одного из базовых книжных стилей русского языка, составляющих систему функциональных стилей, – официально-делового. Современное деловое общение выражено в таких разновидностях бизнес-коммуникации, как документация, деловая и служебная переписка.

Деловая переписка (которая также носит и другие названия – служебная переписка, деловые письма, официальная или деловая корреспонденция) представляет собой письменную форму коммуникации и обладает правовой значимостью. Коммуникантами в деловой переписке могут выступать организации (разной формы собственности), а также физические лица.

Деловые письма – переписка между организациями – являются одной из важных разновидностей речевой коммуникации в современном деловом общении. Являясь письменной формой

речи, они сохраняют базовые традиции русской деловой письменности и речевого этикета.

История вопроса

В период существования древнерусского государства деловая переписка была представлена договорами, грамотами разных жанров (подорожные, купчие, завещательные, купчие), житийными записями, закладными кабалами. В этих деловых бумагах фиксировались речевые ситуации, связанные с возникновением правовых отношений. Например, заемом денег или приобретением имущества.

В сборнике «Русская правда», который представляет собой один из интереснейших памятников древнерусского языка и древнерусского права, представлено описание этих деловых бумаг. И уже в нем наблюдается яркое выражение языковых средств, присущих деловому тексту – принципы унификации, наличие юридической терминологии, использование слова в прямом значении.

Базовые лингвистические черты деловой переписки: композиционное построение, обращение, дата и подпись в конце документа, употреб-

ление административной, юридической, экономической и т. д. лексики и др. – сформировались в русском языке делового общения к XVII в.

Обращения и подписи как необходимые композиционные элементы текста возникли в переписке еще в Древней Руси, а в Петровскую эпоху приобрели более важное значение, поскольку стали соответствовать Табели о рангах. В то же время сложилось и трехчастное построение деловых писем (обращение, текст письма, содержащий просьбу, приказ, требование, предложение и т. д. и подпись).

Появление новых законов и документов, например, Судебника Ивана III (1497 г.) повлекло за собой формирование начальных лингвистических черт не только документов, но и деловой переписки. Создание Приказов и Царского архива (нач. XVI в.), реформы, проведенные Петром и Екатериной Великими, способствовали расширению жанровой системы письменной деловой речи, которая окончательно оформилась к концу XVIII – началу XIX вв. К этому времени были выработаны единые стандарты по составлению деловых бумаг, появились инструкции, письмовники и письмоводители. Эта традиция находит отражение и в современности (ГОСТ для составления деловых писем).

Веками накопленный опыт выразился в появлении устойчивых речевых формул и образцов текстов, которые до сих пор используются в деловой переписке: *Уважаемые дамы и господа; Имеем честь предложить вам; Спешим уверить Вас в том, что и др.*

Изучение отечественной деловой письменности насчитывает более двух веков. Первые исследования были посвящены поискам древних деловых текстов, которые продолжают систематически изучаться и в наши дни (см. работы С. П. Обнорского, А. М. Селищева, В. В. Виноградова, П. Я. Черных, Р. И. Аванесова, Г. А. Хабургаева и др.). С разных лингвистических позиций были описаны тексты деловых бумаг в работах русских филологов XIX – начала XX столетия: А. С. Шишкова, А. Х. Востокова, А. А. Шахматова, Е. Ф. Карского и др., которые также разработали механизмы лингвистического исследования текстов. Так, например, М. Л. Магницкий отмечает, что «деловой слог» может быть разных видов. Исследователь предлагает классификацию деловых бумаг, в основу которой положены разные формы официально-деловой переписки и выделяет такие варианты делового письма, как законодательный, судный,

распорядительный, а также военный, дипломатический, гражданский, который, в свою очередь, делится на учетный, финансовый, полицейский [12, с. 25–26].

Как особая модель речевой деятельности, представляющая собой оформленную систему традиционных языковых средств и форм и развивающаяся параллельно с национальной письменной традицией, деловая письменность исследована в работах Г. О. Винокура, В. Д. Левина, А. И. Ефимова, А. И. Горшкова, А. Н. Кожина и др.

Современные исследователи также продолжают уделять внимание деловой переписке как важной форме делового общения, одному из актуальных жанров современных деловых текстов, частотность обращения к которому высока и продолжает расти. Не являясь жестко регламентированной (в отличие от текстов документов), деловая переписка быстрее, нежели другие разновидности текстов, созданных в официально-деловом стиле, вбирает в себя лексико-стилистические изменения, транслирует современные тенденции смешения функциональных стилей, оставляет возможности для речетворчества, «свободного творчества говорящего» [13, с. 89].

Жанровая палитра современной деловой переписки

Вопрос о структурном разграничении жанров деловых служебных писем, о непосредственном названии жанров деловой коммуникации остается открытым. На определение жанра делового письма, безусловно, влияют речевые цели, которые могут быть следующими: информирование адресата, его побуждение к решению проблемы или необходимому действию, придание юридического статуса событию и поддержание деловых отношений.

Современные классификации деловых писем базируются на разных принципах: способе подачи информации (информативные и неинформативные письма), нормам соблюдения правил и этикетных формул (регламентированные и нерегламентированные письма), средства связи, благодаря которым происходит коммуникация (почта, телеграф, e-mail) и др. [1]. Как нам кажется, важнейшим языковым критерием для систематизации деловых писем является их содержание, в котором находят выражение поставленные перед автором цели и коммуникативные задачи.

Предлагаемая нами классификация базируется, с одной стороны, на учении о жанрах М. М. Бахтина. Ученый делит жанры текстов

(независимо от их принадлежности к определенному функциональному стилю) на первичные (простые) и вторичные (сложные). Как отмечал исследователь, «вторичные (сложные) речевые жанры ... возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [2, с. 56].

Другим не менее важным лингвистическим критерием для создания предлагаемой классификации стало учение о функциях языка, которые непосредственно влияют на жанровую специфику текста. Опираясь на учение В. В. Виноградова и его последователей, мы считаем, что в современной деловой переписке реализуются ведущие функции языка: номинативная, коммуникативная, информативная, воздействующая, оценочно-контрольная, культурологическая и др., непосредственно влияющие на выбор устойчивой формы текста, его жанра.

Таким образом, предлагаемая классификация жанров текстов современной деловой переписки выглядит следующим образом (см. **Рисунок 1**):

Рисунок 1. Классификация жанров современной деловой переписки

Основанием для выделения данных групп стали: речевая ситуация, благодаря которой создается письмо; цель высказывания, наглядно продемонстрированная текстом; коммуникативная задача, также находящая непосредственное отражение в тексте; взаимоотношения между адресантом и адресатом; инициатива, проявляемая адресантом, и необходимость ответного письма, встающая перед адресатом.

Каждая из представленных групп включает в себя несколько жанровых разновидностей деловых писем. Жанровое деление текстов внутри одной группы связано с различными функциями языка, реализующимися в деловом письме. Так, к этикетным письмам мы относим *письмо-приглашение, письмо-поздравление, письмо-соболезнование, письмо-извинение, письмо-благодарность*. Инициативные письма подразделяются на *письмо-запрос, письмо-предложение и письмо-просьбу*. Разновидностями писем-ответов являются *письмо-подтверждение и письмо-отказ. Письмо-извещение, письмо-напоминание, письмо-предупреждение, письмо-декларация (заявление), открытое письмо (петиция), письмо-жалоба* представляют собой варианты писем, созданных для решения конфликтных ситуаций, выражения протеста. Жанровыми разновидностями информационных писем являются *письмо-распоряжение, сопроводительное письмо, гарантийное письмо, рекомендательное письмо (письмо-характеристика)*.

В названиях жанровых разновидностей деловых писем находит отражение речевая ситуация, связанная с необходимостью деловой коммуникации. Нельзя не согласиться с мнением А. Н. Качалкина, утверждающего, что имя текста «формируется и используется как средство для обособления определенного типа делового текста во имя его рационального функционирования» [9, с. 15]. Однако важной тенденцией развития современной деловой переписки является смещение жанровых границ и нарушение строгости жанровых форм. Так, в одном тексте могут быть представлены элементы разных жанровых структур.

Например: *Уважаемые партнеры! ООО «Рога и Копыта» благодарит Вас за стабильное и плодотворное сотрудничество. На протяжении самого сложного времени мы взаимовыгодно работали, и для нас большая честь видеть Вас среди своих постоянных клиентов. Весь период, начиная с первой волны кризиса 2008 года, наша компания гибко реагировала на изменения рынка, планомерно разрабатывала новые продукты, стабилизировала отпускные цены, предоставляя все возможные скидки. Тем не менее, внешняя среда оказывает сильнейшее давление на товаропроизводителя. Рост инфляции по данным Росстата за 2008–2012 гг. составил от 6,1 до 8,8 % ежегодно. Рост затрат и цен на сырье за аналогичный промежуток времени значительно опережает эти цифры. Вы, как опытные руко-*

водители, прекрасно понимаете, что любая компания, занимающаяся производственной деятельностью, не должна нести убытки от своей финансовой деятельности. В то же время последняя корректировка отпускных цен на весь ассортимент продукции нашей компании осуществлялась в 2009 году. В связи с этим мы вынуждены с 1 апреля 2012 года внести ряд изменений в наши отпускные цены. Данные изменения не влияют на предоставление максимальных скидок на нашу продукцию и на заключение договоров с фиксированным объемом закупа, сроками и ценой. Приложение: прайс-лист от 01.04.2012 г. Директор О. И. Бендер.

Жанровой основой данного письма является письмо-предупреждение. Однако нельзя не заметить черт письма-благодарности, а также изысканно этикетных штампов и формул вежливости, смягчающих малоприятную новость.

Размытость жанровых границ приводит к тому, что возникает необходимость уточнения информации, представленной в тексте. Часто современные деловые письма имеют заголовок информационного характера, например: «О нарушении договорных обязательств», «Об оказании научно-технической помощи», «О проведении научно-практического семинара», – который вполне органично сочетается с традиционными композиционными элементами деловой переписки.

Композиционное построение современного делового письма

Трехчастная организация текста деловой переписки начала складываться во времена Киевской Руси. Обязательными фрагментами композиции современного письма являются:

- вступление, знакомящее с поводом коммуникации и содержащее приветственную формулу, ссылки на нормативные документы;
- основная часть, в которой излагается суть вопроса, аргументы, приводятся статистические данные, необходимые для убеждения адресата;
- заключение, в котором излагаются выводы, просьбы, предложения, а также присутствует заключительная формула вежливости, прощание.

Информация подается в деловых письмах от меньшего к большему, разворачиваясь постепенно, что сближает деловую переписку с PR-текстами. Выбор приветствия определяется степенью знакомства коммуникантов, их социальным статусом. Как правило, приветствие является первым предложением делового письма, с не-

го начинается чтение всего текста, поэтому очень важно оценить официальность речевой ситуации и соблюсти нормы речевого этикета.

Особого внимания заслуживают формы обращений в современной деловой переписке, возникшие в русском языке в разное время. Обращения «барин, барыня, барышня» использовались по отношению к представителям более высокого социального статуса, а «господин, госпожа» – к привилегированным социальным группам. К членам царской семьи обращались «ваше высочество» и «ваше величество». В деловой переписке активно использовались «ваше сиятельство», милостивый (милостивейший) государь», «сударь», «достопочтеннейший».

В отличие от других языков в русском отсутствуют формы официальных обращений, не имеющих отношения к социальному статусу адресата (как, например, «сеньор, сеньора, сеньорита» – в Испании, «синьор, синьора, синьорина» – в Италии, «пан, пани» – в Польше, Чехии, Словакии, «мистер, миссис, мисс» – в Англии и США).

Принятая Петром Первым в 1722 г. Табель о рангах увеличила количество официальных обращений в русском языке. После принятия Закона о порядке государственной службы жители Российской империи стали обращаться друг к другу, называя чин. Например, к лицам, имевшим чины 1 и 2 класса, обращались «Ваше высокопревосходительство», 3 и 4 – «Ваше превосходительство», 5 – «Ваше высочество», 6–8 – «Ваше высокоблагородие», 9–14 – «Ваше благородие». К чиновникам, имевшим родовой титул князя или графа, подчиненные обращались «Ваше сиятельство». Старшие по чину обращались к подчиненным, называя чин и фамилию – «поручик Голицын» и, в случае необходимости, добавляя титул – «корнет князь Оболенский».

В 1917 г. власть Советов провозгласила равенство граждан. Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» ликвидировал все существовавшие сословные привилегии, титулы и звания и, как следствие, уничтожил многообразие официальных обращений. Основными формами официальных письменных обращений на протяжении советской эпохи были слова *товарищ* и *гражданин*.

Отсутствие в постсоветском языковом пространстве единой формы обращений привело к многообразию речевых этикетных форм. Наряду с именем и отчеством в определенных случаях стало допустимым обращение по фамилии

и занимаемой должности, которая называется всегда в мужском роде (*менеджеру И. А. Иванову, менеджеру И. А. Ивановой, директору ООО «Рога и копыта» В. И. Сидорову*). Нельзя не отметить, что стало активно использоваться нейтральное обращение *господин / госпожа*, вернувшееся в родной язык, а также *барышня* (по отношению к младшим).

Стилистические особенности современной деловой переписки

Специфика делового общения предопределяет обращение к официально-деловому функциональному стилю речи, под которым понимается совокупность речевых средств, обслуживающих сферу рабочих, деловых, политических, коммерческих отношений, когда коммуниканты выступают в роли представителей компаний, организаций, политических партий, государств.

Безусловно, в деловой переписке активно используются средства языка, характерные для официально-делового стиля. Так, в деловых письмах наблюдается употребление слов в прямом значении, употребление политической, юридической, экономической терминологии и слов в общем значении, активное обращение к аббревиатурам и сложносокращенным словам, заменяющим в текстах делового письма полное название организаций, представленных в тексте в начале, употребление словосочетаний с отглагольными существительными (*оказать содействие, помощь, поддержку, произвести ремонт*). Повествовательная форма речи, употребление сложных предлогов, лаконичность, ясность и точность изложения, соответствие языковым нормам, нейтральный тон изложения, активное использование стандартизированных речевых формул, использование форм третьего лица единственного числа (*канцелярия уведомляет; отдел кадров информирует, администрация парка предупреждает* и т. д.) или первого лица множественного числа (*настоящим сообщаем; в связи с этим направляем, убедительно просим* и т. д.) также являются базовыми чертами официально-делового стиля.

При помощи штампов и клише в тексте делового письма передается мотивация речевого действия (*в соответствии с протоколом; в связи с вышеизложенным*), создается устойчивая речевая информационная формула (*просим принять решение; требуем рассмотреть вопрос; ставлю Вас в известность*), вводится этикетная форму-

ла, соответствующая речевой ситуации (*имеем честь предложить Вам; уважаемые господа*).

Однако нельзя утверждать, что в современной деловой переписке реализуются языковые черты, характерные только для официально-делового стиля. Стилистический анализ текстов деловых писем показал, что в языке современного делового письма наблюдается активное смешение черт официально-делового стиля с чертами, свойственных публицистическому и художественному стилям, которые более свободны в выборе художественных средств и не являются высоко стандартизированными. Основными чертами публицистического и художественного стилей, к которым активно прибегают авторы современных деловых писем, являются употребление метафор и других средств образной выразительности, волюнтаристичность, ярко выраженная позиция автора, доступность изложения.

Наиболее ярко эти изменения демонстрируют эпитеты, которые активно употребляются в деловой переписке в форме обращений. В XIX в. наблюдалось употребление слов *любезный, дорогой моему сердцу, любезнейший друг*, которые не используются в современном официально-деловом стиле. В 70-е гг. XX в. в официальных письменных обращениях появились новые формы обращений, ставшие штампами и содержавшие эпитеты *уважаемый и глубокоуважаемый* (в сочетании с именем и отчеством), что является нейтральным и соответствует нормам официально-делового стиля.

Экспрессия и эмоциональность, свойственные публицистике и художественному стилю, взаимодействуют в деловой переписке со стандартом и языковым шаблоном. В отличие от документов, в которых эмоционально-субъективный момент сводится к минимуму, в деловых письмах он вполне допустим и даже приветствуется, поскольку эмоциональность и речевая экспрессия способствуют установлению контакта, поддержанию дружеских отношений. Наиболее ярко это выражено в тех группах писем, в которых эмоции (позитивные или негативные) находят выражение в речевой ситуации, – этикетных письмах и письмах, связанных с конфликтными ситуациями: *сердечно благодарю Вас; позвольте мне поблагодарить Вас и выразить искреннюю признательность; с радостью сообщаю Вам; вынуждены предупредить Вас; будем вынуждены незамедлительно принять строгие меры*.

Интересно, что и в других видах деловых писем появляется все больше этикетных речевых

формул: *с удовольствием; с живейшим интересом; искренне надеюсь; мы полностью уверены.* Так, например, *письма-ответы* могут носить как официальный, так и более теплый, неформальный характер: *Дорогой Иван Иванович! Сердечно благодарю Вас за теплые поздравления, доставившие мне искреннее удовольствие. Очень надеюсь, что смогу выразить свою признательность и менее официально. С почтением, В. П. Петров; Большое спасибо за открытку и новогодние поздравления.*

В современных деловых письмах наблюдается такое же разнообразие этикетных речевых формул при прощании. Так, подписи: *искренне Ваши; с наилучшими пожеланиям; с нетерпением ждем ответа; ваше мнение важно для нас; с надеждой/выражаем надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество* и др. – стали вариантом нормы в современной деловой переписке.

Выводы

Сохраняя традиции культуры общения, этикетные речевые формулы и ярко выраженные признаки официально-делового функционального стиля речи, деловые письма приобретают и новые, более современные черты, направленные на кооперативную и двустороннюю коммуникацию. Являясь клишированными текстами, деловые письма оставляют возможность и для словесного творчества, живо и оперативно реагирующего на нестандартные ситуации, возникающие в сфере официального общения. Изучение жанровой и стилистической структуры современного делового письма, подверженной изменениям, является важной и актуальной проблемой для современной практической и теоретической лингвистики.

Библиографический список

1. Архангельская, М. Д. Бизнес-этикет, или Игра по правилам [Текст] / М. Д. Архангельская. – М., 2004.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] // Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожин. – М.: Худож. лит., 1986.
3. Благова, Н. Г. Деловой язык и языковая ситуация в Московской Руси XVII в. // Материалы Международного съезда русистов в Красноярске: В 2 т. Т. 1. [Текст] / Н. Г. Благова. — Красноярск: КГПУ, 1997.
4. Волков, С. С. Стилиевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII века. (На материале челобитных) [Текст]: Автореф. дисс. д. филол. н. / С. С. Волков. – М.: ИРЯ АН СССР, 1981.

сти XVII века. (На материале челобитных) [Текст]: Автореф. дисс. д. филол. н. / С. С. Волков. – М.: ИРЯ АН СССР, 1981.

5. Винокур, Г. О. Русский язык. Исторический очерк [Текст] // Винокур Г. О. Избранные труды по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959.

6. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1938.

7. Горшкова, К. В. Язык московских грамот XIV–XV вв. (лексика и фразеология) [Текст]: Автореф. дисс. к. филол. н. / К. В. Горшкова. – М., 1951.

8. Данюшина, Ю. В. Бизнес-дискурс [Текст] / Ю. В. Данюшина. – М.: ГУУ, 2009.

9. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. н. / А. Н. Качалкин. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1990.

10. Кортава, Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка [Текст] / МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак-т. – М.: МГУ, 1998.

11. Котков, С. И. Деловая письменность и литературный язык [Текст] // Русская речь. – 1980. – № 5. – С. 105–112.

12. Магницкий, М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу [Текст] / М. Л. Магницкий. – М., 1835.

13. Тер-Минасова, С. Г. Словоупотребление в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2004.

14. Улуханова, И. С. О языке Древней Руси – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / И. С. Улуханова. – М.: «Азбуковник», 2002.

Bibliograficheski spisok

1. Arhangel'skaja, M. D. Biznes-jetiket, ili Igra po pravilam [Tekst] / M. D. Arhangel'skaja. – M., 2004.
2. Bahtin, M. M. Problema rechevyh zhanrov [Tekst] // Literaturno-kriticheskie stat'i / sost. S. Bocharov i V. Kozhinov. – M.: Hudozh. lit., 1986.
3. Blagova, N. G. Delovoj jazyk i jazykovaja situacija v Moskovskoj Rusi XVII v. // Materialy Mezhdunarodnogo sjezda rusistov v Krasnojarske: V 2 t. T. 1. [Tekst] / N. G. Blagova. – Krasnojarsk: KGPU, 1997.
4. Volkov, S. S. Stilevye leksiko-frazeologicheskie sredstva delovoj pis'mennosti XVII veka. (Na

materiale chelobitnyh) [Tekst]: Avtoref. diss. d. filol. n. / S. S. Volkov. – M. : IRJa AN SSSR, 1981.

5. Vinokur, G. O. Russkij jazyk. Istoricheskij ocherk [Tekst] // Vinokur G. O. Izbrannye trudy po russkomu jazyku. – M. : Uchped-giz, 1959.

6. Vinogradov, V. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vv. [Tekst] / V. V. Vinogradov. – M. : Uchpedgiz, 1938.

7. Gorshkova, K. V. Jazyk moskovskih gramot XIV–XV vv. (leksika i frazeologija) [Tekst]: Avtoref. diss. k. filol. n. / K. V. Gorshkova. – M., 1951.

8. Danjushina, Ju. V. Biznes-diskurs [Tekst] / Ju. V. Danjushina. – M. : GUU, 2009.

9. Kachalkin, A. N. Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoj jepohi v istoriko-lingvisticheskom i istochnikovedcheskom osveshhenii [Tekst]: Avtoref. diss. d. filol. n. / A. N. Kachalkin. – M. : MGU im. M. V. Lomonosova, 1990.

10. Kortava, T. V. Moskovskij prikaznyj jazyk XVII veka kak osobyj tip pis'mennogo jazyka [Tekst] / MGU im. M. V. Lomonosova. Filol. fak-t. – M. : MGU, 1998.

11. Kotkov, S. I. Delovaja pis'mennost' i literaturnyj jazyk [Tekst] // Russkaja rech'. – 1980. – № 5. – S. 105–112.

12. Magnickij, M. L. Kratkoe rukovodstvo k delovoj i gosudarstvennoj slovesnosti dlja chinovnikov, vstupajushhij v sluzhbu [Tekst] / M. L. Magnickij. – M., 1835.

13. Ter-Minasova, S. G. Slovosochetanie v nauchno-lingvisticheskom i didakticheskom aspektah [Tekst] / S. G. Ter-Minasova. – M., 2004.

14. Uluhanova, I. S. O jazyke Drevnej Rusi – 2-e izd., ispr. i dop [Tekst] / I. S. Uluhanova. – M. : «Azbukovnik», 2002.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Н. В. Аниськина

Лексическая экспликация концепта *красота* в современной рекламе

Статья посвящена анализу лексических средств реализации концепта «красота» в текстах коммерческой рекламы. Сопоставляя традиционное наполнение этого концепта с представлениями, отраженными в рекламе, автор выявляет специфику формируемой рекламой картины мира. В статье проанализированы особенности лексической сочетаемости слов красивый и красота; исследованы изменения стереотипов, связанных с красотой человека / предмета. Описано взаимодействие концепта красота с другими концептами (здоровье, польза, успех). Материалом для исследования послужили рекламные тексты, в которых используются лексемы красота / красивый, а также материалы Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: концепт «красота», стереотип, язык рекламы, рекламный текст, языковое сознание, языковая картина мира, речевое воздействие.

N. V. Aniskina

Lexical explication of the concept *beauty* in modern advertising

The article is devoted to analyzing lexical means of expressing the concept “beauty” in commercial advertising. Comparing traditional content of this concept with the notions occurring in advertising, the author shows specific features of the world view formed by advertising. The article analyses characteristics of collocations with the words beautiful and beauty and studies changes in stereotypes connected with the beauty of a person/object. Interaction between the concept beauty and other concepts (health, benefit, success) is described in the article. The material for the research is advertising text with lexemes beauty/beautiful as well as the materials of the Russian National Corpus.

Key words: concept “beauty”, stereotype, language of advertising, advertising text, language awareness, linguistic worldview, linguistic manipulation.

Концепт *красота* является одним из наиболее значимых в структуре ценностной картины мира, отраженной в сознании носителя русского языка, однако его содержание сегодня претерпевает значительные изменения под воздействием массовой коммуникации в целом и рекламы в частности. Цель данной статьи – выяснить, как соотносится традиционное наполнение концепта *красота* в русской культуре с представлениями, отраженными в современной рекламе.

Материалом для исследования послужили рекламные тексты, в которых используются лексемы *красота/ красивый* (всего было проанализировано более 500 текстов). Кроме того, были привлечены материалы Национального корпуса русского языка [7] (более 300 контекстов), что позволило сопоставить тексты современной рекламы с рекламой 1970–1990-х гг.

Ю. В. Мещерякова, автор словарной статьи «Красота» в «Антологии концептов», составленной известными специалистами в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии В. И. Карасиком и И. А. Стерниным, выделяет следующие образы, лежащие в основе концепта

красота: 1) молодость, 2) хорошее здоровье, 3) произведение искусства, 4) сравнение с божеством, 5) сравнение с демоном, 6) сравнение с цветами и звездами, 7) сравнение с благородными животными и птицами [6, с. 126].

По мнению исследователя, существенным признаком красоты для носителя русского языка выступает ее способность «доставлять удовольствие при созерцании», причем удовольствие может быть чувственным или эстетическим [6, с. 122]. Кроме того, важными особенностями концепта «красота» в русском языке являются:

– «противопоставление внешней и внутренней красоты», причем «подлинной красотой признается красота внутренняя» [6, с. 124–125], следствием этого становится понимание тщетности попыток улучшить свою внешность;

– подчеркивание чудесной сущности красоты и связанное с этим понимание того, что подлинная красота постигается не умом, а сердцем; в то же время именно с чудесной сущностью красоты связана ее покоряющая сила – та колдовская, сверхъестественная власть, которой обладает красота;

– осознание тесной взаимосвязи между красотой и здоровьем и меньшей по сравнению, например, с английской лингвокультурой сопряженности красоты и возраста [6, с. 137–138]. В то же время, как показывает анализ словарных статей, при оценке красоты важен возраст объекта оценки (ребенок, девушка, женщина), а это свидетельствует об отражении в языковой картине мира понимания того, что у каждого возраста своя красота.

В. И. Жельвис выделяет еще один важный компонент концепта *красота* – этическую привлекательность явления, особенно характерную для русской и китайской языковой картины мира [5, с. 20].

Таким образом, традиционное наполнение концепта *красота* обусловлено следующими оппозициями: молодой – старый; здоровый – больной; чудесный, неземной – тривиальный, обыденный; искусственный – естественный (в отличие от остальных пар оба компонента последней оппозиции могут выражать положительную оценку), этический – эстетический, внешний – внутренний.

Анализ рекламных текстов показал, что красота, как и принято в русской культуре, рассматривается, прежде всего, с позиций созерцателя: она *дарит наслаждение, дарит негу и хранит тайну, впечатляет, сражает наповал, никого не оставляет равнодушным, завораживает, радуется*, помогает *поразить всех*, ею *любуются и восхищаются*. Однако реклама призывает и к иному взгляду на красоту – с позиций деятеля, создателя красоты. В частности, рекламные тексты убеждают не отчаиваться, если человек не получил красоту как дар при рождении, а создать свою красоту при помощи рекламируемых средств: в рекламе разных товаров и услуг можно встретить призыв *пробудить свою красоту, раскрыть ее* или хотя бы *подчеркнуть*. Авторы рекламы обращают внимание потребителей на то, что красота *требует ухода и любви*. Так, в рекламе косметического средства читаем: «*Любите свою кожу, ухаживайте за ней, и она отблагодарит Вас нежным цветом и красотой*». Таким образом, современная реклама опровергает представление о тщетности и ненужности попыток улучшить свою внешность – представление, традиционное для русской лингвокультуры.

Несмотря на то, что в рекламе нередко оспаривается «чудесное» происхождение красоты (задача рекламы – убедить, что красивым может быть каждый человек), тема чуда и дара активно

используется в рекламных текстах: *волшебный бальзам, чудо-средство, сказочный эффект, чудесное преображение, сыворотка дарит коже упругий вид, блеск дарит вашим губам сияние бриллиантов*» и т. д.

Интересный материал для реконструкции концепта *красота* дает анализ эпитетов, используемых в рекламе: красота бывает *блистательной, божественной, величественной, изумительной, неброской, неземной, немислимой, необыкновенной, неповторимой, ошеломляющей, первозданной, поразительной, природной, редкой, сказочной, фантастической*. Очевидно, что набор эпитетов очень ограничен, каждое из указанных выше слов встречается в рекламе довольно часто, причем речь может идти о самых разных товарах и услугах. В то же время по данным «Словаря эпитетов русского языка» к слову *красота* существует 154 эпитета [2], значительная часть которых не используется в рекламных текстах.

Таким образом, можно говорить о создании определенного набора языковых клише, используемых в рекламе, что свидетельствует о сближении языка рекламы с разговорной речью, в которой клишированные формы имеют высокую частотность.

Самое большое количество клишированных употреблений отмечено в рекламе туристических услуг и автомобилей, и, напротив, реклама косметики и одежды дает максимально богатый ряд эпитетов и контекстных синонимов к слову *красота*. В частности, реклама косметических средств рассказывает о наборе *профессиональных хитростей, которые подчеркивают природную красоту глаз, помогают проявиться их цвету, придают ресницам чарующую эффектность и кокетливый изгиб*, а реклама одежды утверждает: «*Для красивой женщины ничто не слишком. Искрящиеся стразы, полупрозрачный шифон, драгоценный шелк – достойное обрамление твоей красоты*».

В рекламе слово *красивый* нередко сочетается с интенсификаторами, наиболее частотными из которых являются следующие: *самый* (для образования аналитической формы суперлатива), *безумно, необыкновенно, очаровательно, сказочно, удивительно, фантастически* и др. Очевидно, что большую часть интенсификаторов составляют наречия, образованные от перечисленных выше прилагательных, что также свидетельствует о значительной клишированности языка рекламы. Об этом же говорит и бедный синони-

мический ряд: *красивый – симпатичный, живописный, очаровательный, грациозный* (встречаются часто), *обворожительный, прелестный, ослепительный* и некоторые другие, встретившиеся не более 2 раз в выборке из 500 текстов (для сравнения: по данным Словаря синонимов [10], синонимический ряд к слову *красивый* включает около 60 лексем с разной стилистической окраской).

В то же время необходимо отметить значительное расширение лексической сочетаемости исследуемой лексемы. Так, например, из рекламы узнаем, что сегодня организуются не только конкурсы, но и *праздники красоты* (видимо, по аналогии с праздниками смеха, любви и т. д.).

Появление выражения *готовить красиво*, используемого в рекламе полуфабрикатов, специй и других «помощников» домохозяйки, можно объяснить стремлением рекламы к компрессии текста: ‘кормить хорошо, вкусно и сервировать красиво, как в ресторане’. То же значение мы наблюдаем и в следующем примере: *Все были настолько потрясены вкусом и размахом заведения, что единодушно признали: «Такого красивого ресторана, как «Генацвале на Арбате», нигде в мире нет!»* [Марианна Маркова. «Генацвале на Арбате»: реальность или сон? (2002 г.) // «Вечерняя Москва», 2002.12.19].

Нередко в рекламе еды апелляция к концепту *красота* позволяет компенсировать отсутствие пользы у рекламируемого продукта: *Когда мы добавляем кубик, то получается прозрачный красивый бульон, ароматный, вкусный, сытный; Остается добавить, что новая Rata к тому же красиво и эргономично упакована; Что может быть лучше <...> красивой сладкой выпечки на ужин к чаю или к приходу гостей.*

Можно встретиться в рекламе и с довольно странным понятием «иммунитет красоты»: *Серия косметических средств «ИММУНИТЕТ КРАСОТЫ» поможет скрыть недостатки, появляющиеся с возрастом.* Если учесть, что слово «иммунитет» имеет значение ‘невосприимчивость организма к каким-либо инфекционным заболеваниям или яду; способность противостоять чему-либо’ [2], то название (несмотря на грамматическую структуру словосочетания) может быть воспринято потребителем неправильно (ср.: иммунитет к красоте).

Не менее интересно и выражение *красОты коллекционирования*, использованное в рекламе журнала «Наука и жизнь»: *«С научной точки зрения, без «жареных» фактов и сплетен жур-*

нал открывает окно в мир революционных гипотез и вековых тайн, невероятных открытий и горьких разочарований, неизвестной истории и громких фальсификаций, чудес техники и красОт коллекционирования». Далее в той же заметке читаем: *«В них (журнальных статьях – Н. А.) есть очень ценная информация для эстетов и очень красивые сведения для сугубых практиков».* Несмотря на спорность подобных выражений с точки зрения стилистики и культуры речи, они демонстрируют традиционное для русской языковой картины мира взаимодействие понятий *красота* и *польза*.

О расширении лексической сочетаемости слов *красивый/красота* свидетельствуют и следующие выражения: *плоская красота* (заголовок рекламы, посвященной плазменным телевизорам); *красивый телефонный номер* (*Вы еще не приобрели действительно красивый прямой номер для Вашего бизнеса*); *стерильная красота* (*В неправильности фотографий и прячется настоящее искусство. Стерильная красота мало кому интересна*) и др.

Крайне редко, но все же встречаются примеры, где слово *красивый* означает ‘пустой, не имеющий значимости’: *Эти советы – для тех, кто хочет, чтобы их работы стали больше, чем просто красивые картинки, для тех, кто хочет что-то сказать через фотографию; ОАО «КВАРТАЛ», пожалуй, одна из немногих на сегодняшний день строительных компаний, которой удалось красивые слова о социальной ответственности бизнеса сделать реальностью.*

Завершая анализ сочетаемости слова *красивый* в рекламе, хочется отметить, что попытки преодолеть клишированность и создать экспрессию, например, за счет использования нетривиальных тропов (*Кирпич не просто крепок телом, молод духом и красив лицом*) нередко приводят к нарушению стилистического единства текста: *Прекрасная окружающая среда, природа Канады красива и разнообразна: роскошные пляжи Тихоокеанского побережья, величественные скалистые горы, живописное побережье Атлантики, «кленовая страна» Великих озер* [9 аргументов в пользу получения образования в Канаде // Туризм и образование, 15.03.2001].

В целом проведенный анализ показал, что в структуре концепта *красота* в рекламе можно выделить такие компоненты, как:

– естественность (рекламируемая тушь для ресниц *поможет подчеркнуть природную красОту глаз*, шампунь *вернет к жизни повре-*

жденные волосы, крем сохранит *естественную красоту* молодой кожи, тональный крем подчеркивает *естественную красоту* и обеспечивает *совершенное слияние с оттенком кожи*; краска для волос придаст им всегда *естественный, стойкий, сияющий цвет*);

– чистота, свежесть (*заряд дополнительной свежести от Rехона; 100 % чистая кожа, 100 % чистый аромат. С утра до вечера чистота non-stop; Теперь ваша кожа сохраняет утреннюю свежесть до самого вечера*);

– индивидуальность (*Мой образ – мое высказывание; Я не выбираю. Я создаю сама; 90 оттенков, чтобы вы подчеркнули свою индивидуальность, провоцировали и развлекались; Стилист-визажист создаст Вам эксклюзивное лицо, вернет уверенность в себе, найдет Ваш стиль*);

– безопасность (*Мы делаем солнце безопаснее, а ваш загар – красивее; безопасное окрашивание волос*);

– направленность на привлечение внимания окружающих (*Я знаю: ты на меня смотришь; Каждый взгляд – твой; Это ваш шанс стать центром внимания*).

Безусловно, концепт красоты тесно связан в рекламе с концептом здоровья, не случайно в целом ряде изданий существует такая рубрика «Красота и здоровье»: *Wellness – это все, что помогает заботиться о здоровье и красоте и одновременно получать удовольствие, красота наших ножек – это не только их стройность, но и отсутствие венозных сеточек и звездочек; косметика «На козьем молоке» – красота здоровой кожи*.

В свою очередь концепты красоты и здоровья связаны с понятием молодости, именно поэтому в рекламе, например, косметических средств так часто используется обещание *остановить время* или даже *повернуть время вспять*. В то же время появляются разные идеалы красоты (фотографии обычных женщин, далеких от модельной внешности, в рекламе средств по уходу за кожей Dove, слоган косметики «Чистая линия» – *У каждого возраста своя красота и свой крем*).

В рекламе разных товаров и услуг по-разному соотносятся концепты *качество* и *красота*. Так, в рекламе косметики красота (способность рекламируемого средства сделать потребителя красивым), как правило, и означает качество товара (*Ничего... кроме красивой кожи. Тональный крем, который знает все о вашей коже*); в рекламе одежды нередко качество может отступать на второй план, уступая первенство красоте,

а в рекламе строительных услуг, напротив, качество ценится нередко выше, чем красота. Замечательный внешний вид строительных материалов или построенных из них сооружений не может искупить отсутствия таких важных характеристик, как надежность и функциональность (см., например: *Как бы ни был красив профиль, все же в конечном счете потребителю важно качество собранного из него окна; Как часто мы встречаем в городе вроде бы красивые строения, но с унылой, неудобной и непрактичной крышей, которая портит все впечатление; Красивая этикетка – еще не гарантия качества*).

Есть понятия, содержащие сему 'красивый', а потому не нуждающиеся в указании на их красоту. К числу таких слов-понятий относится, например, «паркет», хотя словарь и не фиксирует наличие этой семы. Ср.: «на полу уложен паркет или красивая плитка» (плитка может быть некрасивой, а паркет всегда красив).

«Враги» красоты, с точки зрения рекламы, многочисленны и разнообразны: солнце (*Пусть солнце дружит с красотой: мягкая защита от ультрафиолета*), усталость, признаки старости (седые волосы, морщинки, *увядший овал лица* и т. д.); некачественные товары (*больше никаких комочков*); стандартность, обычность, обыденность (*Дом должен радовать глаз своей красотой, он должен быть индивидуальным и в то же время гармонично сочетаться с окружающей природой*). Благодаря появлению в рекламе этих «врагов» актуализируются вторые компоненты бинарных оппозиций, входящих в структуру концепта *красота*, при этом важно отметить, что в отличие от традиционного наполнения этого концепта в рекламе преимущественно используется лишь одна из двух возможных оппозиций *красивый – заурядный*. Оппозиция же *красивый – уродливый* в целом не характерна для рекламного дискурса.

Для того чтобы преподнести объект рекламирования как красивый, нередко используется лексика из лексико-семантического поля «искусство»: *Рансодия в стиле Cork* (реклама строительных материалов), *делаем легкий массаж – мягкое **таккато** подушечками пальцев – и поражаем окружающих красотой и молодостью*.

Таким образом, в структуре концепта *красота* и в средствах его репрезентации в рекламе происходят следующие изменения (по сравнению с традиционными представлениями, закрепленными в языковом сознании):

– происходит сужение сочетаемости слов *красивый* и *красота*, на смену свободным сочетаниям приходят связанные, клишированные, что свидетельствует о формировании особой рекламной идиоматики. В то же время мы наблюдаем и противоположный процесс – расширение сочетаемости слова (*готовят красиво, очень красивые сведения для сугубых практиков, красивый прямой номер* и т. д.), что отражает стремление языка рекламы к экспрессивности и компрессии;

– традиционно выделяемые в структуре описываемого концепта корреляции «*красота – здоровье*» и «*красота – польза*» остаются актуальными и сегодня, но «в сознании носителей языка понятие красоты все чаще соотносится с категорией вреда» [3, с. 10], что приводит к актуализации таких компонентов концепта красота, как безопасность и естественность;

– в оппозиции *естественный – искусственный* акценты все чаще смещаются в сторону первого компонента: если раньше красивый означало искусственно созданный, ухоженный, обработанный, то сегодня появляется все больше текстов, где объект рекламирования подается как способный искусственно создать иллюзию естественности, довести естественную, природную красоту до совершенства;

– в структуре концепта красота появляются и новые элементы, такие как экологичность (ср. в рекламе шампуня: *чистая, улучшенная формула, без парабенов, без силикона, биоразлагаема на 92 % – для заботы об окружающей среде. Заботься о себе. Garnier*), связь с наукой и технологией (наука во имя красоты, наука на службе красоты).

Библиографический список

1. Аниськина, Н. В., Зарубалова, О. А. Особенности средств воздействия в рекламе косметики: гендерный аспект [Текст] / Н. В. Аниськина, О. А. Зарубалова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 109–114.
2. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 1998.
3. Глушкова, Т. С. Корреляция понятий «красота» и «польза» в языковой картине мира (на материале паремиологических источников, текстов СМИ и рекламы) [Текст] / Т. С. Глушкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 9. – С. 9–13.

4. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка [Текст] / К. С. Горбачевич. – СПб., 2001.

5. Жельвис, В. И. Лингвокультурная характеристика концепта «Красота» [Текст] / В. И. Жельвис // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 1. – Т. 1 (Культурология). – С. 16–20.

6. Мещерякова, Ю. В. Красота // Антология концептов [Текст] / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 122–139.

7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 30.04.2016).

8. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции [Текст] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасова. – М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

9. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу [Текст] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасова. – М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 992 с.

10. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/>. (Дата обращения: 30.04.2016).

Bibliograficheskiy spisok

1. Anis'kina, N. V., Zarubalova, O. A. Osobennosti sredstv vozdeystvija v reklame kosmetiki: gendernyj aspekt [Tekst] / N. V. Anis'kina, O. A. Zarubalova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 109–114.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / Pod red. S. A. Kuznecova. – SPb. : Norint, 1998.
3. Glushkova, T. S. Korreljacija ponjatij «krasota» i «pol'za» v jazykovoj kartine mira (na materiale paremiologicheskikh istochnikov, tekstov SMI i reklamy) [Tekst] / T. S. Glushkova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2014. – № 9. – С. 9–13.
4. Gorbachevich, K. S. Slovar' jepitetov russkogo literaturnogo jazyka [Tekst] / K. S. Gorbachevich. – SPb., 2001.
5. Zhel'vis, V. I. Lingvokul'turnaja harakteristika koncepta «Krasota» [Tekst] / V. I. Zhel'vis //

Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2015. – № 1. – Т. 1 (Kul'turologija). – S. 16–20.

6. Meshherjakova, Ju. V. Krasota // Antologija konceptov [Tekst] / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. – Volgograd: Paradigma, 2005. – Т. 1. – S.122–139.

7. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ruscorpora.ru/> (Data obrashhenija: 30.04.2016).

8. Russkij asociativnyj slovar'. V 2 t. T. I. Ot stimula k reakcii [Tekst] / Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasova. – M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. – 784 s.

9. Russkij asociativnyj slovar'. V 2 t. T. II. Ot reakcii k stimulu [Tekst] / Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasova. – M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. – 992 s.

10. Slovar' russkih sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij / N. Abramov [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/>. (Data obrashhenija: 30.04.2016).

Дата поступления статьи в редакцию:

10.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Е. Н. Геккина

К типологии метаязыковых оценок в интернет-коммуникации

В статье рассматривается тематика метаязыковых оценок, которые дают рядовые носители языка, или «наивные лингвисты», опираясь на представления о нормативных признаках речевых явлений. Критические высказывания извлечены из интернет-публикаций и составляют, во-первых, общие комментарии о том, какие ошибки раздражают в речи других людей, а во-вторых, попутные замечания-поправки в интернет-диалогах. Наблюдения позволяют выделить наиболее активно обсуждаемые авторами разновидности отступлений от норм русского языка и охарактеризовать уровень критериев оценочных суждений.

Ключевые слова: нормы языка, метаязыковая критика, речевые ошибки, народная лингвистика, орфография.

E. N. Gekkina

On typology of metalinguistic evaluation in Internet communication

The article looks at the subject matter of metalinguistic evaluation given by ordinary native speakers and “naïve linguists” basing on the understanding of normative features of speech events. Critical remarks are taken from internet publications and consist, firstly, of general commentary on what mistakes in other people’s speech are annoying and, secondly, incidental observations-corrections in internet conversations. The research identifies most actively discussed kinds of deviations from the Russian language norms and characterizes the criteria of evaluative judgements.

Key words: language norms, metalinguistic criticism, speech errors, folk linguistics, orthography.

Для понимания особенностей метаязыковой практики обычных людей, или «нелингвистов», важное значение имеют наблюдения, предметом которых являются оценочные высказывания о нормативных характеристиках фактов речи.

В настоящее время открытой площадкой для выражения объективных нормативно-стилистических и субъективно-эстетических оценок речевых явлений стал интернет. Среди утвердившихся форматов метаязыковой деятельности выделяются тематические сообщества в социальных сетях и на форумах, специализирующиеся на поиске и обсуждении нарушений норм русского литературного языка в текстах, адресованных широкому кругу читателей (ср. паблик «Долой неграмотность!» на страницах «ВКонтакте»; блоги и разновидности форумов сторонников грамотной речи, в том числе так называемых «граммар-наци»). Подобные коллективные проекты объединяют участников и подписчиков, о которых можно говорить как о выразителях *общественно-групповых оценок* речевых фактов. Вместе с тем необычайно широки возможности и для индивидуальных выступлений, авторы которых, исходя из «так или иначе осознаваемой правильности» [2, с. 35], высказывают

личные суждения. Эти оценки, по объему сопоставимые со статьей, могут быть заявлены отдельно, а могут быть тематическими комментариями или офтоп-репликами, дополняющими любую по жанру веб-коммуникацию любой тематики. Иными словами, интернет представляет уникальный по многообразию и точности фиксации критический материал, позволяющий анализировать «личные или общественно-групповые», если пользоваться терминологией В. В. Виноградова [1], метаязыковые оценки – с целью воспроизведения «всей полноты современной речевой жизни».

В последующем обзоре использованы тематические интернет-публикации и комментарии к ним (в «Живом журнале»: пост А. Носика, 18.05.2011; пост А. Лебедева, 19.05.2011; на сайте gazeta.ru статья Б. Туманова «Перед русским языком встает угроза необратимых мутаций», опубликована 06.07.2011), а также реплики из иных по тематике интернет-дискуссий, образующие в своей совокупности релевантную для наблюдений выборку *личных* оценочных высказываний о соблюдении или несоблюдении собеседниками норм культуры речи (преимущественно за период 2010–2014 гг.). Среди авторов

комментариев есть и специалисты с филологическим образованием, тем не менее, рядовые носители языка, или «наивные лингвисты», количественно преобладают.

При классификации речевых фактов разграничиваются языковые единицы лексического и грамматического (морфологического и синтаксического) уровней – с одной стороны, и с другой – фигуры выражения языковых единиц в устной (орфоэпический аспект) и письменной (графический, орфографический и пунктуационный аспекты) речи. В общей сложности публикации и комментарии содержат упоминания почти 400 языковых единиц и фигур выражения языковых единиц, в том числе лингвистические термины, обозначающие языковые единицы и языковые явления (имеются в виду уникальные упоминания, независимо от того, встретились ли они однократно или многократно; далее все цитаты из выборки даются курсивом, с сохранением авторской графики).

Для контекстной характеристики имеет значение обратиться к результатам обмеров языкового материала в архивах двух справочных служб русского языка – телефонной службы Института лингвистических исследований РАН (за период с февраля 2003 по июль 2005 гг.; всего 2025 вопросов о нормативных свойствах языковых единиц) и Справочной службы информационно-образовательного портала «Культура письменной речи» (за период с 2006 по 2011 гг.; всего 2543 «нормативных» вопросов из архива автора). Здесь сравнительную картину определяют примерно одинаковые по численности вопросы, касающиеся лексических и грамматических норм, – и в первом, и во втором случае примерно 25 % от общего количества вопросов, ориентированных на получение информации о нормативных оценках. Доля «орфоэпических» вопросов в архивных базах двух справочных служб составляет соответственно 11 % и 5 % (процентное различие объясняется спецификой служб – одна работает в режиме телефонной, то есть устной, консультации, а другая функционирует в качестве электронного справочного бюро, нацеленного на помощь в трудных вопросах письменной речи). Доля графических, орфографических и пунктуационных по тематике вопросов равна 36 % в архивной базе службы ИЛИ РАН и 43 % в архивной базе Справочной службы сайта www.grammar.ru. Для обеих служб это высокие показатели, и если суммировать статистические данные по разделам «Орфоэпия» и «Графика,

орфография, пунктуация», то получается, что половина адресованных консультантам вопросов о нормативных характеристиках языковых единиц – это вопросы об оформлении этих языковых единиц в устной и письменной речи. Статистические результаты двух архивов справочных служб русского языка вполне объяснимы, если принимать во внимание жанровые особенности лингвистического консультирования в условиях телефонного и электронного общения, хотя, как представляется, показатели «справочных» разделов по лексике и грамматике могли бы формироваться за счет более активного участия заинтересованных консультирующихся.

На этом фоне типологическая статистика извлеченного из интернет-источников метаязыкового материала, не ограниченного жанрово-коммуникативными рамками вынужденного или официально-обязательного диалога, более чем красноречиво и отчетливо демонстрирует предпочтения авторов критических замечаний. Здесь показатели высказываний на лексическую тему представлены скромной долей, равняющейся 15 % (обсуждается, в частности, употребление лексем *одеть – надеть, ложит – кладет, их – ихний*). Количество реплик, посвященных грамматическим нормам, еще меньше – около 10 %. (обсуждаются словоформы: *пальто – польта, контейнеры – контейнера*; конструкция с признаками синтаксической омонимии: *мне предложили книгу подарить*). При этом оценки, отнесенные к синтаксическим конструкциям, являются единичными. Спорадические, хотя и активные, «синтаксические» дискуссии могут ограничиваться обсуждением вариантов всего одной конструкции (*на Украину – в Украину*).

Внушительный 75-процентный статистический итог принадлежит оценочным суждениям о фигурах выражения языковых единиц в устной и письменной речи. Показатели суждений, касающихся соблюдения норм устной речи, исчисляются в диапазоне от 5 % до 25 % (соотношение меняется в зависимости от тематических акцентов публикаций и сопровождающих их комментариев). Тематика оформления единиц языка в письменной речи может быть сугубо графической (использование буквы «ё», пробелы между знаками), но при этом не столь активной. Комментарии, в которых идет речь о нормативной пунктуации, представлены в блоках выборки вариативно, и в зависимости от тематических акцентов публикаций и комментариев к ним составляют от 2 % до 23 %. Значительную же часть

представляют «орфографические» комментарии, доля которых может измеряться показателем в диапазоне 50–60 %. Если прибегать к сравнительно-обобщающим заключениям, то следует констатировать: каждое второе оценочное высказывание в выборке посвящено соблюдению норм орфографии.

Орфографическая реальность метаязыковой критики, кроме этого, определяет и случаи, квалифицируемые авторами комментариев как «грамматические ошибки»; ср.: *А я, к своему стыду, без грамматической ошибки вообще не могу обойтись. Орфографический кретинизм какой то.* Под «грамматическими» могут подразумеваться орфографические и пунктуационные ошибки: ср. комментарий: *5 (ПЯТЬ!!!) грамматических ошибок в таком коротком тексте* (имеются в виду одна орфографическая и четыре пунктуационные ошибки).

Необходимо указать и на то, что профессиональные лингвисты также могут оперировать как основными терминологическими номинациями *ошибки в речи, речевые неточности*, но при этом рассматривать исключительно примеры отступлений от норм орфографии.

Явное преобладание критических выступлений на темы орфографии обращает на себя внимание и вызывает закономерный вопрос о том, чем обуславливается этот тематический уклон в свободных интернет-дискуссиях. Можно полагать, что количество «орфографических» заметок возросло пропорционально увеличению масштабов производимых письменных текстов, и прежде всего производимых рядовыми носителями языка в эпоху массовой интернет-коммуникации. Можно видеть в «орфографической» активности критиков проявления орфографоцентризма как результата влияния отечественной школьной методики. Но можно учесть и сведения, извлекаемые в ходе дальнейших наблюдений над частными аспектами «орфографических» высказываний.

Вопрос о том, какие разделы орфографии представлены примерами в выборке, имеет предсказуемый ответ – все. В материале отражены оценки, относящиеся к написанию *г л а с н ы х б у к в*, в частности, отмечены ошибки в словах *извините, спасибо, симпатичный, правота, собиратель, пробовавший, прикольный, принадлежит, девчонки, в течение, не – ни*. Предметом обсуждения является выбор *с о г л а с н ы х б у к в* в записи таких слов, как *здесь, сделать, сдать, придется, лучшие*; употребление лишней согласной буквы в слове *путешествие*; удвоение со-

гласных букв в словах *асоциальный, профессор, интеллигентный, грамотный, количество, искусство*. Список *не знаю, до свидания, медиамеджер, то же и тоже, не что и нечто, при чем и причем, что бы и чтобы* – это иллюстрации в комментариях, посвященных *слитному, дефисному и раздельному написанию слов*. Часть оценочных высказываний посвящена употреблению *прописных и строчных букв* в деловой документации и в текстах иной жанровой принадлежности, в частности при написании местоимений *вы и выш*, прилагательных и существительных в обозначениях физических и юридических лиц: *банк, клиент, генеральный директор, глава, депутат, председатель*.

Показательно, что авторы метаязыковых высказываний обнаруживают стремление выдвинуть системно-языковые, коммуникативные или эпистемологические обоснования «правильных» вариантов при обсуждении написаний, в частности гласных букв в глагольных формах (*пишете и пишете*); в частицах (*не и ни*); прописных и строчных букв в местоимениях *вы и выш*; слитного и раздельного написания сочетаний существительного с предлогом и образованных от них наречий (ср.: *на бок и набок* и обценности *на х... и нах...* с аналогичными грамматическими признаками).

Употребление в письменной речи обсуждаемых слов сопряжено с решением разных по степени сложности орфографических задач. Тем не менее состав разбираемых примеров подводит к заключению о том, что многие из них представляют собой материал для условного теста по «элементарной» орфографии. В таком тесте, судя по всему, базовый перечень образует короткий ряд: *спасибо* (и *заранее спасибо*), *извините, пожалуйста, здравствуйте, до свидания*. Этот «вежливый» набор дополняет выражение *мне кажется* – ввиду той частотности, с которой авторы критических высказываний выделяют его среди других примеров, демонстрирующих ненормативное использование мягкого знака.

Тема мягкого знака в анализируемых метаязыковых высказываниях раскрывается со всей возможной полнотой. Это находит проявление в собственно орфографической тематике, поскольку обсуждаются все фонологически и грамматически мотивированные случаи употребления мягкого знака: в составе слов, включающих буквенные сочетания типа «нщ» (*жен-*

щина), в глагольных формах (*спишишь, сделатъ, хочется*), в существительных (*помощь, лец*).

Ненормативное присутствие или отсутствие мягкого знака в записи слов – острая тема орфографических дискуссий, но ее острота определяется и прозрачностью действий при исправлении или профилактике ошибок, на что указывают некоторые участники. Так, вывод о неумении применять *ться/тъся* могут предварять лаконичные или развернутые формулировки орфографического правила-приема; кроме того, авторы упоминают и грамматические признаки языковых единиц: *если в вопросе есть мягкий знак, значит и в ответе он должен быть; это принципиально разные формы глагола, а не просто опечатка*. Весомой является аргументация, проясняющая смысловые различия фраз: *Если считать что она (фраза «которым нравится работать») написана без ошибки, получаем «для которых нравится – это работа»*.

Примечательно, что при обосновании вариантов написаний речь может идти о влиянии психофизиологических факторов. Это негативное влияние, если результатом является письмо с ошибками; ср. фрагмент: *Чистый автоматизм. И меня всегда и все исправляли, пока я усилием своей воли не ввел для себя самого правило... Каждый раз, когда написал слово *женщѣина* – удалить лишний мягкий знак*. Это влияние положительное, если свою роль играют *врожденная грамотность* и/или *зрительная память*, сформировавшаяся благодаря чтению книг.

В оправдание тех, кто ошибается, комментаторы указывают на технические условия современного компьютерного письма: *Случаи с «...тъся» вместо «...тѣся» и наоборот бывают за счет близости соответствующих кнопок*. Еще один технический фактор – работа на клавиатуре с латинской разметкой, в результате пишущему *трудно или лень искать на финской клавише кнопку с кириллическим мягким знаком*.

Если с учетом точки зрения рядовых носителей языка выстраивать некую иерархию ошибочных написаний уровня «элементарной» орфографии, то неверному мягкому знаку в ней можно отвести нижнюю позицию. Эти орфограммы в своеобразной «табели о рангах» имеют невысокий чин. Но и «внутреннее» их распределение таково, что написание буквенных сочетаний «тѣся» и «тъся» и обозначение мягкости конечного согласного звука в глагольных формах считаются самыми простыми случаями, наподобие

написаний «жи» и «ши» (ср. комментарий: *Это самое простое правило языка после «жи-ши»*).

О том, какое место занимают эти орфограммы в иерархии ошибок с точки зрения рядового носителя языка, свидетельствуют реплики, подразумевающие, что достигнуты пределы безграмотности: *Представляешь, она пишет «сделатъ» без мягкого знака!* В популярных топ-списках «смертоносных ошибок» неизменно упоминаются *две беды: «-ТѢСЯ» и «-ТЪСЯ»*. Трагические мотивы переданы и фразой *Каждый раз когда ты пишешь «мне нравитѣся» в мире умирает один учитель русского языка*. Текстовый мем, размноженный на демотиваторах, иронично сообщает: *Все прощу, кроме –тѣся и –тъся*.

О пишущих с ошибками складывается предубежденное негативное мнение, выражаемое в мягкой или категоричной форме; ср. комментарий *трудновато общаться с людьми, которым кажется* или риторический вопрос *...какое серьезное обсуждение может быть с человеком, который между «-тѣся» и «-тъся» не видит разницы?* Тех, кто указывает на ошибки, нередко упрекают в нарушении правил дискуссии, отклонении от заявленной темы; ср. реплику *им главное грамотность написанного, а не суть текста* и ответ на замечание о неверной записи фразы *собирать мусор* в обсуждении темы загрязнения Арктики: *Уважаемые любители грамматики, дело в том, что наша с вами любимая страна идет на дно. Вы это не замечаете?* О тех, кто восклицает *А как же русский язык?*, могут говорить, что по их вине прекращается коммуникация. Но, вероятно, сбой в диалоге могут происходить еще до того, как появляются критические замечания на темы правописания. Высказывания о том, что надежды на позитивное общение или серьезное обсуждение не оправдались, могут служить признаками именно такого развития речевых событий.

Итак, наиболее интересное из наблюдений сводится к следующему. В метаязыковой критике обычных людей, или «нелингвистов», оценивающих речевые факты с нормативных точек зрения, вполне определенно выделяется приоритетное направление – орфографическое. То, с какой полнотой обсуждаются случаи некорректного употребления мягкого знака и с помощью какого разнообразия стилистических фигур передается эмоциональная реакция на них, служит дополнительным подтверждением пристрастий критиков. При этом важно отметить, что фиксируемые в речи взрослых людей ошибки

часто определяются как *детские, уровня 5–6 класса*; а следовательно, точкой отсчета в оценках особенностей речи собеседников могут быть лингвистические сведения, изучаемые *в рамках программы 1–6 класса средней школы*; это тот русский язык, который можно *осилить*.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1964. – № 3. – С. 3–18.

2. Костомаров В. Г., Шварцкопф Б. С. Об изучении отношения говорящих к языку [Текст] / В. Г. Костомаров, Б. С. Шварцкопф // Вопросы культуры речи / Академия наук СССР, Институт русского языка. – 1966. – Вып. 7. – С. 23–36.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vinogradov, V. V. Problemy kul'tury rechi i nekotorye zadachi russkogo jazykoznanija [Tekst] / V. V. Vinogradov // Voprosy jazykoznanija. – 1964. – № 3. – S. 3–18.

2. Kostomarov V. G., Shvarckopf B. S. Ob izuchenii otnoshenija govorjashhih k jazyku [Tekst] / V. G. Kostomarov, B. S. Shvarckopf // Voprosy kul'tury rechi / Akademija nauk SSSR, Institut russkogo jazyka. – 1966. – Vyp. 7. – S. 23–36.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

П. С. Ухова

Терминологические наименования социолекта учащейся молодежи

В статье дается обзор подходов к определению термина «арго» в французской лингвистике: от «общего арго» до его мощнейшего ответвления – «арго учащейся молодежи». Предпринята попытка внесения терминологической ясности при демаркации понятий «жаргон» и «арго», дано определение такому языковому явлению, как «бранше» (*parler branché*). Кроме того, в статье подробно анализируется термин «жарго», предложенный Марком Сурдо для определения молодежного языка, который не ставит своей целью какую бы то ни было конспирацию, сокрытие информации, а используется с целью ухода от правил и норм как некое проявление свободы. Так, арго французской молодежи видится автору как некий лингвистический «пазл», который появляется на базе общего арго и вбирает в себя элементы жаргонов и бранше. Основными его функциями можно считать функцию социальной солидарности, экспрессивную и людическую, что отвечает стремлению молодежи, с одной стороны, обособиться от мира взрослых, а с другой стороны, простому желанию «позабавиться». В статье также представлена описательная модель языка учащейся молодежи, предлагается введение оценочного критерия для разграничения понятий «арго» и «жаргон».

Ключевые слова: общее арго, арго учащейся молодежи жаргон, жарго, бранше.

P. S. Ukhova

Terminology of students' sociolect

The article presents an overview of approaches to the definition of the term “argot” in French linguistics: from “general argot” to its very powerful branch – “student argot”. The author attempts to clarify the terms “jargon” and “argot” and gives definition to such a linguistic phenomenon as “branché” (*parler branché*).

The article also gives detailed analysis of the term “jargon” offered by M. Sourdout to determine the youth language, which doesn't imply any kind of conspiracy or hiding information, but is used with a view to avoiding rules and norms as an expression of freedom.

The author sees French youth argot as a kind of linguistic “puzzle” basing on the general argot and includes some elements of jargons and branché. Its main functions are the one of social solidarity, expressive and ludic ones which meets, on the one hand, the desire of young people to separate from the adult world and, on the other hand, a simple wish “to have fun”. The article also contains a descriptive model of students' language and offers an evaluative criterion to distinguish the notions “jargon” and “argot”.

Key words: general argot, student argot, jargon, argot, branché.

Французское арго школьников и студентов, которое является существенной составной частью интересной и сложной проблемы социального разноречия, не перестает привлекать пристальное внимание зарубежных исследователей. В первую очередь, здесь следует назвать работы François-Geiger, 1990; Goudaillier, 1996, 2001, 2002; Sourdout, 1997, 1998, 2002; Calvet, 1987, 1994, 1996, 1997; Lecocq, 1987; Pointel, 1986; Walter, 1984, 1996, 1997. Статьи, посвященные арготической речи молодежи, публикуются в авторитетных лингвистических, социолингвистических и лингводидактических изданиях *«La linguistique»*, *«Langue française»*, *«Langages»*, *«Mots»*, *«La Revue des Deux Mondes»*, *«Le français dans le monde»*. Однако до сих пор отсутствует исследование, которое давало бы четкое представление о том, что такое «арго», а также более или менее исчерпывающее многоаспектное опи-

сание молодежного арго как его мощнейшего ответвления [24].

Следует начать с того, что арго укоренилось в лингвистическом сознании французов, перестало быть «чужим», стало естественным, законным элементом живой, неофициальной французской речи лишь к концу XX в., о чем свидетельствует ряд лингвистических и экстралингвистических фактов:

1. На фоне смещения семантических акцентов происходит дальнейшее расширение объема значения самого термина «argot».

2. Отмечено смешение помет «arg», «pop» и «fam» в различных авторитетных общих словарях французского языка, поскольку границы между этими тремя языковыми стратами становятся все более зыбкими.

3. Возрождаются такие старые языки-коды, как «javanais» и «verlan».

4. Экспансия арго распространяется и на книжную речь, появляется в микродозах в рекламе и в текстах для детей.

5. Арготизируется преподавание французского языка как иностранного [21].

Альбер Доза одним из первых представил развернутую палитру французских арго и показал их разнообразие [6]. Этому ученому можно считать одним из тех, кто стоял у истоков социолингвистической реабилитации арго. В своем труде «Защита французского языка», изданном еще в 1912 г., французский лингвист называет арго «просторечием, привитым к общему стволу», «языком, сформированным в интересах социальных групп» [6, с. 108]. Наряду с поэтическим толкованием термина как «нового младшего брата французского языка» А. Доза характеризует арго как «любые специальные языки, присущие ограниченной социальной среде» [6, с. 108–109].

В труде Ш. Брюно «История французского языка» [1], где целая глава посвящена «специальным арго», термин «арго» трактуется как «специальный жаргон, который развивается в некоторых закрытых группах» [1, с. 410–419]. Авторы «Энциклопедического словаря лингвистических дисциплин» (*«Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage»*) О. Дюкро и Ц. Тодоров также рассматривают арго как «особый случай жаргона» и «знак социальной ситуации» [7].

Ж. Марузо уточняет, что арго – специальный язык, в арсенале которого находится паразитарный словарь, используемый представителями одной социальной группы или социальной категории в интересах отличия от большинства носителей языка [15].

Новым этапом в развитии арготологии стала работа П. Гиро «Арго», в которой автор трактует арго как социальное явление: «Всякий язык – это система знаков; как одежда или прическа, как формулировки вежливости, семейные традиции, язык нас характеризует как буржуа или рабочего, врача или солдата, студента или школьника, крестьянина или торговца и т. д. Как только это коммуникативное поведение становится осознанным и желаемым, когда благодаря ему индивидуум утверждает или даже выставляет напоказ и отстаивает свою принадлежность той или иной группе, оно становится «признаком», признаком класса, касты» [13, с. 176].

Значительным вкладом в анализ и классификацию существующих арго явилась статья Денизы Франсуа «Арго». Опираясь на труды ведущих французских арготологов, она делает вывод,

что всевозможные арго возникают в группах, прикрепленных к одному и тому же месту, но остающихся «изолированными и закрытыми». Это положение иллюстрируется примерами арго высших учебных заведений и арго лицеев. Арго выступает в качестве показателя желания представителей определенной группы «соучастия, солидарности и даже социальной защиты» и обозначает «монолитность языкового коллектива» [9].

Следующим значительным этапом в изучении языка молодежи являются 80–90-е гг. XX в. и начало третьего тысячелетия. В этот период публикуются как монографии, так и отдельные словарные списки, относящиеся к описанию студенческого арго, его функций, семантики, механизмов словообразования, основанные на изучении арго конкретных учебных заведений (см., например, Walter, 1984, 1996; Pointel, 1986; Calvet, 1987; Vergne-Rudio, 1987; Lecocq, 1987; Bensimon-Choukroun, 1988, 1991; Szabo, 1991; Demougeot, Duvillard, Laurioz, Marcoz 1994; Girard, Kernel, 1994; Seguin, Teillard. 1994; Pierre-Adolphe, Mamoud, Tzanos 1995; Goudaillier, 2001).

Несмотря на то, что предметом исследования М. Швоба и Ж. Гииса в 1889 г. явилось, прежде всего, арго «опасных общественных классов», французские ученые указывали на «роль интеллектуальной элиты в арго», подразумевая образованную молодежь. «Известны арго образованных людей: художников, ученых, студентов» [18].

В «Большом словаре французского языка Робер» (*«Le Grand Robert de la langue française»*) арго представлено как «язык, свойственный какой-либо профессии или группе». И в качестве примера арго учебных заведений фигурирует на первом месте. В словаре оспаривается точка зрения на конспиративную функцию арго – во главу угла ставится интегрирующее начало языкового общения маленьких групп и выделяется понятие арго как «знака принадлежности и признания» [14].

«Большой словарь французского языка Ларусс» (*«Grand Larousse de la langue française»*) предлагает следующее толкование термина «арго»: слова и выражения, присущие представителям какой-либо профессии, социальной группы и существующие вне общего языка. И как пример вновь на первых позициях выступает школьное и студенческое арго [4].

В ряду работ, появившихся в начале 90-х годов XX в., необходимо выделить монографию П. Мерля, посвященную новейшим тенденциям арго. Автор справедливо отмечает, что «новое арго» ставит в тупик современных исследователей некодифицированной речи. Носителями это-

го арго названа прежде всего молодежь. Ключевыми словами при описании этой некодифицированной речи являются «рок», «окраины Парижа», «песни французского барда-арготье Рено», «возрождение языковых кодов». Арго присваивается новый титул: «*argot fast-food*». П. Мерль использует английское заимствование, которое обозначает «дешевый ресторан с быстрым обслуживанием». И объясняется это заимствование двумя причинами. Во-первых, тем, что его можно слышать как раз в таких заведениях или рядом с ними, а во-вторых, по схожести с многоэтажным гамбургером, ингредиенты которого не всегда легко дифференцировать. В данном случае получается коктейль из смешанного французского жаргона рокеров, английского жаргона наркоманов с добавлением нескольких рекламных слоганов и «присыпленный» огромным количеством выражений из модных телепередач. Затем добавляется что-нибудь из арабского и цыганского, а острота придается за счет нескольких информационных терминов и своих собственных находок, и в конце все кодируется верленом. [16]. Этому «новому арго» автор посвящает еще ряд трудов [Merle, 1997, 1998, 1999, 2002].

Безусловно, оригинальным исследованием неконвенциональной французской лексики являются появившиеся в 1994 г. две публикации Л.-Ж. Кальве «Арго» и «Голоса города». В монографии «Арго» подчеркивается, что статус арго неизбежно модифицируется. К нему обращаются, чтобы «следовать моде на арготические слова», которые становятся понятными в результате экспансии средств массовой информации. «Поддерживать дистанцию между определенной группой и ее подражателями» – еще одно основание для непрекращающегося создания арготической лексики [2]. Поскольку «молодежь в языковом отношении наиболее мобильная, наиболее экспериментирующая часть города», то и речевая деятельность студентов, молодежи, различных молодежных объединений является своеобразным ядром «городского арго» [3]. Ее изучение представлено в социолингвистическом исследовании «Голоса города» сквозь призму описания молодежного языка в городе. Л.-Ж. Кальве вводит понятие «промежутка» («*interstice*») или «переходной ступени», заявляя, что молодые люди разных этнических групп пригорода существуют между двумя культурами – культурой, принадлежащей родителям, и культурой страны проживания, а также между двумя языками [3].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что французские лингвисты расходятся во мнениях

при определении понятия «арго». Одни придерживаются позиции, что это язык воровского мира, который больше не существует; другие подчеркивают главенствование криптолаллической функции «арго»; есть те, кто использует арго как синоним или особый случай жаргона. Однако считаем интересным обратиться к дефинициям ученых, которые дифференцировали понятия «арго» и «жаргон».

Так, для разграничения данных терминов Ф. Руссело предложил принять во внимание технический критерий. Лингвист приходит к выводу о том, что «жаргон» отражает технический словарь, лексемы которого не являются эксплицитными для непрофессионального круга лиц, для тех, кто не является представителем определенной замкнутой группы [22]. Л.-Ж. Кальве тоже квалифицирует «жаргон» как «профессиональный» или «специальный» язык. [3]. Однако следует отметить, что в арготическом корпусе также содержатся профессиональные термины, что ставит под вопрос эффективность технического критерия [17].

«Крипто-людический» критерий, который вводит известный французский лингвист М. Сурдо, кажется более убедительным. По его мнению, арго используется преимущественно с целью сокрытия информации, а людическая функция и функция социальной солидарности уходят на второй план. Целью говорящего, таким образом, является максимально ограничить доступ к информации, которой обмениваются члены группы, в то время как «жаргон» отличается функцией языковой экономии, что говорит о том, что его целью является передача максимального объема информации минимальными средствами [19]. Из сказанного следует, что основное различие терминов «арго» и «жаргон» лежит в функциональном неравенстве. Профессиональное использование жаргонизмов противопоставляется крипточескому употреблению арго. Ф. Руссело поддерживает данную точку зрения, подчеркивая, что «арго» изолирует «чужака», «жаргон» изолирует «профана» [22].

Д. Франсуа в труде «Парадоксы арго» также отмечает, что «жаргонизмы» есть «технические лексемы, понятные преимущественно посвященным, однако сокрытие содержания не является их целью, скорее совсем наоборот: говорящий прибегает к жаргону ввиду потребности выразиться максимально точно» [8].

М. Сурдо уточняет, что не следует путать термин «жаргон» с «технолектом». Первый относится к сфере повседневного общения, тогда как второе понятие охватывает узкую научно-

техническую сферу деятельности. Таким образом, в основе различия между данными понятиями лежит их функция. Людическая направленность жаргонизмов совершенно не присуща технолектам [19].

Возвращаясь к термину «арго», отметим, что тот же автор утверждает, что арготизм, переставая употребляться в определенном замкнутом кругу посвященных и становясь понятным более широкому кругу лиц, теряет свою центральную функцию, которая отличала его от жаргонизма. В таком случае арго, сохраняя некоторые формальные характерные черты, не становится тем не менее жаргоном, как и не входит в разговорный язык. Такие лексемы, которые вышли за пределы определенного замкнутого круга лиц и употребляются вне зависимости от какой-либо принадлежности к социальной группе, входят в состав так называемого «общего арго».

Подобной точки зрения придерживается и Д. Франсуа-Жежер, которая утверждает, что с конца XIX в. прослеживается развитие нового языкового явления – «общего арго». Лингвист отмечает: «Это общее арго добавляет к общенациональному языку еще один регистр фамильярного звучания, и мы очень сомневаемся, что существует хоть один франкофон, 1) который не употреблял какое-нибудь из этих слов, пусть даже обозначая интонацией кавычки, 2) который не знает всех этих слов» [11, с. 111]. Эта арготическая лексика проникает в устную речь разных социальных групп, в том числе в речь школьников и студентов.

В рамках данного терминологического исследования необходимо упомянуть типологию, предложенную М. Сурдо, в которую он вводит, наравне с «арго» и «жаргоном», собственный термин – «жарго» [19].

Термин «жарго» («jargot») предлагается использовать для обозначения языкового явления, характеризующегося преобладанием людической функции и функции социальной солидарности. Ученый утверждает, что по сравнению с жаргоном и арго, целью которых является возможность скрыть содержание, «жарго» употребляется без какого-либо конкретного намерения, просто как способ проявления свободы, ухода от установленных правил и норм. Даже если «жарго» имеет целью дистанцирование определенной части аудитории, автор настаивает на отсутствии всякого желания его носителей скрыть информацию [19]. Кроме того, лингвист подчеркивает важность мировоззренческой функции, тогда как Д. Франсуа обращает внимание на фамильярный, сниженный окрас подобной лексики [10].

Поскольку в данной работе речь идет о языке молодежи, необходимо упомянуть еще один французский термин – «бранше», или буквально «модный французский» («*parler branché*», от «*branché*» – включенный, «в теме»). По мнению Франсуа-Жежер, «бранше» – это язык преимущественно молодых людей, который приходит на смену исчезающему традиционному арго. Она предлагает использовать это понятие во множественном числе, поскольку существует множество молодежных групп, которые отличаются друг от друга («мажоры», «панки», «скины» и т. д.), в том числе, и наличием своего вокабуляра. Благодаря СМИ эти выражения быстро переходят в разговорный язык, известный каждому франкофону, что объясняет постоянное обновление их фонда и богатый синонимичный ряд (в особенности в таких тематических полях, как, например, «наркомания») [11].

Цель носителей «бранше» – быть в курсе всех современных тенденций, веяний моды и выражать свое отношение к нововведениям средствами языка. «Бранше» – это знак солидарности, но не в рамках определенной замкнутой группы, а целого слоя населения, между людьми, которые читают газеты, ходят на спектакли, интересуются модой, в курсе последних новостей. Это может быть средний класс, интеллигенция, преподаватели, студенты и другие. «Бранше» – это язык, на котором говорят все те, кто хочет идти в ногу со временем. Но вместе с тем это язык скорее молодых, чем пожилых, а возможно, его даже следует трактовать как «современное арго» [20].

В нашем исследовании анализируется язык студенческой молодежи, который имеет свои отличительные особенности. Учащаяся молодежь объединена в референтную группу. В социологии референтной группой называют «реальную или воображаемую социальную группу, выступающую для индивида в процессе социального сравнения в качестве эталона, с которым он сопоставляет свое социальное положение, поведение и установки» [23, с. 42]. Язык данной референтной группы можно изобразить в виде ответвлений от молодежного арго, на почве которого он живет. Молодежное арго, в свою очередь, пересекается с общим арго. На месте пересечения образуется пласт лексики, употребляемой молодежной средой, включающей учащуюся молодежь.

Таким образом, общее ядро молодежного и студенческого арго принадлежит общему арго – определенной части арготического фонда, которая менее всего подвержена изменениям. Следует отдельно обозначить арго учащихся

колледжей, лицеев и высших учебных заведений, так как школьная и студенческая аудитории не однородны по своему составу. Это прежде всего следует объяснить существенной разницей в возрасте и уровне образования, а также связью с типами высших учебных заведений – открытого и закрытого. Студенты учебных заведений закрытого типа, проводящих строгий отбор, – очень герметичная группа. Такая организованная группа создает особый язык, предназначенный для употребления в стенах школы. Отличительными чертами студенческого аргю учебных заведений открытого типа можно считать его незамкнутость, отсутствие кастовости, проницаемость лексической системы.

Обобщая вышесказанное, отметим, что язык французской студенческой молодежи – это некая лингвистическая взвесь из общего аргю (или «жарго»), студенческого жаргона и «бранше», поскольку нет резкой границы между молодежным и общим аргю, как нет четко очерченной границы между аргю и другими ненормативными пластами французского вокабуляра. В словоупотреблении арготирующей молодежи включаются некоторые слова и выражения из общего аргю, а также ряд фамильярных и просторечных лексем.

Рисунок 1

Таким образом, соотношение этих пластов можно представить в виде дерева (см. **Рисунок 1**), ствол которого олицетворяет общее аргю, порождающее и питающее как разговорный язык (многие арготические лексемы в конечном итоге переходят в повседневную речь), так и жаргоны (как известно, арготизмы часто переходят в разряд жаргонизмов, нередко со сменой значения); на пересечении общего аргю и жаргонизмов вырастает новая «ветвь» – жарго (языковое явление, характеризующееся слабой закрытостью, преобладанием людической функции и имеющее целью уход от литературной нормы), а затем

и молодежное аргю, мощнейшим ответвлением которого является аргю учащейся молодежи, который, как наглядно показано на рисунке, содержит элементы общего аргю, жарго, студенческого жаргона, а также нередко и жаргона наркоманов, программистов и бранше.

Следует констатировать, что проблема терминологического определения понятия «аргю» в французской лингвистике остается актуальной и сегодня. Еще в 1886–1888 гг. Ж.-П. Колин указал на сложность трактования этого термина и проведения четкой границы между «современным аргю» и «разговорным языком». Автор заметил, что «коммуникация на аргю стала формой разговорной речи, обобщенной в некоторой степени» [5, с. 34]. Он также констатировал, что «мы больше не можем с уверенностью назвать отличия между аргю и разговорным языком, оба из которых участвуют в некоем огрублении литературной нормы, повсеместном, с оттенком «демократичности». Если аргю в чистом виде и грубой форме, в которой замыкаются некоторые ностальгирующие исследователи, и умерло, то все же есть что-то в нашей привычной разговорной речи, что не умерло и не умрет: присутствие отклонения, осознанного или бессознательного неповиновения норме. Ни одно сообщество и ни один язык не смогут продолжать свое существование без этого постоянного соединения и разделения, что в случае с аргю еще более очевидно за счет того факта, что его лексические формы, с лингвистической точки зрения, постоянны, а с этической – запрещены «цензурой» [5, с. 43].

В одной из самых новых работ, посвященной этому феномену, К. Геннек обращает внимание на то, что сегодня аргтологи также настаивают на мысли, что границы между аргю и разговорным, фамильярным языком приблизительны. Автор использует термин «аргю» во множественном числе («*les argots*»), говоря о том, что существуют кодифицированные формы аргю («верлен», «жаванэ» и др.), а также аргю определенных социальных групп и сообществ. Функцией первого является конспиративная, второго – функция социальной солидарности. Но функцией, объединяющей все виды аргю, по мнению автора, является людическая [12]. «Традиционного аргю, аргю воровского мира, больше не существует. Аргю XXI в. – это неакадемический, нелитературный язык, который обогащается за счет игры воображения его носителей и носит на себе отпечаток моды сегодняшнего дня. Сегодня говорить на аргю – значит свободно, в игровой форме выражать свои мысли» [12, с. 17].

Автор утверждает, что главным отличием «арго» от «разговорного языка» является связь первого с социальной или профессиональной средой, тогда как разговорный язык включает в себя слова и выражения, которые естественным образом используются в повседневном общении, но которые следует забыть в разговоре с носителями литературного языка, а также при общении с вышестоящими людьми [12, с. 18].

По нашему мнению, целесообразным было бы введение оценочного критерия при терминологическом разграничении понятий «арго», «жаргон» и других разговорных форм. Как нами было отмечено в [25], молодежное аргю является преимущественно оценочным явлением, проявляющимся в разных контекстах от иронически-насмешливой до обидно-высокомерной коннотации, тогда как жаргон призван сделать коммуникацию максимально краткой, понятной и эффективной. Так, «*vous allez les kiffer grave, ils sont trop coolosses, moi j'ai craqué*» («Вы офигеете, отвечаю, на то, какие они нереально кульные, я лично просто выпал») – это молодежное аргю, экспрессивное, образное и обязательно оценочное. Такие примеры, как (1) «*T'inquiète, pense juste à être toujours en cours de CO (<compréhension orale) et de civi (< civilisation) britannique, et t'auras ta moyenne*» («Не волнуйся, ходи обязательно на устную речь и британскую культуру, и все сдашь») – пример диалога студентов факультета прикладной лингвистики; (2) «*T'as fait la trad pour aujourd'hui? – Non, mais tu rigoles? J'ai pas eu le temps, la dissert pour le cours de litté t'a achevé!*» («Сделал перевод на сегодня? – Ты серьезно? Когда бы! Сочинение по литре меня убило») – диалог между студентами из группы переводчиков факультета иностранных языков, являются вариантами студенческого жаргона, основными механизмами формирования которого являются усечения и аббревиации. Жаргонизмы часто используются как термины и не несут в себе оценочного смысла, тогда как благодаря аргю молодежь выражает свое отношение ко всему тому, что является частью их мира.

Подводя итог вышесказанному, заметим, что еще в прошлом веке Ж.-П. Колин писал: «Казалось, все уже сказано об аргю, начиная с утверждения, что «аргю не существует», и заканчивая предположением, что «аргю повсюду»; такие противоречивые формулировки имеют за собой что-то, но что?» [5, с. 76]. В XXI в. К. Геннек в своей работе ответила на этот вопрос следующим образом: «Сегодня на аргю говорят все. Отныне это фамильярный субязык, на котором

могут говорить как жители неблагополучных кварталов, так и пролетарии, мещане и представители интеллигенции. Есть часть арготического вокабуляра, известного и употребляемого всеми. Но есть, безусловно, и другая часть, присущая определенным социальным группам, регионам, районам, городам» [12, с. 52].

Молодежное аргю никому не навязывается, оно просто существует. И для того чтобы быть включенным в молодежное сообщество, стать в нем «своим», молодому человеку надо не только быть молодым по возрасту, но и говорить на языке, свойственном его возрастной группе, а именно владеть и пользоваться аргю, который по-своему кодирует, сохраняет и передает информацию от одного молодого человека к другому.

Несмотря на то, что аргю французской молодежи вовсе не предназначен для того, чтобы его полностью понимали все франкоговорящие носители, он не является «иностранным» языком для них, а представляет собой своеобразный язык в языке, который может и доминировать в речи говорящего, и лишь слегка затрагивать ее.

Библиографический список

1. Береговская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование [Текст] / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32–41
2. Елистратов, В. С. Словарь московского аргю [Текст] / В. С. Елистратов. – М.: Материалы 1980–1994 гг. – М.: Русские словари, 1994. – 700 с.
3. КСС: Краткий словарь по социологии [Текст] / Под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. – М.: Политиздат, 1989. – 479 с.
4. Ретинская, Т. И. Источники и механизмы формирования французского студенческого аргю [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук / Т. И. Ретинская. – М., 2004. – 20 с.
5. Ухова, П. С. Оценочный потенциал лексических единиц молодежного сленга [Текст] / П. С. Ухова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 180–184.
6. Bruneau, C. L'epoque romantique [Tekst] // Histoire de la langue française. Des origines à nos jours. T. XII. – P.: Armand Colin, 1948. – P. 387–420.
7. Calvet, L.-J. L'argot [Tekst]. – P.: PUF, 1999. – 127 p.
8. Calvet, L.-J. Les voix de la ville. Introduction à la sociolinguistique [Tekst]. – P.: Payot, 1994. – 305 p.

9. Caradec, F. Dictionnaire du français argotique et populaire [Tekst]. – P. : Larousse, 2001. – 297 p.
10. Colin, Jean-Paul Argot et poésie : essais sur la déviance lexicale [Tekst]. – Paris, 2007.
11. Dauzat, A. La défense de la langue française [Tekst]. – P. : Colin, 1912. – XII, 311 p.
12. Ducrot, O., Todorov, T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage [Tekst]. – Paris : Seuil, 1972.
13. François, D. Les argots [Tekst] // Le langage. Encyclopedic de la Pléiade. – P., 1968. – P. 620–645.
14. François-Geiger, D. Argots: la cohabitation [Tekst] // Europe. – 1990. – № 738. – P. 30–36.
15. François-Geiger, D. L'Argot, phénomène de symbiose [Tekst]. – 1993.
16. François-Geiger, D. Panorama des argots contemporains [Tekst] // Langue française. – 1991. – № 90. – P. 5–9.
17. Guennec, C. L'argot pour les nuls [Tekst]. – Paris, 2014. – 334 p.
18. Guiraud, P. L'argot [Tekst]. – P. : PUF, 1956. – 126 p.
19. Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique de la langue française de Paul Robert [Tekst]. 2-e ed. – T. I. – P. : Le Robert, 1986. – 1077 p. Groupe 11 1970: Groupe jx. Figure de l'argot // Communications. – 1970. – № 16. – P. 71–93.
20. Marouzeau, J. Lexique de la terminologie linguistique (français, allemand, anglais, italien) [Tekst]. – P. : Librairie orienaliste Paul Geuthner, 1951. – 267 p. Mattatia 1994: Mattatia F. Le dictionnaire d'argot de l'X. – P.: Sabix, 1994. – 141 p.
21. Merle P. L'argot des mots. – P. : L'Archipel, 1997. – 286 p.
22. Rousselot, Ph. Documents de travail du Centre d'Argotologie de Paris V, № XI–XII, déc.91 [Tekst]. – Paris :Université René Descartes, pp.21–43.
23. Schwob, M. Etude sur l'argot français et le jargon de la Coquille [Tekst]. – P. : Allia, 1989. – 154 p.
24. Sourdot, M. L'argotologie: entre forme et fonction [Tekst] // La linguistique. – 2002. – Vol. 38. – P. 25–39.
25. Verdelhan-Bourgade, M. Procédés sémantiques et lexicaux en français branché [Tekst]. – Langue française, 1991.
- Beregovskaja // Voprosy jazykoznanija. – 1996. – № 3. – S. 32–41
2. Elistratov, V. S. Slovar' moskovskogo argo [Tekst] / V. S. Elistratov. – M. : Materialy 1980–1994 gg. – M. : Russkie slovari, 1994. – 700 s.
3. KSS: Kratkij slovar' po sociologii [Tekst] / Pod obshh. red. D. M. Gvishiani, N. I. Lapina ; sost. Je. M. Korzheva, N. F. Naumo-va. – M. : Politizdat, 1989. – 479 s.
4. Retinskaja, T. I. Istochniki i mehanizmy formirovanija francuzskogo studencheskogo argo [Tekst] : avtoref. dis. kand. filol. nauk / T. I. Retinskaja. – M., 2004. – 20 s.
5. Uhova, P. S. Ocenocnyj potencial leksicheskikh edinic molodezhnogo slenga [Tekst] / P. S. Uhova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 4. – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 180–184.
6. Bruneau, C. L'epoque romantique [Tekst] // Histoire de la langue française. Des origines à nos jours. T. XII. – P. : Armand Colin, 1948. – P. 387–420.
7. Calvet, L.-J. L'argot [Tekst]. – P. : PUF, 1999. – 127 p.
8. Calvet, L.-J. Les voix de la ville. Introduction à la sociolinguistique [Tekst]. – P. : Payot, 1994. – 305 p.
9. Caradec, F. Dictionnaire du français argotique et populaire [Tekst]. – P. : Larousse, 2001. – 297 p.
10. Colin, Jean-Paul Argot et poésie : essais sur la déviance lexicale [Tekst]. – Paris, 2007.
11. Dauzat, A. La défense de la langue française [Tekst]. – P. : Colin, 1912. – XII, 311 p.
12. Ducrot, O., Todorov, T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage [Tekst]. – Paris : Seuil, 1972.
13. François, D. Les argots [Tekst] // Le langage. Encyclopedic de la Pléiade. – P., 1968. – P. 620–645.
14. François-Geiger, D. Argots: la cohabitation [Tekst] // Europe. – 1990. – № 738. – P. 30–36.
15. François-Geiger, D. L'Argot, phénomène de symbiose [Tekst]. – 1993.
16. François-Geiger, D. Panorama des argots contemporains [Tekst] // Langue française. – 1991. – № 90. – P. 5–9.
17. Guennec, C. L'argot pour les nuls [Tekst]. – Paris, 2014. – 334 p.
18. Guiraud, P. L'argot [Tekst]. – P. : PUF, 1956. – 126 p.
19. Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique de la langue française de Paul Robert [Tekst]. 2-e ed. – T. I. – P. : Le Robert, 1986. – 1077 p. Groupe 11 1970: Groupe jx. Figure de l'argot // Communications. – 1970. – № 16. – P. 71–93.

Bibliograficheski spisok

1. Beregovskaja, Je. M. Molodezhnyj sleng: formirovanie i funkcionirovanie [Tekst] / Je. M.

20. Marouzeau, J. Lexique de la terminologie linguistique (français, allemand, anglais, italien) [Tekst]. – P. : Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1951. – 267 p. Mattatia 1994: Mattatia F. Le dictionnaire d'argot de GH. – P.: Sabix, 1994. – 141 p.
21. Merle P. L'argot des mots. – P. : L'Archipel, 1997. – 286 p.
22. Rousselot, Ph. Documents de travail du Centre d'Argotologie de Paris V, № XI–XII, déc.91 [Tekst]. – Paris :Université René Descartes, pp.21–43.
23. Schwob, M. Etude sur l'argot français et le jargon de la Coquille [Tekst]. – P. : Allia, 1989. – 154 p.
24. Sourdod, M. L'argotologie: entre forme et fonction [Tekst] // La linguistique. – 2002. – Vol. 38. – P. 25–39.
25. Verdelhan-Bourgade, M. Procédés sémantiques et lexicaux en français branché [Tekst]. – Langue française, 1991.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В начале 2014 года при Институте истории и филологии ФГГУ было создано новое структурное подразделение – учебно-научная лаборатория мандельштамоведения. Ее основной задачей стало объединение усилий ученых и преподавателей вузов, занимающихся изучением биографии и творчества Осипа Эмильевича Мандельштама, а также внедрение научных разработок специалистов в практику преподавания вузовских курсов истории и теории литературы. Необходимо сказать, что ФГГУ давно стал общероссийским центром по изучению О. Э. Мандельштама: в его стенах работали и работают также ведущие специалисты в этой области, как С. Аверинцев, М. Гаспаров, Ю. Левин, О. Лежманов, И. Сурат, Ю. Фрейдлин. На базе ФГГУ много лет работало Мандельштамовское общество, под эгидой которого прошло несколько представительных научных конференций, собиравших ученых из разных городов и стран мира.

В декабре 2014 года в ФГГУ состоялась первая научная конференция «Мандельштам и его время», в декабре 2015 года – вторая, на каждой из которых выступило около 20 ученых, в том числе – аспирантов.

Некоторые материалы этой конференции представлены в данном разделе.

УДК 82

В. И. Тюпа

Эвиденции О. Э. Мандельштама 1937 года

Автор аргументирует возможность выявления и конструктивной характеристики неизвестного научной поэтике лирического жанра. Такая возможность иллюстрируется на материале поэтических текстов Осипа Эмильевича Мандельштама, созданных в 1937 году (последнем году творчества поэта).

Ключевые слова: лирика, жанр, перформативная стратегия, эвиденция, Мандельштам.

LITERARY CRITICISM

At the beginning of 2014, a new structural unit was organized at the Institute of History and Philology, The Russian State University for the Humanities (RSUH) – educational and scientific laboratory for studying the work of Mandelstam. Its main aim is to unite the efforts of scientists and professors engaged in studying the biography and creative work of Osip Emilievich Mandelstam as well as applying the results of the research to teaching History and Literary Theory at university. It should be noted that RSUH has for a long time been the Russian centre for studying O. E. Mandelstam, with leading specialists in the field working here: S. Averintsev, M. Gasparov, Yu. Levin, O. Lekmanov, I. Surat, Yu. Freidin. The Mandelstam society has worked on the basis of RSUH for many years; several representative scientific conferences were held under the aegis of the society and scientists from different cities and countries took part in them.

The first scientific conference “Mandelstam and his time” took place in RSUH in December 2014 and the second one in December 2015. About 20 scientists and post-graduate students took part in each of them.

Some materials of the conferences are presented in this section.

V. I. Tyupa

O. E. Mandelstam's 1937 evidences

The author substantiates the possibility to identify and characterize a lyric genre unknown to scientific poetics. This possibility is shown through the analysis of poems by Osip Emilievich Mandelstam written in 1937 (the last year of the poet's creative work).

Key words: lyrics, genre, performative strategy, evidence, Mandelstam.

В области изучения жанровой природы художественного письма встречаются два альтернативных подхода: инвариантный и кластерный. Первый состоит в поиске глубинных жанровых стратегий художественных высказываний (порой несхожих внешне своими параметрами). Второй – в накапливании и группировке многочисленных жанровых признаков. Как тут не вспомнить заповедь Ю. Н. Тынянова: «Конструктивный принцип познается не в максимуме условий, дающих его, а в минимуме» [9, с. 17].

В отношении нарративной прозы инвариантный подход достиг общеизвестных значительных успехов. Изучение же лирических жанров топчется на месте. Описанию достаточно легко поддаются так называемые канонические жанры, а то состояние лирического письма, которое наступает после кризиса нормативной жанровой системы, часто трактуют как торжество «внежанровых лирических произведений» [3; с.52]. Однако, порывая с жанровостью, поэт порывает и с традицией (в элиотовском понимании), то есть уходит за пределы литературной культуры. «Каждое хорошее, получившееся стихотворение обладает способностью встраиваться в литературные ряды, образуемые жанрами, поскольку хорошее стихотворение возможно только при наличии связи с традицией. Если эту связь выстроить не удастся, слово не становится поэтическим, остается плоским» [5, с. 162].

Подобно В. И. Козлову [6] и некоторым другим современным литературоведам, я исхожу из того, что внежанровой лирической поэзии не бывает. Это исследователям порой не достает «ключа» к лирической жанровости. Искомый ключ обнаруживается в *перформативной* природе лирического художественного письма, уходящего своими корнями в архаическую культуру заклинания, воздействия на окружающий мир посредством слова. Лирическое стихотворение – это перформатив *хоровой значимости*, иначе говоря, *суггестивный* перформатив [см. 10].

На заре теоретического литературоведения суггестивность поэтического речевого действия (жеста) чутко уловил Николай Гумилев: «Под жестом в стихотворении я подразумеваю такую расстановку слов, подбор гласных и согласных звуков, ускорений и замедлений ритма, что читающий стихотворение невольно становится в позу его героя, перенимает его мимику и телодвижения и, благодаря внушению своего тела, испытывает то же, что сам поэт» [4, с. 48].

Из далеко еще не реализованных возможностей теории перформативности художественного письма и следует исходить в поиске инвариантных

жанровых стратегий лирики. На мой взгляд, к необходимому минимуму инвариантных характеристик лирического опуса принадлежат:

- *ценностная архитектоника* лирического мира (в котором позиционируются объекты лирического говорения);
- *интенция* лирического субъекта;
- *суггестия* лирического впечатления (позиционирование адресата).

К числу базовых для речевой культуры человека суггестивных интенций принадлежат *хвала* и *хула*. Согласно рассуждению М. М. Бахтина, хвала и брань «составляют древнейшую и неумиряющую подоснову основного человеческого фонда языковых образов» [1, с. 84]. Не менее важными в жизни первобытного человека были, несомненно, такие перформативы хоровой значимости, как перформатив *угрозы* (тревоги, устрашения), и, напротив, – *покоя*, умиротворения. Наконец, пристального внимания заслуживают перформативы *жалобы* (плач, оплакивание), *желания* (любовный зов, мольба, волеизъявление) и *радости*. Данный круг протолитературных перформативов представляется кругом «жанровых зародышей» (М. М. Бахтин) лирики. От архаического речевого жанра хвалы достаточно очевидная нить традиции ведет к оде; от брани – к лирической инвективе; от перформативов покоя и тревоги – к идиллии и балладе.

Все четыре перечисленные жанровые традиции характеризуются пространственными оппозициями своих ценностных архитектур: вечного верха и казусного низа в оде и инвективе; замыкания и размыкания бытийной границы своего и чужого миров в идиллии и балладе. Иное дело – элегия, представляющая индивидуальную жизнь как странствие во времени.

Внепространственная, временная архитектоника элегического мира – архитектоника ценностной ретроспективы – формировалась в древнем перформативе ритуального оплакивания. Доминирующий мотив такого плача – невозвратность того, чья жизнь прервалась и более не продолжится (в отличие от символической смерти переходного обряда). Ритуальный плач служил, прежде всего, прославлению умершего (вождя, например) и мог сводиться к нормативной хвале. Но в той мере, в какой скорбь была искренней, она выявляла субъективную значимость утраты для продолжающих свое пребывание в мире. В такого рода личностном плаче зарождается окказиональная (случайностная), вненормативная система ценностей жизненного пути (согласно пушкинской формуле, «что пройдет, то будет мило»). В пост-

классицистическую литературную эпоху «выпавший из реальности “письма” и впервые обнаруживший свое, отличное от его знакового выражения, “бытие”, элегический человек оказался один на один с “быстротекущим временем” и смертью» [8, с. 24]. На этом фундаменте укрепляется эгоцентрическая суггестивная интенция самоуглубления, обнаружения уникального ядра личности, порождающая суггестию ностальгии.

Но интенция *самоуглубления* лирического героя (рожденного элегией) легко могла быть повернута в противоположном направлении – в сторону будущего времени, а не прошедшего – и опереться на речевую традицию перформативов желания (чем, собственно говоря, и являлись заклинания первобытного человека). Пушкинская «Элегия (Безумных лет угасшее веселье...)» обрачивается антиэлегией: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» и т. д. Стихи «Что в имени тебе моем...» А. С. Пушкина или «Выхожу один я на дорогу...» М. Ю. Лермонтова не обладают ретроспективной архитектурой, их временная архитектура, напротив, *проективная* архитектура «мечты» (одно из наиболее частотных слов романтической поэзии). Самоактуализацию лирического героя в этих случаях можно назвать не «апофатической», как в элегии, но «катафатической»: лирическое «я» раскрывается не в переживании утраченных ценностей, а в интенции *самореализации*, в стремлении стать «самим собой». Лирическая интенция такого рода ведет к суггестии *воления* (волевой направленности личного бытия).

В романтическом порыве разрушения прежних нормативных рамок художественного письма зарождение нового лирического жанра осталось незамеченным. Согласно принятой в нашем литературоведении модели наименования основных лирических жанров (существительные женского рода греко-латинского происхождения), незамеченному в период своего возникновения и не имеющему пока еще научного термина жанру лирического «воления» целесообразно было бы присвоить имя *волюнты* (от лат. *voluntas* – волеизъявление) [см. 10, с. 140–143].

У О. Э. Мандельштама также имеются лирические тексты, принадлежащие к обозначенному жанровому инварианту. Равным образом, как и ко всем названным ранее исторически более протяженным жанровым традициям. Но меня будут занимать стихотворения, не сводимые к перечисленным выше жанрам.

В последнем для поэта Мандельштама 1937 году из 50 более или менее завершенных поэтических текстов (жанровая форма лирического от-

рывка здесь доминирует) 20, то есть 40 % написанного, остаются вне очерченной жанровой классификации. Но зато в них обнаруживается их собственная инвариантная общность.

Ценностную архитектуру этих поэтических творений следует определить как временную, но она не имеет временной протяженности. Прошлое или будущее могут упоминаться (как, например, в стихах «Не сравнивай: живущий несравним...»), но они здесь не становятся ценностными векторами лирического переживания. «Ясная тоска» лирического героя в данном стихотворении не ретроспективна, как в элегии, и не проспективна. Она «не отпускает / От молодых еще воронешских холмов / К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане», то есть не отпускает из приземленно-го, но действительного настоящего.

Мы имеем дело с архитектурой *присутствия*: «до бесконечности расширенного часа», останавливаемого (ср.: «Остановись, мгновенье! Ты не столь / прекрасно, сколько ты неповторимо» [2, с. 291]), длящегося мгновения («И век бы падал векши легче...»), концентрированного настоящего, заключающего в себе прозрение некоторой экзистенциальной правды о себе и мире. Разумеется, подлинная лирическая поэзия всегда претендует на такого рода откровение. Но в мандельштамовских текстах выявляемого типа суггестия *эвристического прозрения*, актуализируемая «В сознании минутной силы, / В забвении печальной смерти» (1909 г.), становится жанрообразующей, отмежевываясь от элегических переживаний.

Настоящее в рассматриваемых стихотворениях перестает сводиться к границе между прошлым и будущим, приобретая самостоятельность некоторого экзистенциального присутствия в мире (вечного настоящего) как образа человеческого существования, отличного от элегического «странствия» или контрэлегического «проекта». Жанровая интенция лирического субъекта, который «глубоко ушел в немеющее время», может быть названа интенцией *самоопределения*. Например:

*Неограниченна еще моя пора:
И я сопровождал восторг вселенский,
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.*

Прошедшее грамматическое время («сопровождал») в данном случае не имеет отношения к элегической невозвратности. Причастность сопровождения как раз и обеспечивает лирическому герою «неограниченность» во времени – бессмертность.

Протохудожественные корни выявляемой жанровой стратегии уходят, по-видимому, к перформативу *радости* (в особенности эвристической радости откровения). Корни эти обнажаются, например, в стихах 1914 года:

*Развеселился наконец,
Изведаль духа совершенство,
Испробовал свое блаженство
И успокоился, как царь,
Почувствуй славу за плечами...*

Но у позднего Мандельштама лирическое присутствие в мире, сохраняя обозначенную жанровую стратегию своей манифестации, часто оказывается неблагополучным:

*Я около Кольцова,
Как сокол, закольцован,
И нет ко мне гонца,
И дом мой без крыльца.*

Здесь настоящее тоже не ограничено, но по-другому. Оно длится, поглощая и прошлое, и будущее: «*И все идут, идут / Ночлеги, ночи, ночи – Как бы слепых везут...*»

Однако в акте эвристического самоопределения лирический герой способен преобразовать внешние атрибуты неблагополучия:

*В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен,
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.*

В этом стихотворении «несчастлив тот», кто мысленно покидает дрящееся настоящее. Временная архитектура присутствия до известной степени аналогична идиллической пространственной архитектонике замкнутого круга жизни. Но суть здесь не во внешней отгороженности, а во внутренней сосредоточенности лирического «я»:

*Люблю морозное дыханье
И пара зимнего признание:
Я – это я; явь – это явь.*

В эвристическом озарении сосредоточенности идиллическая ценность «дома» (как и многие иные ценности) преобразуется: открывается, например, «счастливое небохранилище – Раздвижной и прижизненный дом». Преобразуется и одически-инвективная вертикаль: «явь» между «пароходиком», который «по небу плывет», и человеком в «крапивах пыльных» – это всего лишь «Полторы воздушных тонны, / Тонны полторы».

Эвристическая суггестивность неожиданных откровений составляет жанрообразующую эмоционально-волевою тональность обсуждаемых стихо-

творений, некий скрытый «нерв» текста. Однако она может порой и явно манифестироваться в нем:

*Поглядит, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремящего парка глазам?*

Образцом жанровой стратегии выявляемого, пока еще неизвестного науке, инварианта представляется последний из главнейших шедевров Мандельштама – стихи «*Может быть, это точка безумия...*»

Композиция данного текста соотносима с неоплатонической схемой эманации. Порядок четверостиший соответствует четырем онтологическим уровням бытия в неоплатонизме: *единое* – *дух* – *душа* – *многое* (чувственное бытие вещей). В первом четверостишии лирический сверхобъект «узла жизни», как и положено по Плотину, только угадывается в экстазе «безумия»; во втором он предстает умопостижимым (по аналогии со светом) и воистину благим («добро-совестным») средоточием эйдосов («кристаллов сверхжизненных»); в третьем – оказывается единоподушием многих душ («*Соберутся, сойдутся когда-нибудь, / Словно гости с открытым челом*»); наконец, в четвертом говорится о хрупкой вероятности («не спугнуть, не изранить бы») осуществления конвергенции разрозненных существований в ее земных, чувственных формах практической жизни, обремененной по Плотину злом («*Хорошо, если мы доживем...*»).

Перед нами универсально всеобъемлющая концептуальная модель экзистенциального присутствия. Ибо, если «узел жизни» все же не «точка безумия», то всякое сущее «я» принадлежит одновременно всем четырем пластам бытия, а не только нижнему, диахронному, где течение жизни завершается смертью. В данной синхронистической архитектонике художественного целого одическая ценность верха («неба» и «света») сопрягается с идиллической ценностью «дома» и пиршественного стола – в некую сверхценность пульсирующего («распуская ... собирает») настоящего, в архитектуру соборной встречи экзистенциальных жизненных путей.

Заключительное двустишие – «*То, что я говорю, мне прости... / Тихо, тихо его мне прочти...*» – прямым обращением к собеседнику возвращает нас к началу стихотворения, повторяя тем самым возвратное движение «чистых линий». Нисхождение по онтологическим ступеням бытия – в полном соответствии с неоплатонизмом – оборачивается восхождением: поменявшиеся местами субъект и адресат стихотворения возобнов-

ляют его начало. Такой финал свидетельствует, что «совесть твоя» принадлежит диалогу, а не автокоммуникативному обращению к себе самому (как это было, например, в «Silentium'e» Ф. И. Тютчева). Более того, метаболическое совмещение открывшегося мне «узла жизни» с «совестью» Другого наделяет художественное откровение той интерсубъективной реальностью «причастной венаходимости» (М. М. Бахтин), которой недостает субъективной «точке безумия» – безумия как моего эвристического откровения, ищущего диалогической опоры в твоей «совестной» (ответственной) экзистенциальной позиции. Уникальная концовка поэтического дискурса с очевидностью обнажает еще два жанрообразующих инвариантных параметра, дополняющих *архитектонику присутствия* – как *интенцию самоопределения* лирического субъекта, так и *эвристическую суггестию* лирического прозрения.

Согласно отмеченной выше традиции наименования основных лирических жанров существительными женского рода греко-латинского происхождения я предлагаю жанру лирических прозрений подобного рода присвоить термин *эвиденция* (от лат. *evidens* – очевидный, явный). А. В. Михайлов удачно переводил это латинское слово как «разверзание видения» [7, с. 147].

Жанровая стратегия лирической эвиденции весьма характерна для поэтического творчества Мандельштама, но едва ли он является единственным изобретателем новейшей лирической жанровости. Во всяком случае, она предугадывается уже в «Царскосельской статуе» Пушкина, например, и в ряде стихотворений позднего Лермонтова [см. 11].

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5 [Текст] / М. М. Бахтин. – М., 1996.
2. Бродский, И. Сочинения: в 7 тт. Т. 2 [Текст] / И. Бродский. – СПб., 2001.
3. Гинзбург, Л. Я. О лирике [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – Л., 1974.
4. Гумилев, Н. С. Письма о русской поэзии [Текст] / Н. С. Гумилев. – М., 1990.
5. Козлов, В. И. Архитектоника мира лирического произведения [Текст] / В. И. Козлов. – Saarbrücken, 2011.
6. Козлов, В. И. Использовать при прочтении: О жанровом анализе лирического произведения [Текст] // Вопросы литературы. – 2011. – № 1.
7. Михайлов, А. В. Языки культуры [Текст] / А. В. Михайлов. – М., 1997.
8. Савинков, С. В. Творческая логика Лермон-

това [Текст] / С. В. Савинков. – Воронеж, 2004.

9. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка [Текст] / Ю. Н. Тынянов. – Л., 1924.

10. Тюпа, В. И. Дискурс [Текст] / Жанр. – М., 2013. – Гл. 7.

11. Тюпа, В. И. Жанровый репертуар лирики Лермонтова 1840–1841 годов [Текст] // Мир Лермонтова. – СПб., 2015. – С. 115–131.

12. Впервые доклад был опубликован под заглавием «Нераспознанный жанровый инвариант в лирической поэзии Мандельштама» в журнале «Новый филологический вестник» №1(32), 2015.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin, M. M. Sobr. soch.: v 7 t. T. 5 [Tekst] / M. M. Bahtin. – M., 1996.
2. Brodskij, I. Sochinenija: v 7 tt. T. 2 [Tekst] / I. Brodskij. – SPb., 2001.
3. Ginzburg, L. Ja. O lirike [Tekst] / L. Ja. Ginzburg. – L., 1974.
4. Gumilev, N. S. Pis'ma o russkoj poezii [Tekst] / N. S. Gumilev. – M., 1990.
5. Kozlov, V. I. Arhitektonika mira liricheskogo proizvedenija [Tekst] / V. I. Kozlov. – Saarbrücken, 2011.
6. Kozlov, V. I. Ispol'zovat' pri prochtenii: O zhanrovom analize liricheskogo proizvedenija [Tekst] // Voprosy literatury. – 2011. – № 1.
7. Mihajlov, A. V. Jazyki kul'tury [Tekst] / A. V. Mihajlov. – M., 1997.
8. Savinkov, S. V. Tvorcheskaja logika Lermontova [Tekst] / S. V. Savinkov. – Voronezh, 2004.
9. Tynjanov, Ju. N. Problema stihotvornogo jazyka [Tekst] / Ju. N. Tynjanov. – L., 1924.
10. Tjupa, V. I. Diskurs [Tekst] / Zhanr. – M., 2013. – Gl. 7.
11. Tjupa, V. I. Zhanrovij repertuar liriki Lermontova 1840–1841 godov [Tekst] // Mir Lermontova. – SPb., 2015. – S. 115–131.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

А. В. Корчинский

Форма и опыт: принцип вариативности в «Восьмистишиях» О. Э. Мандельштама

В статье предлагается ключ к пониманию формальной и смысловой вариативности «Восьмистиший». Им оказывается понятие «опыта», составляющее семантическое ядро цикла и ряда поэтических и прозаических текстов поэта 1930-х гг. Мандельштамовский «опыт» включает в себя такие компоненты, как познание, жизненная практика, творчество и память культуры. Чтение и интерпретация также оказываются множественным и обратимым «опытом», подразумевающим различные траектории понимания. «Опыт» читателя и есть то, что придает единство произведениям Мандельштама, подобным «Восьмистишиям».

Ключевые слова: цикл, вариативность, опыт, интерпретация

A. V. Korchinsky

Form and experience: variation principle in “Octets” by O. E. Mandelshtam

The article offers a key to understanding formal and sense variation in Octets. It is the notion “experience” constituting the semantic core of the cycle and several poetic and prosaic texts written by the poet in 1930s. Mandelshtam’s “experience” involves such components as cognition, practice, creative work and cultural memory. Reading and interpretation also turn out to be multiple and reversible “experience” implying different trajectories of understanding. The reader’s “experience” is exactly what unites poems by Mandelshtam, such as Octets.

Key words: cycle, variation, experience, interpretation.

Как известно, статус «Восьмистиший» по сей день остается не вполне определенным в науке и эдиционной практике. Образуют ли эти стихи единое произведение или же – ряд близких друг другу текстов? По свидетельству Н. Я. Мандельштам, поэт считал «Восьмистишия» «неудавшимся большим стихотворением» [5, с. 187]. Согласно М. Л. Гаспарову, это «подготовительные наброски, по крайней мере, для двух больших стихотворений: одного амфибрахийем, другого – ямбом» [1, с. 47]. Фактор стихотворного размера редко учитывается при анализе «Восьмистиший», но он важен, так как указывает на гетерогенность текстов.

Возможно, эти тексты можно назвать циклом? Вдова поэта давала отрицательный ответ на этот вопрос, полагая, что они представляют собой «не цикл в буквальном смысле, а подборку» [5, с. 187].

Во-первых, по словам Надежды Яковлевны, последовательность текстов не была окончательно установлена автором. Во-вторых, очевидна разнородность текстов: одно стихотворение («Преодолев затверженность природы...»), по ее мнению, откололось от стихов на смерть Андрея Белого, то есть цикла «10 января 1934 года», другое (по всей видимости, «Шестого чувства крохотный придаток...») восходит к стихотворению «Ламарк» 1932

года. В соответствии с этими данными, «Восьмистишия» не авторский цикл. С другой стороны, если учесть условия составления так называемого «Ватиканского списка», на основе которого сегодня осуществляются публикации этих стихотворений, несмотря на обоснованные сомнения в окончательности композиции цикла, тексты были записаны и пронумерованы, по меньшей мере, в присутствии и под контролем автора. На этом основании трудно в полной мере счесть «Восьмистишия» несобраным циклом. Все-таки некоторое свертхтекстовое единство автором предполагалось: во-первых, Мандельштамом определена общая тема (о «познании»), во-вторых, очевидна формальная близость между текстами (число и тип строф в каждом тексте, частичная общность размера – с учетом замечания М. Л. Гаспарова).

Остается открытым вопрос о том, насколько авторским является название, указывающее на формальное единство цикла, и насколько оно вообще является названием (Н. Я. Мандельштам писала его как в кавычках с прописной буквы, так и без них – со строчной). Известно, что у Мандельштама тексты, состоящие из двух катренов, встречаются часто, но осмыслял ли он этот тип стихотворной структуры как особую форму, не вполне ясно. Возможно, в какой-то мере здесь

можно говорить о жанрообразующей тенденции, но вряд ли можно назвать этот процесс завершённым в творчестве поэта. И это также делает проблематичной связь между формальными характеристиками отдельных восьмистиший с какой-либо сверткостовой целостностью.

Сказанное позволяет говорить о том, что место «Восьмистиший», по всей видимости, не между циклом и большим стихотворением, а между авторским и несобранным циклом, одновременно – редакторским и исследовательским.

Обычно при обсуждении проблемы цикла вектор целостности отчасти объясняет поиск не только общей темы, но и внутреннего сюжета, который предпринимают исследователи. То есть ищутся не просто инварианты и лейтмотивы внутри цикла или единые характеристики лирического субъекта, но и какое-то развитие, движение, некая линейная нарративная последовательность. Но насколько она обязательна для мандельштамовских циклов? Это подводит нас к вопросу о принципе вариативности, свойственной поэтике Мандельштама в целом и текстам 1930-х гг. в частности. И. М. Семенко отмечала, что в это время поэт «вместо стилистической шлифовки занят безудержным варьированием образов... Отброшенные боковые ответвления переходят в другое стихотворение, становясь в нем главным стволем, вокруг которого, в свою очередь, вырастают новые ветви» [7, с. 36]. Будучи эксплицированы, эти вариации могут приводить к созданию циклов, а могут и оставаться имплицитными. И в этом отношении закономерно ожидать каких-то промежуточных форм.

Проблема соотношения традиционных циклов и «циклов», встречающихся в поэзии Мандельштама, по всей видимости, впервые была поставлена в работах Ю. И. Левина. Он пишет: «Стихи одного «порыва» образуют своеобразный «цикл», совершенно не похожий конструктивно на привычные циклы типа блоковских» [4, с. 104]. Однако и эти квазициклические конструкции Мандельштама больше напоминают классические циклы, нежели те ассоциативные связи, которые увязывают разные тексты в своеобразные «узлы» или «гнезда». Такие «гнезда» формируются по трем признакам: «общий ассоциативный фон (система мотивов), обусловленный восхождением стихотворений к общему черновику; существование «ритмической тяги» (в отличие от общего ритмического рисунка в традиционном цикле); особый характер лирического переживания» [2, с. 13]. Но здесь мы уже не видим таких факторов,

как лирический сюжет или композиционная последовательность текстов. А значит, можно предположить, что варианты могут существовать у Мандельштама и вне какой-то единой линии упорядочивания. То есть тот вектор циклизации, который приводит к появлению нестрогих циклов, противоположен тяготению лирического цикла к сюжетному развертыванию, близкому лирической поэме, на котором настаивают многие цикловеды (например, В. А. Сапогов)

Таким образом, можно сделать следующие предварительные выводы. Неклассические циклы вроде «Восьмистиший» связаны с вариативностью как более общим принципом поэтики и поэтому о критериях циклообразования нужно говорить в более широком контексте, ибо они могут оказаться имплицитными. Неявные единства такого рода находятся как бы «на полпути» между собственно лирическим циклом (авторским или редакторским), подразумевающим четко определенную композицию, и потенциальными несобранными циклами (исследовательскими циклами), которые образуют вариативные ряды, лишённые заданной последовательности и нуждающиеся в упорядочении со стороны читателя. И в этой ситуации логично предположить, что сама структура подобных текстовых множеств допускает различные подходы к выстраиванию их внутреннего порядка.

Дальнейшие соображения вызваны именно попыткой понять, есть ли в «Восьмистишиях» какая-то идея или принцип, который, с одной стороны, побуждает интерпретаторов к поиску единого внутреннего сюжета, а с другой стороны, делает этот сюжет неединственным. Предлагаемая ниже гипотеза состоит в том, что в основе такого единства может лежать мандельштамовский концепт «опыта», который он формулирует в начале 1930-х гг. и который является одним из основных мотивов «Восьмистиший».

Существует две основных версии той внутренней логики, которая обеспечивает направленную целостность «Восьмистиший». Это – концепции Н. Я. Мандельштам и М. Л. Гаспарова. По сути, каждая из них – вариант неавторского цикла (в одном случае – редакторского, во втором – исследовательского). Эти подходы различны по степени убедительности, но сама их сопоставимость подтверждает вероятностный характер того порядка, который может быть установлен в «Восьмистишиях». Очень важно, что оба интерпретатора не просто стремятся «завершить» авторскую интенцию Мандельштама, придав «циклу» недо-

стающую ему целостность, но и аргументировать логику движения внутри этого предполагаемого целого, во что бы то ни стало найти верную композиционную последовательность.

Согласно версии Надежды Яковлевны, «Восьмистишия» представляют собой стихи «о познании». Следовательно, лирический сюжет должен быть выстроен следующим образом. Все начинается с описания творческой лаборатории поэта (двойчатка «Люблю появление ткани» и «Когда, уничтожив набросок...»). Далее – от стихотворения «О, бабочка, о, мусульманка...» к тексту «И клена зубчатая лапа...» – идет приобщение к «соборному» сознанию. Это движение завершается стихотворением «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...». Потом следует «Скажи мне, чертежник пустыни...», предваряющее стихотворение о несовершенстве чувств («Шестого чувства крошечный придаток...») и о познающем субъекте («Преодолев затверженность природы...»). Завершается цикл двойчаткой о познании уже чисто умозрительных вещей (причин, вечности, бесконечности, малых величин).

С точки зрения М. Л. Гаспарова, смысл «Восьмистиший» заключается в том, что «художественное творчество поэта есть продолжение эволюционного творчества природы». Порядок чтения, предлагаемый им, «почти обратный» тому, который предложила Н. Я. Мандельштам.

Из одиннадцати стихотворений, в обоих случаях обрамленных двойчатками, центральная позиция принадлежит номеру шесть. В версии Надежды Яковлевны, на это место попадает «Шуберт», в версии Гаспарова – «Чертежник». При этом у Надежды Яковлевны «Чертежник» предшествует «Шуберту», а у Гаспарова – наоборот. Стихотворение об «Айя-Софии», отсылающее к одноименному раннему тексту Мандельштама и связанное в одном случае с мотивами познания («глаз» – инструмент познания) и общности («мы – Айя-София с бесчисленным множеством глаз»), а в другом случае – с мотивом творчества, – это стихотворение помещается Н. Я. Мандельштам и М. Л. Гаспаровым соответственно на пятое и седьмое место. Таким образом, возникает смысловое ядро «цикла», некий узел, в который увязываются все основные мотивы. Построение «цикла» как бы идет от центра.

Интересно, что стихотворение, являющееся центральным с точки зрения Надежды Яковлевны, написано ямбом, а гаспаровское – амфибрахией. То есть тексты, поставленные в центр композиции, «спорят» между собой за первенство и гла-

венство одного из двух метров, которыми написан цикл. Одно стихотворение намечает линию ямба, другое – амфибрахия. При этом у каждого из них есть свои «аргументы» в этом споре за господство: «Шуберт» – единственное стихотворение, написанное шестистопным ямбом, то есть оно сразу попадает в маркированную позицию; а «Чертежник» представляет наиболее продуктивную метрическую тенденцию в «цикле» (амфибрахией написано 8 текстов), и в этом смысле он тоже заслуженно занимает центральное положение.

Но главное, на центральное положение претендуют тексты, которые содержат тему «опыта». Смысл этого понятия в «цикле» оказывается множественным и вариативным: «опыт из лепета лепит» (жизненный опыт следует за поэтическим творчеством) и наоборот – «лепет из опыта пьет» (поэзия – источник экзистенциального знания). «Те, кому мы посвящаем опыт» – это и читатели, и люди, человечество в целом. «До опыта» читается в научном смысле как указание на «доопытное» знание или умозрение, противоположное эмпирическому познанию (очевидным образом в «цикле» категория «опыта» связана с научными темами, отсылающими к биологии, геометрии, физике, геологии, математике).

Как часто бывает у Мандельштама, для прояснения полисемии того или иного слова необходимо расширить контекст. Понятие «опыта» встречается в начале 1930-х гг. весьма часто в нескольких смыслах. Лучше всего обратиться к прозе этого времени. «Разговор о Данте» и «Путешествие в Армению» нередко привлекают для комментирования образности «Восьмистиший». Не нарушая традиции, обратимся к ним.

В «Разговоре о Данте» Мандельштам уподобляет «Божественную комедию», с одной стороны, опыту (научному эксперименту), с другой – музыкальному произведению. Рассмотрим следующий фрагмент:

«Я утверждаю, что все элементы современного экспериментирования имеются налицо в дантовском подходе к преданию. А именно: создание специальной нарочитой обстановки для опыта, пользование приборами, в точности которых нельзя усумниться, и проверка результата, апеллирующая к наглядности...»

Антиномичность дантовского «опыта» заключается в том, что он мечется между примером и экспериментом... Экспериментальная... наука, вынимая факты из связанной действительности, образует из них как бы семенной фонд – заповедный, неприкосновенный и составляющий как бы

собственность нерожденного и долженствующего времени. Позиция экспериментатора по отношению к фактологии, поскольку он стремится к смычке с нею в самой достоверности, по существу своему зыбуча, взволнованна и вывернута на сторону. Она напоминает уже упомянутую мной фигуру вальсирования, ибо после каждого полуоборота на отставленном носке пятки танцора хотя и смыкаются, но смыкаются каждый раз на новой паркетине и качественно различно. Кружащий нам головы мексиканский вальс экспериментирования был зачат в треченто, а может быть, и задолго до него, и был он зачат в процессе поэтического формообразования, в волновой процессуальности, в обратимости поэтической материи, самой точной из всех материй, самой пророческой и самой неукротимой» [6, с. 436–437].

Во-первых, то, как Данте относится к преданию, к традиции, к каноническим текстам (в том числе – библейским), напоминает работу естествоиспытателя: он подвергает вечные истины эмпирической проверке. Во-вторых, на основе эксперимента он осуществляет отбор фактов из связанной действительности и создает из них «как бы семенной фонд – заповедный, неприкосновенный и составляющий как бы собственность нерожденного и долженствующего времени». Здесь особо следует подчеркнуть мотив памяти: художник извлекает вещи из потока времени и сохраняет их в произведении для другого времени. Опыт поэта – это опыт работы с памятью культуры.

Эта познавательно-художественная работа подобна у Мандельштама не просто музыке, но вальсу, элементы которого варьируются в определенном порядке («пятки танцора хотя и смыкаются, но смыкаются каждый раз на новой паркетине и качественно различно»). Это перекликается с музыкальным началом в стихотворении «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме...»: кроме композиторов, там присутствует «Гете, свищущий на выходящей тропе» (поэт тоже определяется через музыку). В стихотворении нет мотива танца как такового, но музыка ассоциативно связана с движением, с телесным действием, которое в свою очередь тождественно процессу мышления («Гамлет, мысливший пугливыми шагами»).

Тот факт, что мандельштамовское понятие «опыта» предполагает пересмотр, переформатирование традиции, лишает развитие событий линейной направленности, создает возможность «перепроверки», повторения эксперимента. Поэзия в этом смысле – вариативное и обратимое «опытное пространство», деятельность в котором

противостоит энтропии, отсюда тезис об «обратимости поэтической материи».

В «Путешествии в Армению» к этому добавляется мотив личного жизненного опыта человека: «одревлены несомненностью личного опыта» [6, с. 320] перекликается с твердостью, вещественностью (как отмечал Гаспаров) опыта в «Чертежнике»: «он опыт из лепета лепит» (как из глины). Понятие «внутреннего опыта», возникающее в «Разговоре о Данте», свидетельствует о том, что под личным опытом подразумевается нечто большее, чем просто накопление жизненных впечатлений. Это связывает личный экзистенциальный опыт не только с «преданием» (памятью культуры), но и с опытом «эмбриологическим», встраивает человека, по Гаспарову, в контекст «эволюционного творчества природы». Кстати, именно сюда восходит образ «дуговой растяжки» из второго стихотворения «Восьмистиший».

Мотив творчества как опыта («профессиональный опыт») отсылает к ранним размышлениям Мандельштама из «Утра акмеизма» о ремесленном, мастеровом характере работы поэта.

Итак, смыслы мандельштамовского «опыта» можно суммировать следующим образом:

- экзистенциальный: «жизненный опыт» / «внутренний опыт»;
- научный: эмпирическое познание / научный эксперимент;
- эстетический: «профессиональный опыт», ремесло, творчество;
- память (накопление, повторение, припоминание, варьирование), индивидуальная, культурная, антропологическая (природная / природно-культурная).

В поэзии 1930-х гг. понятие «опыта» встречается не так часто, как в прозе, но то, что Мандельштам размышлял о нем параллельно и в поэтической и в прозаической форме, достаточно очевидно. Кроме «Восьмистиший», это слово в связи с «Разговором о Данте» возникает в тексте 1937 года «Я скажу это начерно, шепотом...». Здесь «лепет» из «Восьмистиший» предстает как «шепот». «Пот» и «опыт» разведены на том основании, что опыт, как уже говорилось, подразумевает обобщение от непосредственных жизненных переживаний. «Безотчетное небо» противопоставлено «временному небу чистилища», что читается как прямая отсылка к «Божественной комедии».

Но это место можно понять не только в биографическом смысле как ожидание отправки в лагерный ад (так читает Вяч. Вс. Иванов [3, с. 34]). Думается, такое понимание возможно, но

нетрудно заметить, что в таком случае мы имели бы дело с движением, обратным развертыванию дантовской поэмы: ведь она движется от Ада через Чистилище – к Раю (и у Мандельштама есть намек на такое движение).

Так или иначе, мандельштамовский текст не дает окончательного решения, а фиксирует ситуацию «черновика», чреватого разными возможностями, подразумевающего два основных свойства опыта – вариативность и обратимость. Можно предположить, что здесь у Мандельштама возникает еще один смысл «опыта» – «эссе» (проба, набросок). И возможно, «счастливое небохранилище» связано не с достижением Рая, а именно с самим движением (то ли к Аду, то ли к Раю): на это указывает «раздвижной и прижизненный дом» – палатка или скиния как переносной храм странствующих иудеев.

Возвращаясь к «Восьмистишиям» и помня о нескольких указанных аспектах «опыта», можно заключить, что в этом «цикле» принцип вариативности воплощен не только на семантическом, но и на формальном уровне: цикл, с одной стороны, провоцирует нас к реконструкции гипотетического лирического сюжета, а с другой стороны, предлагает разные траектории чтения. Последняя деталь, характеризующая эту принципиальную множественность маршрутов: дело в том, что М. Л. Гаспаров на самом деле предлагает не вполне линейное прочтение. После третьего, по его версии, стихотворения («Преодолев затверженность природы...») идет раздвоение темы. В одну сторону ведет мотив сопряженности природы и культуры («лепестка и купола») – к стихам «И клена зубчатая лапа...» и «О, бабочка, о, мусульманка...». В другую сторону – через стихотворения «Шестого чувства крошечный придачок...» к «Шуберту» и «Чертежнику». Обе линии сходятся в стихотворении «Когда, уничтожив набросок», после чего следует двойчатка про «появление ткани». Таким образом, строгое следование внутренней логике цикла приводит к множественности и нелинейности его интерпретации.

Библиографический список

1. Гаспаров, М. Л. «Восьмистишия» Мандельштама [Текст] // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.). – М., 2001.

2. Гутрина, Л. Д. Стихотворные «гнезда» в поэзии О. Э. Мандельштама 1930-х годов [Текст] :

Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. / Л. Д. Гутрина. – Екатеринбург, 2004.

3. Иванов, Вяч. Вс. Мандельштам и наше будущее [Текст] // Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3-х тт. Т. 2. – М., 2010.

4. Левин, Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика [Текст] / Ю. И. Левин. – М., 1998.

5. Мандельштам, Н. Я. Книга третья [Текст] / Н. Я. Мандельштам. – Париж : YMCA-PRESS, 1987.

6. Мандельштам, О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3-х тт. Т. 2. [Текст] / О. Э. Мандельштам. – М., 2010.

7. Семенко, И. М. Поэтика позднего Мандельштама: от черновых редакций – к окончательному тексту [Текст] / И. М. Семенко. – Рим, 1986.

Bibliograficheski spisok

1. Gasparov, M. L. «Vos'mistishija» Mandel'shtama [Tekst] // Smert' i bessmertie pojeta. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 60-letiju so dnja gibeli O. Je. Mandel'shtama (Moskva, 28-29 dekabnja 1998 g.). – M., 2001.

2. Gutrina, L. D. Stihotvornye «gnjzda» v poezii O. Je. Mandel'shtama 1930-h godov [Tekst] : Avtoreferat diss. na soiskanie uch. stepeni kand. filol. nauk. / L. D. Gutrina. – Ekaterinburg, 2004.

3. Ivanov, Vjach. Vs. Mandel'shtam i nashe budushhee [Tekst] // Mandel'shtam O. Je. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 3-h tt. T. 2. – M., 2010.

4. Levin, Ju. I. Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika [Tekst] / Ju. I. Levin. – M., 1998.

5. Mandel'shtam, N. Ja. Kniga tret'ja [Tekst] / N. Ja. Mandel'shtam. – Parizh : YMCA-PRESS, 1987.

6. Mandel'shtam, O. Je. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 3-h tt. T. 2. [Tekst] / O. Je. Mandel'shtam. – M., 2010.

7. Semenko, I. M. Pojetika pozdnego Mandel'shtama: ot chernovyh redakcij – k okonchatel'nomu tekstu [Tekst] / I. M. Semenko. – Rim, 1986.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Т. Д. Пронина

Ценностная архитектура «Грифельной оды» О. Э. Мандельштама в контексте традиции лирических жанров

В статье предложен анализ одного из конструктивных параметров лирического дискурса – ценностной архитектуры «Грифельной оды» О. Э. Мандельштама. Выявление перформативной стратегии лирического высказывания позволяет автору статьи проследить взаимодействие стихотворения с одической традицией и доказать, что в нем, тем не менее, реализуется иной жанровый инвариант.

Ключевые слова: лирика, жанр, ода, перформативность, стратегия.

T. D. Pronina

Value architectonics of Graphite Ode by O. E. Mandelshtam within the context of lyric genres tradition

The article analyses one of constructive lyric discourse parameters – value architectonics of Mandelshtam's Graphite Ode. The author reveals performative strategy in the lyric discourse which allows to show the relation of the poem to the ode tradition and proves that a different genre invariant is realized in it.

Key words: lyric, genre, ode, performative, strategy.

Существует мнение, что в романную эпоху разрушения канонической поэтики категория жанра в отношении лирики перестает быть релевантной, о чем свидетельствует, например, введение Л. Я. Гинзбург понятия «внежанрового лирического произведения» [5, с. 52]. Одно из направлений современной жанровой теории опирается на понимание жанра как особого типа «строить и завершать целое» [7, с. 173], обоснованное М. М. Бахтиным. В рамках этого направления некоторые ученые ориентируются на концепцию С. Н. Бройтмана, утверждавшего, что в эпоху художественной модальности жанр не «предзадан» автору, но становится «итогом творческого акта», феноменом, ««находимым» в процессе завершения произведения как целого» [3, с. 366]. Развивая мысль М. М. Бахтина, В. И. Тюпа выдвинул теорию перформативных стратегий лирического дискурса, опирающуюся на положение, что всякий речевой жанр (в том числе и литературный) «характеризуется свойственной ему коммуникативной стратегией, позиционирующей инстанции субъекта, объекта и адресата высказываний» [13, с. 112]. Такой дискурсивный анализ лирических текстов наиболее продуктивен в отношении выявления жанровой инвариантной модели. Прослеживая инварианты «жанровых зародышей» лирики и их трансформации, В. И. Тюпа выделяет три кон-

структивных параметра перформативных стратегий лирического дискурса. В данной статье будет проанализирован лишь один из них – ценностная архитектура лирического высказывания.

«Грифельная ода», как известно, стала объектом изучения для целого ряда филологов: И. М. Семенко [11], М. Л. Гаспарова [4, с. 153–193], Д. М. Сегала [9], Омри Ронена [1], Д. И. Черашней [14, с. 66–74], В. Б. Микушевича [8, с. 55–62], Г. И. Седых [10, с. 13–25], В. И. Терраса [12, с. 163–171] и других. При знакомстве с этими научными работами выяснилось, что авторы глубоких текстологических исследований (Семенко и Гаспаров) и анализов субъектной (Черашняя) и семантической (Сегал, Ронен и Седых) структур лирического высказывания не ставили перед собой задачу рассмотреть «Грифельную оду» в контексте жанровой традиции.

Заглавие «Грифельной оды», содержащее авторское жанровое обозначение, казалось бы, говорит само за себя. Тот факт, что стихотворение Мандельштама по замыслу своему должно было стать ответом на неоконченную «Оду на тленность» последнего русского одописца – Г. Р. Державина, говорит в пользу авторского жанрового определения и накладывает отпечаток на восприятие стихотворения исследователями. Так, Д. И. Черашняя восклицает в своей статье:

«Это ода – творчеству!» [14, с. 69]. Такое жанровое определение оправдывает отчасти «лирический беспорядок речи», характерный для оды и обусловленный экстатическим состоянием восторга, в котором пребывает лирический субъект, а установка на произнесение произведения вслух легитимирует множество образов, возникающих по принципу звукового соответствия.

Действительно, в «Грифельной оде» можно обнаружить присущую жанру оды вертикальную конфигурацию, в основе которой В. И. Тюпа усматривает древнейший архетип «мирового древа», предполагающий трехъярусное мироустройство. Это провоцирует определение ее ценностной архитектоники как вертикального откровения хвалы. К «верхнему миру» относятся такие образы, как «Звезда с звездой; На мягком сланце облаков / Молочный грифельный рисунок; крутые козьи горда; отвес; изумленная крутизна», тогда как к «среднему» – «кремнистый путь, сон в густой ночи под теплой шапкою овечьей; подошва гор на твердой почве и трижды повторенное «здесь» (Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг / [...] / Здесь созревает черновик).

Смещение точки зрения, движение взгляда субъекта лирического высказывания метко прослежено Д. М. Сегалом в его статье «О некоторых аспектах смысловой структуры „Грифельной оды“». Наблюдение исследователя подтверждает наличие двух соотнесенных миров: «верхнего» и «среднего». Однако нетрудно заметить, что в стихотворении не явлен свойственный одическому сознанию императивный характер соотносительности верха и низа. «Верх» в «Грифельной оде» нельзя назвать «вечным» одическим верхом, к которому стремится лирический субъект. Он, скорее, «мечется» в пространстве в неистовом поиске. То, что верх в данном лирическом высказывании не становится абсолютной ценностью, подтверждается введением в стихотворение инверсированного одического топоса. Строки «Как мусор с ледяных высот – / Изнанка образов зеленых – / Вода голодная течет, / Крутясь, играя, как звереныши» представляют собой нарочито сниженную отсылку к образу Кастальского ключа – этого источника вдохновения для многих одописцев. Если в жанровой традиции это источник творчества, вдохновения, он питает душу и воображение поэта, то здесь вода голодная течет, как мусор, она не только грязна и ничего не дает, она еще и готова отнять, поглотить лирического субъекта, как воды Леты. «Перевернутость» одического топоса удваивается за счет метафоры изнанка образов

зеленых: «зеленые берега отражаются в быстро текущей воде» [9, с. 290].

Образ воды, проходящий лейтмотивом через все стихотворение (*Кремень с водой, с подковой перстень, Здесь созревает черновик / Учеников воды проточной и снова в последнем стихе – Кремень с водой, с подковой перстень*), находится в синкретическом единстве с образом времени: *Им проповедует отвес, / Вода их учит, точит время*. Лирическим субъектом декларируется возвратное движение бытия: *Обратно в крепь родник журчит / Цепочкой, пеночкой и речью*, – характерное для перформативной стратегии покоя (идиллии). Об интенсивном взаимодействии в «Грифельной оде» категорий природы и культуры писали все, кто анализировал данное лирическое высказывание. В ранней лирике Мандельштама, в стихотворениях, перформативную стратегию которых можно определить как идиллическую, природа и культура находятся в неосинкретическом единстве. Именно такое, «нераздельно-неслиянное» их со-бытие – то условие, которое обеспечивает подлинно гармоничное состояние мирозданию. Такое видение идет в разрез с жанровой традицией «классической» идиллии, мир которой мог существовать только на лоне природы, а цивилизация (культура) служила разрушающим идиллию фактором.

Если оперировать введенными Ф. Шиллером категориями «наивной» и «сентиментальной» поэзии, то наивных образов в «Грифельной оде» мы не найдем: каждый природный образ, взятый в отдельности, уже «оброс» литературными связями, как бы прошел через толщу культуры. Так, кремень – это не только и не столько минерал, это – кремень из старой песни («Выхожу один я на дорогу» М. Ю. Лермонтова). Оттуда же и пресловутые звезда с звездой, возникающие в стихотворении Мандельштама не как таковые, а как могучий стык предшественника. Обратно в крепь журчащий родник цепочкой, пеночкой и речью отсылает сразу к нескольким прототекстам: к стихотворениям Г. Р. Державина «Пеночка», «Цепочка», написанных в идиллической стратегии покоя, к его же оде «Христос», а через нее – к 113 псалму из Ветхого завета.

Ключ к адекватному прочтению взаимодействия природы и культуры в рамках лирического высказывания Мандельштама лежит в строках: «Блажен, кто называл кремень / Учеником воды проточной. / Блажен, кто завязал ремень / Подошве гор на твердой почве». Полюсами, между которыми располагается потенциальное множе-

ство смыслов первой метафоры, являются предельно овеществленное, природное понимание образа кремня как минерала, обнаруживаемого в осадочных горных породах (кремней могучее слоенье), и предельно развоплощенное, культурное его понимание, отсылка к блестящему в стихотворении М. Ю. Лермонтова кремнистому пути. Проточная вода в стихотворении, символ быстротекущего времени, отсылает к державинской реке времен. С одной стороны, кремень как минерал обтачивается водой и временем (*Вода их учит, точит время*), учится у воды, приобретает форму, утрачивает в то же время отдельные частицы. С другой, кремнистый путь из старой песни учится у державинской реки времен, которая *«топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей»*. Иными словами, и природный, и культурный образ в этой метафоре проходит испытание временем, приобретая благодаря этому свои подлинные очертания.

Вторая метафора восходит к Священному Писанию, благодаря чему вновь встречаются два плана – культурный и природный. Тот, кто не завязал ремень и даже не «развязал» однажды, – это Иоанн Предтеча из Евангелия от Марка (1,7): «И проповедовал, говоря: идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его». Вторая часть метафоры не только переносит реминисценцию в природный план (*подошве гор на твердой почве*), но и, по мнению М. Л. Гаспарова, вновь возвращает в план культурный: «Поэт, завязывающий ремень горной подошвы на верной почве, тем самым объявляет себя предтечей будущей поэзии, вырастающей не из людских традиций, а из горных пород. А его собственным прообразом остается тончиевский Державин, барски развалившийся у подошвы каменной горы» [4, с. 161, 174].

Установленная связь с известным портретом кажется весьма убедительной, но интерпретация исследователя, отталкивающаяся от того, что лирический субъект «Грифельной оды» «объявляет себя предтечей будущей поэзии», не выдерживает критики. Анафора «блажен» относится не к самому лирическому субъекту, а к третьему лицу. Блажен тот, чье творчество учится у природы, питается ею, становится ее продолжением. Самонадеянность такого рода была чужда лирическому субъекту поэзии Мандельштама, лирическое «я» которого в одном из стихотворений «Камня» испытывало страх, тоску щемящую перед самым моментом вдохновения, но никак не ощущение собственной значимости: *«Что, если вздрогнув не-*

правильно, / Мерцающая всегда, / Своего булавою заржавленной / Достанет меня звезда?».

Две метафоры, «спаянные» в параллелизм, содержат явную отсылку к Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом; ибо их есть Царствие Небесное. / Блаженны плачущие; ибо они утешатся» (Мф 5, 3–4). Отсылка подкрепляется стихом из третьей строфы: Им проповедует отвес. Возвращаясь к гипотезе о следовании «Грифельной оды» одической жанровой традиции, можно было бы сказать, что двукратным «блажен» лирический субъект утверждает некие позитивные ценности восхваляемого объекта. Однако в стихотворении Мандельштама вертикаль не становится ценностным вектором, что, вкупе с отсылкой к Евангелию, не позволяет определить перформативную стратегию лирического высказывания как стратегию хвалы. В Нагорной проповеди, к которой столь явно отсылает читателя Мандельштам, речь не идет об утверждении вечных ценностей. В ней, по выражению автора руководства к изучению Священного Писания Нового Завета, «говорится преимущественно о внутренней настроенности человеческой души и излагаются не требования в категорической форме, а лишь условия, при соблюдении которых достижимо для человека вечное блаженство» [2, с. 122]. Что касается «Грифельной оды», речь следует вести не о «малом времени» идиллии с ее вечным круговоротом, а об открытости ценностной архитектоники будущему, ее обращенности к нему, ее проективности, характерной для контрэлегической стратегии. Двойная метафора становится своеобразным темпоральным порогом, открывающим измерение будущего, подготавливаемое в действительности образами *молочного грифельного рисунка, бреда овечьих полусонок, свинцовой палочки молочной, воздуха прозрачного леса, нарывающего плода, зреющего винограда, паука, грифельных визгов, горящего мела, черновика воды проточной* – словом, всех образов, несущих семантику ожидания, надежды, потенциального воплощения и метаморфозы.

«Грифельная ода» – точное и выразительное описание творческого процесса, рождения произведения из самых недр природы, культуры и человеческого сознания, но это произведение только должно состояться, хотя оно рождается для читателя уже по мере чтения готового лирического текста. Оно представляет собой не что иное, как «перформатив волеизъявления: ”да будет так!”» [13, с. 141]. Само «воление» лирического субъекта амбивалентно по своей сути: *«И я хочу вложить персты / В кремнистый путь из старой песни, /*

Как в язву, заключая в стык – / Кремень с водой, с подковой перстень». Лирический субъект хочет, подобно Фоме Неверующему, убедиться в подлинности *кремнистого пути*, в его жизненности, в том, что он все еще продолжает свое существование уже в новом качестве – не как природный объект, а как часть культуры.

Перекодировка христианских символов как этических максим и перевод их в эстетическую плоскость, за которой для Мандельштама стоят собственные этические установки, создает особую временную перспективу: Фома вложил перст в ребра Христа воскресшего – настоящего и грядущего, – лирический субъект «Грифельной оды» хочет вложить персты в реальность, уже воплощенную в лирическом высказывании, которое ценностно приравнивается к телу Христову. Иными словами, лирический субъект хочет не просто прикоснуться к прошлому, но войти в него и сделать его длящимся – продолжить традицию, *заключив в стык* и природные образы – *камень с водой*, и культурные – *с подковой перстень*. Объединив в своем акте воления природу и культуру в неразрывное целое, лирический герой манифестирует тем самым особую творческую программу, согласно которой художественная реальность, им творимая, вберет в себя все мироздание таким, какое оно есть, – противоречивым, амбивалентным, *нежным* и *гневым*, и сохранит его для вечности.

Слова самого Мандельштама в «Разговоре о Данте» в равной степени применимы к «Божественной комедии» и к «Грифельной оде»: «Стихи ... сформированы и расцвечены именно геологически. Их материальная структура бесконечно важнее пресловутой скульптурности. Представьте себе монумент из гранита или мрамора, который в своей символической тенденции направлен не на изображение коня или всадника, но на раскрытие внутренней структуры самого же мрамора или гранита. Другими словами, вообразите памятник из гранита, воздвигнутый в честь гранита и якобы для раскрытия его идеи» [6, с. 223].

Так и «Грифельная ода» – поэтический «памятник», написанный в честь поэзии и для раскрытия ее предназначения. И в этом смысле лирическое высказывание встраивается в целую литературную традицию поэтических памятников, идущую от переводов оды Горация к Мельпомене Ломоносова и Державина через поэтическое осмысление темы бессмертия Пушкиным к трансформации этой традиции у Мандельштама и Бродского.

Для лирического субъекта «Грифельной оды» принципиально значимо возвратное движение бытия, возвращение к истокам и даже уничтожение во имя созидания. Но это не заклинание бытия вернуться назад и не жажда вечного повторения, это желание вернуться к традиции, войти в нее для обретения импульса дальнейшего движения, творческого порыва. Поэтому лирический субъект позиционирует себя как ученик. Его ученичество особо рода, это не следование заветам Святого писания, а его поэтическое переосмысление, инверсия. Все оппозиции в стихотворении, созданные лексическими и контекстуальными антонимами, уравниваются и становятся синкретически связанными фигурой лирического субъекта.

Ни заявленная в заглавии принадлежность к одической традиции с ее вертикальной ценностной архитектурой, ни характерная для поэтического мышления Мандельштама идиллическая идея о том, что только воплощенная в слове, вошедшая внутрь поэтической реальности, действительность обретает подлинное бытие, не могут претендовать на статус жанровой стратегии данного текста. Осознание собственного предназначения, выливающегося в форму воления это предназначение выполнить, – вот та магистральная линия, которая обеспечивает данному лирическому высказыванию целостность и завершенность.

Библиографический список

1. Архиепископ Аверкий (Таушев). Четвероевангелие. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета [Текст] / Архиепископ Аверкий (Таушев). – М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2010. – 841 с.
2. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика [Текст]: учебное пособие / С. Н. Бройтман. – М., 2001. – 420 с.
3. Гаспаров, М. Л. «Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла [Текст] // *Philologica*, 1995, т. 2, № ¾. – С. 153–193.
4. Гинзбург, Л. Я. О лирике [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – М.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1974. – 484 с.
5. Мандельштам, О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза [Текст] / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Коммент. П. Нерлера. – М.: Худож. лит., 1990. – 464 с.
6. Медведев, П. Н. Формальный метод в литературоведении [Текст] // Бахтин М. (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении

нии. Марксизм и философия языка. Статьи. – М., 2000. – 640 с.

7. Микушевич, В. Б. Двойная душа поэта в «Грифельной оде» Мандельштама [Текст] // Сохрани мою речь № 3/1. – М., 2000. – С. 55–62.

8. Сегал, Д. М. О некоторых аспектах смысловой структуры «Грифельной оды» [Текст] // Литература как охранная грамота. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 976 с.

9. Седых, Г. И. Опыт семантического анализа «Грифельной оды» О. Мандельштама [Текст] // Научные доклады высшей школы, Филологические науки, № 2, 1978. – С. 13–25.

10. Семенко, И. М. Поэтика позднего Мандельштама. От черновых редакций – к окончательному тексту [Текст] / Предисловие Л. Гинзбург. Составление С. Василенко и П. Нерлера. – М.: Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. – 144 с.

11. Террас, В. «Грифельная ода» О. Мандельштама [Текст] // Новый журнал, кн. 92, 1968. – С. 163–171.

12. Тюпа, В. И. Дискурс [Текст] / Жанр. – М., 2013. – 211 с.

13. Черашняя, Д. И. О двух «Грифельных одах» в русской поэзии. Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики: Межвузовский сборник научных трудов [Текст] / Д. И. Черашняя. – Кемерово, 1998. – 192 с.

14. Ronen, O. An Approach to Mandel'shtam, «Bibliotheca Slavica Hierosolymitana» [Текст]. – Jerusalem: The Magnes Press of the Hebrew University, 1983, xxiv + 396 pp.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arhiepiskop Averkij (Taushev). Chetvero-evangelie. Apostol. Rukovodstvo k izucheniju Svjashhennogo Pisaniya Novogo Zaveta [Текст] / Arhiepiskop Averkij (Taushev). – М.: Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij Gumanitarnyj Universitet, 2010. – 841 s.

2. Brojtman, S. N. Istoricheskaja pojetika [Текст]: uchebnoe posobie / S. N. Brojtman. – М., 2001. – 420 с.

3. Gasparov, M. L. «Grifel'naja oda» Mandel'shtama: istorija teksta i istorija smysla [Текст] // Philologica, 1995, t. 2, № ¾. – С. 153–193.

4. Ginzburg, L. Ja. O lirike [Текст] / L. Ja. Ginzburg. – М.: Sovetskij pisatel' (Leningradskoe otdelenie), 1974. – 484 s.

5. Mandel'shtam, O. Je. Sochinenija. V 2-h t. T. 2. Proza [Текст] / Sost. i podgot. teksta

S. Averinceva i P. Nerlera; Komment. P. Nerlera. – М.: Hudozh. lit., 1990. – 464 s.

6. Medvedev, P. N. Formal'nyj metod v literaturovedenii [Текст] // Bahtin M. (Pod maskoj). Frejdzizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofija jazyka. Stat'i. – М., 2000. – 640 с.

7. Mikushevich, V. B. Dvojnaja dusha pojeta v «Grifel'noj ode» Mandel'shtama [Текст] // Sohrani moju rech' № 3/1. – М., 2000. – С. 55–62.

8. Segal, D. M. O nekotoryh aspektah smyslovoj struktury «Grifel'noj ody» [Текст] // Literatura kak ohrannaja gramota. – М.: Vodolej Publishers, 2006. – 976 s.

9. Sedyh, G. I. Opyt semanticheskogo analiza «Grifel'noj ody» O. Mandel'shtama [Текст] // Nauchnye doklady vysshej shkoly, Filologicheskie nauki, № 2, 1978. – С. 13–25.

10. Semenko, I. M. Pojetika pozdnego Mandel'shtama. Ot chernovyh redakcij – k okonchatel'nomu tekstu [Текст] / Predislovie L. Ginzburg. Sostavlenie S. Vasilenko i P. Nerlera. – М.: Vash Vyor CIRZ, 1997. – 144 s.

11. Terras, V. «Grifel'naja oda» O. Mandel'shtama [Текст] // Novyj zhurnal, kn. 92, 1968. – С. 163–171.

12. Tjupa, V. I. Diskurs [Текст] / Zhanr. – М., 2013. – 211 с.

13. Cherashnjaja, D. I. O dvuh «Grifel'nyh odah» v russkoj poezii. Literaturnoe proizvedenie i literaturnyj process v aspekte istoricheskoy pojetiki: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Текст] / D. I. Cherashnjaja. – Кемерово, 1998. – 192 с.

14. Ronen, O. An Approach to Mandel'shtam, «Bibliotheca Slavica Hierosolymitana» [Текст]. – Jerusalem: The Magnes Press of the Hebrew University, 1983, xxiv + 396 pp.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Е. В. Кузнецова

Образ черепа в цикле О. Э. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» и материальные артефакты эпохи

«Стихи о неизвестном солдате» – одно из сложнейших поздних произведений О. Э. Мандельштама. Его взаимосвязи со многими ключевыми литературными текстами и реалиями эпохи достаточно хорошо исследованы. Тем не менее, в отрывке о черепе, который представляет собой кульминацию всего цикла, еще много неясного. В статье предлагается анализ культурных артефактов современности, которые могли обусловить возникновение образов данного отрывка. Выявление подобных исторических реалий позволяет глубже понять авторскую идею и значение всего цикла.

Ключевые слова: образ черепа, материальная культура, историческая эпоха, символ смерти и рождения.

E. V. Kuznetsova

The image of skull in O. E. Mandelstam's cycle Poems of the Unknown Soldier and material artefacts of the epoch

Poems of the Unknown Soldier is one of the most complicated late works by O. Mandelstam. Its interconnections with many key literary texts and realia of the epoch are investigated well enough. Nevertheless, the passage about the skull which is the climax of the whole cycle isn't quite clear. The article presents the analysis of the contemporary artefacts which might have caused the images in this passage to appear. Showing such historical realia allows to understand the author's message and the meaning of the whole cycle better.

Key words: image of skull, material culture, historical epoch, symbol of death and birth.

«Стихи о неизвестном солдате» представляют собой, по словам жены поэта Н. Я. Мандельштам, «поэтический цикл» [8, с. 420], созданный поэтом незадолго до гибели. Все произведение проникнуто пафосом жестокости бессмысленной войны, в которой человек становится обезличенным пушечным мясом.

Многие исследователи творчества О. Э. Мандельштама, например, М. Л. Гаспаров, отмечали, что его поэтику отличает **смещение высоких образов культуры и литературных аллюзий с образами и реалиями бытовой повседневности и своего исторического времени** [2, с. 327], «исторические и культурные образы в его поэзии всегда находятся в непосредственной близости к современным явлениям и предметам» [1, с. 325].

Мы хотели бы дать интерпретацию пятой части этого цикла, исходя из соотнесения ее образов с реалиями современной Мандельштаму исторической действительности. Помимо культурно-литературных аллюзий и ассоциаций, о которых уже писали многие исследователи «Стихов о неизвестном солдате»: М. Л. Гаспаров, Б. М. Гаспаров, И. М. Семенко, Ю. И. Левин, Вяч. Вс. Иванов, О. Ронен, Л. Ф. Кацис, А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, О. А. Лекманов и другие, – мы

хотели бы, прежде всего, обратить внимание на не упоминавшиеся ранее предметные исторические артефакты, которые окружали поэта при жизни.

Как писал сам поэт в статье «Слово и культура», «...стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение» [9, с. 226]. Основным смысловым и композиционным образом, на котором построен интересующий нас отрывок, является **образ черепа**, вокруг которого образуется обширное ассоциативное поле.

Обращение Мандельштама к этому образу вполне закономерно, так как это является результатом ассоциативного развития главной темы цикла: война – убийство – смерть – череп. Но помимо логической связи можно назвать еще один яркий визуальный образ, который связывает темы войны и черепа – это картина В. В. Верещагина «Апофеоз войны», на которую указывал Ю. И. Левин в своей статье, посвященной анализу «Стихов о неизвестном солдате» [6, с. 201]. Мы бы хотели добавить, что одним из указаний на актуальность данного полотна для образов позднего Мандельштама является тот факт, что фамилия художника в зашифрованном виде появляется

в связи с черепом в другом стихотворении из «Третьей тетради» воронежских стихов. Это стихотворение «Чтоб, приятель и ветра и капель...», где есть такие строки:

*Размотавший на два завещанья
Слабовольных имуществ клубок
И в прощаньи отдав, в верещаньи,
Мир, который как череп глубок...*

[9, с. 261]

Слово «верещанье» в данном четверостишии, возможно, является фонетическим обыгрыванием фамилии художника Верещагин. О связи отрывка о черепе и данного текста может свидетельствовать тот факт, что они были написаны приблизительно в одно и то же время и оба обращаются к образу «черепа».

Первые строки отрывка о черепе из «Стихов о неизвестном солдате» («Для того ль должен череп развиться // Во весь лоб от виска до виска» [9, с. 247]) повествуют нам о «развитии» черепа, и можно предположить, как уже отмечалось ранее М. Л. Гаспаровым, что речь идет об антропологическом развитии черепа обезьяны в человеческий череп [3, с. 36–37]. Поэт интересовался теорией эволюции, что нашло отражение в ряде его произведений, например, стихотворении «Ламарк». Отметим, что с начала 1900-х гг. в России было выпущено множество работ, рассматривающих происхождение человека с иллюстрациями роста объемов черепа от обезьяны к человеку разумному, с которыми мог быть знаком Мандельштам. Приведем лишь некоторые монографии: «Строение человека с сравнительно-анатомической точки зрения» Р. Видерсгейма, 1900 г.; «Дарвинизм» А. Р. Уоллеса, 1911 г.; «Человек, его происхождение и эволюционное развитие» В. Лехе, 1913 г.

Следующие две строки стихотворения – «Чтоб в его дорогие глазницы // Не могли не вливаться войска» – сообщают о войсках, вливающих в глазницы. М. Л. Гаспаров связывает образы этой строки с иллюстрацией «Умиравший солдат» (репродукция О. Дикса), появившейся в Большой советской энциклопедии в 1934 г.: «Умиравший солдат – в окопе, с огромной глазницей, смутно состоящей из множества лиц...» [3, с. 21]. Но совершенно неясно, видел ли когда-нибудь поэт эту иллюстрацию. Эпитет «дорогие», помимо переносного значения «любимые», может иметь и прямое – указывать на драгоценные камни, вставленные в глазницы черепа. На возникновение этого образа могли повлиять настоящие перстни в форме черепа, со вставленными в глаз-

ницы сапфирами и топазами. Такие перстни, чаще всего серебряные, носились и до XX в. и упоминаются даже у А. С. Пушкина в повести «Барышня-крестьянка» при описании Алексея Берестова: «Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Он первым перед ними явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы» [10, с. 90]. Но особенно распространенными такие мужские перстни с «мертвой головой» стали в Первую мировую и Гражданскую войну, так как были наградами перстнями сначала для царских, а потом для белогвардейских офицеров, о чем свидетельствуют находки на местах сражений, а также фотографии офицеров 1910-х гг. [4, с. 60–62]. Несомненно, Мандельштам видел подобные кольца-черепа, так как они были очень распространены, объявления об их продаже даже публиковались в газетах. Таким образом, «дорогие глазницы» и войска метонимически связываются друг с другом.

Войска с образом черепа связаны также тем, что череп был символом многочисленных белогвардейских подразделений, например: Корниловский ударный полк, Донские казаки-гундоровцы, Железная бригада Чехословацкого Корпуса, Сибирская штурмовая бригада и другие. Череп изображался на знаменах, форме, амуниции и транспорте этих подразделений, что нашло отражение во многих текстах той эпохи, например, в стихотворении Н. Н. Асеева «Марш Буденного» (1923 г.) или поэме И. Л. Сельвинского «Улялевщина» (1924 г.). Знак черепа на белогвардейских знаменах служил не только для устрашения врага. Он был символом и трагической обреченности, и своеобразного возрождения. Череп означал готовность сражаться за Родину до последней капли крови, а в случае гибели обрести жизнь вечную. Данная вера была связана с легендой об Адаме, воскресшем из собственного черепа, после того, как на него капнула кровь распятого Христа.

Косвенным свидетельством важности белогвардейского подтекста для всего отрывка о черепе является тот факт, что Мандельштам в 1934–1935 гг. находился под большим впечатлением от кинокартины братьев Васильевых «Чапаев» и написал даже небольшой цикл стихотворений, посвященный этому фильму, от которого до нас дошли два стихотворения: «День стоял о пяти головах...» и «От сырой простыни говорящая...». В знаменитой сцене «психологической» атаки бе-

логвардейцев отряд каппелевцев наступает под черным знаменем с изображением черепа, что очень четко видно при просмотре картины. Данная сцена так поразила поэта, что он посвятил ей следующие строки:

*Начихав на кривые убыточки,
С папирской смертельной в зубах,
Офицеры последней вытачки –
На равнины зияющий пах. <...>*

*Измеряй меня, край, перекраивай –
Чуден жар прикрепленной земли!
Захлебнулась винтовка Чапаева –
Помоги, развяжи, раздели!..*
[9, с. 216]

Мы уделили столь пристальное внимание артефактам именно гражданской войны, так как в исследовательских работах по этому циклу Мандельштама преобладает мнение, что он изображает ужасы Первой мировой войны, в частности первые бои с использованием газовых атак. Безусловно, в первых частях цикла можно обнаружить много указаний на Первую мировую войну, но отрывок о черепе, на наш взгляд, посвящен скорее войне Гражданской, которая на территории России последовала сразу за Первой мировой. А в 1936 г., когда начал складываться цикл, разразилась война в Испании, широко освещаемая в СССР. В самом воздухе витало предчувствие новой большой войны. Таким образом, Гражданская война, свидетелем которой был поэт, вписывается им в череду исторических военных компаний, например, походов Наполеона, намеки на которые содержатся в других частях цикла.

Обратимся к анализу следующих строк отрывка о черепе:

*Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится...*
[9, с. 247]

Мандельштам использует эпитет «понимающий», указывающий на умственные, интеллектуальные способности, связанные с черепом, как вместилищем думающего мозга. Помимо этой очевидной интерпретации, образ «понимающего купола» может быть ассоциативно связан с **френологией** – учением об определении интеллектуальных способностей, особенностей характера и психики человека по форме и размеру головы, а так же по выпуклостям его черепа. Согласно этому учению высокий лоб свидетельствовал о высоких мыслительных способностях. Вот как

это описано в популярном пособии по френологии, впервые изданном в России в 1864 г.: «Духовный темперамент выражается слабым телосложением, череп, в области расположения в нем большого мозга, отличается величиной, и лоб, конечно, высокий и широкий» [5, с. 5]. Френологическая теория, а также исследование черепов великих людей благодаря трудам Франца Галля были чрезвычайно популярны на протяжении XIX – начала XX вв., что нашло множество отражений в искусстве и литературе. Например, была известна пародийная комедийная оперетта Козьмы Пруткова «Черепослов, сиречь френолог» или стихотворение С. Кржижановского «Череп Канта». Помимо текстов, визуальными предметными реалиями, вызвавшими образ «понимающего купола», могут быть иллюстрации из френологических атласов и сам настоящий человеческий череп, который использовался френологами в их работе. Подобные артефакты поэт мог неоднократно видеть и в России, и во время своих зарубежных поездок по Европе.

Переходя к строке «Мыслью пениться, сам себе сниться», следует отметить, что она также может иметь предметные аллюзии. В Германии в XIX в. и позднее довольно часто, судя по сохранившимся антикварным экземплярам, изготавливались пивные кружки в форме черепа, что является прямой материализацией литературного и фольклорного образа «чаши из черепа». К XVII в. в Германии сложился устойчивый миф, что предки немцев пили пиво из настоящих человеческих черепов. Отчасти это связано с созвучием немецких слов *schale* – «чаша» и *schadel* – «череп», отчасти с наличием таких сюжетов в скандинавском фольклоре, родственном германскому. Особенно популярны подобные пивные кружки были среди студентов немецких университетов, которые были, наверное, самыми частыми посетителями немецких пивных. Сохранились антикварные пивные кружки в форме черепа, стоящего на книге. По форзацу книги шла надпись на латыни, представляющая собой первые строки студенческого гимна: «*Gaudeamus igitur, jūvenes dum sumus*». Мандельштам мог видеть подобные сосуды, когда сам учился в Гейдельберге, потому что такие кружки продолжали использоваться и в начале XX в.

Строка: «*Чаша чаш и отчизна отчизне*» является кульминацией всего отрывка и самой многозначной строкой всего стихотворения. Удвоенное употребление лексемы «чаша» вызывает представление о некой самой главной чаше, первочаше. А такой чашей в европейской культуре явля-

ется Святая чаша, чаша Грааля, в которую была собрана согласно легенде кровь распятого Христа. Тогда череп, с которого начинается весь отрывок, становится не просто безымянным черепом неизвестного солдата, а еще и черепом Адама, не просто человека, а первочеловека, прародителя всех людей на земле.

Исследователь западноевропейской живописи Джеймс Холл отмечает, что череп, залитый кровью Христа, на картинах и фресках на религиозные темы изображался очень часто и «это символическое смывание Адамова греха является особенно характерным мотивом искусства Контрреформации. При этом череп мог изображаться перевернутым, превратившись в своего рода чашу, в которую собирается кровь Христа» [12, с. 543].

Вторая часть разбираемой строки стихотворения Мандельштама – «*отчизна отчизне*» – возможно, имеет в своей основе языковую игру, что было одним из излюбленных приемов поэта. Она связывается с образом чаши через латинский язык, так как в нем есть однокоренные слова «*patria*» – «родина, отчизна» и «*patena*» – «чаша». Поэт как бы переводит в уме первую часть строки «чаша чаш» на латинский язык, а потом обратно на русский, и получается «отчизна отчизне». Можно добавить, что Мандельштам обыгрывает еще известное латинское изречение «*Pater patria*» – отец отечества, так как образ отца возникает в заключительной строке всего стихотворения.

А в статье «Заметки о поэзии» Мандельштам обосновывает именно игру однокоренными словами как животворящий принцип поэтической речи вообще: «Поэтическую речь живит блуждающий, многосмысленный корень» [9, с. 261].

Обратимся теперь к заключительному двустихию всего отрывка:

*Звездным рубчиком шитый чепец –
Чепчик счастья – Шекспира отец...*
[9, с. 247]

О значении указания на Шекспира, как на связь со всей мировой культурой, уже неоднократно писалось в предшествующих работах, посвященных данному циклу, например в статье И. М. Семенко «Творческая история „Стихов о неизвестном солдате“» [11, с. 480]. Намного интереснее проследить возникновение в этих строках образа «чепчика». Сначала череп увязывается с чепчиком через визуальную метафору: череп «шит» из отдельных крупных костей зубчатыми швами, напоминающими острые лучи звезды (отсюда эпитет «звездный») и портновские швы одновременно. И

он действительно похож этим на сшитый из кусков материи чепчик. Но череп и чепчик соотносятся еще и через перенос по смежности – «чепчик счастья» – это то, что остается на *голове* новорожденного после родов, потому что «чепчик счастья», как доказали А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский в своей статье, «это явная – с сохранением падежных отношений! – калька немецкого *Gluckshaube* (*das Glück* «счастье»+ *die Haube* «чепчик»), обозначающего те фрагменты околоплодной оболочки, которые могут остаться на голове, лице и верхней части туловища новорожденного и, согласно многочисленным поверьям, приносят счастье своему обладателю...» [7, с. 74]. Хорошо знавший немецкий язык поэт в данном случае применяет и языковую игру и использует для создания образа реальную бытовую деталь, редко встречающуюся особенность появления на свет новорожденного.

Заключительные строки отрывка о черепе, таким образом, превращаются в своеобразный гимн новой жизни: «Традиционный знак смерти становится у Мандельштама еще и прямым символом рождения» [7, с. 71]. Смерть, дающая новую жизнь, – один из древнейших мотивов мировой культуры, известный еще в фольклоре и не теряющей силы своего художественного воздействия.

В проанализированном нами отрывке амбивалентный образ черепа создается за счет культурных аллюзий и языковых метафор. Поэтическая мысль Мандельштама движется от ассоциаций со смертью, гибелью, концом времен, связанных с первичной символикой черепа, к ассоциациям с жизнью, связанным с превращением черепа в чашу, в нечто бытовое, связанное с повседневной жизнью. Реалии недавней и Всемирной истории, артефакты материальной культуры и обыденной жизни создают широкое семантическое поле, в котором череп – это и знак гибели, и символ презрения к смерти, доказательство разума человека и свидетельство его неразумной и губительной жестокости, альфа и омега, начало и конец. Мы видим, как Мандельштам вступает в диалог со своими предшественниками, продолжая антивоенный пафос других произведений культуры, таких как, например, картина В. В. Верещагина «Апофеоз войны».

Все вместе это создает символику черепа в данном отрывке. Помимо зловещей эмблемы смерти, знака Апокалипсиса, конца времен, в который вливаются войска, чтобы уже никогда не вернуться обратно, череп становится у поэта также символом развития, надежды, рождения,

счастья и новой жизни. Представляется возможным расширить этот смысл и на весь цикл. На такой конечный итог авторской мысли указывает и М. Л. Гаспаров: «...страшная картина окопного светопреставления не безысходна – как не безысходен Апокалипсис с его сияющим новым Иерусалимом» [3, с. 13].

Библиографический список

1. Ботникова, А. Б. «Поэзия распахнутого кругозора» [Текст] // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж, 1990.
2. Гаспаров, М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама [Текст] // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. – М., 1995.
3. Гаспаров, М. Л. О. Мандельштам: гражданская лирика 1937 года [Текст] / М. Л. Гаспаров. – М., 1996.
4. Квятковский, В. Снова о перстне с черепом [Текст] // Древности и старина. – М., № 1(10), 2007, № 1 (10).
5. Кузьмин, Г. П., Ржаницына, И. П. Популярное самое подробное и наглядное руководство. Френология, физиогномика, хиромантия, хирогномия, графология [Текст] / Г. П. Кузьмин, И. П. Ржаницына. – М., 1990.
6. Левин, Ю. И. Заметки о поэзии Мандельштама тридцатых годов, II («Стихи о неизвестном солдате») [Текст] // Slavica Hierosolymitana. – Т. IV. – 1979.
7. Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. Чепчик счастья: к интерпретации одного образа в «Стихах о неизвестном солдате Осипа Мандельштама» [Текст] // Вопросы языкознания. – М., 2011, № 4.
8. Мандельштам, Н. Я. Третья книга [Текст] / Н. Я. Мандельштам. – М., 2006.
9. Мандельштам, О. Э. Заметки о поэзии [Текст] // Собрание сочинений в 4-х томах, Т. 1, 2. – М., 1991.
10. Пушкин, А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5 [Текст] / А. С. Пушкин. – М., 2012.
11. Семенко, И. М. Творческая история «Стихов о неизвестном солдате» [Текст] // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж, 1990.
12. Холл, Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве [Текст] / Дж. Холл. – М., 1999.

Bibliograficheskiy spisok

1. Botnikova, A. B. «Pojezija raspahnutogo kru-gozora» [Tekst] // Zhizn' i tvorchestvo O. Je. Mandel'shtama. Vospominanija. Materialy k biografii. «Novye stihy». Kommentarii. Issledovanija. – Voronezh, 1990.
2. Gasparov, M. L. Pojet i kul'tura. Tri pojetiki Osipa Mandel'shtama [Tekst] // Gasparov M. L. Izbrannye stat'i. – M., 1995.
3. Gasparov, M. L. O. Mandel'shtam: grazhdanskaja lirika 1937 goda [Tekst] / M. L. Gasparov. – M., 1996.
4. Kvjatkovskij, V. Snova o perstne s cherepom [Tekst] // Drevnosti i starina. – M., № 1(10), 2007, № 1 (10).
5. Kuz'min, G. P., Rzhanicyna, I. P. Populjarnoe samoe podrobnoe i nagljadnoe rukovodstvo. Frenologija, fiziognomika, hiromantija, hirognomija, grafologija [Tekst] / G. P. Kuz'min, I. P. Rzhanicyna. – M., 1990.
6. Levin, Ju. I. Zametki o poezii Mandel'shtama tridcatyh godov, II («Stihy o neizvestnom soldate») [Tekst] // Slavica Hierosolymitana. – T. IV. – 1979.
7. Litvina, A. F., Uspenskij, F. B. Chepchik schast'ja: k interpretacii odnogo obraza v «Stihah o neizvestnom soldate Osipa Mandel'shtama» [Tekst] // Voprosy jazykoznanija. – M., 2011, № 4.
8. Mandel'shtam, N. Ja. Tret'ja kniga [Tekst] / N. Ja. Mandel'shtam. – M., 2006.
9. Mandel'shtam, O. Je. Zametki o poezii [Tekst] // Sbranie sochinenij v 4-h tomah, T. 1, 2. – M., 1991.
10. Pushkin, A. S. Sbranie sochinenij: V 10 t. T. 5 [Tekst] / A. S. Pushkin. – M., 2012.
11. Semenko, I. M. Tvorcheskaja istorija «Stihov o neizvestnom soldate» [Tekst] // Zhizn' i tvorchestvo O. Je. Mandel'shtama. Vospominanija. Materialy k biografii. «Novye stihy». Kommentarii. Issledovanija. – Voronezh, 1990.
12. Holl, Dzh. Slovar' sjuzhetov i simvolov v iskusstve [Tekst] / Dzh. Holl. – M., 1999.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Г. Ю. Филипповский

**Взаимосвязи книжности Руси, Скандинавии и Англии X–XII вв.:
«Русская земля» и «Engla Lond»**

В статье на фоне византийско-славянских истоков книжности Руси, становления ее государственно-политического и литературного самосознания X–XII вв. рассматриваются взаимосвязи книжности Руси, Скандинавии и Англии эпохи Ярослава Мудрого и Кнута Великого, а также Владимира Мономаха (прежде всего, в жанре послания к нации). В центре внимания образы-концепты «Русская земля» и «Engla Lond».

Ключевые слова: Ярослав Мудрый, Кнут Великий, Вульфстан – архиепископ Йоркский, послания к нации, «Повесть временных лет», книжность и литература, образы-концепты, «Русская земля», «Engla Lond».

G. Yu. Filippovsky

**Relationships between book cultures of Russia, Scandinavia and England
in X–XII centuries: “Russian land” and “Engla Lond”**

The article considers relationships between book cultures of Russia, Scandinavia and England at the time of Yaroslav the Wise and Cnut the Great as well as Vladimir Monomakh (primarily in the genre of message to the nation) against the background of the Byzantine-Slavic origin of the Russian booklore and establishing its political and literary consciousness in the X–XII centuries. Special attention is paid to images-concepts “Russian land” and “Engla Lond”.

Key words: Yaroslav the Wise, Cnut the Great, Wulfstan – the Archbishop of York, messages to the nation, Tale of Bygone Years, booklore and literature, images-concepts, “Russian land”, “Engla Lond”.

Первое же упоминание Руси в «Повести временных лет» под 852 год включает словосочетание «Русская земля»: «Въ лето 6360, индикта 15, наченшо Михаилу царствовати, начя ся прозывати Руска земля. О семь бо уведахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в летописаньи гречьстемь» [10, с. 34]. Что характерно, сообщение введено в контекст международных отношений, связей, взаимодействий, прежде всего, русско-византийских (русско-греческих), не без скрытого намека на истоки славянской (кирилло-мефодиевской) книжности именно в царствование Михаила. Тут же активизирована соотносительная канва греко-русско-скандинавских взаимодействий с именами первых князей Руси – Рюриковичей: «А от перваго лета Михаила до перваго лета Олгова, рускаго князя, лет 29; а от перваго лета Олгова, понелиже седе в Киеве, до перваго лета Игорева лет 31; а от перваго лета Игорева до перваго лета Святъславля лет 33...» [10, с. 34]. Примечательно, что упомянуты имена тех самых Рюриковичей, чьи договора с греками бережно сохранены (в русской версии перевода с греческого оригинала) и вписаны в летописание Руси (литературно-историческую эпопею «Повесть временных лет») под 911, 944 и 971 гг. В самом раннем из этих письменных

юридических документов, историко-письменных памятников начальной Руси – договоре Олега с греками 911 г., прослеживается одно из первых письменных и аутентичных использований образа-концепта «Русская земля» как инструмента военно-государственно-этнополитической активности и именно в плане русско-скандинаво-греческой межэтнической и межгосударственной коммуникации с привлечением характерного, знакового для скандинавов-викингов образа корабля: «Ти аще ключиться близь земля Грецкая. Аще ли ключиться тако же проказа лодьи рускои, да проводимъ ю в Рускую землю, да продають рухло тоя лодьи, и аще что можеть продати от лодья, воволчим мы, русь» [10, с. 50].

Упомянутый выше контекст взаимодействий, международных связей Руси ярко заявлен не только в статьях «Повести временных лет» под 852 год или 911, 944 и 971 гг., но и в знаменитой статье о призвании варягов: «И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сиче бо ся зваху варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, ангыляне, друзии гьте, тако и си» [10, с. 36]. В этой же летописной статье 862 г. снова на уровне уже обретенной письменности утверждается международный статус «Русской земли»: «И от техъ варягъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье но-

угородьци от рода варяжьска преже бо беша словени» [10, с. 36].

Знаменитый манифест Руси, принявшей христианство, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона первой половины XI в., как литературно-письменный памятник, говорит о «Русской земле» – доминанте нового христианского самосознания Руси, приобщившейся к мировой семье христианских народов: «Не въ худе бо и неведоме земли владычствоваша, нъ въ Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли» [1, с. 42–44]. Здесь понятие «Русская земля», территориальное, пространственное, неотделимо от государственно-династического (упомянуты князья Владимир – креститель Руси и его сын Ярослав, но и их князья-предки Рюрик-вичи, Святослав и Игорь) и общенародного контекста.

Включаясь в жанровый контекст письменного политического документа – юридических договоров 911, 944 и 971 гг. о межгосударственных связях и отношениях Рюриковичей и Византии [14], претендуя уже тогда, в X в., на качество не только национальной, но и международного характера идеи, понятие «Русская земля» несло в себе все черты образа-символа-концепта. С принятием христианства на Руси в конце X в., появлением самобытной, но и мирового значения не только письменности, но и книжности, зарождающейся национальной литературы образ-символ «Русская земля» все больше претендовал на роль нового литературно-политического героя-концепта, своего рода кода новой, консолидированной Руси. По версии Д. С. Лихачева, это, прежде всего, текст «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» первой половины XI в. эпохи Ярослава Мудрого [4]. Как известно, в этот текст Д. С. Лихачев включал и сказание о княгине Ольге – первой княгине-христианке на Руси – и летописное сказание о первых русских князьях-страстотерпцах Борисе и Глебе. В статье «Повести временных лет» под 955 г. о крещении княгини Ольги помещена ее молитва за землю Русскую, за княжеский род и весь народ: «Ольга... рькущи: «Воля Божья да будет; аще Богъ хоцеть помиловати рода моего и земле Руские, да възложит имъ на сердце обратитесь къ Богу, якоже и мне Богъ дарова». И се рекши, моляшеся за сына и за люди...» [10, с. 78].

Здесь образ-символ Русской земли как письменного двойника единой Руси символичен, глобален и концептуален, как и, например, в интересной в литературном отношении «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» в «Повести временных лет» под 1097 г., где, кстати,

столь же выпукло обозначен мотив «сердце» («имемся въ едино сердце») [10, с. 248]. Значимо, что образ-символ «Русская земля» в данной повести выполняет функцию главного героя драматического повествования. В равной степени значим в этой же повести мотив клятвы (ее преступление-нарушение и наказание от Бога), что перекликается с мотивом клятвы существенно более ранних русских князей в договоре Олега с греками 911 г.: «...посли приидоша к Ольгови, и поведаша все речи обою царю, како сотвориша миръ, и уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не приступити ни Греком, ни Руси» [10, с. 52].

Е. А. Рыдзевская отмечает, что «походы и поездки скандинавов как на Русь и на Восток (Austrvegr, под понятие которого у них подходила вся Прибалтика), так и Константинополь (Miklagardr, как называют его саги), обычно тесно связанные друг с другом, нельзя рассматривать как предприятия в государственном масштабе, а лишь как проявление военной и торговой предприимчивости частных лиц – военных вождей и их дружин и отдельных смелых искателей военной славы и добычи. (Оно и не могло быть таким в то время, потому что тогда и государства в собственном смысле слова у скандинавов не было)» [13, с. 154]. Однако для Руси тексты письменных государственных договоров как юридических актов X в. указывают на данную эпоху в истории Руси как истоки, начала русской государственности. И посылы к этой внутренней, государственной консолидации имели внешний характер, как северный – скандинавский, так и южный вектор – византийско-греческий и балканский с их культурно-письменными влияниями. Итогом взаимодействия внутренних и внешних цивилизационных факторов на Руси X–XI вв. стало возникновение понятия «Русская земля» как письменного кода-знака симбиоза страны (земли), народа и государства [9].

Е. А. Мельникова много сделала для исследования типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе, сравнительно-типологических аспектов в возникновении древнерусского государства и его связей со скандинавскими политическими образованиями в Западной Европе [5, с. 15–48]. Наше внимание будет привлечено ко времени начала XI в., о чем уже приходилось писать в статье «Эпоха Кнута Великого в Англии: история, политика, культура, тексты» [15, с. 9–21]. На Руси первая половина XI в. – эпоха Ярослава Мудрого, который, «единственный из древнерусских правителей, оказался излюбленным сканди-

навской литературной традицией русским князем»: «Ярослав, без сомнений, – человек Севера, который имел со Скандинавией наиболее тесные и постоянные связи... Ярослав был последним великим покровителем варягов на Руси» [5, с. 301]. В ходе борьбы за власть на Руси Ярослав во многом опирался на силу варяжских дружин, будучи тесно связанным со Скандинавией, особенно, в свои молодые годы, о чем говорит непреложный факт «бурной военной деятельности скандинавов на Руси в первой половине XI в.» [5, с. 301], но не менее непреложен факт массовой гибели скандинавов из военных наемных дружин, павших на Руси за властные амбиции авторитетного на Севере Ярослава.

Время военных усилий Ярослава Мудрого на Руси совпало с временем военных усилий датского конунга Кнута Могучего в Англии (в особенности, между 1015 и 1019 гг.). Для Ярослава, не только воина, но и покровителя христианской книжности, письменности (отсюда – прозвание Мудрый), 1015 г. – переломный – год смерти отца князя Владимира Святославича, Крестителя и собирателя Руси, год начала открытой военной борьбы за отчий великокняжеский стол. Для Кнута в Англии 1015 г. – начало военной борьбы за королевскую корону Англии – год женитьбы на Эльфгиве, дочери правителя Нортумбрии (после победоносной битвы при Ашингдоне 1016 г. Кнут повторно женился на Эмме, вдове умершего короля Англии Этельреда). Для Ярослава 1019 г., по данным А. В. Назаренко, – год женитьбы на Ингигерд, дочери шведского короля Олава Шетконунга, а для сына Ярослава от первого брака князя Ильи Новгородского 1018 г. – брак с датчанкой Эстрид, сестрой короля Кнута Могучего (он же и устроил этот союз) [8, с. 488–489]. Названные русско-скандинавские и скандинаво-английские династические браки были в 1018–1019 гг. в центре внимания и военных, и властных верхов общества Северной, Северо-Западной, Восточной Европы. Т. Н. Джаксон, со ссылкой на А. В. Назаренко, считает, что «период с 1018 по середину 1020-х гг. в целом отмечен усилением русско-шведских, равно как и русско-датских связей» [3, с. 48]. Из сказанного следует, что в 1018–1019 гг. Русь, Русская земля как этногосударственная модель была в поле зрения датского, но и уже английского короля Кнута Могучего, которым овладела глобальная политическая идея создания объединенной империи Швеции, Дании, Норвегии, Шотландии с центром Англии. Именно 1019 годом датируется рукопись Йоркского Евангелия (ныне собрание Йорк Минстер № 61904.625.308), где в конце манускрипта впи-

сано личное послание Кнута, известное науке как «Письмо Кнута к народу Англии». Здесь читается особенное название Англии «Engla Lond», близко перекликающееся с геополитическим концептом «Русская земля», обсуждавшимся выше.

Тот факт, что послание короля-датчанина, недавно принявшего христианство, а до того – язычника-викинга, участвовавшего в разбойных набегах, поборках и разорениях Англии, вписано в конце Йоркского Евангелия 1019 г., заслуживает особого внимания. Известно, что, став христианином и законным королем Англии, Кнут приблизил к себе, сделал своим советником архиепископа Йорка Вульфстана, интеллектуала и в прошлом советника в Лондоне короля англосаксов Этельреда. Вульфстан в течение многих лет работал над трактатом «Государственные институты, светские и церковные», т. е. был иерархом церкви-государственником, автором многих посланий (проповедей), среди которых особое место занимает «Sermo Lupi ad Anglos» («Послание Волка к Англам» 1014 г.) [20, с. 294–299]. Свое послание 1019 г., обращенное к народу Англии (Engla Lond), король-датчанин на английском престоле Кнут Могучий (Великий) писал [20, с. 29–31], опираясь на опыт Вульфстана и отталкиваясь от упомянутого выше «Sermo Lupi ad Anglos» («Послание Волка к Англам» 1014 г.). Государственно-политическая концепция национального примирения и национальной консолидации, изложенная Кнутом, протянувшим народу Англии руку с жестом национального согласия, – эта концепция была абсолютно сродни позиции главы йоркской архиепископии Вульфстана. Потому послание короля Кнута к английской нации и оказалось вписано в кафедральное Евангелие Йорк Минстер, древнейшего и авторитетнейшего центра христианства в Англии.

Упомянутые выше скандинаво-русские династические браки 1018–1019 гг., особенно резонансный брак Ярослава Мудрого и Ингигерды Шведской, конечно, и брак сестры Кнута Эстрид и сына Ярослава Мудрого, не могли не обратить взоры короля Кнута на Восток Европы – Русскую землю, на ее опыт государственно-этнической консолидации с опорой на памятники письменности, книжности X–XI вв. Роль письменных текстов в функции национально-политических документов, своего рода «завета», национально-значимого послания, «общественного договора», программная национально-консолидирующая функция образа-концепта «Русская земля» привели Кнута к использованию в своем личном послании к английской нации коррелятивного понятия «Engla Lond». Скандинаво-английская имперская

идея Кнута, возникшая около 1018–1019 гг. и в значительной мере реализованная им в эти и в последующие годы (Швеция, Шотландия почти добровольно вошли в союзное государство – империю Кнута; Норвегию позже принудили силой оружия), безусловно, ориентировалась не только на опыт Каролингской империи IX в., но и на опыт возникновения и христианизации русской империи Рюриковичей – «Русской земли» IX–XI вв. от Старой Ладogi и Новгорода на Севере Восточной Европы до Киева и Переяславля Русского на юге Руси. Русско-скандинавский по происхождению и истокам концепт «Русская земля» стал фактом не только этнополитики, но и зарождающейся литературы, ее эпических жанров [2, с. 3–26; 12, с. 219–241], предшествовал во времени появлению скандинаво-английскому концепту «Engla Lond» начала XI в., времени Кнута Великого, со сходными государственно-политическими функциями, что говорит о существовании не только их связи и взаимодействия, но и общности их культурной и этнополитической онтологии.

Послание Кнута к народу Англии 1019 г. с его лейтмотивом «народ и нация» опиралось не только, как в послании Вульфстана, на мотивы христианского самосознания нации, проблемно и эсхатологично заостренные, но и на эпическую традицию «призвания правителя из-за моря», известную и у англо-саксов («Англосаксонская Хроника»), и у Руси (зафиксированы в начале XII в. в «Повести временных лет»). В. Я. Петрухин [11, с. 81–150] с опорой на А. А. Куника отмечает близость названных выше мотивов в «Деяниях саксов» X в. Видукинда Корвейского и в «Повести временных лет» – призвание Рюрика и его братьев «из-за моря». О письме-послании Кнута, написанном из Дании и обращенном всецело к народу Англии, существует целая литература, но прежде всего труды Питера Сойера, например, монография 1995 г. «Скандинавы и Англичане в век Викингов» [19]. Специально концепт «Engla Lond» обсуждает статья Р. Wormald «Engla Lond»: making of an allegiance» [21, с. 1–24], одного из авторов известной коллективной монографии «The Anglo-Saxons» [16].

Концепт «Engla Lond», вполне соотносительный с раннедревнерусским – «Русская земля» – государственно-политическим и национально-литературно-культурным кодом территориального, этнополитического единства нарождающейся нации, ее общественного самосознания, как отмечалось выше, дублировал эпическую модель «призвания правителя из-за моря» [6, с. 44–57]. Почва для концепта «Engla Lond» готовилась за-

долго до конца X – начала XI в., его корни – в каролингском имперском этнополитическом единении с опорой на страны Северо-Запада Европы [18, с. 27, 78–79]. Однако появился этот концепт только в правлении Кнута Великого, когда послание («Письмо Кнута к народу Англии») и упомянутый концепт «Engla Lond» стали (вслед за более ранним посланием-проповедью архиепископа Вульфстана «Sermo Lupi ad Anglos» «Послание Волка к Англам» 1014 г.) главными политическими инструментами не только создания многоэтнической империи Кнута в Северной Европе между 1010-ми и 1030-ми гг., но – средством достижения мира и согласия на многострадальной земле Англии, а также между северными, прежде всего, скандинавскими народами, их правителями, достижения государственно-политического единства, консолидации, мира и согласия между скандинавами-викингами и англо-саксами (до того налетчиками-грабителями и их жертвами). Появление концепта «Engla Lond» около 1019 г. как своего рода эмблематического отражения возникновения англо-скандинавской империи Кнута Великого вслед и с явной опорой на древнерусский территориально-политический образ-символ «Русская земля» стало высшей точкой проявления тех русско-скандинавских связей IX–XI вв., которым посвящена статья Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина, Т. А. Пушкиной «Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы)» [7, с. 279–300]. В свою очередь, данное коллективное исследование, отмеченное авторами как постановочное, является вершиной айсберга в виде значительного комплексного русско-скандинавского средневекового (точнее, раннесредневекового) ареала.

Распространение письменности, развитие литературы в странах средневековой Европы XI в. выразилось в популярности жанра государственно-политического послания одного из лидеров страны, обращенного к народу. Мотивировались эти послания, их создание обычно острыми проблемами, стоящими перед страной и народом, государством. Существовали и более конкретные проблемы внутреннего и внешнего рода, выступавшие непосредственными побудительными причинами, вызвавшими к жизни письменные послания, которые всегда отличались публицистической остротой и повышенной концептуальностью. Эти послания имели жанровые черты проповеди, поучения, урока, наставления, общественно-политической, культурно-политической или юридической декларации. К таковым относится, например, известное государственно-политическое и юридическое послание византий-

ского императора Константина Багрянородного – трактат конца X в. «Об управлении империей», написанный в форме поучения сыну.

Сюда же следует отнести знаменитое древнерусское «Поучение» великого князя Владимира Мономаха конца XI – начала XII в., [10, с. 393–413, 459–463], обращенное к «детям или инь кто прочтеть», то есть, прежде всего, к князьям Руси в пору морально-политического кризиса Русской земли, вызванного преступным ослеплением без вины старшими князьями теребовльского князя удалого Василька Ростиславича (1097 г.). Сюда же следует отнести и названные выше написанные в Англии в 1014 и в 1019 гг. и обращенные к народу Англии послания лидеров нации: духовного лидера Англии архиепископа Йоркского Вульфстана и законно избранного элитой страны короля-датчанина Кнута Могучего. Везде в этих посланиях к нации внутреннеполитические причины переплетаются с внешнеполитическими (на Руси это актуальная половецкая опасность, кстати, ликвидированная тем же Владимиром Мономахом в первые десятилетия XII в.). «Поучение» Владимира Мономаха, включенное во вторую (по классификации А. А. Шахматова) редакцию «Повести временных лет», написано Мономахом как автором-соредактором «Повести временных лет» специально для патронируемого им летописного свода 1116 г., который повлиял радикально на процесс возникновения русской литературы в целом [4]. Повсеместно названные выше и другие государственно-политические послания эпохи высокого европейского Средневековья обсуждали острейшие и самые насущные проблемы общественно-государственного строительства, влияли не только на государственно-политическую, но и культурно-общественную и литературную ситуацию в своих странах, имели ярко выраженную интегрирующую, конструктивную направленность.

Библиографический список

1. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII вв. [Текст]. – СПб., 1997 (БЛДР).
2. Бугославский, С. А. Русская земля в литературе Киевской Руси XI–XIII вв. [Текст] // Ученые записки МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 118. Труды кафедры русской литературы. Кн. 2. – М., 1946. – С. 3–26
3. Джаксон, Т. Н. «У липы головного убора есть земля в Гардах» [Текст] // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. – М.; СПб., 2010. – С. 48–53.
4. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение [Текст] / Д. С. Лихачев. – М.; Л.; 1947.
5. Мельникова, Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды [Текст] / Е. А. Мельникова. – М., 2011.
6. Мельникова, Е. А., Петрухин, В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии [Текст] // Вопросы истории. – 1995. – № 2. – С. 44–57.
7. Мельникова, Е. А., Петрухин, В. Я., Пушкина, Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего Средневековья (К постановке проблемы) [Текст] // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. – М., 2011. – С. 279–300.
8. Назаренко, А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. [Текст] / А. В. Назаренко. – М., 2001.
9. Насонов, А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование [Текст] / А. Н. Насонов. – М., 1951.
10. Памятники литературы Древней Руси. Т. 1. XI – начало XII в. М., 1978 (ПЛДР).
11. Петрухин, В. Я. Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа [Текст] // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. – М., 2009. – С. 81–150.
12. Робинсон, А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII вв. [Текст] / А. Н. Робинсон. – М., 1980. – С. 219–241.
13. Рыздзевская, Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. [Текст] / Е. А. Рыздзевская. – М., 1978.
14. Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. [Текст] / А. Н. Сахаров. – М., 1980.
15. Филипповский, Г. Ю. Эпоха Кнута Великого в Англии: история, политика, культура, тексты [Текст] // На пересечении британской истории. On the crossways of British history. Сборник статей. – Ярославль, 2013. – С. 9–21.
16. The Anglo-Saxons. J. Campbell (ed) [Текст]. – Harmondsworth, 1991.
17. Canute's letter to the people of England [Текст] // The Anglo-Saxons world. An anthology. Kevin Crossley-Holland (ed). – Oxford, 1988. – P. 29–31.

18. Leff, G. Medieval thought. St. Augustine to Ockham [Tekst]. – Harmondsworth, 1962. – P. 27, 78–79.

19. Sawyer, P. H. Scandinavians and the English in the Viking Age [Tekst]. – Cambridge, 1995.

20. The sermon of the Wolf to the English [Tekst] // The Anglo-Saxons world. An anthology. Kevin Crossley-Holland (ed). – Oxford, 1988. – P. 294–299.

21. P. Wormald «Engla Lond»: making of an allegiance [Tekst] // The Journal of Historical Sociology 1994 № 7. – P. 1–24.

Bibliograficheskiy spisok

1. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1. XI–XII vv. [Tekst]. – Spb., 1997 (BLDR).

2. Bugoslavskij, S. A. Russkaja zemlja v literature Kievskoj Rusi XI–XIII vv. [Tekst] // Uchjonye zapiski MGU im. M. V. Lomonosova. Vyp. 118. Trudy kafedry russkoj literatury. Kn. 2. – M., 1946. – S. 3–26

3. Dzhakson, T. N. «U lipy golovnogo ubora est' zemlja v Gardah» [Tekst] // Istorija: dar i dolg. Jubilejnyj sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko. – M.; SPb., 2010. – S. 48–53.

4. Lihachjov, D. S. Russkie letopisi i ih kul'turno-istoricheskoe znachenie [Tekst] / D. S. Lihachjov. – M.; L.; 1947.

5. Mel'nikova, E. A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija. Izbrannye trudy [Tekst] / E. A. Mel'nikova. – M., 2011.

6. Mel'nikova, E. A., Petruhin, V. Ja. Legenda o «prizvanii varjagov» i stanovlenie drevnerusskoj istoriografii [Tekst] // Voprosy istorii. – 1995. – № 2. – S. 44–57.

7. Mel'nikova, E. A., Petruhin, V. Ja., Pushkina, T. A. Drevnerusskie vlijaniya v kul'ture Skandinavii rannego Srednevekov'ja (K postanovke problemy) [Tekst] // Mel'nikova E. A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija. Izbrannye trudy. – M., 2011. – S. 279–300.

8. Nazarenko, A. V. Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah. Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svjazej IX–XII vv. [Tekst] / A. V. Nazarenko. – M., 2001.

9. Nasonov, A. N. «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva: istoriko-geograficheskoe issledovanie [Tekst] / A. N. Nasonov. – M., 1951.

10. Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. T. 1. XI – nachalo XII v. M., 1978 (PLDR).

11. Petruhin, V. Ja. Stanovlenie gosudarstv i vlast' pravitelja v germano-skandinavskih i slavjanskikh tradicijah: aspekty sravnitel'no-istoricheskogo analiza [Tekst] // Obshhestvennaja mysl' slavjanskikh

narodov v jepohu rannego Srednevekov'ja. – M., 2009. – S. 81–150.

12. Robinson, A. N. Literatura Drevnej Rusi v literaturnom processe Srednevekov'ja XI–XIII vv. [Tekst] / A. N. Robinson. – M., 1980. – S. 219–241.

13. Rydzevsckaja, E. A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija IX–XIV vv. [Tekst] / E. A. Rydzevsckaja. – M., 1978.

14. Saharov, A. N. Diplomatiya Drevnej Rusi. IX– pervaja polovina X v. [Tekst] / A. N. Saharov. – M., 1980.

15. Filippovskij, G. Ju. Jepoha Knuta Velikogo v Anglii: istorija, politika, kul'tura, teksty [Tekst] // Na peresechenijah britanskoj istorii. On the crossways of British history. Sbornik statej. – Jaroslavl', 2013. – S. 9–21.

16. The Anglo-Saxons. J. Campbell (ed) [Tekst]. – Harmondsworth, 1991.

17. Canute's letter to the people of England [Tekst] // The Anglo-Saxons world. An anthology. Kevin Crossley-Holland (ed). – Oxford, 1988. – R. 29–31.

18. Leff, G. Medieval thought. St. Augustine to Ockham [Tekst]. – Harmondsworth, 1962. – R. 27, 78–79.

19. Sawyer, P. H. Scandinavians and the English in the Viking Age [Tekst]. – Cambridge, 1995.

20. The sermon of the Wolf to the English [Tekst] // The Anglo-Saxons world. An anthology. Kevin Crossley-Holland (ed). – Oxford, 1988. – R. 294–299.

21. P. Wormald «Engla Lond»: making of an allegiance [Tekst] // The Journal of Historical Sociology 1994 № 7. – R. 1–24.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Е. М. Болдырева

Автометаописания в романе В. Г. Короленко «История моего современника»

В статье рассматривается автобиографический роман В. Г. Короленко «История моего современника» как одновременно социально-политический вариант автобиографического романа и один из немногих в русской литературе авторефлексивных текстов, в котором последовательно эксплицируются как каузальные доминанты автобиографического акта, так и многочисленные законы построения автобиографического текста. В статье отмечается, что объективная модальность текста «Истории моего современника» оказывается нестабильной и определяется одновременно двумя противоположными процессами: обнажением условности любого воспоминания и постоянным подтверждением автобиографического пакта, признанием жесткой референции текста. В. Г. Короленко избегает категоричной модальности в констатации фактов прошлого, осознавая, что воспоминание может быть навязано ему окружающими, поэтому почти каждое воспоминание-утверждение сразу же подвергает себя самодеконструкции, осуществляемой с помощью различных приемов. Многочисленные лексические лейтмотивы с семантикой сомнения в правильности своих воспоминаний оказываются у В. Г. Короленко бифункциональными: с одной стороны, они усиливают степень правдивости текста, а с другой – обнажают его условность.

Ключевые слова: автобиографический роман, автобиографический субъект, автометаописания, авторефлексивный текст, автобиографический пакт.

Е. М. Boldyreva

Autometadescriptions in V. G. Korolenko's novel *The History of My Contemporary*

The article considers autobiographic novel by V. Korolenko *The History of My Contemporary* as both socio-political variant of the autobiographic novel and one of few autoreflexive texts in Russian literature where causal dominants of autobiographic act as well as many laws of constructing autobiographic text are explicated. The author notes that the objective modality of the text in *The History of My Contemporary* is unstable and is defined by two contrary processes at the same time: revealing conventional nature of any reminiscence and constant confirmation of autobiographic pact, acceptance of strict text reference. Korolenko avoids strong modality in stating the facts of the past, realizing that reminiscences may be imposed on him by other people, thus almost every memory-statement is subject to self-deconstruction. Numerous lexical leitmotifs with the semantics of doubts as to the correctness of the memories turn out to be bifunctional: on the one hand, they enhance the degree of the text's truthfulness and, on the other hand, reveal its conventionalism.

Key words: autobiographic novel, autobiographic self, autometadescriptions, autoreflexive text, autobiographic pact.

В предисловии к «Истории моего современника» сам В. Г. Короленко определяет жанр своего произведения негативно – это не исповедь, не биография, не портрет. Это «псевдоопределение» стало причиной той терминологической неопределенности, которая встречается в работах литературоведов, пытающихся выявить жанровый статус «Истории моего современника» и зачастую осуществляющих подмену жанровых категорий чисто тематическими: «мемуары в узком смысле слова – это воспоминания из личной жизни автора или воспоминания о его жизни определенного слоя общества. Но прежде всего – это чисто личные воспоминания» [3, с. 155], «наряду с наличием собственно мемуарного материала, основное место занимают художественно-исторические изображения» [3, с. 157]. «История моего современника» – не мемуары, а художественное произведение, широкое полотно народной жизни целой исторической полосы русской действительности. Короленко рассказывает не только о себе, о своей семье... Он пишет о современниках...» [1, с. 70]. Общим местом большинства работ об «Истории моего современника» является признание ее связи с автобиографическими произведениями второй половины XIX в., главным образом, с «Былым и думами» А. Герцена, однако характер этой связи оказывается недостаточно выясненным. Таким образом, возникает необходимость четко обозначить место «Истории моего современника» в системе жанров мемуарной литературы.

Уже первая фраза «Истории моего современника» – это типичный авторефлексивный текст, эксплицирование механизма строения традицион-

ной автобиографии: «В этой книге я пытаюсь вызвать в памяти и оживить ряд картин прошлого полу столетия, как они отражались в душе сначала ребенка, потом юноши, потом взрослого человека» [2, с. 5]. Казалось бы, все предельно просто и понятно: заданы как минимум две автобиографические константы – ретроспективная направленность и прослеживание внутренней эволюции автобиографического героя. Однако тут же начинаются те многочисленные семантико-логические противоречия, которые выделяют автобиографический роман Короленко среди подобных романов других писателей начала века. В первом абзаце явно акцентируется значимость для романиста исторической обстановки, более того – автор синхронизирует личную и общественную жизнь, вписывая индивидуальную биографию в широкий социально-политический контекст: «Раннее детство и первые годы моей юности совпали с временем освобождения. Середина жизни протекла в период темной, сначала правительственной, а потом и общественной реакции и среди первых движений борьбы, и я надеюсь хоть отчасти осветить некоторые элементы этой борьбы» [2, с. 5]. Но уже в следующем абзаце Короленко оговаривается, противореча только что сказанному: «Я пишу не историю моего времени, а только историю одной жизни в это время» [2, с. 5]. С одной стороны, он пытается по возможности исключить потенциальные суждения критиков и будущих исследователей своего текста по поводу точности/неточности его биографии: «Эти записки не биография, потому что я не особенно заботился о полноте биографических сведений; не исповедь, потому что я не верю ни в возможность, ни в полезность публичной исповеди; не портрет, потому что трудно рисовать собственный портрет с ручательством за сходство...» [2, с. 5–6]. И сразу же приводит противоположное суждение: «В своей работе я стремился к возможно полной исторической правде... Здесь не будет ничего, что мне не встречалось в действительности, чего я не испытал, не чувствовал, не видел...» [2, с. 6]. Действительно, Короленко не раз признавался, что лучше всего ему работает в Полтаве и Хатках, где как будто сама атмосфера напоминала его детство и юность и интенсивнее работала память. Он беседовал с матерью, уточнял факты из жизни семьи в Житомире, Ровно, производил отбор материала, делал своеобразные заготовки (зарисовки, вырезки, письма). Если ему казалось что-то неточным, он писал друзьям, уточняя и проверяя так каждое событие из далекого прошлого. Таким об-

разом, уже в предисловии ощущается явная двойственность романа Короленко. Он совершенно блестяще формулирует один из основных принципов автобиографии («Всякое отражение отличается от действительности уже тем, что оно отражение... Оно всегда, если можно так выразиться, гуще отражает избранные мотивы, а потому часто, при всей правдивости, привлекательнее, интереснее и, пожалуй, чище действительности» [2, с. 6]) – это явная дискредитация «обязательной» для всех уважающих себя реалистов того времени теории отражения, которое, по мнению Короленко, есть всегда моделирование, конструирование, «очищение»), однако утверждает правдивость и точность своего рассказа. «История моего современника», таким образом, оказывается одновременно социально-политическим вариантом автобиографического романа (именно в эту категорию зачисляются Короленко многочисленные критики и представители советского литературоведения) и одной из первых в русской литературе попыток воссоздать в тексте, а не за его пределами свою рефлексию над процессом письма, над законами жанра, хотя иногда авторефлексивные фрагменты воспринимаются как избыточные. Неуловимую ауру автобиографии, которая должна проступать из самого текста, Короленко материализует; он проговаривает очевидное (я хочу сделать то-то и то-то, а это возможно лишь в последовательном рассказе и т. д.). В продолжении романа Короленко постоянно будет возобновлять начатый в предисловии разговор, причем всякий раз вести его по-разному. Так, глава «Щось буде» начинается с очередного авторефлексивного фрагмента: «Я пишу не историю своего времени. Я просто всматриваюсь в туманное прошлое и заново вереницы образов и картин, которые сами выступают на свет, задевают, освещают и тянут за собой близкие и родственные воспоминания. Я стараюсь лишь об одном: чтобы ясно и отчетливо облечь в слово этот непосредственный материал памяти, строго ограничивая лукавую работу воображения...» [2, с. 52] – вновь Короленко подчеркивает совмещение функций простого ретранслятора разных событий, имевших место в реальности, и активную, конструирующую роль своего сознания.

В «Истории моего современника» есть фрагмент, где автор сообщает читателю о «внезапно» пришедшей ему в голову идее: «...что, если бы описать мальчика, вроде меня, жившего сначала в Житомире, потом переехавшего вот сюда, в Ровно; описать все, что он чувствовал, описать лю-

дей, которые его окружали, и даже вот эту минуту, когда он стоит на пустой улице и меряет свой теперешний духовный рост со своим прошлым и настоящим» [2, с. 214]. Эксплицируя свой мотив написания автобиографического текста, повествователь моделирует ситуацию «автобиография в автобиографии». О своем желании создать автобиографический роман он заявляет в рамках «уже готового продукта» – этого самого автобиографического романа, только превратившегося из потенциального объекта в реальный. Внешне это выглядит как простое упоминание автора о том, когда и как у него зародилось намерение описать свою жизнь, но в перспективе жанровой авторефлексии текста данный фрагмент превращается в сконцентрированный эквивалент всей «Истории моего современника» – здесь и синтез основных авторских установок («описать окружающих людей»), проследить за своим «духовным ростом», изобразить все «в простоте и правде»), и убежденность в том, что «история мальчика, подобного мне, и людей, его окружающих, могла бы быть интереснее и умнее графа Монте-Кристо» [2, с. 214]. Возникает весьма странная модальная ситуация: в структуру реального автобиографического текста встроены рассуждения о нем в сослагательном наклонении – каким он мог бы быть, если был бы написан. Примечательно также, что в качестве образца «интересной и умной истории», который автор намерен превзойти, выбирается «Граф Монте-Кристо» (сюжетная модель авантюрного романа кажется повествователю очень подходящей для описания «перипетий судьбы молодого революционера»). Кстати, уже здесь актуализируется явная отстраненность от потенциального объекта описания – повествователь хочет «описать мальчика», а не самого себя.

Однако определение жанра своего произведения как автобиографии, а не мемуаров будет опровергнуто ближе к концу романа: «Извиняюсь перед читателем за это отступление от чисто повествовательной формы мемуаров» [2, с. 668]. В начале романа повествователь заявлял, что он пишет не историю своего времени, а историю одной жизни – теперь он отказывается от автобиографического пакта и признает, что пишет все-таки мемуары (кстати, до этого жанровые законы нарушались неоднократно и без объяснений, поскольку приоритет явно отдавался рассказам о других людях, а не о себе, а «чисто повествовательная форма» постоянно дополнялась разнообразными лирическими отступлениями, поэтому извинение

перед персональным нарратором воспринимается как сугубо формальное).

Таким образом, на первый взгляд, «История моего современника» кажется весьма традиционной, написанной в ключе горьковской трилогии социально-политической автобиографией начала века. Однако в тексте обнаруживаются порой такие тонкие находки, которые сделали бы честь даже правоверному европейскому модернисту. Так, описывая переезд своей семьи в Ровно, повествователь, возможно, сам того не сознавая, формулирует основной онтологический закон автобиографического текста: «И я с удивлением замечая, что в этом прошлом вместе с определенными картинками, такими простыми, такими обыденными и прозаическими, когда они происходили, в душе встает неизвестно откуда сознание, что это было хорошо и прекрасно. Я удивляюсь: отчего же не было этого ощущения тогда, когда все это было настоящим? Может быть, было, но не так... Того, что я теперь чувствую рядом со всеми этими картинками, того особенного, того печально-приятного, того, что ушло, того, что уже не повторится, того, что делает эти впечатления такими незаурядными... – того тогда не было...» [2, с. 121]. Смысл этой фразы, немного заглушенный обертонами многочисленных однородных конструкций, вполне ясен: от воспоминаний, от творчески преобразованной сознанием реальности человек получает большее наслаждение, чем от реальной жизни, калейдоскопическое мелькание красок в волшебном пространстве памяти затмевает черно-белую фотографию объективной действительности. Более того – автор утверждает, что временная дистанция влияет на оценку того или иного факта прошлого: «Теперь я люблю воспоминание об этом городишке, как любят порой память старого врага. Но, боже мой, как я возненавидел к концу своего пребывания эту затягивающую... будничную жизнь...» [2, с. 121–122]. Эксплицируется Короленко и еще одна черта автобиографического романа – полная или частичная замена реальных собственных имен на вымышленные – также обнажается и проговаривается повествователем, который после произнесения очередной фамилии может заметить, что она настоящая или, наоборот, измененная: «И ничего больше я о Горлицком, которого здесь называю настоящей фамилией, не узнал...» [2, с. 345].

Структура короленковской автобиографии достаточно традиционна: первая часть «Раннее детство» начинается с фразы, ставшей «обязательной программой» для автобиографических романов:

«Я помню себя рано, но первые мои впечатления разрознены, точно ярко освещенные островки среди бесцветной пустоты и тумана. Самое раннее из этих воспоминаний – сильное зрительное впечатление пожара...» [2, с. 7]. Разрозненность детских впечатлений – это своего рода автобиографическая аксиома. Короленко «работает» пока по прописям «автобиографов» прошлых лет, прилежно воспроизводя автобиографический архетип. Феномен первого воспоминания – тоже «программа-минимум» для автобиографического романа, однако если у Бунина это освещенная предосенним солнцем комната и сухой блеск солнца над косогором (концентрированный синтез основных доминант бунинского творчества), то Короленко выбирает (именно выбирает – ведь мы вспоминает только то, что хотим вспомнить) достаточно символическое событие – пожар, ставший своеобразной антиципацией позднейшего зарева революционных лет. Первая часть текста строится как перечисление разрозненных впечатлений раннего детства, «островков в памяти» (в наиболее явном виде мы наблюдаем это у Аксакова) – Короленко и тут соблюдает «жанровый этикет»: «Еще стоит островком в моей памяти путешествие в Кишинев к деду с отцовской стороны...» [2, с. 8], «Еще одно из тех первичных ощущений, когда явление природы впервые остается в сознании выделенным из остального мира, как особое и резко законченное, с основными его свойствами. Это – воспоминание о первой прогулке в сосновом бору...» [2, с. 9], «Все это разрозненные, отдельные впечатления полусознательного существования, не связанные как будто ничем, кроме личного ощущения. Последним из них является переезд на новую квартиру...» [2, с. 10].

Еще одно «общее место», сближающее Короленко с другими авторами автобиографических романов начала века – это тенденция вписывать свои ощущения и воспоминания в уже известные классические литературные модели: «А солнце, подымаясь все выше, раскаляло камни мощеного двора и заливало всю нашу усадьбу совершенно обломовским томлением и скукой...» [2, с. 28]. Однако та литературная «ниша», которую выбирает для себя Короленко, явно отличается, например, от бунинской или набоковской. Если Бунину важно «настроить» на русскую традицию свой эстетический камертон, а Набокову – продемонстрировать в качестве одного из механизмов памяти следование разным литературным моделям, то Короленко предпочитает «вписаться» в социально-обличительную традицию русской класси-

ки: он непременно выберет тот отрывок из «Дневников писателя» Достоевского, где рассказывается о встрече автора с фельдшером: «...фельдшер стоял в повозке и, не переставая, колотил ямщика по шее. Ямщик неистово хлестал кнутом лошадей, и тройка с смертельным ужасом в глазах мчалась по прямой дороге мимо полосатых столбов...» [2, с. 172]. И сделает довольно тенденциозный вывод о том, что эта картина показалась юноше Достоевскому символом всей самодержавной России и содействовала тому, что писатель оказался вместе в петрашевцами приговоренным к смертной казни. Восприятие реальной жизни сквозь призму литературной модели является одним из самых сильных сюжетных катализаторов «Истории моего современника»: конкретное воспоминание встраивается в структуру знакомого классического сюжета или мотива, «проигрывается» перед читателем в этой перспективе (так, например, учитель словесности Авдиев отождествляется героем с одним из персонажей Писемского, а петербургская жизнь воспринимается исключительно сквозь призму Достоевского), а затем повествователь издевается над только что изображенной картиной, язвительно замечая, что «мой современник был особенно восприимчив к воздействию литературных мотивов и типов», а «жизнь маленького городишка, будничная, однообразная, не подходившая под литературные категории, казалась ему чем-то случайным, «не настоящим» [2, с. 326].

Следующим «семантическим ядром» любого автобиографического романа можно считать категорию «смерти». Ни один из авторов не упустит возможности описать первое впечатление от столкновения героя со смертью, однако степень актуализации и качество интерпретации данного понятия, несомненно, различны. В этом смысле интересно сопоставить два парных эпизода в «Жизни Арсеньева» и «Истории моего современника» – описание смерти сестры. Для Бунина данный эпизод едва ли не самый основной – это первый прорыв героя в экзистенциальное измерение, определивший раз и навсегда основной вектор его творчества. Дивная бунинская тоска и завороченность непознаваемым оказывается недоступна для автобиографического героя Короленко – о смерти сестренки говорится мимоходом, как бы невзначай: «Я знал с незапамятных времен, что у нас была маленькая сестра Соня, которая умерла и теперь находится на “том свете”. Это было представление немного печальное (у матери иной раз на глазах бывали слезы), но вместе свет-

лое: она – ангел, значит, ей хорошо. А так как я ее совсем не знал, то и она и ее пребывание на “том свете” в роли ангела представлялось мне каким-то светящимся туманным пятнышком и не производившим особенного впечатления...» [2, с. 29]. Это событие даже оказывается лишенным самостоятельного значения – оно выполняет вспомогательную функцию и упоминается в связи с другим фактом, скорее, как повод для рассказа о другом, своего рода преамбула. Мистический ужас перед лицом смерти у Короленко ближе обычному детскому страху, основанному на суевериях, «страшных рассказах» об оживших мертвецах, нечистой силе и т. д. И не случайно воспоминания о двух конкретных фактах – смерти старика Коляновского и мальчика Славка Лисовского – густо «оплетены» разнообразными слухами, поверьями, мистическими рассказами, сконструированными по жанровому принципу «быличек» или «страшилок».

Обязательным элементом автобиографической модели можно считать и описание школы (или другого образовательного учреждения). Короленко, в отличие, например, от Бунина, чрезвычайно подробно описывает «школьные нравы» – в этом и проявляется его четкая установка на контекст, на окружение, а не на внутренний мир. Подробно рассказано о физических наказаниях, отношениях к доносчикам, основных способах времяпрепровождения пансионеров, дана подробная типология школьных учителей. Однако, несмотря на видимую нейтральность и объективность, короленковские «очерки бурсы» выстроены более чем тенденциозно – все события подаются в перспективе краткого курса «школы юного революционера», актуализируются такие вещи, как презрение к доносчикам, негласное требование не плакать во время наказания линейкой, товарищеская взаимопомощь и т. п. Практически каждому школьному происшествию повествователь «подбирает» аналогию из будущего времени, «встраивая» тем самым его в политическое измерение: так, рассказав о том, как школьники не выдали начальству тех, кто кидался в стену жвачкой, смоченной чернилами, автор переводит это действие «не ябедничай» из разряда детски наивного «кодекса товарищеской чести» в высокий ранг «проявления революционной солидарности»: «Тут зарождалось чувство, из-за которого в семидесятых годах Стрельников послал на виселицу юношу Розовского, не пожелавшего выдать товарища...» [2, с. 167]. Здесь же как бы между прочим возникают мотивы «нарастающей грозы», «стихийного взры-

ва» и т. п. Налицо сознательное моделирование воспоминания в духе общей концепции текста.

Еще один из ключевых моментов любого автобиографического романа – это описание процесса творчества. Бунинское вдохновенное озарение оказывается неприемлемым для автобиографического героя Короленко – оно уступает место тяжелому кропотливому труду, напряженным поискам наиболее точного слова: «...мне стало интересно искать таких слов, которые бы всего ближе подошли к явлениям жизни. Все, что меня поражало, я старался перелить в слова, которые бы схватывали внутренний характер явления... Проходя мимо нее (избушки), я говорил себе: она нахмуренная... нахлобученная... прижмурившаяся... обиженная... печальная...» [2, с. 242]. Непроизвольность и спонтанность творчества отвергается Короленко, он считает это несерьезным и постыдным для «настоящего писателя»: основательность и тяжеловесность ставятся выше легкости, непринужденности и формальной изощренности. Не случайно Короленко постоянно прибегает к терминологии традиционного литературоведения, сознательно выделяя скомпрометированную модернистами дихотомию формы и содержания: «...порой, когда я не делал намеренных усилий, в уме пробегали стихи и рифмы, мелькали какие-то периоды, плавные и красивые... Но они пробегали произвольно и не захватывали ничего из жизни... Форма как будто рождалась особо от содержания и упархивала, когда я старался охватить ею что-нибудь определенное» [2, с. 242].

Таким образом, все сюжетные константы автобиографического романа оказываются отраженными в романе Короленко, автор будто бы задается целью составить своего рода энциклопедию всех «первых событий» в жизни автобиографического героя: первый урок, первый спектакль, первое самостоятельное возвращение домой и т. д., стремясь охватить все проявления «былого».

В «Истории моего современника» мы видим единство двух противоположных процессов: обнажение условности текста, рефлексия над правдивостью воспоминаний и подтверждение автобиографического пакта.

Среди отечественных литературоведов тезис о реалистичности творчества Короленко не вызывает сомнений – неоднократно подчеркивается его публицистичность, документальность и опора на реально свершившийся факт. Однако в «Истории моего современника» Короленко избегает категоричной модальности в констатации фактов прошлого: «Мне *мог* идти тогда второй год...» (курсив

автора статьи), «Мне *кажется* (курсив автора статьи), что я вспоминаю, но очень смутно, свои первые шаги...» [2, с. 7]. Он осознает, что его воспоминания могут не соответствовать фактам и событиям прошлого – соответствие может быть только кажущимся, а воспоминание – появившимся уже позднее, навязанным окружающими. О том, что многие из изложенных в романе фактов не его воспоминания, напрямую не говорится, эта дистанция между своими и чужими воспоминаниями обнажается как бы случайно, помимо воли автора. Так, после подробнейшего рассказа о родословной своей матери и о ее жизни с отцом Короленко, продолжая тему «странного брака», начинает один из абзацев с фразы: «Уже на моей памяти...» [2, с. 19]. Таким образом, граница между «своим» и «чужим» обнажена достаточно четко, но вот парадокс: если «не свои» воспоминания излагаются уверенным тоном, то над правдивостью своих воспоминаний Короленко, практически единственный из всех писателей начала века, постоянно рефлексировал, производя своего рода «модальную страховку»: «Разумеется, эти слова очень грубо переводят тогдашние мои ощущения...» [2, с. 7], «Мне было страшно – **вероятно**, днем рассказывали о ворах» [2, с. 8], «Родители куда-то уехали, братья, **должно быть**, спали...» [2, с. 8], «Впрочем, **может быть**, это и неправда, хотя, вспоминая взгляд ходатая, злобный и негодующий,... я **допускаю**, что такая ябеда **могла** действительно выйти из-под его пера...» [2, с. 500]. Таким образом, вводные конструкции с семантикой сомнения говорящего в истинности своих слов и подчеркивания субъективизма любого высказывания довольно часто появляются в короленковском тексте, почти каждое воспоминание-утверждение сразу же подвергает себя самодеконструкции, позиция повествователя не категорична, он как бы постоянно говорит: я помню, что было то-то и то-то, но я не уверен, что это было именно так и было вообще. А в предложении, фиксирующем последнее отрывочное воспоминание – переезд на новую квартиру: «И даже не переезд (его я не помню, как не помню и прежней квартиры), а опять первое впечатление от «нового дома», от «нового двора» и сада.» [2, с. 10], условность автобиографии как жанра обнажена до предела: автор автобиографии не может отвечать за свои слова – он должен осознавать, что его воспоминания могут быть придуманы самим автором и постепенно превратиться из мифа в реальность (таково свойство нашего сознания), их достоверность ничем не гарантирована. Сюжет любой автобиогра-

фии также весьма условен: последовательность воспоминаний, кажущаяся читателю скрепленной жесткой логической и временной связью, на самом деле есть продукт позднейшего искусственного выстраивания: «... затем это воспоминание выпадает из моей памяти. Я вспомнил о нем только уже через несколько лет, и когда вспомнил, то даже удивился, так как мне представлялось в то время, что мы жили в этом доме вечно...» [2, с. 10]. Воспоминания легко уходят в небытие и приходят внезапно и спонтанно, заполняя пробел в «линии жизни», таким образом, автобиография для Короленко – это не последовательное воскрешение в памяти событий прошлого, а сведение воедино разновременных и разнокачественных воспоминаний согласно некоему сюжету. Не случайно в качестве основной «черты моего современника» Короленко называет его постоянное стремление «создавать предвзятые общие впечатления, сквозь призму которых рассматривалась действительность» [2, с. 511], постулируя автобиографию как моделирование собственной жизни согласно некоей концепции.

Еще один прием, используемый Короленко с целью усомниться в правдивости своих воспоминаний и защитить себя от упреков в неточности, – «преподнесение» читателю своего прошлого в виде не обычного воспоминания, а сна: «И теперь еще, хотя целые десятилетия отделяют меня от того времени, – я по временам вижу себя во сне гимназистом ровенской гимназии... Порой снится мне также, что я сижу на скамье и жду экзамена или вызова к доске для ответа» [2, с. 134]. Действенность такого приема несомненна: граница между сном и реальностью как бы размывается, и воспоминания становятся зыбкими и призрачными – где гарантия, что этого прошлого на самом деле не было, а оно просто приснилось повествователю? Многие литературоведы упрекали Короленко в неточности и неполноте многих фрагментов его текста: «В последние годы Короленко работал над мемуарами, особенно над четвертым томом, будучи тяжело больным; память, очевидно, ему иногда изменяла, и он все чаще был вынужден прибегать непосредственно к своим записям периода ссылок» [3, с. 91]. Однако подобные нарративные блоки и методичное расшатывание повествователем категоричной модальности текста делают такие высказывания не вполне обоснованными – повествователь подробно описывает какое-либо событие своего прошлого и одновременно снимает с себя всякую ответственность, заявляя, что все это ему просто снится.

ся. Но «модальные метаморфозы» на этом не заканчиваются: описав свой «сон» о жизни в ровенской гимназии, повествователь вдруг одной фразой рушит только что создавшееся впечатление нереальности и призрачности своих воспоминаний: «Так прочны эти впечатления. И не мудрено. В ровенской гимназии я пробыл пять лет и два года в житомирской» [2, с. 134]. Теперь актуализируется обратный механизм: настолько часто повторяющимися были эти события, настолько прочно «въелись» они в память, что теперь даже во сне не оставляют героя в покое. Таким образом, помещение воспоминания в перспективу сна вовсе не означает его ирреальности, а, наоборот, подчеркивает его типичность и устойчивость – вот подоплека этого мнимо модернистского хода.

Обнажение условности текста происходит и в тех фрагментах «Истории моего современника», где повествователь, принимая на себя ответственность за правдивость «общего смысла» высказывания, сомневается в том, что он верно передает его словесное оформление; так, после длинного описания мыслей и чувств автобиографического героя, автор оговаривается: «Не этими словами, но думал я именно это» [2, с. 215].

Таким образом, излюбленный прием Короленко – это псевдопризнание в возможной неточности своего высказывания: называя, например, читателю фамилию коридорного в полицейском участке – Перкийянен – он оговаривается в примечании: «Теперь, впрочем, не ручаюсь, что называю точно» [2, с. 465]. Однако поскольку потребность в такой уж тщательной верификации вряд ли наличествует у читателя, становится понятно, что это примечание – не для него, оно лишь внешне преследует цель подчеркнуть правдивость автобиографии и защитить себя от потенциальных упреков в неточности, а на деле это еще одно обнажение одной из составляющих короленковской автобиографической модели: я ничего не выдумываю и не искажаю реальные события, я просто ретранслятор.

Начиная со второй главы «История моего современника» отчетливо приобретает черты семейной хроники: главы «Мой отец», «Отец и мать» – это не что иное, как последовательное описание автором своей родословной. Более того, если практически все авторы автобиографических романов избегают в своих произведениях всякого рода дат и исторических комментариев, то Короленко постоянно указывает точные даты всех событий, ссылаясь на достоверные источники: «Он был чиновник. Объективная история его жизни

сохранилась поэтому в «послужных списках». Родился в 1810 году, в 1826 поступил в писцы... Умер в 1868 году в чине надворного советника...» [2, с. 13]. Эта точная датировка, допускающая вторжение в текст внетекстовой реальности, свидетельствует о четком автобиографическом пакте, заявленном вначале и постоянно подтверждаемом впоследствии. Однако параллельно этому фактографическому подтверждению идет противоположный процесс – экспликация сомнений повествователя в правильности своего комментария происходящего, выражающаяся в разнообразных комплексах модальных конструкций, типа: «Я почти уверен, что отец никогда не обсуждал этого вопроса... Я догадываюсь (курсив автора статьи), что он вступал в жизнь с большими... ожиданиями...» [2, с. 15]. Но эта противоположность процессов мнимая: подобные оговорки, сомнения в достоверности происходящего только усиливают эффект реальности – читатель распознает толстовскую условность говорения за своих персонажей, но не заметит этой же условности у Короленко: раз боится ошибиться да еще и признается в этом – значит говорит «чистую правду». Часто Короленко закавычивает и отдельные слова, желая подчеркнуть личный, индивидуальный характер их семантики: «Тот дом, в котором, казалось мне, мы жили “всегда”, был расположен в узком переулке...» [2, с. 24]. Здесь вновь актуализируется относительный характер категории памяти, «всегда» – это знак неизменного детского мира, «всегда» – субъективное ощущение ребенка, что его пространство было, есть и будет во все времена.

Так на протяжении всего романа повествователь размышляет над тем, «было – не было», «сказал – не сказал» исключительно ради того, чтобы доказать первое. Но в одном из таких фрагментов автор идет немного дальше, практически проговаривая то, что скрывал так долго. Описывая крестьянский праздник во время своего пути в ссылку, он замечает, что одна немолодая крестьянка сказала нараспев, глядя на ссыльных: «Эх, родимые... Кабы да наша воля!...» [2, с. 479]. И тут же, как и раньше, повествователь оговаривается: «Я не вполне уверен, что были сказаны именно эти слова. Быть может, в них *отлило мое воображение* (курсив автора статьи) все впечатления этих светлых праздничных дней...» [2, с. 479]. Это уже не столько сомнение в точности, сколько проговаривание основного принципа автобиографии как модели жизни, созданной по существующей в сознании автора схеме; написать автобиографи-

ческий роман – значит заново смоделировать свою жизнь согласно какой-либо идее, концепции. Таким образом, Короленко как бы балансирует между стремлением подчеркнуть объективность своей автобиографии и пониманием того, что он все равно обречен на это моделирование и «работу» в рамках определенной схемы. Многочисленные оговорки, рассыпанные по тексту, типа «не помню точно, было ли так», оказываются бифункциональными: с одной стороны, они усиливают степень правдивости текста (не хочу ничего выдумывать), а с другой, как это ни абсурдно, обнажают его условность (я понимаю, что вспоминаю реальные факты не такими, какими они были, а такими, какими я хотел их видеть, я своим сознанием заставляю их существовать). «История моего современника», таким образом, – это синтез взаимоисключающих стремлений. Хотя, возможно, что осознанное эксплицирование статуса текста как модели своей жизни, а не как объективного воссоздания этой жизни уже и есть само по себе **высшее** воплощение **правдивости**: Бунин, например, осознавал творчески преобразующую силу памяти, но не говорил об этом «открытым текстом», Короленко же не только понимает это, но и **разоблачает** данное свойство памяти. Принцип преобразующей памяти – основа и суть бунинской автобиографии – пантеистично разлит в его мифомире (и даже речи не возникает о правдивости и необходимости верификации), у Короленко это выявлено, обнажено, впрямую дискредитировано – и в силу этого оборачивается противоположной стороной, становясь еще одним доказательством «правдивости» текста. Если цель Бунина – создать особый миф своего детства (я понимаю, что это миф, но это неважно), цель Короленко – при создании такого мифа (именно мифа, ибо это неизбежно: вспоминать, выдумывая) постоянно разоблачать его, подчеркивая, что это всего лишь миф, рукотворная конструкция, тем самым порождая эффект правдиво-объективной (а не конструирующе-субъективной) памяти.

Но и это не последнее звено в длинной цепочке интерпретаций мотивов короленковской авторефлексии. Последний шаг мы можем сделать, пристально взглядевшись в следующую цитату: «Я раскрыл газету, если не ошибаюсь, “Молву”..., к сожалению, я не имею теперь возможности дословно воспроизвести репортерскую заметку..., но вся картина этой темной починковской избы, наполненной жадно слушающими мужиками, все их замечания и отдельные слова так ярко запечатлелись тогда в моей памяти, что и теперь, почти

через сорок лет, я все это вижу и слышу так ясно, точно это происходило недавно...» [2, с. 571]. Повествователь как бы не замечает явного логического сбоя в своей речи: заметки он дословно не помнит, зато синхронные с ней разговоры помнит практически дословно – это выглядит явным нонсенсом в уже заданной самим же автором системе координат «Объективность и истина». Вопрос «помню – не помню» начинает функционировать не по принципу правдивости, а по принципу политических приоритетов; репортерская заметка не важна и не ценна (и потому ее – «не помню»), а разговоры «темных» мужиков, несомненно ценятся на вес золота (и потому запоминаются и подробно воспроизводятся). Основным критерием отбора фактов для «запоминания становится, таким образом, степень важности события для общественно-политической жизни России («Я еще помнил – хотя это было в детстве – радостное оживление первых годов после освобождения крестьян»... [2, с. 666]), и если социальный статус события достаточно высок, то у повествователя даже и не возникает потребности усомниться, мог он это вспомнить или не мог.

Автобиографический роман Короленко стремится к полному и всеобъемлющему исчерпанию любой темы, и потому, начав о чем-то говорить, повествователь обязательно не проследит затронутый «тематический узор» до его логического или временного предела (например, глава «Гортынский» полностью посвящена одной из таких линий: автор вспоминает о своем знакомстве со студентом Гортынским, затем последовательно воспроизводит все последующие встречи с этим человеком и заканчивает главу сообщением о ранней смерти Гортынского от чахотки). Однако «История моего современника» – это не причудливое переплетение «узоров судьбы», а последовательное прослеживание от начала до конца сначала истории жизни отца, потом – матери, затем – истории гимназии и т. д. В результате роман лишается цельности, единства и превращается в набор различных «историй», очерков о жизни «моего современника», это не единый организм, не текст-мир, а набор фрагментарных воспоминаний. Не случайно многие ранние очерки Короленко вошли в «Историю моего современника» на правах отдельных глав. В этом романе отразились многие мотивы предшествующего творчества Короленко: например, очерк «В березовских починках», рассказ «В дурном обществе» (1885 г.), повесть «Слепой музыкант» (1886 г.) отразились в первом томе. И наоборот – сюжеты и темы мно-

гих рассказов выросли из «Истории моего современника» (так, описание шума соснового бора выросло в рассказ «Лес шумит», а эпизод с куклой – в рассказ «В дурном обществе»). Из этого же романа вышли и сибирские рассказы Короленко «Сон Макара», «Убивец», и не случайно одним из направлений «короленковедения» стало сопоставление текста «Истории моего современника» с производными от него рассказами Короленко. Иногда же повествователь просто может оговориться, что не будет включать в «Историю моего современника» какое-либо описание, поскольку оно уже вошло в отдельный очерк: «Свои ощущения в те несколько дней, которые я провел в этой камере, я описал в автобиографическом очерке «Искушение» и повторять их не стану. Скажу лишь кратко, что...» [2, с. 684]; «Я описал эти впечатления в своем рассказе «Государевы ямщики» [2, с. 793].

В качестве оправдания подобной фрагментарности, «нецельности» романа Короленко заявляет в одной из ранних редакций текста, что время, современность постоянно разрушает авторские планы, и потому текст неизбежно приобретает очерковый характер, ибо «очерки способны жить своей собственной художественной жизнью» [2, с. 896]. В таком случае раздробленность становится понятна: любой автобиографии цельность придает единая авторская личность, его призма сознания, цементирующая текст: обычно нестабильность, изменчивость материала компенсируется стабильностью самого автора автобиографии, именно он концептуально выстраивает текст; тут же повествованием управляет не «современник», а современность, история, именно она задает сюжеты, мотивы, настроения, беспрерывно изменяющиеся, отсюда – постоянно изменяющиеся модулы повествования и «разбегающаяся галактика» отдельных очерков, а не целостный текст-мир. «Очерковый» характер «Истории моего современника» предопределила и чрезвычайная «растянутость» времени его написания: замысел романа возник у Короленко еще в середине 80-х годов XIX в., начало работы определяется 1905 годом, первый том печатался в 1906–1908 гг. в журналах «Современные записки», «Современность» и «Русское богатство», второй том был опубликован в 1910 г., третий – в 1921 г., а четвертый том, законченный наспех смертельно больным Короленко, вышел в свет уже после смерти автора, к тому же, по свидетельству современников, Короленко «не мог целиком посвятить себя “Истории моего современника”». “Злоба дня” часто отрывала его от

работы..., и он снова и снова брался за оружие публициста» [1, с. 72].

Практически у всех авторов автобиографического романа по отношению к своему собственному тексту наблюдается некое собственничество: это мой роман, мой мир, моя реальность, уникальная и неповторимая, аналога которой нет ни у кого. Короленко же, наоборот, стремится утвердить читателя в диаметрально противоположном качестве своего текста, заявляя, например, такое: «Попов был известен как грубый самодур. Если не ошибаюсь, его вывел впоследствии Станюкович в рассказе под названием “Грозный адмирал”...» [2, с. 421]. Мало того, что здесь раз и навсегда окончательно признается жесткая референция текста – автор также утверждает существование *общей для всех* реальности, а не индивидуальной и неповторимой, реальности, которой может «воспользоваться» кто бы то ни было, сделал ее предметом другого текста. Прошрое, таким образом, оказывается для Короленко не личным, а общественным жизненным пространством, а автобиографический роман превращается из творения собственного мира – мифа в регистрацию реально бывших фактов. Повествователь даже и не претендует на уникальность своего творения – напротив, он всегда готов «поделиться» своими находками со всеми желающими и, наоборот, самому что-то позаимствовать из других источников. Так, рассказав историю о газетном репортере Гусеве, Короленко указывает в своем примечании: «Факт этот оглашен в книжке Н. Ф. Хованского “Очерки из истории г. Саратова и Саратовской губ.”, в биографии С. С. Гусева» [2, с. 432], а описав столкновение ссыльного с сопровождающим его жандармом, автор говорит, что и этот факт – не его «личное» открытие, еще раз убеждая читателя в существовании общего, единого референта, отражаемого многими мемуаристами: «Об этом см., между прочим, воспоминания И. П. Белоконоского “Дань времени”, стр. 166» [2, с. 638]. Право реального читателя на верификацию «официально» признается автором: исследователи творчества Короленко отмечают, что писатель был благодарен за всякое указание на ошибку его памяти, исправляя текст книги.

Таким образом, объективная модальность текста «Истории моего современника» оказывается в высшей мере нестабильной: в романе сочетаются утверждение правдивости и истинности всего сказанного – и сомнение в возможности адекватно воссоздать прошлое, а сам роман становится синтезом летописного документа и сознательно,

и искусственно сконструированной автором модели своего прошлого.

Библиографический список

1. Донской, Я. Е. В. Г. Короленко (очерк полтавского периода жизни и деятельности писателя), 1900–1921 [Текст] / Я. Е. Донской. – Харьков, 1963.

2. Короленко, В. Г. История моего современника. [Текст] / В. Г. Короленко. – М. : Издательство «Художественная литература», 1965.

3. Сторожев, А. И. «История моего современника» В. Г. Короленко [Текст] / А. И. Сторожев. – Минск : Гос. Изд-во БССР, 1953. – 189 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Donskoj, Ja. E. V. G. Korolenko (oherk poltavskogo perioda zhizni i dejatel'nosti pisatelja), 1900–1921 [Tekst] / Ja. E. Donskoj. – Har'kov, 1963.

2. Korolenko, V. G. Istorija moego sovremennika. [Tekst] / V. G. Korolenko. – M. : Izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 1965.

3. Storožhev, A. I. «Istorija moego sovremennika» V. G. Korolenko [Tekst] / A. I. Storožhev. – Minsk : Gos. Izd-vo BSSR, 1953. – 189 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

А. А. Федотова

Эквивалентность персонажей в сказе Н. С. Лескова

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно исследовательского проекта «Поздний Н.С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов» (грант № 15-04-00192)

Статья посвящена актуальной проблеме анализа поэтики поздней прозы Н. С. Лескова. Сказовое повествование рассматривается в ней на материале последнего произведения, написанного писателем в этой форме, – повести «Заячий ремиз». Снижение роли сюжета в произведении, в целом свойственное сказовой наррации, приводит к ослаблению временной и причинно-следственной связи повествовательных мотивов и усилению эквивалентных связей. В качестве эквивалентных персонажей повести выступают архиерей и «просвещенная» девушка. Соотнесение персонажей наблюдается на разных уровнях произведения: сюжетном, композиционном, мотивном и интертекстуальном. Парадоксальный и трагический образ архиерея создается Н. С. Лесковым в духе народной смеховой культуры. Однако за внешним комизмом скрывается принципиальный для писателя момент: занимая высокое место в церковной иерархии и следуя «букве» православия, его герой оказывается совершенно чуждым не только духовному, но и нравственному содержанию этой религии. Тем ярче на этом фоне, по мысли Н. С. Лескова, выступает положительный идеал специфической рациональной этики, воплощенный в образе юной учительницы. Сопоставление двух персонажей отражает характерное для позднего творчества писателя охлаждение к религиозной практике православной церкви, с одной стороны, и тесное его знакомство с протестантской культурой и учением Л. Толстого, с другой.

Ключевые слова: Лесков, «Заячий ремиз», эквивалентность, интертекстуальность.

A. A. Fedotova

Equivalence of characters in N. S. Leskov's fairy tale

The article is devoted to analyzing N. S. Leskov's late prose poetics. The material for the article is the last tale written by the author in this genre – the story *The Rabbit Warren (Zayachii remiz)*. Decreasing importance of the plot characteristic of tale narration in general leads to the weakening of temporal and causal links in narrative motives and strengthening of equivalent links. The equivalent characters in the story are the bishop and the “enlightened” girl. The correlation of the characters can be observed at different levels: plot, composition, motive and intertextual. The bishop's paradoxical and travesty image is created by Leskov in terms of folk humour culture. However, the funny side disguises what is really important for the writer: being on the top of the church hierarchy and following the “letter” of Orthodoxy, the bishop turns out to be completely alien not only to spiritual, but also to moral principles of this religion. Contrasted to him is the positive ideal of specific rational ethics shown by Leskov in the character of a young teacher. The comparison of the two characters reflects the writer's estrangement of Orthodox practice on the one hand, and his acquaintance with Protestant culture and L. Tolstoy's doctrine, on the other.

Key words: Leskov, *The Rabbit Warren*, equivalence, intertextuality.

Повесть «Заячий ремиз» является последним произведением Н. С. Лескова, написанным в сказовой форме. Несмотря на то, что в последние годы внимание исследователей к поздней прозе Лескова усилилось [3; 5; 6], она до сих пор относится к числу наименее изученных текстов писателя. Сказовое повествование, по мысли В. Шмида, характеризуется редукцией временной последовательности и усилением эквивалентных связей. В повествовательной прозе эквивалентность формируют «либо тематический признак повествуемой истории, объединяющий две или несколько тематических единиц помимо временных или причинно-следственных связей, либо формальные признаки, выступающие на различ-

ных уровнях нарративной структуры» [11, с. 247]. Одна из принципиальных граней тематической эквивалентности – эквивалентность персонажей. Проанализируем «Заячий ремиз» Лескова с точки зрения формирования в нем эквивалентных связей между героями произведения.

Своеобразие системы персонажей в повести «Заячий ремиз» связано с ориентацией текста на жанровую модель романа-воспитания [10]. В произведении рельефно прописаны фигуры героев, которые функционируют как наставники нарратора-протагониста. Равноценными по этой роли выступают такие центральные персонажи, как архиерей и учительница Юлия Петровна. Диалоги, в которых проявляют себя герои, обрам-

ляют событийный центр повести – историю неудавшейся «охоты» протагониста на «потрясателей». Появление этих диалогов в сходных топосах истории позволяет говорить о том, что тематическая эквивалентность в данном случае поддерживается эквивалентностью позиционной.

В. Шмид отмечает, что важнейшим признаком эквивалентных образов является «равноценность <...> то есть равенство по какой-либо ценности, по какому-либо значению» [11, с. 241]. Эквивалентная связь между двумя персонажами повести «Заячий ремиз» задается, прежде всего, благодаря тому, что в их речь введены религиозные аллюзии. Не вызывает удивления, что религиозные тексты актуализируются Лесковым в связи с созданием речевого портрета архиерея, однако характер этой актуализации весьма неоднозначен. Показательным в этой связи является диалог архиерея и отца нарратора: «Мы с тобой вспомним старину и чем попало усовершим свое животное благоволение <...> отец спросил вопрос щекотливого свойства: «Для чего, мол, ты <...> миром пренебрег и сей черный ушат на голову надел? А той и на сие не осердился и отвечал: Оставь уже это, миляга, и не сгадывай. Что проку говорить о невозвратном, но и то скажу о мирской жизни не сожалею, ибо она полна суеты и, все равно как и наша – удалена от священной тишины философии; но зато в нашем звании по крайней мере хоть звезды на перси легостнее ниспадают» [7, с. 518]. В высказывания архиерея включена аллюзия на молитву до вкушения пищи («Посем молитва перед трапезой: Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им пищу во благовремени, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животное благоволение») и намек на известные слова из книги пророка Екклесиаста («Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!» (Еккл. 1:2)).

Дословная передача сказовым повествователем речи архиерея с помощью приема цитирования позволяет Лескову подчеркнуть своеобразие внутренней оценочной позиции персонажа. Мировосприятие героя повести замыкается на исключительно «материальной» стороне цитируемых им текстов. «Суете» мирской жизни в словах персонажа повести противопоставлено быстрое продвижение по церковной иерархии, а толкование им молитвы перед трапезой отсылает исключительно к «животному», то есть «к животу относящемуся; обычно к жизни плотской, земной, нередко даже собственно к жизни чувственной» [4, с. 556]. До фактического оксюморона доводит Лесков это предпочтение героем «материальной»

стороны жизни в словах архиерея: «то ли дело житие духовное, где исполняется всякое животное благоволение» [7, с. 522].

Между тем, в книге Екклесиаста осознание суетности земной жизни, безусловно, связано с пониманием необходимости духовного роста человека. Упоминание же о «пище» в молитве перед трапезой, как и просьба о «хлебе насущном» в молитве «Отче наш», помимо своего прямого смысла имеет и смысл переносный, который связан с представлением о том, что сам Христос является «хлебом» для христиан. В этой связи уместно вспомнить слова Христа, произнесенные на Тайной вечере: «Сие есть тело мое <...> сие есть кровь моя» (Мф. 26: 26–28). На уровне оценочной позиции нарратора-протагониста точка зрения персонажа никак не корректируется. Лишь включение интертекстуальных элементов формирует внешнюю идеологическую точку зрения и сигнализирует об односторонности образа мыслей героя. Контрастное сочетание противоположных в плане идеологии точек зрения (внешней и внутренней) подкрепляет господствующую в «Заячем ремизе» ироническую интонацию.

Показательна фразеологическая точка зрения героя-архиерея. Его языковая «партия» выдержана Лесковым в комическом ключе. Писатель использует один из любимых им приемов сопряжения слов и выражений из различных стилистических пластов. Цитаты из религиозной литературы вводятся автором в диалог, изобилующий диалектизмами («сгадывай», «той») и просторечием («миляга»). Несоответствие же религиозной риторики бытовой ситуации приглашения на обед, описанной в этом эпизоде, естественно поддерживает стихию языкового комизма, которая главенствует в повести.

В уста героини-учительницы писатель вкладывает единственные в повести верно процитированные библейские высказывания: «Не сделаете ли вы мне одолжения: не впишите ли эти слова своею ручкою в мою книжечку? А она отвечает: – С удовольствием <...> и в ту же минуту берет из моих рук книжку и ничтоже сумняся крупным и твердым почерком, вроде архиерейского, пишет, сначала в одну строку: "Обольщение богатства заглушает слово" а потом с красной строки: "Богатые притесняют вас, и влекут вас в суды, и бесславят ваше доброе имя"» [7, с. 555]. Центральному женскому персонажу повести Лесков «доверяет» точно процитировать Новый Завет. Первая фраза героини восходит к известной притче о сеятеле (Мф. 13:22);

вторая своим источником имеет Соборное послание св. апостола Иакова (Иакова 2:6).

Религиозные тексты органично соответствуют фразеологической точке зрения героини. Речь Юлии Петровны, наряду с речью первичного нарратора, характеризуется использованием в ней нейтрального языка, приближенного к литературной норме. Стилистика речи героини близка к афоризму, краткие и точные ее реплики формируют образ предельно объективной речи: «тут гораздо способнее сойти с ума, чем сохранить оный» [7, с. 585]; «вы по крайней мере наверно никому не делаете зла» [7, с. 584]; «и как только ей чулок дадут <...> она сидит премило. То же самое, может быть, так бы и всем людям» [7, с. 583]. Присутствие в повести подобной «нейтральной» фразеологической точки зрения столь важно для Лескова, что при передаче речи героини писатель делает исключение из значимого свойства сказового повествования – «ассимиляции нарратором речи персонажей к своему тексту» [11, с. 191]. Непрофессиональный нарратор передает речь героини аутентично, что связано с использованием им цитатного дискурса (дискурса прямой речи).

Благодаря указанию Лескова на такую деталь, как почерк героини («твердым почерком, вроде архиерейского»), акцентируется параллель между ее образом и образом священнослужителя. Установление эквивалентных связей между персонажами позволяет Лескову подчеркнуть различия в восприятии и передаче ими религиозной литературы: превратному истолкованию сакральных в православии текстов, которое свойственно герою-архиерею, писатель противопоставляет точное следование букве и духу Евангелия героиней.

Следующей значимой точкой сопоставления образов архиерея и Юлии Петровны в повести является попытка разрешения Лесковым на их примере принципиальной для его позднего творчества проблемы телесности. При создании образа архиерея, как это ни парадоксально, Лесков постоянно возвращается к тем мотивам, которые, по мнению М. М. Бахтина, напрямую связаны с «материально-телесным началом жизни» [1], писатель актуализирует «образы <...> тела, еды, питья» [1]. Так, первый «выход» героя-священнослужителя ознаменован гиперболой: архиерей за день посетил подряд три обеда, на последнем из которых он «все снова ел, что перед ним поставляли, и между прочим весело шутил с отцом, вспоминая о разных веселящих предметах, как-то о киевских пирогах в Катковском трактире и о поросычье шкурке» [7, с. 519].

В эпизод визита архиерея к отцу протагониста Лесков включает и такой показательный фрагмент: «когда отец и туда послал хлопца узнать, что архиерей там делает, то хлопец сказал, что он знов сел обедать, и тогда это показалось отцу за такое бесчинство, что он <...> велел одному хлопцу взять простыню и пошел на пруд купаться. И нарочито стал раздеваться прямо перед домком Алены Яковлевны, где тогда на балкончике сидели архиерей и три дамы и уже кофей пили. И архиерей как увидал моего рослого отца, так и сказал: – Как вы ни прикидайтесь, будто ничего не видите, но я сему не верю: этого невозможно не видеть. Нет, лучше аз восстану и пойду, чтобы его пристыдить <...> Архиерей <...> превесело ему крикнул: – Що ты это телешом светишь!» [7, с. 517]. Ситуация внезапного обнажения перед гостем является одной из характерных для прозы Лескова. Достаточно вспомнить известный эпизод из повести «Смех и горе»: «старая княжна Авдотья Одоленская <...> решила сама навестить его. Для этого визита она выбрала день его рождения и прикатила. Дядя <...> ее выпроваживал; но тетка тоже была не из уступчивых <...> она села на диван и велела передать князю, что до тех пор не встанет и не уедет, пока не увидит новорожденного. Тогда князь позвал в кабинет камердинера, разоблачился донага и вышел к госте в чем его мать родила. – Вот, мол, государыня тетушка, каков я родился! Княжна давай бог ноги, а он в этом же райском наряде выпроводил ее на крыльцо до самого экипажа» [9, с. 398].

В контексте «Заячьего ремиза», так же, как и в контексте «Смеха и горя», мотив обнажения акцентирует скандальное нарушение героем общественных норм и тем самым вводит в повесть своеобразный вариант конфликта между телесным и социальным. Ситуация приема гостей достаточно формализована и подчинена требованиям этикета, что акцентирует момент выхода «за рамки приличия» обнажающегося героя. В «Заячем ремизе» степень нарушения героем условностей подчеркивается присутствием большого числа зрителей «купания». Между тем шокирующий характер поведения персонажа сглаживается благодаря ракурсу подачи события. Повествование в этом случае ведется с идеологической точки зрения нарратора-протагониста, который оценивает происходящее исключительно в юмористическом ключе: «отец <...> с усмешкою глядел на архиерейскую карету» [7, с. 517]; «архиерей <...> превесело ему крикнул» [7, с. 517]; «архиерей усмехнулся» [7, с. 517]; «отец рассмеялся» [7,

с. 518]. Благодаря господствующей в эпизоде стилистики комизма происходит фактическое снятие конфликта между телесным и общественным в духе народной смеховой культуры.

Появление в повести образа Юлии Петровны связано с двусмысленным сюжетом, благодаря которому героиня сразу же вовлекается в уже намеченное в произведении противопоставление между телесным и духовным. Один из второстепенных персонажей «Заячьего ремиз», Дмитрий Опанасович, «многогранный прелюбодей» [7, с. 550], «взял себе на воспитание золотушную племянницу шести годов и, как бы для ее образования, под тем предлогом, содержал соответствующих особ, к исполнению всех смешанных женских обязанностей в доме» [7, с. 550]. Неоднозначная роль женщин в доме героя служит поводом для возникновения комической ситуации: «Дмитрий Афанасьевич сам не мог ехать за новую особую, а выписал <...> таковую наугад по газетам и получил ужасно какую некрасивую <...> а наученную на все познания в Петербургской педагогии» [7, с. 551].

Портрет Юлии Петровны дан в повести в речи нарратора-протагониста. Его осведомленность в двойной функции учительницы определяет своеобразие ракурса, в котором рассматривается героиня: «Вижу действительно, ах, куда какая не пышная!.. перед самоваром сидит себе некая женская плоть, но на всех других здесь прежде ее бывших при испытании ее обязанностей нимало не похожая. Так и видно, что это не собственный Дмитрия Опанасовича выбор, а яке-с заглазное дрянце <...> вся она болезненного сложения, ибо губы у нее бледные и нос курнопековатый» [7, с. 551]. Портрет Юлии Петровны является ярким примером остраивающей функции сказового повествователя. Оценочная точка зрения нарратора, которая приближается к позиции персонажа Дмитрия Опанасовича, вступает в явное несоответствие с авторской позицией, в результате чего рождается комический эффект. Особенно значимым является факт физической ущербности героини. Характерно, что даже такие семантически нагруженные портретные детали, как короткая стрижка и очки (безусловно, ассоциирующиеся с женской эмансипацией) мотивируются Лесковым перенесенной Юлией Петровной болезнью (тифом). Телесная ограниченность, по мысли писателя, восполняется высокими нравственными качествами героини: Лесков акцентирует ее профессионализм, нежелание вступать в какие бы то ни было отношения с Дмитрием Опанасовичем,

стремление жить по евангельским заповедям. Кроме того, после общения с Юлией Петровной в протагонисте, до этого находящемся под «влиянием» архиерея, происходит «переворот <...> понятий» [7, с. 584]. Полноценность жизни тела оказывается недоступной герою, «зато в его духе поднимается лучшее» [7, с. 585].

Показательно, что в финальном диалоге героини-учительницы и протагониста содержится параллель к начинавшему сказовое повествование эпизоду обнажения отца нарратора перед архиереем: «Ах, бетизы! Это слово напоминает мне нашу бабушку <...> к гостям она не выходила, потому что <...> ее находили неприличною. А неприличие состояло в том, что бабушка стала делать разные «бетизы», как-то: цмокала губами, чавкала, и что всего ужаснее – постоянно стремилась чистить пальцем нос <...> и как только ей чулок дадут, она начинает вязать и ни за что носа не тронет, а сидит премило» [7, с. 583]. Лесков вновь вводит в повесть ситуацию, когда проявления человеческой телесности вступают в конфликт с конвенциональными нормами. Писатель акцентирует конфликт между телом человека и общественными правилами поведения, которые находят свое выражение во взгляде «другого».

Появление в повести параллельных эпизодов позволяет подчеркнуть принципиальную разницу двух подходов к проблеме телесного, которые связаны с образами архиерея и учительницы. Комическому, в духе народной смеховой культуры, приятию «неприличных» сторон человеческой жизни противопоставляется своеобразная замена телесного социальным. Результат подобной трансформации и продемонстрирован в «Заячьем ремизе» на примере пародийного «жизненного пути» нарратора-протагониста. Телесная ущербность героя достигает максимума в момент заключения его в сумасшедший дом: «с возбуждением сердечнейшего чувства я встал рано утром и <...> даже испугался, якій сморщеноватый <...> конечно мое кавалерство, я старик» [7, с. 584]. Однако в финале повествования пребывающий в сумасшедшем доме нарратор наконец обретает своеобразную «общественную» роль: «я вяжу чулки и думаю, що хочу, а чулки дарю – и меня за то любят» [7, с. 589].

В повести «Заячий ремиз» снижение роли сюжета, в целом свойственное сказовой наррации, приводит к ослаблению временной и причинно-следственной связи повествовательных мотивов и усилению эквивалентных связей. Позиционная эквивалентность (характерное для повести коль-

цеевое построение) акцентирует эквивалентность тематическую, одним из значимых видов которой является эквивалентность персонажей.

В качестве эквивалентных персонажей повести выступают архиерей и «просвещенная» девушка. Подобная пара образов характерна для творчества Лескова 1880-х – 1890-х гг. Так, в повести «Полунощники» писателем скрупулезно прописан диалог-спор главной героини Клавдиньки и остающегося безмянным религиозного деятеля, чьим прототипом является о. Иоанн Кронштадский. В «Заячем ремизе» Лесков значительно усложняет принцип взаимодействия двух заинтересовавших его типов: со- и противопоставление образов архиерея и Юлии Петровны нигде в произведении не дается напрямую, но пронизывает собой всю структуру текста. Соотнесение персонажей наблюдается на разных уровнях произведения: сюжетном (встречи с ними знаменует резкие повороты в жизни протагониста), композиционном (диалоги с персонажами обрамляют центральную часть повести о «ловле» нарратором «потрясователями»), наконец, мотивном и интертекстуальном.

Парадоксальный и трагический образ архиерея создается Лесковым в духе народной смеховой культуры. Однако за внешним комизмом скрывается принципиальный для писателя момент: занимая высокое место в церковной иерархии и следуя «букве» православия, его герой оказывается совершенно чуждым не только духовному, но и нравственному содержанию этой религии. Тем ярче на этом фоне, по мысли Лескова, выступает положительный идеал специфической рациональной этики, воплощенный в образе юной учительницы. Сопоставление двух персонажей отражает характерное для позднего творчества писателя охлаждение к религиозной практике православной церкви, с одной стороны, и тесное его знакомство с протестантской культурой и учением Л. Толстого, с другой.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета [Текст] / Библия. – М.: Российское Библейское Общество, 1990. – 830 с.
3. Андреева, В. Г. Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н. С. Лескова и В. Г.

Авсеенко [Текст] // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 5. – С. 131–134.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1. [Текст] / В. И. Даль. – СПб.: Издание М.О. Вольфа, 1880–1882.

5. Зенкевич, С. И. «Выметальщик сора»: публицистика Н.С. Лескова и общественная гигиена [Текст] // Историко-биологические исследования. – 2015. – Т. 7. – № 3. – С. 7–28.

6. Ильинская, Т. Б. Неизвестный очерк Н. С. Лескова «О клировом нищеводстве» [Текст] // Русская литература. – 2012. – № 3. – С. 145–152.

7. Лесков, Н. С. Заячий ремиз // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. – Т. 9. [Текст] / Н. С. Лесков. – М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1958. – С. 501–590.

8. Лесков, Н. С. Письма 1881–1895 годов // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. – Т. 11. [Текст] / Н. С. Лесков. – М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1958. – С. 249–607.

9. Лесков, Н. С. Смех и горе // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. – Т. 5. [Текст] / Н. С. Лесков. – М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1958. – С. 382–569.

10. Лученецкая-Бурдина, И. Ю., Федотова, А. А. Традиции пародийного романа Л. Стерна в прозе Н. С. Лескова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 222–225. Молитвослов православный и псалтирь [Текст] / М.: Православное слово, 2012. – 225 с.

11. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. М.: Языки славянской культуры. 2003. – 312 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin, M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i renessansa [Jelektronnyj resurs] / M. M. Bahtin. – Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php
2. Biblija. Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta [Tekst] / Biblija. – M.: Rossijskoe Biblejskoe Obshhestvo, 1990. – 830 s.
3. Andreeva, V. G. Vtoroe pokolenie russkikh nigilistov v vosprijatii N. S. Leskova i V. G. Avseenko [Tekst] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo

universiteta im. N. A. Nekrasova. – 2014. – № 5. – S. 131–134.

4. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. – T. 1. [Tekst] / V. I. Dal'. – SPb. : Izdanie M.O. Vol'fa, 1880–1882.

5. Zenkevich, S. I. «Vymetal'shnik sora»: publicistika N. S. Leskova i obshhestvennaja gigiena [Tekst] // Istoriko-biologicheskie issledovanija. – 2015. – T. 7. – № 3. – S. 7–28.

6. Il'inskaja, T. B. Neizvestnyj ocherk N. S. Leskova «O klirovom nishhebrodstve» [Tekst] // Russkaja literatura. – 2012. – № 3. – S. 145–152.

7. Leskov, N. S. Zajachij remiz // Leskov N. S. Sobranie sochinenij: v 11 t. – T. 9. [Tekst] / N. S. Leskov. – M. : «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury», 1958. – S. 501–590.

8. Leskov, N. S. Pis'ma 1881–1895 godov // Leskov N. S. Sobranie sochinenij: v 11 t. – T. 11.

[Tekst] / N. S. Leskov. – M. : «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury», 1958. – S. 249–607.

9. Leskov, N. S. Smeh i gore // Leskov N. S. Sobranie sochinenij: v 11 t. – T. 5. [Tekst] / N. S. Leskov. – M. : «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury», 1958. – S. 382–569.

10. Lucheneckaja-Burdina, I. Ju., Fedotova, A. A. Tradicii parodijnogo romana L. Sterna v proze N. S. Leskova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 6. – S. 222–225. Molitvoslov pravoslavnyj i psaltir' [Tekst] / M. : Pravoslavnoe slovo, 2012. – 225 s.

11. Shmid, V. Narratologija [Tekst] / V. Shmid. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов

Символизм в искусстве начала XX века на фоне бифуркационного взрыва в русской культуре

Статья представляет собой первую часть культур-философского исследования символизма в контексте противостояния двух традиций в русской культуре – модерна и романтизма. Соотнесенность символизма с романтизмом позволяет точнее представить место художественных открытий символизма, прежде всего, в их литературных формах в системе видов искусства, какой она предстает на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: символизм, романтизм, литературоцентризм, утопизм, музыкальность, пластичность, визуальность, культурный ренессанс, бифуркация, импрессионизм, примитивизм, неоплатонизм, футуризм, оптическая система видения, авангард, архаика, миф, соборность, линейный принцип, циклический принцип.

CULTURAL SCIENCE

N. A. Khrenov

Symbolism in the art of the early XX century against the background of the bifurcation boom in Russian culture

The article is the first part of a cultural-philosophic research where the author studies symbolism in the context of the opposition between two Russian cultural traditions – modernism and romanticism. The correlation of symbolism and romanticism helps to identify the exact place of symbolism artistic discoveries in their literary forms in the system of the arts at the turn of the XIX–XX centuries.

Key words: symbolism, romanticism, literature-centrism, utopianism, musicality, plasticity, visualization, cultural renaissance, bifurcation, impressionism, primitivism, Neoplatonism, futurism, optical vision system, avant-garde, archaism, myth, communalism, linear principle, cyclic principle.

В данной статье нас будет интересовать русское искусство рубежа XIX–XX веков, в частности, символизм как художественное направление. Но, касаясь символизма, мы в нем выделяем лишь проблему взаимоотношений вербального и визуального или, иными словами, литературного и пластического начал как одну из значимых проблем в осознании свершающегося на рубеже XIX–XX веков слома. Если под словом мы будем подразумевать литературу, то под изображением следует понимать все виды изобразительного искусства, а также возникшую визуальность нового типа, история которой начинается с появления фотографии и продолжается с возник-

новением кино. Но в круг нашего внимания попадает также и театр, который, с одной стороны, оказывает влияние на кино, а, с другой, сам подпадает под его воздействие. Тем более что творчество многих символистов связано с театром.

Символизм – продолжение традиции романтизма в истории искусства

Рубеж XIX–XX веков, в который вписался символизм в его русском варианте и, как кажется, по-прежнему остается загадочной и не поддающейся исчерпывающему осмыслению эпохой. Мы все еще продолжаем открывать и хотя бы описывать то, что в эту эпоху произошло.

Кажется, еще не выявлена логика, способная осветить и окончательно прояснить слом, что произошел в культуре, получив выражение в символизме. Это наше суждение отнюдь не умаляет значимости предпринимаемых отечественными искусствоведами в последние десятилетия усилий, в том числе, и усилий со стороны активно работающей группы искусствоведов «Европейский символизм и модерн».

Что делать, ведь вся эта эпоха необычайного подъема в русском искусстве многие десятилетия, пока внимание общества сосредотачивалось вокруг неудачной реализации идей социализма, оказывалась запретной темой. Уж на что М. Врубель, полотна которого выставлены в Третьяковской галерее, и то оказался не до конца осмысленным и прокомментированным. Опубликование в X томе «Истории русского искусства» раздела о М. Врубеле, написанного Н. А. Дмитриевой, свидетельствовало о начавшихся изменениях [6, с. 250].

Конечно, по самой своей сути символизм противостоял идее социализма и возникающему на ее основе искусству. Что дает нам право так утверждать? Да то, что с рубежа XVIII–XIX веков в истории мирового искусства, если на нее посмотреть взглядом культуролога, наметились две мощных тенденции – одна, связанная с рационализмом Просвещения и последующим, вытекающим из этого рационализма позитивизмом тенденция, проявившаяся, в том числе, и в радикальной ломке обществ и в гипнотическом воздействии идеи социализма на массы, и другая – с сопротивлением этому рационализму и функционализму, с сохранением ценностей, возникших в угаснувших культурах и углублением в психологические стихии, в мистику, в бессознательное, вплоть до реабилитации сверхчувственного. Не случайно в символизме активно проявляет себя антипозитивизм [16].

Эта вторая тенденция связана с романтизмом. В отличие от просветительского рационализма и футуризма, он не жертвовал прошлым, активно реабилитировал то самое Средневековье, которое просветители отождествляли со сплошным мракобесием. Понятно, что эта оппозиция просветительского рационализма и романтизма дошла до рубежа XIX–XX веков. Идея социализма как детище просветительского рационализма увлекала Россию к революциям, а затем и к спровоцированным ими мировым войнам. Романтическая же идея как идея консервативная и направленная, несмотря на весь революционный утопизм, во

власти которого оказалась не только масса, но и власть, на сохранение традиции, а, следовательно, и культуры, проявилась в символизме, мировосприятие которого по мере институционализации идеи социализма, перерождающейся в тоталитарные институты, угасало. Она постепенно вытеснялась в подсознание или сохранялась лишь в виде элементов, включенных в другие эстетические системы.

Символизм – явление романтизма в новой, более поздней редакции, причем, в редакции, которая соответствовала особой, то есть русской ментальности и культуре. Поэтому, возникнув как подражание западному символизму, русский символизм оказался самостоятельным и исключительно значимым явлением русской культуры.

Эти две тенденции в последний раз схлестнулись в смертельной схватке в начале XX века. Победил, конечно, просветительский рационализм в его извращенной форме, что проявилось во всех грехах омаасовления и тоталитаризма, о чем просветители, не говоря уже о романтиках, и помыслить не могли. Романтическая традиция была вытеснена в подсознание культуры. Некоторые символисты как новые романтики оказались в эмиграции. Но перед исчезновением и угасанием романтическая традиция успела воспламениться и осветить достаточно мощным и ярким светом все происходящее, давая основание назвать начало XX века в России славянским ренессансом.

Первоначально этот свет исходил из группы молодых маргиналов, которую некоторые называли фалангой, а иные сектой. В сознании общества они, тем не менее, скоро предстали революционерами. Они тоже, кстати, как и большевики ставили существование культуры под сомнение и грезил о вселенском преображении и необходимости создания принципиально новой, соборной культуры. Потом Н. Бердяев напишет: «В России индивидуализм культурного творчества был преодолен и была сделана попытка создать всенародную, коллективную культуру. Но через какой срыв культуры! Это произошло после того, как был низвержен и вытеснен из жизни весь верхний культурный слой, все творцы русского Ренессанса оказались ни к чему не нужными и в лучшем случае к ним отнеслись с презрением. «Соборность» осуществилась, но сколь непохожая на ту, которую искали у нас люди XIX и начала XX века» [4, с. 135]. Тем не менее, идея творчества новой культуры, ради которой следует отказаться даже от создания ху-

дожественных ценностей, таким образом, как для символистов, так и для революционеров первого призыва была общей. Весьма знаменательно, что в понимании того, в какой ситуации оказалась культура, представители столкнувшихся традиций сближались.

Бифуркация как исходная точка интенсификации художественной жизни рубежа XIX–XX вв.

А что же произошло в культуре? Было бы, наверное, в данном случае уместно употребить предложенное физиками понятие бифуркации, то есть радикального слома, тотального распада, нарушения преемственности в развитии. Хотя это понятие возникло в естественной науке, его вполне можно применить и к гуманитарной науке, к искусствоведению, вообще, ко всей гуманитарной сфере. Собственно, это сделал уже Ю. М. Лотман.

Правда, заимствование понятия предполагает и заданность выводов. Бифуркация означает полное упразднение существовавшей до взрыва логики развития. В выборе последующего направления в развитии возникает ситуация неопределенности. Да и сами эти возможные направления оказываются неизвестными. Длительное время в определении последующего развития мысль оказывается беспомощной, а сами процессы долгое время продолжают демонстрировать максимальную проявленность стихии, полную неготовность людей ее контролировать и вмешиваться в ход развития, хотя такие попытки и предпринимаются. Называя бифуркацию взрывом, Ю. Лотман пишет: «Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент из системы или даже элемент в из другой системы, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей будущего движения. Однако на следующем этапе он уже создает предсказуемую цепочку событий» [12, с. 28].

Когда С. Маковский старается разобраться в дробящихся течениях в искусстве начала XX века, он свою эпоху ощущает именно в духе бифуркации или, если выражаться языком Ю. Лотмана, взрыва. «Современная культура чрезвычайно сложна – пишет С. Маковский – По разным направлениям устремляется духовная энергия человечества, от старых корней к новым неведомым плодам. Искусство в такие эпохи широко ветвится в стороны, и нам не дано знать, какая ветвь окажется плодоноснее. Задач много.

Какая главная? Какое решение безусловнее?» [13, с. 19].

Видимо, понятие бифуркации будет уместным применить и к осмыслению ситуации рубежа XIX–XX веков. Конечно, столь резко нами разведенные две традиции – просветительская и романтическая на самом деле демонстрировали и взаимовлияние. То, что было характерно для социалистического утопизма, содержало в себе своеобразный мистицизм и религиозность, что было свойственно и символизму. И мистицизм, и религиозность проявились в том типе утопизма, который К. Манхейм назвал хилиазмом. Хилиазмом же были окрашены не только интуиции символистов, но и революционные массовые вспышки. Составной частью хилиазма входил в коммунистическо – социалистическую утопию. Так, в своей книге о Достоевском в понимании того, что русская революция может быть рассмотрена в границах не только политической истории, но и истории религии, Н. Бердяев точен.

Отношения между вербальными и визуальными началами в эстетике символизма

Эпоха символизма – это эпоха переходная. Собственно, самими символистами она так и осознавалась. Так, обсуждая вопрос об отношении символизма к предшествующим художественным стилям, А. Белый пишет: «Но если бы мы это (то есть верность традициям в искусстве прошлого) признали, мы стерли бы грань, отделяющую современное искусство от прошлого; будучи преемственно все тем же искусством, оно одушевлено сознанием какого – то непереступаемого рубежа между нами и недавней эпохой; оно – символ кризиса мирозерцаний; этот кризис глубок, и мы смутно предчувствуем, что стоим на границе двух больших периодов развития человечества» [3, с. 255].

Раз этот разлом, переход между старой и нарождающейся культурой, чему немало способствовали символисты, признается, то отсюда и вытекает изменение между словом и изображением. Исследователь визуальной культуры Б. Бернштейн справедливо пишет: «Изображениям отведено особое место в истории. Проблема изображений ярко высвечивается и становится предметом ожесточенных конфликтов во времена крутых исторических поворотов» [5, с. 430].

Но таким поворотным моментом и был рубеж веков. Известно, что многие этот период соотносили с закатным периодом античности, с фи-

нальной фазой эллинизма [10, с. 212]. А, следовательно, и с теми течениями в искусстве и философии, которые тогда возникали, например, со стоицизмом, скептицизмом, эпикуреизмом. Так, А. Козырев утверждает, что, например, В. Соловьев, оказавший столь сильное влияние на символистов, на фоне философии XX века воспринимается пришедшим из эпохи раннего христианства или позднего эллинизма [10, с. 76].

Однако, может быть, точнее было бы сказать, что рубеж веков – это время возвращения неоплатонизма. Но, как известно, неоплатонизм демонстрировал неудовлетворенность не только понятием, но и словом. Если время символизма – это время разочарования в науке, в позитивизме, вообще, в слове, то такая ситуация обязывает проводить исторические параллели. Такая же атмосфера отторжения научности, логики, слова, вообще логоса была характерной и для эпохи неоплатонизма. Однако параллель между символизмом и неоплатонизмом подтверждается и реабилитацией в среде символистов мифологии, что тоже сближает их с романтиками. Недоценка слова была впервые сформулирована еще в эллинистическую эпоху и время от времени в истории давала о себе знать. Этот комплекс сохраняется вплоть до наших дней.

Даже в постмодернизме можно снова констатировать недоверие к слову, которому дано не все. К слову, но и вообще к языку как средству коммуникации. Вот почему позднее, уже в наше время философы постмодернизма устремляются к тем архаическим эпохам, которые языку предшествуют. В данном случае под языком следует подразумевать именно словесный, вербальный язык. Потому что до его появления и распространения люди уже общались, состояли в коммуникации, но не прибегали к слову и слова еще не знали. Вот именно эта предшествующая собственно языку подпочва культуры становится для всего XX века весьма притягательной. Постмодернисты лишь подхватывают тенденцию, что проявилась еще в эпоху символистов.

Конечно, отношения между этими двумя составляющими культуры продемонстрировало именно искусство символизма. Хотя понятно, что в этом взаимоотношении литературного и визуального начал причины сдвигов не лежат лишь в плоскости символизма и искусства вообще. Они возникают как следствие радикального, бифуркационного слома в культуре в целом. В то же время невозможно не отметить и не воздать символистам должное за то, что они и не склон-

ны были замыкаться в сфере искусства. Они были первыми культурологами, что в литературе уже было отмечено [1, с. 18], и их культурологическая рефлексия явилась следствием их радикального проекта преобразования культуры.

Как символисты осмысляли новые тенденции? Что оказалось ими осмысленным, а что в поле их внимания не попало? Как они относились к слову, как относились к изображению? Поскольку применительно к рубежу XIX–XX веков речь идет о бифуркации, а значит, и о хаосе, когда традиционные формы подвергаются отрицанию, а новые оказываются еще неизвестными, то в отношениях между литературными и визуальными формами обнаружить какую-либо системность не представляется возможным. Тем не менее, если этого нельзя было сделать в первых десятилетиях XX века, то, спустя столетие, в первых десятилетиях XXI века это кажется уже возможным. Не претендуя на полноту изложения исследуемого вопроса, попробуем, тем не менее, выявить некоторые закономерности.

Эстетика символизма и литературоцентризм русской культуры

В глаза, прежде всего, бросается то, что в большей степени символизм получил выражение в вербальных формах. В этом смысле эстетика символизма органично возникает из русской культуры, которую обычно обозначают как литературоцентристскую культуру, то есть как культуру, в которой слово является доминантой [11, с. 229]. Это положение, например, подтвердит и опыт вхождения и освоения кино в русской культуре, отличающийся от того, что происходило в других культурах. Рецептивная норма восприятия визуального текста здесь предполагала вербализацию как доминанту. Исследовавший эту проблему в кино Ю. Цивьян делает такое заключение: «Киноговорящие картины», в которых актер, спрятавшись за экраном, озвучивал самого себя, – жанр, не знакомый ни одной другой национальной кинематографии. Точно так же никакая кинематография кроме русской не знает такого количества «разговорных надписей». Вербализация экранного события – так можно определить один из императивов русской кинокультуры» [17, с. 321].

Может быть, в меньшей степени символисты преуспели в прозе, но зато их заслуги и открытия очевидны в поэзии, хотя, как писал И. Иоффе, граница между поэзией и прозой у символистов стирается [9, с. 338]. Так, Р. Якобсон убежден,

что вклад символистов связан, прежде всего, с поэзией и только с поэзией. «Передовые позиции русской литературы нашего века, – пишет он, – захвачены поэзией; несомненно, поэзия и воспринимается здесь как самая каноничная, неотмеченная манифестация литературы, как ее чистое воплощение. Символизм, как и поднявшееся вслед за ним литературное бурление, которое зачастую объединяют под этикеткой «футуризм», почти целиком захвачен поэтами. Если многие из поэтов забредали на пути прозы, в этом следует видеть сознательный маневр виртуозов – версификаторов, пытающих судьбу в стороне от своего обычного маршрута» [20, с. 324].

Может быть, Р. Якобсон прав в том, что, несмотря на значимость образцов прозы символистов, все же символисты сильнее прежде всего в поэзии, а поэзия неизбежно должна иметь в будущем продолжение и, в частности, в прозе. Но, видимо, это должно произойти, когда бифуркация закончится, и культура вновь введет в свои берега творческий импульс. Иначе говоря, по выражению Р. Якобсона, поэзия символистов открывает веер путей, подготавливающих новый взлет прозы. Причем, когда Р. Якобсон говорит о будущей прозе, то он имеет в виду исключительно русскую прозу. По его мнению, так было после русского поэтического «золотого века». Начиная с Гоголя, великой прозе XIX века предшествовала поэзия в лице Пушкина и Лермонтова.

Но проблема заключается в том, что проза русских символистов явилась исходной точкой того типа романа, который в XX веке появится не только в русской, но и в мировой литературе. Ведь, скажем, А. Белого нередко ставят рядом не только с М. Прустом, но и с Д. Джойсом [15, с. 8]. Более того, в иных отзывах А. Белого ставят даже впереди Д. Джойса. В 1934 году в газете «Известия» по случаю смерти А. Белого был напечатан некролог, подписанный, в том числе, Б. Пастернаком. В нем были такие строчки. «Творчество Андрея Белого – не только гениальный вклад как в русскую, так и в мировую литературу, оно – создатель громадной литературной школы. Перекликаясь с Марселем Прустом в мастерстве воссоздания мира первоначальных ощущений, А. Белый делал это полно и совершенно. Джеймс Джойс для современной европейской литературы является вершиной мастерства. Надо помнить, что Джеймс Джойс – ученик Андрея Белого» [7, с. 639].

Конечно, прозу писали и В. Брюсов, и Д. Мережковский, и А. Белый, и все же, в поэзии они, кажется, преуспели больше. Тем не менее, несмотря на это доминирование в поэзии, вклад символистов в прозу тоже значителен. Правда, этот их вклад кажется противоречивым. В самом деле, с одной стороны, предвосхищение прозы, какой она окажется позднее и образцом которой служит Д. Джойс, а, с другой, именно символистам мы обязаны открытием и новым, более глубоким прочтением классической литературы XIX века. Символисты прочитали ее так, как до этого ее никто не смог прочитать. Они открыли в ней особые и, следует подчеркнуть, близкие им смыслы.

В этом отношении показательно не только исследование Д. Мережковского о Толстом и Достоевском, но, скажем, исследование А. Белого о Гоголе. Так, в Гоголе А. Белый находит родственного эстетике символизма писателя. Но эту значимость Гоголя для литературы XX века следовало еще доказывать, ведь до XX века его заслоняли два других гиганта – Толстой и Достоевский. «Конец XIX века – апофеоз Толстого; – пишет А. Белый, – первые годы XX-го – апофеоз Достоевского (в книгах Розанова, Мережковского, Шестова, Волынского и др.); у Мережковского Толстой и Достоевский – геркулесовы столбы культуры, меж ними лишь – проход в будущее; Гоголь был заслонен всеобщим интересом к «столбам» [2, с. 310].

Как утверждает А. Белый, «разлив» гоголизма наступает позднее, совпадая с расцветом символизма. Что же такое разглядели в Гоголе символисты? Прежде всего, они разглядели в нем свое, но не только. Ответ А. Белого таков: «Гоголем у нас пролился ... до – классический стиль» [2, с. 317]. Если фраза Карамзина готической формы, а Пушкин – формы дорической, то фраза Гоголя – «ассиметрическое барокко, обставленное колоннадой повторов, взывающих к фразировке и соединенных дугами вводных предложений с вкрапленными над ними восклицаниями, подобными лепному орнаменту» [2, с. 18]. Иначе говоря, с фразы Гоголя начинается новое искусство, в том числе, Маяковский и Хлебников. В центре внимания Гоголь оказывается, когда формы психологического романа XIX века оказываются отработанными. Он возвращает к исходной точке, которой когда – то был Тредьяковский. В литературе рубежа веков Гоголь осуществлял те же функции, которые в свое время осуществлял Тредьяковский. Оказывается, Го-

голь – исходная точка символизма. Но только ли Гоголь?

Символизм: реабилитация зауми. Значение реабилитации зауми для визуальных искусств

В связи с Гоголем у А. Белого сказано главное: недра гоголизма выбрасывают на поверхность то, что в филологии первых десятилетий XX века известно как «заумь». В Гоголе символисты выявили самую архаическую форму повествования, характерную для догутенберговской эпохи, а именно, сказ, то есть структуру речи, какой она представляла в устном повествовании.

Когда И. Иоффе касается устного повествования, он пишет следующее: «Материал устной речи не единый, как материал книжный, сплошь идеографический, а сложный конгломерат жеста, мимики, интонации и слова. Устная фраза, конструируясь из этих элементов, имеет особый синтаксис, отличный от синтаксиса письменной речи. Один материал дополняет и уясняет другой. Запись по линии одного словесного смысла устной фразы дает перерывную неполную и часто непонятную мысль. Заумие часто и есть неверная запись осмысленной в интонации и жесте речи. Для записи и устного разговора идеографическая письменность недостаточна и часто просто негодна, как негодна запись одной линии мелодий в гармонической музыке» [8, с. 22].

В этом высказывании И. Иоффе существенна уловленная связь устного слова с жестом, мимикой, интонацией, характерными для ранних способов коммуникации с присущей им моторно-тактильной стихией, то есть стихией, характерной для ранних форм живописи. Утрачивая эти особенности моторно-тактильного характера, как живопись, так и литература все же могут их время от времени реабилитировать и культивировать. Видимо, это как раз и происходит в переходные эпохи, причем, если под ними подразумеваются не стилевые стадии внутри цикла, а именно смену самих циклов, что как раз и происходит на рубеже веков (об этом подробно мы будем говорить ниже) и во многом определяет мирозерцание символизма. Нет, совершенно не случайно А. Белый погружается в стилистику, синтаксис и семантику Гоголя, ведь у него он находит как раз то, что в своей манере письма воскрешает он сам.

Высказывание И. Иоффе интересно именно тем, что для характеристики устной речи он прибегает к тому, что, например, не только для сим-

волистов, но и для футуристов является ключевым понятием, а именно, к понятию «заумь». Заумь как явление тоже извлекается из тех ранних пластов коммуникации, которые предшествуют галактике Гутенберга, да и письменности вообще. Анализируя сказовые структуры у Гоголя, А. Белый, по сути, занимается археологией языка, а значит, приковывает внимание к детской речи и к речи архаического человека, о чем говорит и И. Иоффе, имея в виду уже эстетику футуристов. Между прочим, высказывание И. Иоффе интересно еще и тем, что противостояние символизма и футуризма, что нередко констатируется и, в общем, подтверждается самими футуристами, декларативно отвергающих эстетику символистов, оказывается мнимым. Футуризм – детище символизма. Во многих своих экспериментах символисты уже предвосхищают приемы футуристов [18].

О чем свидетельствует реабилитация символистами форм, характерных для символической фазы, которые присущи архаическому сознанию и продолжают быть реальными в детском мышлении? Она свидетельствует о радикальных сдвигах в культуре накануне появления кинематографа. Символизм вносит в искусство то, что получит выражение в новых формах визуальности, возможных на технологической основе. В некоторых своих проявлениях кинематограф перечеркивает ту эстетику оптических способов восприятия, что формировались на протяжении всей истории изобразительного искусства, и возвращает к архаическим, а точнее, моторно-осозательным способам восприятия. Можно даже утверждать, что культура, в которой символизм получает развитие, уже пытается переосмыслить способы рецепции искусства, пусть это подчас воспринимается как разрушение, кризис, отклонение от нормы. А, следовательно, и подготавливать публику к тому способу восприятия, который будет утвержден в формах кинематографа.

В связи с этим любопытно присмотреться к тем первым реакциям на кино, которые существуют в критике. Так, в рецензии В. Перцова на фильм А. Довженко «Звенигора» высказывается суждение, в котором кинематографическое повествование сближается со структурой речи ребенка и архаического человека. «Детская речь – пишет он, – лишена логических связей, условных стилистических переходов, она предметна, конкретна и эмоционально насыщена, как и речь дикаря. Исследователи определяют мышление ребенка как внесинтаксическую серию зрительных

образов, которые постепенно заменяются словами. Кинематографическое восприятие таит в себе нечто общее с этим свойством первобытного и детского мышления» [14, с. 292].

Суждение В. Перцова свидетельствует: то, что казалось странным в тех формах, которые открывают символисты, оказывается органичным для киноязыка, который открытую как значимый прием поэзии «заумь» превращает в универсальную форму визуальной коммуникации. В самом деле, в кино произошел прорыв того, к чему так тяготели символисты и вышедшие из него авангардные направления, а именно, прорыв зауми. Что же такое заумь? А это то, что язык как орган культуры, развивающейся в сторону рационализма и логоцентризма, отторгал, выводил за пределы культуры. Это то несистемное, что вытеснялось в подсознательную сферу.

Вот как это перманентное очищение языка от зауми, как и не менее перманентный прорыв зауми уже не обязательно в язык, но и в другие сферы культуры представляет Б. Эйхенбаум. «Первичная природа искусства – это потребность в разряде тех энергий человеческого организма, – пишет Б. Эйхенбаум – которые исключаются из обихода или действуют в нем частично. Это и есть его биологическая основа, сообщающая ему силу жизненной потребности, ищущей удовлетворения. Основа эта, по существу игровая и не связанная с определенно – выраженным «смыслом», воплощается в тех «заумных», «самоцельных» тенденциях, которые просвечивают в каждом искусстве и являются его органическим ферментом. Использованием этого фермента для превращения его в «выразительность» организуется искусство, как социальное явление, как особого рода «язык». Эти самоцельные тенденции часто обнажаются и становятся революционным лозунгом – тогда начинают говорить о «заумной поэзии», об «абсолютной музыке» и пр. Постоянное несовпадение между «заумностью» и «языком» – такова внутренняя антиномия искусства, управляющая его эволюцией» [19, с. 16].

Улавливая противостояние языка и зауми в искусстве вообще, Б. Эйхенбаум эту оппозицию находит и в кино. Заумь в кино предстает в том, что применительно к кино обычно называют «фотогенией». Фотогения – это прорыв в формах кино в культуру зауми, то есть того, что оказывается за пределами сюжета и всякой литературности. «Фотогения – пишет Б. Эйхенбаум – это и есть «заумная» сущность кино, ана-

логичная в этом смысле музыкальной, словесной, живописной, моторной и прочей «зауми». Мы наблюдаем ее на экране вне всякой связи с сюжетом – в лицах, в предметах, в пейзаже. Мы заново видим вещи и ощущаем их как незнакомые» [19, с. 17].

Таким образом, в понятии «заумь», которую символисты, а также затем и футуристы искали в разных формах искусства, содержится главное для культуры XX века: то, что до сих пор вытеснялось на периферию и казалось изжитым, начинает активно реабилитироваться. Каков же смысл в этой реабилитации вытесненного? Это свидетельствует о начальном этапе формирования новой культуры, в которую должны войти, в том числе, и забытые, ушедшие в прошлое формы, давно переставшие осуществлять эстетические функции. То, что кажется в XX веке принципиально новым и новаторским, оказывается, как это ни парадоксально, вынесенным на поверхность сознания забытое, архаическое и доисторическое. Это кажется регрессом культуры, но это не регресс культуры, а движение к новой системности и иерархичности культуры, преодолевающей бифуркацию.

Именно эта культуротворная функция и выпала на долю символистов. Кстати, сами они это осознавали. Так, структура внутреннего монолога, что институционализирована в форме романа Д. Джойса, демонстрирует связь актуального и архаического. Но эта закономерность прослеживается не только в литературе начала XX века и, в частности, в литературе символизма, но и в визуальных формах искусства. Не случайно, например, представитель киноавангарда С. Эйзенштейн проявлял столь сильный интерес к прозе Д. Джойса. Читая Гоголя, А. Белый демонстрировал то, что, кажется, впервые реабилитировалось в символизме, но что в истории искусства уже не раз имело место.

Библиографический список

1. Асоян, Ю. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX веков [Текст] / Ю. Асоян. – М., 2000.
2. Белый, А. Мастерство Гоголя [Текст] / А. Белый. – М., 1996.
3. Белый, А. Символизм как мирозерцание [Текст] / А. Белый. – М., 1994.
4. Бердяев, Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1991.

5. Бернштейн, Б. Визуальный образ и мир искусства [Текст] / Б. Бернштейн. – СПб., 2006.
6. Дмитриева, Н. М. А. Врубель [Текст] / Н. М. Дмитриева // История русского искусства. Т. 10. – Кн. 1. – М., 1968.
7. Из переписки Бориса Пастернака с Андреем Белым [Текст] // Белый А. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. – М., 1988.
8. Иоффе, И. Кризис современного искусства [Текст] / И. Иоффе. – Л., 1925.
9. Иоффе, И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления [Текст] / И. Иоффе. – Л., 1933.
10. Козырев, А. Соловьев и гностики [Текст] / А. Козырев. – М., 2007.
11. Кондаков, И. «Образ мира, в слове явленный»: волны литературоцентризма в истории русской культуры [Текст] / И. Кондаков // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. – М., 2004.
12. Лотман, Ю. Культура и взрыв [Текст] / Ю. Лотман. – М., 1992.
13. Маковский, С. По поводу «Выставки современной русской живописи» (гипс, фотография и лубок). Аполлон. [Текст] / С. Маковский. – 1916. – № 8.
14. Перцов, В. «Звенигора» [Текст] / В. Перцова // Новый Лэф. – 1928. – № 1.
15. Хренов, Н. Возвращаясь к символу и символизму. Символизм и эстетика XX века [Текст] / Н. Хренов // Символизм и модерн – феномены европейской культуры. – М., 2008.
16. Хренов, Н. Символизм в контексте столкновения антропоморфной и дезантропоморфной тенденций в культуре [Текст] / Н. Хренов // Культура и искусство. 2013.
17. Цивьян, Ю. Историческая рецепция кино. Кинематограф в России. 1896–1930 [Текст] / Ю. Цивьян. – Рига, 1991.
18. Шемшурин, А. Футуризм в стихах Брюсова [Текст] / А. Шемшурин. – М., 1913.
19. Эйхенбаум, Б. Проблемы киностилистики [Текст] / Б. Эйхенбаум // Поэтика кино. – М.; Л., 1927.
20. Якобсон, Р. Работы по поэтике [Текст] / Р. Якобсон. – М., 1987.
2. Belyj, A. Masterstvo Gogolja [Tekst] / A. Belyj. – M., 1996.
3. Belyj, A. Simvolizm kak mirosozercanie [Tekst] / A. Belyj. – M., 1994.
4. Berdjaev, N. Samopoznanie. Opyt filosofskoj avtobiografii [Tekst] / N. Berdjaev. – M., 1991.
5. Bernshtejn, B. Vizual'nyj obraz i mir iskusstva [Tekst] / B. Bernshtejn. – SPb., 2006.
6. Dmitrieva, N. M. A. Vrubeľ [Tekst] / N. M. Dmitrieva // Istorija russkogo iskusstva., T. 10. – Kn. 1. – M., 1968.
7. Iz perepiski Borisa Pasternaka s Andreem Belym [Tekst] // Belyj A. Problemy tvorcestva. Stat'i. Vospominanija. Publika-cii. – M., 1988.
8. Ioffe, I. Krizis sovremennogo iskusstva [Tekst] / I. Ioffe. – L., 1925.
9. Ioffe, I. Sinteticheskaja istorija iskusstv. Vvedenie v istoriju hudozhestvennogo myshlenija [Tekst] / I. Ioffe. – L., 1933.
10. Kozyrev, A. Solov'ev i gnostiki [Tekst] / A. Kozyrev. – M., 2007.
11. Kondakov, I. «Obraz mira, v slove javlennyj»: volny literaturocentrizma v istorii russkoj kul'tury [Tekst] / I. Kondakov // Ciklicheskie ritmy v istorii, kul'ture, is-kusstve. – M., 2004.
12. Lotman, Ju. Kul'tura i vzryv [Tekst] / Ju. Lotman. – M., 1992.
13. Makovskij, S. Po povodu «Vystavki sovremennoj russkoj zhivopisi» (gips, fotografija i lubok). Apollon. [Tekst] / S. Makovskij. – 1916. – № 8.
14. Percov, V. «Zvenigora» [Tekst] / V. Percova // Novyj Lef. – 1928. – № 1.
15. Hrenov, N. Vozvrashhajaz' k simvolu i simvolizmu. Simvolizm i jestetika HH veka [Tekst] / N. Hrenov // Simvolizm i modern – fenomeny evropejskoj kul'tury. – M., 2008.
16. Hrenov, N. Simvolizm v kontekste stolknovenija antropomorfnoj i dezantropo-morfnoj tendencij v kul'ture [Tekst] / N. Hrenov // Kul'tura i iskusstvo. 2013.
17. Civ'jan, Ju. Istoricheskaja recepcija kino. Kinematograf v Rossii. 1896–1930 [Tekst] / Ju. Civ'jan. – Riga, 1991.
18. Shemshurin, A. Futurizm v stihah Brjusova [Tekst] / A. Shemshurin. – M., 1913.
19. Jejhenaum, B. Problemy kinostilistiki [Tekst] / B. Jejhenaum // Pojetika ki-no. – M.; L., 1927.
20. Jakobson, R. Raboty po pojetike [Tekst] / R. Jakobson. – M., 1987.

Bibliograficheskij spisok

1. Ju. Otkrytie idei kul'tury. Opyt russkoj kul'turologii serediny XIX i nachala XX vekov [Tekst] / Ju. Asojan. – M., 2000.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.04.2016
Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Т. В. Юрьева

Проблемы сохранения культурного наследия в Ярославском крае в середине XIX – начале XX в.

В статье раскрывается история развития реставрационного дела в области храмовой архитектуры в Ярославле и Ярославской губернии в середине XIX – начале XX в. Ставится проблема формирования в этот период представлений о необходимости сохранения культурного наследия. Анализируется процесс осуществления первых реставраций памятников церковной архитектуры Ярославля и Ярославской губернии.

Ключевые слова: сохранение культурного наследия, реставрация, архитектурный памятник, древнерусская архитектура, Ярославль, Ярославская губерния.

T. V. Yurieva

On cultural heritage conservation in Yaroslavl region in mid XIX – early XX centuries

The article describes the historical development of restoration business in the field of church architecture in Yaroslavl and the province in mid XIX-early XX centuries. The author defines the problem of forming in this period the ideas about the need to conserve cultural heritage and analyses the process of first restorations of church architecture landmarks in Yaroslavl and the province.

Key words: conservation of cultural heritage, restoration, architectural landmark, ancient Russian architecture, Yaroslavl, Yaroslavl province.

Ярославль – старинный русский город, который славится своей историей и своими памятниками. Исторический центр Ярославля внесен в список памятников культурного наследия ЮНЕСКО. То обилие архитектурных памятников, которыми богата ярославская земля, обусловлено во многом тем, что на протяжении многих лет в городе, вопреки градостроительной политике, ведется кропотливая работа по их сохранению. Многие из тех архитектурных сооружений, которыми гордятся сегодня ярославцы, были в буквальном смысле спасены людьми, которые посвятили свою жизнь делу реставрации и сохранения нашего культурного наследия.

В наше время в общественном сознании давно уже сформировано представление о необходимости сохранения и реставрации историко-культурных памятников [17]. Но так было не всегда, и история реставрации насчитывает не более двух столетий. В частности временной отсчет можно вести с 1830 года – времени создания первого действенного государственного органа по охране памятников Франции, когда впервые встал вопрос о реставрации и возрождении пострадавших в годы революции монастырей,

замков и храмов. В 1843 году архитекторами Виолле ле Дюком и Лассю был создан первый проект реставрации собора Парижской Богоматери, работы по которому продолжались до конца 60-х годов XIX столетия. Эта, можно сказать, первая в истории человечества крупномасштабная реставрация не была лишена ошибок, и подходы первых реставраторов конечно требовали корректировки. Но важно то, что вопрос о сохранении памятников прошлого был заявлен, и человечество получило первый опыт в деле реставрации.

Вслед за Европой начинают реставрироваться архитектурные памятники и в России. Хотя необходимо отметить, что на русской почве это получило свою специфику. Как отмечал в одной из своих статей И. Э. Грабарь, интерес к древнерусскому искусству возрастает лишь в 20-е годы XX столетия. «Такого интереса не наблюдалось не только в первые годы революции, но и в России довоенной» [9, с. 357]. Связано это было, по всей видимости, со спецификой нашего историко-культурного процесса, когда, начиная с XVIII века, новое противопоставляется старому, европейское исконно русскому, причем первое заведомо лучше второго. Поэтому считалось,

что древнерусская культура никому интересной быть не может.

Начиная с XVIII в. память о прошлом величии приносилась в жертву европеизации городской среды. Регулярность потребовала сноса многих деревянных зданий и перестройки каменных (разумеется, палаты XVII в. не воспринимались как памятники истории). В XIX веке к вышеуказанным процессам добавилось естественное старение зданий, построенных в XVII в. и ранее. Поэтому архитектурные постройки ремонтировались в соответствии с утилитарными представлениями эпохи.

И все-таки, интерес к древнерусской культуре неизбежно должен был возникнуть в связи с теми переменами общественного сознания, которые возникают в XIX веке. Г. И. Вздорнов справедливо отмечал: «Без огромной предварительной работы, проделанной в XIX столетии, была бы невозможна та яркая картина открытий начала XX века, о которой мы слышали или читали...» [3, с. 8].

Начало было положено открытием памятников древнерусской литературы. В конце XVIII – начале XIX века образовалось несколько небывалых прежде частных коллекций древних рукописей. Это обширные собрания графов А. И. Мусина-Пушкина и Ф. А. Толстого в Москве, государственного канцлера графа Н. П. Румянцева в Петербурге, инженера П. К. Фролова, профессора Московского университета Ф. Г. Баузе, купца А. И. Лобкова, К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева.

Затем была открыта древнерусская живопись. Это и реставрация памятников монументальной живописи, начатая Ф. Г. Солнцевым и продолженная затем А. В. Праховым и В. В. Сусловым, расчистка древних мозаических и фресковых циклов, непосредственно связанных с церковными зданиями XI–XII столетий, такими как София Киевская, София Новгородская, Дмитриевский и Успенский соборы во Владимире, расчистка икон Успенского собора Московского Кремля Н. И. Подключниковым в 50-х годах XIX века. Развитие церковной археологии и активизация собирательства повели к образованию значительных церковных и личных коллекций. Владельцами лучших собраний такого рода были М. П. Погодин, А. С. Уваров.

В XIX веке было образовано Общество любителей древней письменности и искусства. Ведущие ученые общества выявили, опубликовали и ввели в научный обиход сотни памятников

древнерусской живописи: начиная с миниатюр Остромирова Евангелия, мозаик Софии Киевской и фресок Старой Ладogi и кончая иконами и лицевыми рукописями XVII–XVIII веков. На этом источниковедческом фундаменте основывали свои научные изыскания такие исследователи как Д. А. Ровинский, Ф. И. Буслаев, Г. Д. Филимонов, А. И. Кирпичников, Н. В. Покровский, Н. П. Кондаков, Е. К. Редин, Д. В. Айналов.

Но, как отмечает Г. И. Вздорнов, несмотря на то, что русская наука второй половины XIX века занимала наряду с немецкой и французской ведущее положение в изучении средневековых церковных древностей, «... широчайшая эрудиция ученых, их великолепное владение материалом, тончайшие методы исследования не в силах скрыть главного недостатка этой науки, которая ничего, или почти ничего не сообщает о подлинной живописи произведений. Тысячи икон были записаны, поновлены и погребены под массивными металлическими окладами, под вековыми наслоениями почерневшей олифы, копоты и пыли. По той же причине оставались недоступными для исследователя и многие стенные росписи. Вследствие этого изучение памятников получило крайне однобокое направление» [3, с. 276]. По-иному взглянуть на древнерусскую живопись позволила реставрация, начало которой положил уже XX век.

С древнерусской архитектурой положение было еще хуже. На протяжении веков памятники архитектуры приспособлялись к требованиям жизни, то и дело перестраиваются, надстраиваются, расширяются, не говоря уже о таких мелочах, как растеска окон и дверей, замена устаревших декоративных частей новыми и т. п. Как отмечает один из родоначальников реставрации И. Э. Грабарь, «...нет ни одной постройки старше 100 лет, которая не носила бы следов разновременного калечения» [4, с. 358]. Поэтому реставрация имела для изучения древнерусской архитектуры первостепенное значение. Прежде всего, необходимо было выявить первичный облик постройки. Лишь после этого пред нами во всем ее блеске могла предстать древнерусская архитектура. А сделать это было еще сложнее. Имея, прежде всего, утилитарное назначение, архитектура продолжала служить людям. И огромная проблема была еще и в том, что очень трудно было реставрировать действующие храмы, прихожане которых могли вовсе не разделять взглядов ученых на этот вопрос. Поэтому реставраци-

онные работы разворачивались медленно, не мог быть быстро накоплен практический опыт в деле реставрации архитектурных памятников.

Строго говоря, в полном смысле слова о научной реставрации архитектурных памятников в XIX веке речь вести нельзя.

Методика реставрации памятников архитектуры – сравнительно новая, базирующаяся на обширном опыте область знаний. Она определяет последовательность, содержание и формы проведения исследований и практической деятельности. Умелое применение научной методики для каждого конкретного объекта исключает грубые ошибки, наносящие ущерб памятникам, позволяет организовать и оценить материалы предварительных изысканий, выбрать наилучший вариант восстановительных процессов и обеспечить их планомерное и правильное осуществление.

Охраной и проведением необходимого минимума консервационных работ в идеальном случае исчерпывается задача, стоящая перед инспекцией по охране памятников и реставраторами. Однако разрушающее влияние времени, перестройки, поновления, стихийные бедствия, войны, изменение условий окружающей среды вызывают необходимость более активного реставрационного вмешательства, без которого сохранение исторических ценностей просто невозможно. Реставрация также подразумевает восполнение каких-то утрат. Неизбежно происходит дополнение подлинного вновь привнесенными элементами, необходимыми для сохранения памятника в целом.

Любая реставрация – вынужденная мера и при самом бережном отношении сопровождается какими-то частичными утратами подлинного. Поэтому, при всем многообразии индивидуальных особенностей объектов и стоящих перед реставраторами задач принцип минимального вмешательства, внедрения в структуру объектов в наибольшей степени отвечает целям охраны культурного наследия.

Реставрационная деятельность призвана сохранять существующие исторические ценности и выявлять новые, ранее неизвестные. Это относится не только к памятникам, обнаруженным при археологических раскопках, но и к зданиям, прошедшим много этапов и переделок и перестроек за весь период своего существования.

А. А. Кедринский в книге «Основы реставрации памятников архитектуры» выделяет следующие особенности научной реставрации:

«Специфические особенности реставрации заключаются в следующем:

– Процесс изучения, исследования, проектирования и корректировки проектных решений на памятниках архитектуры не завершается к началу реставрационных работ, а сопутствует им до конца, иногда продолжаясь и после их окончания.

– Памятник архитектуры исключает типизацию и стандартизацию в конструктивных и декоративных решениях.

– При осуществлении реставрации стоит задача сохранения максимума подлинных элементов памятника, их лечения, даже в тех случаях, когда эти элементы проще было бы выполнить заново.

– В огромном большинстве случаев появляется необходимость возрождения и применения старых, давно вышедших из современного употребления технологий и материалов.

– При реставрации особое значение приобретают накопление, долговременная предварительная подготовка и обработка строительных материалов, от чего в конечном итоге зависит ее качество» [11, с. 8].

Таким образом, общей целью всякой реставрации является выявление и утверждение культурно-исторической роли и значения произведений архитектуры, а также выявление их художественных достоинств.

Внутри понятия «реставрация» существует несколько более узких, имеющих значение для специалистов-реставраторов: консервация, собственно реставрация, реконструкция, восстановление и обновление. Кроме того, когда назначение данного памятника архитектуры меняется, и он используется для других нужд, на нем обычно проводятся работы по приспособлению здания к этим новым нуждам.

Под консервацией понимается обычно проведение под руководством опытного специалиста-реставратора цикла инженерно-технических мероприятий по укреплению конструкций здания, декоративных деталей, по восстановлению и ремонту его покрытий и устройств, обеспечивающих защиту зданий от атмосферных влияний и т. п.

Полной противоположностью этому (обычно весьма ограниченному) циклу работ являются работы по обновлению архитектурного сооружения (ранее широко использовавшиеся, а теперь считающиеся недопустимыми), при которых памятник архитектуры частично или даже полно-

стью перестраивается в ином стиле и по другому проекту. При этом первоначальные художественные достоинства не выявляются.

Под реставрацией в собственном смысле слова следует понимать проведение на здании под руководством опытного архитектора-реставратора цикла ремонтных работ с выявлением или частичным, строго ограниченным восстановлением отдельных деталей или элементов, для научного обоснования которых имеются бесспорные и очевидные данные.

Под реконструкцией можно понимать ремонтно-восстановительные работы, при которых не только ремонтируются сохранившиеся части памятника архитектуры, но и производится восстановление отдельных, уже утраченных частей сооружения, например, крылец, завершающих башен и т. п. Работы такого рода обычно поручаются реставраторам самой высокой квалификации. Нет нужды говорить, что и такие работы могут производиться лишь при наличии бесспорных научных обоснований.

Под восстановлением понимается сооружение здания вновь на фундаментах или на другого рода остатках погибшего памятника архитектуры. При этом выявление художественных достоинств памятника архитектуры происходит лишь частично, в условной форме своеобразного «макета в натуральную величину». Разрешение на такого рода работы дается лишь в исключительных случаях.

Все вышеизложенное демонстрирует то понимание реставрационной практики, которое сложилось к концу XX века. Можно ли говорить о том, что реставрация в том понимании, которое мы вкладываем в нее сейчас, существовала в XIX веке?

Анализируя материал словаря Брокгауза и Эфрона, который отражает основную систему представлений, сформировавшуюся к концу XIX века, мы вынуждены констатировать, что понятие «реставрация» как таковое просто отсутствует, а у термина «памятник» присутствует лишь одно значение – сооружения, возводимого с целью увековечить память известных лиц или событий [2, с. 43]. Здесь необходимо отметить, что оба вышеуказанных термина тесно взаимосвязаны. И только полностью сформированное понимание того, что такое памятник культуры, и, в частности, архитектуры, ведет за собой необходимое условие его сохранения.

Многое из того, что сегодня мы называем памятником, и тратим огромные усилия на его со-

хранение, в XIX веке таковым просто не являлось. Это порождало многие грубые ошибки и в процессе реставрации.

Проанализировав состояние реставрационного дела, существовавшего на протяжении XIX века, можно констатировать, что то, что делалось по сохранению архитектурных памятников лишь отдаленно напоминает реставрацию в том смысле слова, в котором мы понимаем это сейчас. В частности, И. Э. Грабарь отмечает, что «... во Франции, Англии, Германии, а вслед за тем и в России принялись столь неистово восстанавливать древние соборы, замки, стены и башни, что вскоре нечего было реставрировать... За 40 лет, от 1830-х до 1870-х годов, во время этих реставраций во всеоружии науки было безвозвратно погублено столько драгоценных остатков старины, сколько их не погибло за все войны, пронесившиеся над Европой от эпохи средних веков» [8, с. 378].

Тем не менее, период XIX – начала XX века очень важен, так как именно в XIX веке проявился интерес к истории и к культуре прошлого. В это время закладывались основы теории реставрации, вырабатывались приемы исследования памятников архитектуры и производства реставрационных работ. Эпоха капитализма была временем быстрого и хаотического роста городов, погубившего большое число памятников архитектуры прошлого. И это заставило представителей передовых слоев общества – историков, архитекторов, художников поставить вопрос о необходимости сохранения их, а также связанного с ними ландшафта и исторического колорита отдельных городов.

Первые реставрационные работы в Ярославском крае были связаны с именем Андрея Михайловича Достоевского. Младший брат выдающегося русского писателя Андрей Михайлович Достоевский всю свою жизнь посвятил архитектурному делу. Основная часть его деятельности была связана с Ярославлем. Здесь он прослужил четверть века с 1865 по 1890 г. в должности губернского архитектора, а затем – губернского инженера, руководителя строительного отделения Ярославского губернского правления.

В 1867 году был утвержден его проект на перестройку и расширение трапезы и постройку колокольни при теплой церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в Ярославле. В 1883 году по его проекту был надстроен второй этаж здания над корпусом ткацко-льняного производства товарищества Меленковской льняной мануфак-

туры близ с. Кормилицыно на реке Которосли (Красные ткачи – 2).

В 1967 году А. М. Достоевского пригласили для наблюдения за работами по расширению зимнего храма Богоявления Господня. А. М. Достоевский руководил также перестройками зданий Демидовского лицея в период его преобразования в юридический, а также Марининской женской гимназии и дома призрения ближнего. Но все эти работы по ремонту и перестройке зданий не назовешь по-настоящему реставрационными.

В Ярославле подобных работ А. М. Достоевский не вел. Но надо отметить, что он принимал деятельное участие в реставрационных работах древних памятников архитектуры Ярославской губернии. «Так, когда в 1888 году началось восстановление древних церквей и зданий в Ростовском кремле, то А. М. Достоевский был избран членом ярославского комитета для заведования ростовским кремлем и осуществлял техническое руководство реставрационными работами. Когда же в конце восьмидесятых годов XIX века начались реставрационные работы по восстановлению древнейшего памятника нашего гражданского зодчества – палат царевича в Угличе, то губернский инженер А. М. Достоевский вошел в комиссию для производства работ по этой реставрации».

Первая реставрация княжеских палат производилась в 1890–1892 годах И. П. Маасом по проекту Н. В. Султанова. Она свелась к устройству 8-скатной медной кровли, нового крыльца, наружного декора и крестового свода на втором этаже. Тогда же купцом Н. А. Бычковым была сделана решетка вокруг сквера. Для второго этажа, где намечалось открытие музея, были изготовлены деревянные витрины с искусной резьбой в стиле «а ля рюс», поставлена печь с гербовыми изразцами, выполненными на заводе Аксеновых под Рыбинском, сделана люстра известным мастером из Ростова Великого Дмитрием Бачагиным и, наконец, произведена новая орнаментальная роспись [6, с. 3]. В 1892 году было сооружено деревянное крыльцо палат [10, с. 174].

Правда, качество и научность этой реставрации оставляет желать лучшего. Вот что пишет об этом М. Рапов в книге «Каменные сказы»: «В 1982 году дворец довольно неумело реставрировали. Непонятно, зачем потребовалось менять материал кровли? Археологи нашли фрагменты плоской черепицы, которая в древности покры-

вала крышу. Конечно, при грамотной реставрации следовало изготовить новую черепицу по этим древним образцам. ... Но реставраторы решили подправить зодчих князя Андрея Большого и «украсили» палату медной чешуйчатой крышей. Спасибо дождям, снегам и годам, они потушили блеск меди, чешуя потемнела, покрылась патиной, и сейчас, поглядев на крышу дворца, уже затрудняешься сказать, из какого материала она сделана. Но это теперь, а сразу после реставрации картина была, очевидно, нелепая: такой аляповатой выглядела на древнем здании блестящая медная крыша» [13, с. 143]. Далее автор пишет и о других, не соответствующих действительности поновлениях. Столь эмоциональная оценка первой реставрации Угличского памятника говорит сама за себя.

Первые в истории ярославской земли серьезные реставрационные работы были проведены не в губернском городе, а в Ростове. И это не удивительно. Памятники Ростова не менее значительны, чем ярославские, но сохранность их оставляла желать лучшего. С другой стороны, эта территория уже не принадлежала церкви, поэтому здесь легче было развернуть площадку для реставрационных работ.

К концу XIX века Ростовский кремль практически лежал в развалинах. Менее чем через сто лет после своего создания Архиерейский дом стал приходить в упадок. Феодалные привилегии церкви постепенно были отобраны государством. Реформа местного управления 1775 года и создание губерний привели к тому, что митрополия из Ростова была переведена в новый губернский центр – Ярославль. Этот перевод происходил, по свидетельству современников, в обстановке полного пренебрежения к культурным ценностям. Без присмотра были оставлены и погибали древние книги, архивные документы, рукописи. В некоторых зданиях разместились присутственные места, а в других – склады вина, соли. Помещения стали постепенно перестраиваться и приспособливаться для новых нужд. Не используемые практически сооружения, особенно стены, башни и храмы, быстро приходили в упадок.

В 1818 году инженер А. А. Бетанкур, не оценив национальной красоты ансамбля кремля, высказал мысль о его разборке и постройке на этом месте гостиного двора. Об этом хлопотало и местное ростовское купечество. Были собраны по подписке деньги, 756 тысяч, и подано прошение на высочайшее имя. Идея получила одобре-

ние в высших столичных кругах и поддержку со стороны ярославского архиепископа. Проект был составлен. Но из-за недостатка средств и из-за того, что ведомства не сошлись в цене, этот проект, к счастью, не был осуществлен, хотя и были разобраны верхняя часть восьмигранной Часобитной башни, высота которой превышала 38 метров, и второй этаж Красной палаты.

Также в кремле по мере надобности осуществлялись и другие переделки. В частности, ходовая площадка восточной стены ростовского кремля еще в XIX веке была частично приспособлена для летней террасы, отчего сплошное ее ограждение заменено столбиками, когда в сохранившейся древней части – стены глухие, с бойницами. Были перестроены Митрополичьи хоромы (более позднее название – Самуилов корпус), которые теперь выглядят заурядным домом, лишенным всякой архитектурной выразительности. С трудом можно заметить остатки древнего фасада, сохранившегося местами на первом этаже здания.

Не уцелел переход от Митрополичьих хором к Иераршей палатке, повторяющий переход от Отдаточной палаты, были утрачены и многие другие части сооружений кремля.

В течение XIX века кремль медленно приходил во все больший и больший упадок. Первым забил тревогу о его восстановлении житель Ростова Петр Васильевич Хлебников. Его поддержал Иван Иванович Хранилов. Только в 1870-х годах начинает налаживаться планомерная работа по восстановлению кремля, которая была закончена к концу века. К этому времени в среде ростовских купцов появилось несколько действительно просвещенных людей, решивших спасти памятник. В 80-х годах Андрей Александрович Титов и Иван Александрович Шляков стали подлинными энтузиастами – организаторами реставрации кремля, и с помощью Московского археологического общества сумели не просто отремонтировать, но и в какой-то степени – восстановить кремль. Они сами внесли значительные средства и привлекли других богатых людей: А. Л. Кекина, братьев Королевых и прочих. В короткий срок они подняли кремль из руин.

В октябре 1884 года секретарь Исторического общества Е. Е. Барсов на открытии Белой палаты, Княжьих теремов и Григорьевской церкви сказал: «В один год и сделать так много и притом на жертвы частных лиц без поддержки государственной казны были в силах только истори-

ческое понимание, любовь и энергия. Не забудут ваших трудов и ваших жертв грядущие поколения ростовской земли, когда научатся они понимать самих себя. Не забудет вас и русское общество, когда оно вырастет до потребности исторического самопознания. Не забудет вас никогда, никогда историческая наука, потому что она живет и дышит свидетельствами истории, и чем они драгоценнее, тем выше ее благодарность».

Далеко не все им удалось сделать с той полнотой и достоверностью, которой отличаются современные реставрационные работы, но трудами этих бескорыстных любителей кремль был спасен от окончательного разрушения.

В частности, были восстановлены кровли круглых башен по бокам въездных ворот. Эти кровли имели, как говорили в старину, кубоватую (грушевидную) форму. Однако, проектировавший их в XIX веке И. А. Шляков не нашел правильного соотношения размеров, и сделанные по его чертежам верха башен получились приплюснутыми и непропорционально мизерными. Позже эти кровли заново были восстановлены архитектором В. С. Баниге.

Иераршья палата привлекает своим кирпичным декором, который был решен по типу галерей ростовских церквей. Часто поставленные арочные окна обрамлены кирпичными наличниками, под ними – ряды ширинок, заполненные бойничками. Во время реставрации конца XIX века весь этот узор восстановлен из современного кирпича и поэтому кажется мелким и сухим по сравнению с аналогичными украшениями в других ростовских памятниках. Терема при реставрации XIX века были окрашены по образцу ярославской церкви Петра и Павла в «шахмат». Была восстановлена Белая палата.

Церкви Спаса на Сенях, Белую палату и Самуилов корпус объединяют верхние или открытые сени. Они были разобраны в XVIII веке, а во время реставрации XIX века снова восстановлены, но без соблюдения исторической точности. Не была восстановлена на восточной стороне аркада, где висели колокола звонницы церкви Спаса, не были сделаны кирпичные столбы и арки, которые поддерживали площадку гульбища, выстланную чугунными плитами. Вход в церковь Спаса на Сенях отмечен сенью на солбах-кубышках, формы которых также были несколько изменены во время реставрации конца XIX века.

Таким образом, можно отметить, что была сделана первая попытка реставрации Ростовско-

го кремля, которая, конечно, не могла быть в полной мере научной. Но только благодаря этой первой реставрации стали возможны и все остальные – уже в XX веке.

XIX век в истории ярославской архитектуры можно назвать веком бурных перестроек. «В первой половине XIX века в русском градостроительстве установилась твердая традиция рассматривать город как единый объект архитектурного творчества. К каждому зданию, независимо от его величины и значения, предъявлялись определенные художественные требования. Но по условиям политического режима в России того времени эти художественные взгляды на практике перерождались в требования нивелировки и, претворяясь в жизнь, давали часто уродливые результаты» [14, с. 178].

При Николае I фасады всех без исключения строившихся зданий посылались на утверждение верховной власти. Регламентация осуществлялась через особые «комитеты по устройству губернских городов». В Ярославле такой комитет был организован в 1836 году. Он ведал всеми городскими общественными зданиями, а также городскими садами, бульварами, улицами и пр. В 1842 году комитеты по устройству губернских городов были расформированы, и их обязанности в несколько меньшем объеме были переданы губернским строительно-дорожным комиссиям, подчиненным Главному управлению путей сообщения и публичных зданий.

В начале 60-х годов были расформированы строительно-дорожные комиссии, подведомственные департаменту общественных работ и публичных зданий, и вместо них организованы губернские строительные отделения, подчиненные строительно-техническому комитету Министерства внутренних дел.

Российский государственный исторический архив содержит ряд документов, свидетельствующих о процессах перестройки и ремонта зданий в Ярославле. Это «Дело о перестройке здания для Судебной палаты в городе Ярославле (1867–1870 гг.)», «Проект приспособления дома Приказа общественного призрения в Ярославле для помещения окружного суда (1866–1871 гг.)», «Дело об утверждении перестройки Демидовского лицея в Ярославле (1848 г.)», «О разрешении на снос древней церкви Св. Никиты в Ярославле (1900)», «Дело об изменении части плана Ярославля в связи с перестройкой Знаменской часовни (1896 г.)», «Дело о восстановлении здания гостиного двора в Ярославле (1851 г.)», «По во-

просу о перестройке древней Сретенской церкви в Ярославле (1891 г.)» и ряд других, в которых городские власти просят вышестоящие инстанции дать разрешение на какие-либо изменения, перестройки городской архитектуры. Среди этих документов обнаружено всего лишь два, где речь идет о реставрации архитектурных памятников. Это «Дело о реставрации Богородицкой башни в городе Ярославля (1896 г.)» и «Дело об отпуске средств на реставрацию церкви Успения Предтечи в Толчковской слободе (1895–1903 г.)» (Сведения предоставлены Департаментом реконструкции и охраны памятников мэрии г. Ярославля). По процентному соотношению дел можно говорить о том, что в XIX веке ярославские памятники архитектуры прошлых веков чаще подвергались перестройке и косметическому ремонту, чем реставрации.

Новое оформление фасадов получили тогда многие сохранившиеся с прошлых веков дома. Перестраивалась и храмовая архитектура. В частности, в 1787 году Спасо-Преображенский монастырь был упразднен и превращен в Архиерейский дом. Новое назначение монастыря вызвало много перестроек; они продолжались в течение всего XIX века. В итоге монастырские здания в значительной степени утратили свой первоначальный облик и приобрели отпечаток провинциального классицизма и эклектики позднейшего времени. Фасады большей части старинных зданий были так изменены различными наслоениями, что только в результате огромной реставрационной работы, проделанной Государственной реставрационной мастерской в 20-х годах XX века, был раскрыт и то частично, настоящий вид памятников [14, с. 26]. Завершающая звонницу композиция была начата архитектором П. Я. Паньковым в 1808 году и закончена им в 1823 году. Только в 1958 году колокольня была частично реставрирована, при этом были открыты проемы XVII века и портал входной двери [14, с. 32]. Была перестроена и трапезная – форма и расположение окон были установлены в 1920 году П. Д. Барановским и И. А. Тихомировым [14, с. 32]. Крестовая церковь Спасо-Преображенского монастыря также была перестроена в начале XIX века.

Перестройка коснулась и городской храмовой архитектуры. Как отмечает В. Ф. Маров, «в эпоху классицизма почти не возводилось новых культовых построек, но работы по реконструкции древних храмов производилось довольно активно. Пристраивались новые классические

притворы и приделы, в некоторых церквях шатровые колокольни заменялись на ярусные; в отдельных случаях сооружались и новые храмы на месте старых, обветшалых» [12, с. 140].

Так, в 30-х годах XIX века при архиепископе Аврааме собор подвергался значительным перестройкам Успенский собор. В 1831–1833 годах был построен теплый придел в честь святых благоверных князей Василия и Константина Всеволодовичей. В 1832 году была разобрана старая шатровая колокольня и вместо нее в 1836 году возведена новая, четырехъярусная по проекту петербургского архитектора А. Мельникова.

У церкви Николая Надеина утрачено пятиглавие, в 1836 году боковые главы были сняты для облегчения сводов, изменена форма центральной главы. Изменено позакомарное покрытие храма. Позднейшая четырехскатная, крыша также неоднократно перестраивалась.

Церковь Рождества Христова первоначально имела пять глав, но в 1831 году четыре главы были сняты, оставлена только средняя. «В начале XIX века храм был испорчен варварской переделкой: четыре боковые главы были сняты, оба яруса северной галереи уничтожены, вместо них устроена теплая церковь с отдельной папертью и портиком в духе классики, истолкованной очень примитивно. Порттик закрыл западную галерею и древнее крыльцо. Нетронутой сохранилась только южная сторона храма» [14, с. 48].

В церкви Спаса-на-Городу также утрачено позакомарное покрытие. В 1831 году перестроен южный придел. Тогда же появилось новое крыльцо, построенное в стиле провинциального классицизма. В церкви Ильи Пророка утрачены позакомарные перекрытия основного четверика, кокошники северного придела скрылись за четырехскатной кровлей, частично перестроен южный придел. У церкви Воскресения Господня (ныне разобрана) в 1854 году сильно перестроен фасад.

Церковь Спаса Нерукотворного тоже в 1833 году подверглась значительной переделке. Сломана шатровая колокольня высотой 27 м, и на ее месте построена новая, трехъярусная. В 1873 году холодный храм соединен с теплым. В церкви Святого Духа в 1849 году на средства купца Семена Яковлевича Лопатина была расширена паперть. В церкви Воздвижения Креста в 1860–1865 годах также устроена новая паперть. Храм Вознесения перестроен в 1855 году на средства ярославского купца М. И. Вахрамеева. Позднее был устроен придел во имя Митрофана Воро-

нежского. В 1866 году по проекту А. М. Достоевского пристроена колокольня. Богоявленская церковь в 1830, 1844 и 1858 годах подвергалась переделкам, коснувшимся в основном глав и южного придела. В 1853 году к теплой церкви Всехсвятского прихода с западной стороны ярославским купцом Иваном Тихоновичем Гарцевым была сделана двухэтажная пристройка. В нижнем этаже ее помещалась ризница. В верхнем – часовня с настенным изображением Толгской Божьей Матери. Церковь Сретения Господня в 1833 году из двухэтажной была перестроена в одноэтажную. В 1895 году она также подвергалась капитальной перестройке на средства ярославского купца И. И. Дунаева.

К 20-м годам XIX века церковь Святой Троицы пришла в ветхость и в 1831 году на средства потомственного почетного гражданина купца первой гильдии Ивана Порфирьевича Оловянишникова была значительно перестроена. Теплый храм Богородицы Живоносный источник перестраивался в 1803 году, затем был разобран до основания и вновь воздвигнут в 1825 году. В 1865 году вместо прежней колокольни возвышавшейся над папертью холодного храма на средства потомственного почетного гражданина первой гильдии П. И. Оловянишникова между двумя церковными зданиями была поставлена новая трехъярусная колокольня.

У Митрополичьих палат в 1831 году надстроен третий этаж, изменивший пропорции и уродовавший здание (удален во время реставрации 1920 года), разобраны крыльца, закрыты штукатуркой орнаментальные детали фасадов.

Реставраций же, как таковых, не производилось. Необходимо иметь в виду, что это были действующие храмы. И часто церковные старосты не считали нужным даже прислушиваться к каким-либо советам по поводу ремонта и сохранения храма.

Надо отметить, что буквально с первых лет следующего, XX века, ситуация резко меняется. И связано это, по всей видимости, с работой Ярославской губернской ученой архивной комиссии, созданной в 1889 году, а также подкомиссии по охране и надзору за памятниками старины, появившейся уже на самом излете XIX века, в 1897 году. Первые реставрации ярославских памятников архитектуры связаны именно с ее деятельностью.

Ярославская губернская ученой архивная комиссия была создана в 1889 году на основании «Положения об учреждении губернских истори-

ческих архивов и ученых комиссий» 1884 года. По «Положению» 1884 года губернские ученые комиссии создавались с целью собирания и приведения в порядок архивных дел и документов.

Комиссиям были представлены весьма неопределенные и ограниченные права, которые к тому же и ущемлялись. Поэтому комиссии приступают к разработке прав и обязанностей своих членов. В том числе был разработан Краткий перечень прав и обязанностей членов Ярославской губернской ученой архивной комиссии», где п. 4 гласит о следующем: «Содействие, по мере средств и возможностей, к сохранению письменных и вещественных памятников старины края от порчи, разрушения и уничтожения (например, доводя своевременно о таковых до сведения комиссии, действия убеждением и пр.» [16, с. 29].

В ЯГУАК в 1897 году была создана постоянно созданная подкомиссия по охране и надзору за памятниками старины. Большую роль в ней играли археологические изыскания, проводимые В. А. Городцовым и И. А. Тихомировым.

Данные о деятельности И. А. Тихомирова по охране памятников, археологических исследованиях содержится в его переписке с историками, музейными работниками, археологами, краеведами. В фонде отдела письменных источников ГИМа имеются письма В. Е. Альбицкого (1919), С. С. Дмитриева (1931), Я. П. Ильинского (1900), А. Г. Кондратьева (1932), И. В. Костоловского (1900), А. А. Козловского (б.д.), Н. В. Сабанеева (1896) и др. [1, с. 7].

В фонде также сохранились рукописи, посвященные этой теме «Проект упорядочения, охраны и изучения памятников древности» (1903 г.) [5], «Восстановление церкви села бывшей Александровой пустыни Рыбинского уезда Ярославской губернии» (1898) [4].

Совершается ряд экспедиций с целью обследования памятников архитектуры Ростова, Углича, Тутаева и др.

На заседании 27 марта 1898 года члены комиссии обратились с просьбой к городской управе о реставрации Углической башни – остатка бывших укреплений «земляного города» Ярославля, как единственной сохранившейся без больших изменений. Кроме того, уже тогда их беспокоило состояние дома Иванова, расположенного рядом с церковью Николы Мокрого.

Деятельность комиссии нередко встречала равнодушие к ее просьбам со стороны городских властей. С ее советами не всегда считались при

реставрации церковные старосты. Л. Н. Трефолев на одном из заседаний вынужден был отметить, что во многих случаях «считают за возможное обходиться без ведома комиссии» [15, с. 75].

В дальнейшем были приняты меры по расширению прав комиссии по контролю за реставрацией памятников архитектуры. В комиссии одобрили предложение устраивать юбилеи старинных зданий с демонстрацией их фотографий и чертежей. Комиссия также предпринимала осмотр памятников архитектуры.

Но конечно нужно понимать, что основная деятельность подкомиссии пришлось на первые годы XX века, когда многое уже было сделано. Деятельность подкомиссии в свою очередь послужила подготовительным этапом в тех восстановительных и реставрационных работах, которые велись уже при советской власти. Связующим звеном здесь является деятельность И. А. Тихомирова, который становится членом Ярославской реставрационной комиссии, призванной восстанавливать город после белогвардейского мятежа.

Итак, вторая половина XIX века ознаменовалась для ярославского края возникновением интереса к древнерусской архитектуре, а также первыми попытками проведения реставрации некоторых древних памятников. Это реставрация княжеских палат в городе Угличе и реставрация Ростовского кремля. Несмотря на спорность некоторых работ, проведенных при этих реставрациях, это был бесспорно важный шаг в деле дальнейшего развития реставрации в Ярославской губернии.

Создание подкомиссии по охране и надзору за памятниками старины формировало новое отношение к древней архитектуре, постепенно готовило почву для осуществления реставрационных работ в Ярославле. И буквально первые годы XX века служат тому ярким подтверждением. Основные же реставрационные мероприятия, проведенные по сохранению древней архитектуры ярославской области, относятся уже к совершенно другой эпохе, советскому и постсоветскому времени. Но не будь этих первых шагов, не было бы и столь высокого уровня реставрационного дела, какого мы достигли на сегодняшний день.

Библиографический список

1. Белозерова, И. В. Обзор документальных материалов И. А. Тихомирова из фондов отдела

Т. В. Юрьева

письменных источников государственного исторического музея [Текст] / И. В. Белозерова // Краеведческие записки. – Вып. VII. – Ярославль, 1991.

2. Брокгауз, Ф. А., Эфрон, И. А. Энциклопедический словарь [Текст] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – СПб., 1901. – Т. 44.

3. Вздорнов, Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век [Текст] / Г. И. Вздорнов. – М., 1986.

4. ГИМ ОПИ. ф. 99, д. 21, л. 119–141.

5. ГИМ ОПИ. ф. 99, д. 9, л. 1–37.

6. Горстка, А. Н. Примечания [Текст] / А. Н. Горстка // Лавров Н. Ф. Путеводитель по церквам г. Углича. – Углич, 1994.

7. Грабарь, И. Э. О древнерусском искусстве [Текст] / И. Э. Грабарь. – М., 1966.

8. Грабарь, И. Э. Реставрация в Советской России [Текст] / И. Э. Грабарь // О русской архитектуре. – М., 1969.

9. Грабарь, И. Э. Реставрация памятников древнерусского зодчества [Текст] / И. Э. Грабарь // О древнерусском искусстве. – М., 1966.

10. Иванов, В. Н. Ростов Великий [Текст] / В. Н. Иванов. – Углич. – М., 1964.

11. Кедринский, А. А. Основы реставрации памятников архитектуры [Текст] / А. А. Кедринский. – М., 1999.

12. Маров, В. Ф. Ярославль. Архитектура и градостроительство [Текст] / В. Ф. Маров. – Ярославль, 2000.

13. Рапов, М. Каменные сказы. Сокровища древней русской архитектуры Ярославской области [Текст] / М. Рапов. – Ярославль, 1972.

14. Суслов, А. И., Чураков, С. С. Ярославль [Текст] / А. И. Суслов, С. С. Чураков. – М., 1960.

15. Труды ЯГУАК. – Кн. VI. – Вып. 1. – Ярославль, 1914.

16. Труды ЯГУАК. Книга 3-я, вып.1. – Ярославль, 1900.

17. Юрьева, Т. В. Сельская церковная архитектура: проблемы изучения и сохранности памятников [Текст] / Т. В. Юрьева // Вопросы православного краеведения в школе и вузе. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Ярославль : ЯГПУ 2013. – С. 52–57.

pis'mennyh istochnikov gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja [Tekst] / I. V. Belozerova // Kraevedcheskie zapiski. – Vyp. VII. – Jaroslavl', 1991.

2. Brokgauz, F. A., Jefron, I. A. Jenciklopedicheski slovar' [Tekst] / F. A. Brokgauz, I. A. Jefron. – SPb., 1901. – T. 44.

3. Vzdornov, G. I. Istorija otkrytija i izuchenija russkoj srednevekovoj zhivopisi. XIX vek [Tekst] / G. I. Vzdornov. – M., 1986.

4. GIM OPI. f. 99, d. 21, l. 119–141.

5. GIM OPI. f. 99, d. 9, l. 1–37.

6. Gorstka, A. N. Primehanija [Tekst] / A. N. Gorstka // Lavrov N. F. Putevoditel' po cerkvam g. Uglicha. – Uglich, 1994.

7. Grabar', I. Je. O drevnerusskom iskusstve [Tekst] / I. Je. Grabar'. – M., 1966.

8. Grabar', I. Je. Restavracija v Sovetskoj Rossii [Tekst] / I. Je. Grabar' // O russkoj arhitekture. – M., 1969.

9. Grabar', I. Je. Restavracija pamjatnikov drevnerusskogo zodchestva [Tekst] / I. Je. Grabar' // O drevnerusskom iskusstve. – M., 1966.

10. Ivanov, V. N. Rostov Velikij [Tekst] / V. N. Ivanov. – Uglich. – M., 1964.

11. Kedrinskij, A. A. Osnovy restavracii pamjatnikov arhitektury [Tekst] / A. A. Kedrinskij. – M., 1999.

12. Marov, V. F. Jaroslavl'. Arhitektura i gradostroitel'stvo [Tekst] / V. F. Marov. – Jaroslavl', 2000.

13. Rapov, M. Kamennye skazy. Sokrovishha drevnej russkoj arhitektury Jaroslavskoj oblasti [Tekst] / M. Rapov. – Jaroslavl', 1972.

14. Suslov, A. I., Churakov, S. S. Jaroslavl' [Tekst] / A. I. Suslov, S. S. Churakov. – M., 1960.

15. Trudy JaGUAK. – Kn. VI. – Vyp. 1. – Jaroslavl', 1914.

16. Trudy JaGUAK. Kniga 3-ja, vyp.1. – Jaroslavl', 1900.

17. Jur'eva, T. V. Sel'skaja cerkovnaja arhitektura: problemy izuchenija i sohrannosti pamjatnikov [Tekst] / T. V. Jur'eva // Voprosy pravoslavnogo kraevedenija v shkole i vuze. Materialy mezhhregional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii. – Jaroslavl' : JaGPU 2013. – S. 52–57.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Bibliografičeskij spisok

1. Belozerova, I. V. Obzor dokumental'nyh materialov I. A. Tihomirova iz fondov otdela

Н. Н. Летина

Гамлетизм в российском глоссарии пограничности

Выполнено в рамках работы по гранту РГНФ № 15–03–00655 «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры»

В статье раскрыты культурно-антропологические основания понятия «гамлетизм». «Гамлетизм», возникший на рубеже XVI–XVII вв., в период кризиса ренессансной личности и ренессансного героя, зафиксированного У. Шекспиром в трагедии «Гамлет», обоснован как особый культурно-антропологический и социокультурный феномен рубежности.

Ключевые слова: русская культура XIX–XX вв., рубежное сознание, пограничный статус, глоссарий пограничности, Гамлет, гамлетизм.

N. N. Letina

Hamletism in the Russian glossary of borderline state

The article defines cultural and anthropological basis of the notion “Hamletism”. “Hamletism” appeared at the turn of XVI–XVII centuries, in the period of Renaissance personality and Renaissance hero crisis which is described by W. Shakespeare in his tragedy *Hamlet*. It is established as a unique cultural-anthropological and socio-cultural phenomenon of the time.

Key words: Russian culture of XIX–XX centuries, boundary mentality, borderline status, glossary of borderline state, Hamlet, Hamletism.

В тезаурусе отечественных гуманитарных наук советского периода «оттепели», прежде всего театроведения и литературоведения, существовало и активно использовалось слово «гамлетизм» (А. А. Аникст, Г. М. Козинцев, М. Е. Елизарова, Ю. Д. Левин, И. М. Левидова, Ж. С. Норец, М. В. Урнов, Д. М. Урнов, Т. К. Шах-Азизова). Это слово, так же, как и проблема, за ним стоящая, не были нововведением, а лишь актуализировали имеющуюся традицию.

Гамлетизм как особый культурно-антропологический феномен Европы возникает на рубеже XVI–XVII вв., в период кризиса ренессансной личности и ренессансного героя, столь отчетливо зафиксированного У. Шекспиром. Культурная адаптация «Гамлета» в России началась с переложения А. П. Сумароковым в 1748 г. текста французской переделки Дюсиса, что и послужило установленной точкой отсчета проникновения гамлетизма на русскую почву, хотя, безусловно, с оригиналом шекспировского текста и его французскими переводами образованная часть русских читателей могла познакомиться и ранее. В любом случае начальный этап существования гамлетизма в России носит скрытый, узкий и с трудом поддающийся верификации характер. Кульминаций существования гамлетизма в повседневном, художественном, мен-

тальном и интеллектуально-критическом дискурсах России несколько: рубеж XVIII–XIX вв.; рубеж XIX–XX вв., 60-е гг. XX в. Все они совпали с кризисными для русской культуры и театра периодами, для которых вполне органична актуализация личности в рубежной ситуации, эксплицитированной в шекспировской трагедии.

Само понятие «гамлетизм» появляется и утверждается в русской критике во второй половине XIX в. (В. Г. Белинский, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев) в результате осмысления опытов конкретных личностей рубежа XVIII–XIX вв., а затем, по аналогии, и собственных современников (Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, П. Ф. Якубович), и самих себя (А. И. Герцен). Четкой дефиниции понятия не дается, однако дискуссии, ведущиеся вокруг него, позволяют в самом общем виде определить «гамлетизм» как характеристику признаков личности (нерешительность, безволие, рефлексивность) или состояние неуверенности, нерешительности, рефлексии.

Безусловно, в три столь различных в своих конкретных проявлениях рубежных периода русской истории и культуры семантическое наполнение «гамлетизма» не могло быть тождественным. И эти различия были отмечены некоторыми интерпретаторами-практиками и исследователя-

ми проблемы (А. Н. Горбунов, В. Э. Рецеттер, А. А. Аникст, Г. М. Козинцев, Ю. Д. Левин, Т. К. Шах-Азизова). Удивительно, но в современной отечественной гуманитарной мысли наукообразное слово «гамлетизм», в отличие от созвучного и вполне сопоставимого по смыслу «байронизма», называя и выявляя серьезную проблему, до сих пор не имеет адекватной своей семантике дефиниции. Гамлетизм, понятый как «нерешительность, подавление воли рефлексией» [1] не раскрывает реальной полноты смыслов этого непростого явления. Впрочем, и степень востребованности понятия «гамлетизм», выражающего ставшую архаизмом проблему личности, в современном научном тезаурусе не велика.

В современной культуре России, переживающей очередную кризис, существует гораздо более актуальное и даже модное выражение, имеющее тот же исток в шекспировской трагедии, – «Русский Гамлет», «Российский Гамлет». Не обладая научной привязанностью, выступая скорее в качестве метафоры, оно, тем не менее, используется в весьма конкретном значении – называет личности, по каким-либо причинам осмысленные как отечественные кальки Принца Датского. При использовании выражения «Русский Гамлет» важен не момент этнической идентификации или самоидентификации, а принадлежность определенному культурно-антропологическому типу русской культуры. Речь идет, в первую очередь, о конкретных и реальных личностях, но также и о художественных персонажах. Самый известный «Русский Гамлет» сейчас – император Павел I, судьбе которого не только посвящаются научные и популярные публикации, но и художественные произведения – кинофильм «Бедный Павел», балет Б. Я. Эйфмана «Русский Гамлет». Несомненно, «нашим Гамлетом», и не только на сцене Таганки, был В. С. Высоцкий. В прессе называли «нашим Гамлетом» и А. А. Миронова. Несколько десятилетий назад в роли «Русского Гамлета» выступили персонажи, сыгранные И. М. Смоктуновским – князь Мышкин («Идиот»), Юрий Деточкин («Берегись автомобиля»), да и, в определенной степени, сам актер. На рубеже XIX–XX вв. русская культура была наполнена «русскими Гамлетами», к которым относили художника М. А. Врубеля, поэта А. А. Блока, писателя и мыслителя В. В. Розанова, писателя В. М. Гаршина, героев А. П. Чехова, актера М. А. Чехова... Во второй половине XIX века в качестве «Русского Гамлета» оказались осмыслены герои первой трети XIX века А. А. Чацкий («Горе от ума») и его прототип – П. Я. Чаадаев. На рубеже XVIII–XIX вв. А. С. Пушкин («По-

сланье к Дельвигу») отождествляет с Гамлетом Е. А. Баратынского, черты Гамлета присутствуют в пушкинском образе Владимира Ленского. Затем мы вновь встречаем первого из известных «Российских Гамлетов» – Великого князя Павла Петровича...

Образ «Русского (российского) Гамлета» и понятие гамлетизма в русской культуре коррелируют друг с другом. «Гамлетизм», в нашем понимании, – комплексная характеристика признаков личности, во-первых, и состояние персонифицированного субъекта (личности, группы, типа личности, объединения, страны, национального духа, периода времени), во-вторых. «Русский Гамлет» – субъект гамлетизма, в различных вариантах реализации, его персонификация и носитель.

Формально и «гамлетизм», и выражение «Русский Гамлет» обязаны своим происхождением трагедии У. Шекспира «Гамлет». Однако связь между ними является не прямой, а опосредованной уже имеющимися европейскими интерпретациями шекспировской трагедии и образа главного героя. Иными словами русский гамлетизм и русский Гамлет – понятия, непосредственно восходящие не к ренессансному шекспировскому истоку, а к европейской (немецкой, отчасти английской и французской) эстетической традиции рубежа XVIII–XIX вв.

В предисловии ко второму изданию А. С. Сувориным «Гамлета» в переводе Н. А. Полевого (100) содержится ценное и интересное дополнение, благодаря которому мы получаем достаточно точный список конкретных персоналий, чьи размышления об образе оказались значимы для русской культуры. Приведем его. Это И.-В. Гете («Вильгельм Мейстер»), К. Эльце (Hamlet. Herausg. von Karl Elze. Leipzig. 1867), Stracliey (Stracliey's Analysis of Hamlet), А. Конолли (Dr. Conolly's Study of Hamlet), Г. Рид (Reed's lectures on tragic Poetry), К. К. Генце (K.K. Hense. Shakespeare Untersuchungen und Studien. 1884), А. Мезьер (Shakespeare. Ses oeuvres et ses critiques. Par A. Mozières. Ouvrage couronné par l'Académie française. 3 éd. P. 1882), д-р Джонсон. В приводимых выдержках из штудий К.К. Гельце содержатся также указания имен Ф. Шлегеля, Л. Тика, К. Зольгера, Г. Гегеля, Ганса, Г. Ульрици, а в цитатах Stracliey – имя С. Кольриджа. Как видим, издатель включает в список наиболее авторитетных, по его мнению, немецких, английских и французских критиков, мыслителей, художников. Приоритет в установлении смысловых доминант интерпретации, и это несомненно для издателя, приводящего по-

казательно высказывание француза А. Мезьера, принадлежит немецким мыслителям: «Нигдѣ романтизмъ, а слѣдовательно и трагедіи Шекспира, не произвелъ такого дѣйствія, какъ въ Германіи» [2]. Собственно, ключ к европейскому гамлетизму и его русскому варианту получен. Это немецкий романтизм, к которому сами романтики – Ф. Шлегель, Л. Тик и др. приписали творчество У. Шекспира. И здесь необходим комментарий.

Романтизм – понятие многозначное, называющее целый спектр явлений, среди которых важное место занимает романтизм как тип ментальности, тип мирозерцания. В парадигму романтической ментальности входят апелляция к иррационализму, интуитивизму, мистицизму; категория «романтического двоемирия», несовпадения идеала – сакрализованного абсолютного, но скрытого и непостижимого бытия и наличной реальности; особое настроение, сочетающее две крайности – «мировую скорбь» и энтузиазм; категория «романтического томления» по Абсолюту, меланхолия; дух свободы; амбивалентное стремление к индивидуализму и универсальному синтезу индивидуальных начал; сосуществование романтического космополитизма, универсализма и романтического национализма; категория «романтической иронии» как риторического приема, формы поведения; средства обнаружения и преодоления романтического двоемирия. К такому романтическому мирозерцанию европейские романтики приписали Гамлета. По мнению А. Мезьера, резюмирующего основные идеи романтиков о Гамлете, он «одаренъ всею чувствительностью романтиковъ» [2]. Но если А. Мезьер в большей мере резюмирует, то кто же начинает последовательную романтизацию, или то, что принято считать романтизацией Гамлета? И.-В. Гете в «Вильгельме Мейстере» и немецкие романтики Йены. При этом их рефлексии о Гамлете и гамлетизме не идентичны.

И.-В. Гете, указав на наличие в шекспировской трагедии внутреннего конфликта и сконцентрировав внимание на личности главного героя, задал новый вектор интерпретации произведения. Этот вектор – персонализация и интериоризация, исследование духовного и душевного опыта Гамлета. Но, предвосхищая романтизм, интерпретация И.-В. Гете во многом является сентименталистской. И у него Гамлет – прежде всего, глубоко чувствующая и остро чувствительная натура.

Новый вектор интерпретации, предложенный И.-В. Гете, был продолжен в рефлексиях йенских романтиков: лекциях А. Шлегеля, письмах

Ф. Шлегеля, произведениях Новалиса, размышлениях Л. Тика. Это вполне закономерно, поскольку совпало с духовными исканиями Йены и Германии. Немецкая философская мысль рубежа XVIII–XIX вв., питавшая романтизм, и художественная практика Йенского кружка позиционировали немецкий романтизм прежде всего как специфический духовный опыт личности и сообщества романтиков. Романтизм в их деятельности, безусловно, имел внешние выражения – художественные произведения и жизнетворчество, но главной сферой его реализации была не поддающаяся до конца воплощению внутренняя жизнь романтика в поисках Абсолюта. В таком контексте Гамлет оказался воспринят как образцовая романтическая личность, а внешнее действие трагедии отошло на второй план. Анализируя специфику романтической личности Гамлета, йенцы продемонстрировали и высокий уровень эмпатийности, и глубину иронии. Гамлет стал зеркалом, в котором они увидели приговор себе. Аттестация Ф. Шлегелем Гамлета выросла в самооценку, утверждающую, что Гамлет слишком умен, чтобы быть героем, он слишком многое видит, слишком много носит в себе, чтобы действовать, поэтому его внутренняя полнота, богатство – становятся бедностью в виду жизни и деятельности. Не удивительно, что Ф. Шлегель, теоретик Йены, обосновывает фрагмент как важный романтический жанр, а один из ведущих творцов Йены, Новалис использует принцип *non finito* как кредо. Национальным же романтическим героем становится универсальный тип рефлектирующей личности, в сменившей йенскую, геллербергской школе романтизма, представленный, подобно Гамлету, странствующим студентом.

Так, по выражению Г. М. Козинцева, «история Гамлета превратилась в историю мыслителя, которому не под силу великое деяние... Так возникло понятие гамлетизма» [3]. Необходимо уточнить: в немецком романтизме, и, по аналогии с выражением «русский гамлетизм», «гамлетизме немецком», о которых размышляет режиссер, нет противопоставления рефлексии и действия. Есть – фиксация невозможности такого действия, которому Г. М. Козинцев точно дает название «великого деяния» именно в силу его пре- или даже запредельности, в силу его глобальности. Причин невозможности такого деяния немало. Одна, эстетическая, – в невоплотимости грандиозного замысла во всей его полноте, в трагедии творчества, осознанной еще ренессансными художниками, в том числе У. Шекспиром. Немецкие романтики не ограничивались эстети-

ческими задачами, они стремились силами романтизма и в романтизме создать синтетичную религиозную духовную парадигму, тип мировосприятия (Йена) и национальный менталитет (Гейдельберг). Безусловно, замысел не был осуществлен в полной мере. Другая причина – в чрезмерном обилии планов, мечтаний, стремлений романтической личности, не способной справиться с такой обширной палитрой задач. Предельность запросов не совпадала с ограниченностью возможностей – религиозных, социальных, эстетических, человеческих. Идеал не желал совпасть с реальностью, кроме как в гофмановском их ироническом сопряжении. Таким образом, мы получаем романтиков – «немецких Гамлетов», не способных к не действию (из-за рефлексии), а не способных именно к тому – грандиозному, великому, – действию, о котором рефлектируют, о котором грезят. Позднее в сознании некоторых современников (Фрейлиграт) Гамлетом окажется и сама Германия. Здесь силен политический акцент: гамлетизм воспринимался основой не национального духа, как у романтиков, а государственности. Европейский, немецкий по происхождению «гамлетизм» вскоре стал общеевропейским достоянием.

Мы предлагаем дать европейскому «гамлетизму» в таком, начальном статусе его бытования, двойную дефиницию. Во-первых, гамлетизм – *методологический принцип, локализуемый интерпретацию трагедии «Шекспира» модусом личности Гамлета*. Во-вторых, гамлетизм – *характеристика рефлексии, превалирующей над действием, как имманентного качества личности европейца-романтика*. Второе определение корреспондирует, с одной стороны, с французским опытом меланхолии, с другой, определением, предложенным нами выше при дефиниции понятия «русский гамлетизм». Здесь мы можем зафиксировать наличие европейского гамлетизма как инварианта и его национальных версий (немецкой, французской, русской). Отчетливое же осмысление гамлетизма как выделенного нами принципа анализа художественного произведения добавляет к двум, ранее обозначенным семантическим полям – характеристике качеств личности и определения состояния персонализированного субъекта, третье, *методологическое*.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushdict.narod.ru/277/w83216.htm>. – (Дата обращения: 14.03.2016).
2. Гамлет, принц датский [Текст] : драматическое представление / пер. Н. Полевого, с доп. и вариантами по пер. Вронченко, Кронеберга, Кетчера и Соколовского и характеристиками Гамлета, Гете, Шлегеля, Джонсона, Кольриджа, Мезьера и др. – СПб. : Изд. Суворина, 1886. – Переизд., 1887. – 181 с. – (Дешевая б-ка, N 39). – Примеч.: [Ряд переизданий].
3. Козинцев, Г. М. Гамлет, принц Датский. «Гамлет» и гамлетизм. [Электронный ресурс] // Козинцев, Г. М. Наш современник Вильям Шекспир. Издание второе. – М., 1966. // Режим доступа: <http://lighthouse.nsys.by/lib/shakespeare/kozincew.shtml>. – (Дата обращения: 14.03.2016).

Bibliograficheskiy spisok

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Pod red. D. N. Ushakova. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ushdict.narod.ru/277/w83216.htm>. – (Data obrashhenija: 14.03.2016).
2. Gamlet, princ datskij [Tekst] : dramaticheskoe predstavlenie / per. N. Polevogo, s dop. i variantami po per. Vronchenko, Kroneberga, Ketchera i Sokolovskogo i harakteristikami Gamleta, Gjote, Shlegelja, Dzhonsona, Kol'ridzha, Mez'era i dr. – SPb. : Izd. Suvorina, 1886. – Pereizd., 1887. – 181 s. – (Deshevaja b-ka, N 39). – Primech.: [Rjad pereizdanij].
3. Kozincev, G. M. Gamlet, princ Datskij. «Gamlet» i gamletizm. [Jelektronnyj resurs] // Kozincev, G. M. Nash sovremennik Vil'jam Shekspir. Izdanie vtroe. – M., 1966. // Rezhim dostupa: <http://lighthouse.nsys.by/lib/shakespeare/kozincew.shtml>. – (Data obrashhenija: 14.03.2016).

Дата поступления статьи в редакцию: 11.05.2016
Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

И. В. Азеева, Я. Э. Акопджанян

Театральный универсум Ивана Вырыпаева

В статье осмыслен характер творческого опыта актера, театрального и кинорежиссера, драматурга, сценариста Ивана Вырыпаева. Обоснованы универсальное творческое кредо и уникальное место Ивана Вырыпаева в современном отечественном театральном пространстве. Театр Вырыпаева не порывает с традициями психологического театра, в нем отчетливо звучит и энергетический посыл, полученный от Михаила Чехова. Являясь одним из авторов «новой драмы», Вырыпаев не только завоевывает своими текстами сцену и киноэкран, но и провоцирует появление «нового актера», готового к эксперименту.

Ключевые слова: театральный универсум, универсальный творец, экстраординарная личность, новая драма, Иван Вырыпаев.

I. V. Azeeva, Ya. E. Akopdzhanyan

Theatrical universe of Ivan Vyrypayev

The authors consider the creative experience of the actor, director, playwright and script writer Ivan Vyrypayev. Ivan Vyrypayev has a unique creative credo and takes a unique place in the modern Russian theatrical space. Vyrypayev's theatre continues the traditions of psychological theatre where one can clearly feel the energy drive inherited from Mikhail Chekhov. Being one of the authors of "new drama", Vyrypayev not only conquers stage and screen with his texts, but also stimulates the emergence of a "new actor" who is ready to experiment.

Key words: theatrical universe, universal creator, extraordinary personality, new drama, Ivan Vyrypayev.

Чем отличается новая драма от драмы старой? Что же изменил, к примеру, Иван Вырыпаев со времен Островского? В театре Островского на сцену выведены купцы, а в пьесах Вырыпаева рэперы, только и всего. Только и всего? Иван Вырыпаев – кто он: распляющийся дилетант, не способный самореализоваться в одном направлении, или же он самобытный и универсальный творец – актер, театральный и кинорежиссер, драматург, сценарист, которому просто тесно в одном «амплуа»?

В начале 2000-х Иван Вырыпаев ворвался в Москву и буквально взорвал театральное пространство спектаклем «Кислород». В «Театр.дос» пришел человек с особенным мироощущением. Его театр – это синтез драматургии и самобытной режиссерской эстетики, мысли, особой актерской природы. Творческий универсум в сочетании с экстраординарностью личности дает право начать разговор о Вырыпаеве, как о феномене современного отечественного театрального пространства.

По мнению Ивана Вырыпаева, нынешнее искусство, пережившее эпоху модерна и окунавшееся с головой в постмодернистскую реаль-

ность, закончилось. Искусство, как отдельное пространство, как нечто целостное, перестало существовать, остались лишь его обособленные элементы. «Искусство – это, прежде всего, критерии» [1]. Но в эпоху постмодерна во главу угла ставится концепция, которую сложно анатомизировать рационально. Ценится острота идеи, ее актуальность. Критерий современного мира один: нравится это или нет. По мнению Вырыпаева, «единственная функция искусства, театра – раскрепощать людей, расслаблять. Выдохнуть, испытать что-то новое красивое, больше ничего искусство не может дать» [2]. Современное искусство – это, прежде всего, теснейший контакт с человеком, нацеленность на человека. «Мой зритель – это любой чувствующий человек. Чтобы понять мои спектакли или фильмы, не нужно быть знакомым с театральной традицией или разбираться в искусстве – нужно просто глубоко ощущать происходящее на сцене. Я всегда стараюсь обращаться к чувствам людей и поэтому не очень люблю европейский театр – концептуальный и интеллектуальный. Он для меня слишком холодный» [3]. Акт искусства свершится лишь при наличии в зале хотя бы одного челове-

ка, в процессе сотворчества при обмене энергией.

«Дело не в том, хорошая это драма или плохая, а в том, что между актером и зрителем совершенно особая связь» [1]. Текст неотделим от своего сценического воплощения так же, как *драматург-Вырыпаев* неотделим от *Вырыпаева-режиссера*. Какое бы художественное высказывание не предлагалось, оно, несомненно, будет актуальным и нацеленным на самосознание сегодняшнего человека. Главный вопрос, волнующий, разрывающий на части вырыпаевских героев – вопрос «кто я?».

В его спектаклях нужно исполнять текст, доносить текст со сцены, играть только первый план, а на втором плане высказывание самого актера за ролью. Так в спектакле «Кислород» главными героями являются не Александр с Александрой, а рассказчики, сквозь текст которых прорывается их отношение к героям, о которых они говорят. Это то же самое, что, если бы в мультфильме «Том и Джерри» главными героями были не кот и мышь, а мультипликаторы.

«Новая драма» в лице Ивана Вырыпаева, завоевывающая сцену, стала требовать и «нового актера». Актера, готового к эксперименту и разделяющего убеждения драматурга, так как без этого условия полное погружение в текст, как сценический, так и драматургический, невозможно. Его актер – не просто исполнитель, он – художник, предполагается и даже требуется, что актер должен быть личностью. Нет персонажа или образа, есть лишь актер – человек, который исполняет определенный текст, формируя к нему свое отношение, именно «здесь и сейчас». Вырыпаев говорит: «Мне нравятся простые спектакли, когда человек на сцене существует “здесь и сейчас” – он живой, он со мной говорит, и я понимаю, о чем речь. Метафоры в театре – это слишком сложно для моего восприятия, я этого не люблю. Если, например, кто-то из зрителей пошлет актера на три буквы и от этого спектакль развалится, то для меня это конец, в таком театре нет жизни. Я за театр без условностей, где актер может в любую секунду ответить зрителю и продолжить играть» [3].

Союз *Вырыпаева-драматурга* и *Вырыпаева-актера* приковывает к себе внимание: только последний может, не играя, не актерствуя, рассказать то, что написал первый, потому что это его язык, язык его мысли. Его драматургия построена так, что ее гораздо интереснее и правильнее воспринимать на слух, нежели читать.

И ее ни в коем случае нельзя «играть», ее надо рассказывать. Поэтому, вероятно, любой другой режиссер, взяв его пьесу, будет уже говорить на своем языке, и, как следствие, его актеры будут «играть», «переживать», что в корне изменит самобытность вырыпаевского текста.

Театр Вырыпаева, ученика Станиславского в «четвертом колене», существует без разрыва с психологическим театром и в тандеме с энергетическим театром Михаила Чехова. Чеховым Вырыпаев «заразился» от Вячеслава Кокорина, в мастерской которого учился, одного из лучших педагогов, работающих с наследием Михаила Чехова.

Работая по методу Михаила Чехова, актер лишает текст эмоциональности, но все же обогащает его через окраски, изменяя посыл – работая от трех энергетических центров *thinking, feeling and willing*. В методе отсутствует понятие эмоция, оно заменено на «чувствование», ощущение. Распространяя энергию, актер доносит до зрителя свои ощущения. В театре Вырыпаева очень важно *слово* и *как* оно будет сказано. Говорить можно о чем угодно: о столе, телефоне, Боге – вопрос в том, *как ты об этом говоришь*. «Что происходит со зрителем, когда он слышит» [2] актера, и это «что» всегда разное.

Иван Вырыпаев работает в качестве режиссера на родной для себя площадке – в театре «Практика». Там же ставится его драматургия другими режиссерами, в частности, Виктором Рыжаковым и не только. Неизменно репетиционный процесс проходит в прямом контакте с автором, потому можно с уверенностью говорить об этих спектаклях непосредственно как о театре Вырыпаева – они существуют в рамках его концепции и эстетики. Его пьесы ставятся и во многих театрах по всей России. Но такие спектакли, поставленные без участия автора, по мнению самого же Вырыпаева, совсем не то, чего бы ему хотелось видеть. Триумфальный «Кислород» в «Театре.doc» явился своеобразным манифестом поколения, и яркое «Бытие № 2», якобы написанное больной шизофренией Анастасией Великановой – это уже история. А вот «Сахар» – явление живое и развивающееся. О нем и хотелось бы поговорить.

«Сахар» своей формой напоминает «Кислород». Форма у Вырыпаева отчасти определяет содержание, потому если режиссер не видит формы для сценического воплощения задуманной идеи, то он попросту от нее откажется. Вырыпаев пишет не часто – примерно один текст

в два года, но всегда делает это точно, остро реагируя на реалии наших дней. «Кислород» был музыкальным спектаклем. Иван вместе с актрисой Ариной Маракулиной произносили текст пьесы под запускаемые ди-джем композиции. В «Сахаре» на сцене актеров больше – семь, в их числе и Вырыпаев, каждый – с музыкальным инструментом. Они зачитывают текст то наизусть, то с пюпитров – тон задает сам автор. Спектакль так же, как и «Кислород», разделен на композиции, звучащие под музыку (но уже живую). Универсум Вырыпаева в «неспектакле» «Сахар», как окрестили его критики, проявляется во всей полноте. Он и актер, и драматург, и режиссер. И здесь встает закономерный вопрос: режиссер чего? «Сахар» – это не спектакль и не концерт, это – нечто. Музыка, свет, пританцовывания и «подпрыгивания» актеров создают удобную среду, атмосферу, в которой звучит текст. Для традиционного психологического театра «Сахар» – это не спектакль, но для театра Вырыпаева вполне может им быть.

«Сахар» – это не пьеса. Это совокупность отдельных текстов, связанных не сюжетно, а смыслово, порядок которых вполне может быть вариативно изменен. Это не пьеса, не концерт и не спектакль (обычный), не рэп и не рок – это жанровый хаос, ускользающий от конкретного определения.

По смыслу тексты «Сахара» тесно связаны с названием. Все композиции-треки говорят о том, как же здорово жить и что у каждого человека есть свой, личный «сахар». Но не все так просто, иначе это бы не было текстом Вырыпаева. Если зрителю полтора часа с милой и сладкой улыбкой повторяют слово «сахар», то стоит искать, в чем подвох. Наверное, в жизни не все так сладко.

«Кислород», «Сахар», «Невыносимо долгие объятия» (премьерный спектакль театра «Практика») – этот убедительный список заставляет поверить в Вырыпаева как в театрального режиссера и считаться с ним. Создав свою особую эстетику, исходя из собственных убеждений и мироощущения, Вырыпаев транслирует ее не только в пространстве драматургии и театра, но и в кинопространстве. Не желая расставаться с любимым, глубоко проросшим текстом «Кислорода», он решает снять фильм с одноименным названием. Затем были фильм-этнод «Танец Дели» и невероятная по красоте и глубине «Эйфория». И вот недавно увидело свет новое произведение – фильм «Спасение». В «Спасении», как и

в «Эйфории», очень мало диалогов, внимание концентрируется на визуальном образе. У Ивана уже есть два фильма, сфокусированных на тексте, поэтому это «другое», изобразительное кино говорит о многогранности *Вырыпаева-кинорежиссера*. Голос зазвучит, прорвется после двадцатиминутной тишины. Речь польется на английском языке – языке межкультурном, коммуникативном, универсальном, языке информационного общества. Переводчиком станет сам Вырыпаев, он сознательно воспользуется синхронным переводом, для сохранения документальности, избегая «дубляжа».

«Спасение» фильм о взаимопроникновении культур, религий. Современный мир мультикультурен, но готов ли он к этому? Как нам жить друг с другом, когда мы все такие разные? Героиня фильма – 25-летняя католическая монахиня из Польши, посланная в Тибет по делам своей церкви. «Спасение» – про людей, которые идут по духовному пути. В фильме затрагиваются специфические вещи, малопонятные, может быть, широкому зрителю, но понятные тем, к кому они обращены. То есть фильм адресован определенным людям. Он не для массового зрителя» [4], – говорит Вырыпаев. Он всегда убедителен и с ним сложно не согласиться: «Спасение» – для зрителя, остро чувствующего время.

Вступая в диалог с новыми людьми, Анна не всегда их понимает, но старается их принять. Исключительность героини позволяет посмотреть на мир по-новому, отступив от канонов и общественных правил, возможно, именно поэтому ближе к финалу появляется летающая тарелка. Как говорит сам Вырыпаев, у него везде инопланетяне и почему бы им не быть и здесь, раз речь идет о коммуникации. Анна «преодолела серьезный внутренний конфликт. Монахиня, которая говорит: “Я поняла, что Бог есть”. Значит, она только сейчас это поняла? Значит, был поиск? И эти встречи, в том числе с инопланетянами...».

Многим эстетика Вырыпаева кажется чужеродной и неорганичной для отечественной сцены, но это их дело: понять или хотя бы принять художника не всегда бывает просто. Режиссер в пространстве современного театра – прежде всего личность. Личность со своим мировоззрением, мироощущением и своей творческой «философией». Вырыпаев остро ощущает время и стремится сказать о том, что происходит с современным человеком. Именно поэтому ему нужна своя эстетика и нужен особый актер. *Вы-*

рыпаев-актер работает в своих спектаклях, чтобы текст прозвучал именно так, как нужно *Вырыпаеву-режиссеру*, он ставит *Вырыпаева-драматурга*, чтобы форма сценического воплощения соответствовала содержанию текста, он снимает фильмы, транслируя и в них свою эстетику и «философию». Он – первый Вырыпаев, первый и единственный, пока...

Библиографический список

1. Вырыпаев, И. Лекция во ВГАИ [Видеоматериал]
[http://yandex.ru/video/search?text=ВЫРЫПАЕВ %20лекция %20во %20вгаи&path=wizard&filmId=TyFMSZjFUXI&redircnt=1448305651.1](http://yandex.ru/video/search?text=ВЫРЫПАЕВ%20лекция%20во%20вгаи&path=wizard&filmId=TyFMSZjFUXI&redircnt=1448305651.1). – (Дата обращения: 27.04.2016).
2. Вырыпаев, И. Кислород. Июль. Танец Дели / И. Вырыпаев; – М: Проспект, 2011. – 192 с.
3. Вырыпаев, И., Квятковский, Ю. Что творится в театре? [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/teatalks/130851-theater>. – (Дата обращения: 27.04.2016).
4. Денисова И. Шесть дет в Тибете. Интервью с Иваном Вырыпаевым [Электронный ресурс] / Режим доступа:

<http://www.svoboda.org/content/article/27267640.html>. – (Дата обращения: 27.04.2016).

Bibliograficheskiy spisok

1. Vyrypaev, I. Lekcija vo VGAI [Video-material]
[http://yandex.ru/video/search?text=VYRYPAEV %20lekcija %20vo %20vgai&path=wizard&filmId=TyFMSZjFUXI&redircnt=1448305651.1](http://yandex.ru/video/search?text=VYRYPAEV%20lekcija%20vo%20vgai&path=wizard&filmId=TyFMSZjFUXI&redircnt=1448305651.1). – (Data obrashhenija: 27.04.2016).
2. Vyrypaev, I. Kislorod. Ijul'. Tanec Deli / I. Vyrypaev; – M: Prospekt, 2011. – 192 s.
3. Vyrypaev, I., Kvjatkovskij, Ju. Chto tvoritsja v teatre? [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.the-village.ru/village/city/teatalks/130851-theater>. – (Data obrashhenija: 27.04.2016).
4. Denisova I. Shest' det v Tibete. Interv'ju s Ivanom Vyrypaevym [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.svoboda.org/content/article/27267640.html>. – (Data obrashhenija: 27.04.2016).

Дата поступления статьи в редакцию: 08.05.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

В. А. Летин, А. А. Молчанова, Л. Ф. Салимова

**Господский костюм в контексте предметного мира
поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова**

В статье осуществлено культурологическое исследование особенностей интерпретации Н. А. Некрасовым господского костюма в контексте предметного мира поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в аспекте культуры повседневности второй половины XIX века. Выявлены и проанализированы основы и акценты авторского осмысления господского костюма. Обоснованы культурные смыслы интерпретации господского костюма в поэме, которой является не только маркером социальной типизации, но выражением авторского отношения к проблемам пореформенной России.

Ключевые слова: господский костюм, предметный мир, культура повседневности, Н. А. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо».

V. A. Letin, A. A. Molchanova, L. F. Salimova

**Master's dress in the context of the object world
in N. A. Nekrasov's poem Who Is Happy In Russia?**

The article presents culturological research into N. A. Nekrasov's interpretation of master's dress in his poem Who Is Happy in Russia? in terms of everyday life in the second half of the XIX century. The basis and accents of the author's insight as to the master's dress are described and analyzed. The authors of the article reveal the cultural meaning of master's dress interpretations in the poem and state that the dress not only marks the social type, but also expresses the author's attitude to the problems of post-reform Russia.

Key words: master's dress, object world, culture of everyday life, N. A. Nekrasov, "Who Is Happy in Russia?"

На эпическом фоне жизни пореформенной России законченными объемами выступают персонажи, данные соло. В первую очередь, это, конечно, «народные» герои, которые словно фокусируют значимые для автора черты национального самосознания как архетипического, так и актуального свойства. Такие герои органично вырастают из «крестьянского» мира, и его присутствие чувствуется за ними. Авторский взгляд словно фокусируется переходя от панорамы общих сцен, через отдельные «мизансцены» беседы, к крупному плану [1]. Апофеозом представления героя становится его развернутый монолог исповедальный (Матрена Тимофеевна), обличительный (Яким Нагой), лирический (Григорий Добросклонов) [2].

Их антагонисты – провинциальные помещики – появляются сразу. И представлены они, за редким исключением, как отрицательные персонажи – персонификации пережитков крепостничества. В силу определенной фокусировки исследовательского глаза инерционно рассматриваются в неразрывной связи с художественными топосами, в которых они и появляются [3]. Однако, их связь с реальностью иллюзорна. Уже

в самом начале из уст сельского священника мы слышим, что помещики «рассеялись, как племя иудейское», что родовые гнезда перестали быть центрами притяжения для потомков древних фамилий. Свидетельством разорения и опустения дворянских усадеб являются и сами странники, посетившие гибнущую барскую усадьбу. Так, помещичья тема аранжируется мотивами идеализации прошлого, распада сознания и, как итог, – смерти.

В связи с чем, сами помещики начинают представлять особый интерес, поскольку оказываются не только условными социальными типами современной Некрасову реальности, но и выразителями более глубоких идей философско-мировоззренческого характера. При этом сам поэт при создании этих образов является мастером психологического подтекста и символической детали, которые реализуются в первую очередь через внешний облик персонажа, его действия и речь.

В данной работе мы рассмотрим образы провинциальных помещиков как часть художественного универсума поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Надо сказать, что тема портрета

персонажа эпизодически затрагивалась в некрасовении [4], но детально образы помещиков поэмы на предмет интерпретации их внешности не рассматривались. И в первую очередь сосредоточимся на анализе их костюма, который интерпретируем как основное средство социальной характеристики и выражения психологических особенностей персонажа [5].

В отличие от крестьянского костюма, детали которого «рассыпаны» автором в толпе и поименованы с особым отношением (уменьшительно-ласкательные формы, акцентирование фактуры, истории предметов), что объединяет персонажей в единый образ крестьянства, «господский» представлен «локальным» ансамблем исключительно на одном персонаже.

Такое «ансамблевое» явление барского костюма создает у читателя ощущение взгляда со стороны. Тем более, что автор, работая на приеме «остранения», дает его восприятие внешнего облика бар глазами крестьян-странников. Это позволяет акцентировать те детали, которые кажутся «наивным» реципиентам наиболее интересными: яркими и даже экзотическими.

Всего в поэме представлено четыре полных «барских» мужских костюмных ансамбля. Их «носителями» являются следующие персонажи: Павлуша Веретейников («Сельская ярмонка»); Гаврила Афанасьевич Оболт-Оболдуев («Помещик»); г-н Поливанов («История про холопа примерного Якова верного»), князь Утятин («Последыш»).

Уже в самом наименовании персонажа чувствуется авторское отношение к ним. Явная симпатия к «Павлуше», пристальное внимание к наивному (а порой и комично-сентиментальному) невежеству Г. А. Оболт-Оболдуева; презрение и сарказм – к кн. Утятину [6].

При этом прямой авторской оценки этих персонажей нет. Вместо этого есть их восприятие крестьянами. Но вот «фокусировка» крестьянского взгляда – некрасовская. И что для простодушных мужиков является лишь яркой деталью, оригинальным проявлением «барского» образа жизни для поэта и просвещенного читателя слагаемые культурного кода эпохи.

Костюм Павлуши Веретейникова – опыт социальной мимикрии. Впервые герой появляется перед нами по-праздничному одетым в «...рубаху красную, / поддевичку суконную, / смазные сапоги» на сельской «ярмонке». Его щегольской

наряд должен создать у окружающих впечатление «своего парня из народа». Рассмотрим его наряд детально. Красный цвет рубахи задает праздничный тон. Демонстративно яркий цвет привлекает внимание, выделяя героя из толпы. Этот красный цвет достигался синтетическим красителем – фуксином, который появляется в промышленности в 1870-е годы. Такая ткань была дорогой и служила предметом гордости владельца и зависти окружающих. Поэтому именно эта деталь бросается в глаза первой практичным ходокам. И оценивается она ими не только эстетически. Дорогая модная вещь на молодом человеке выдает его инаковость – «барственность» – в толпе крестьян. Положения не может исправить и вполне традиционная «суконная поддевичка». Заметим, что здесь используется уменьшительно-ласкательная форма слова – своеобразный маркер положительной характеристики персонажа их крестьянской среды. Собственно суконная поддевка представляла верхнюю мужскую одежду, которую характеризовали небольшой стоячий воротник, косые или прорезные карманы. Застегивалась она на левую сторону на крючки, сзади имела сборки или складки. При этих складках иногда делали разрез на спине. Шили поддевки из черного или синего сукна. Летом щеголи из молодых купцов носили также белые суконные поддевки. Использование уменьшительно-ласкательной формы в наименовании этой детали костюма, сближает персонажа с крестьянским миром, в котором онучи – «онученьки», боты – «ботиночки» и т. д. Между тем материал павлушиной поддевки свидетельствует скорее о ее типичности, поскольку наиболее дорогие шились из бархата, шелка и даже небеленого льна. В сочетании с яркой праздничной рубахой и следующими далее праздничными «смазными сапогами», она диссонирует, выдавая в персонаже «чужого».

«Смазные сапоги» – сапоги, смазанные дегтем для блеска и водонепроницаемости. Они дополняют щегольской образ персонажа. Сапоги – обувь состоятельных крестьян. Напомним, что мужички-странники, собираясь в путь, мечтали лишь о лаптях и онучах. И, вероятно, сапоги – редкость для той местности, в которой разворачивается сюжет поэмы и где, что ни деревня, то крестьянская беда: Горелово, Неелово, Знобишино, Неурожайка...

Как видим, праздничный наряд Павлуши акцентирован автором таким образом, что даже будучи составленным из предметов вполне

«народных» все же выдает в инородного крестьянскому миру персонажа. Инаковость же героя, заявленная в костюме, поддерживается и спецификой его бытования в социально-культурном пространстве «ярмонки». В крестьянской среде, где всем известны не только имена, но и истории жизни, о том, «какого рода звания» этот персонаж здесь никому не известно. Тем не менее, его кличут «баринном». Самый же яркий пример его инаковости – покупка героем ботиночек для внучки пьяницы Вавилы. Этот романтический жест выдает в нем не привыкшего к тяжелому труду «барина». Как видим, перед нами случай «барского маскарада», цель которого уподобиться народу. Однако это уподобление носит внешний характер. Но этот факт интереса к народу самими крестьянами воспринимается скорее как игра, нежели серьезный интерес.

Костюм Оболта-Оболдуева как пример «пограничного» состояния героя. Следующий «барский» костюм принадлежит Гавриле Афанасьевичу Оболту-Оболдуеву. Он влетает в сюжет поэмы «на тройке с колокольчиком». Это «барин кругленький, / Усатенький, пузатенький, / С сигарочкой во рту, / ...румяненький, / Осанистый, присадистый, / Шестидесяти лет...».

Однако физическое здоровье и темперамент этого помещика контрастирует с его пространственными монологами-жалобами на судьбу. Основную их тему составляет ретроспективная идеализация крепостнического жизненного уклада. Потомственный дворянин отказывается принять современную действительность. Родовое гнездо разорено: дом разобран на кирпич, сад вырублен на дрова, а сам он упоенно декларирует апологику крепостничества, посмеивающимся в ус мужикам. Потерянность этого персонажа во времени закрепляется в его костюме, который составляют «венгерка с бранденбурами / Широкие штаны». Всего две детали. Но в сочетании с другими деталями описания внешности, они проявляют еще один тип личности пореформенной России: человека, потерявшегося во времени. При этом через них раскрываются еще и характерные черты личности персонажа, его «национальная» идентичность.

Первое, что бросается в глаза при анализе костюма – это диссонанс между венгеркой и широкими штанами. Наличие первой предполагало «по форме» относительно узкие кавалерийские панталоны. Вполне вероятно, что широкие штаны – это дань «деревенскому» комфорту. Однако на человеке, признававшем кулак, как един-

ственный закон своей сельской деспотии, становится символом азиатской дикости помещика.

О его же личных амбициях говорит верхняя часть наряда – «венгерка с бранденбурами». Это короткая куртка из сукна с нашитыми на груди поперечными шнурами по образцу формы венгерских гусар XVIII в. Венгерка была любимой «домашней» одеждой деревенских помещиков в России в первой половине XIX в. даже тех, кто не имел отношения к военной службе. Здесь она уже представляла собой куртку с коротким воротником, плотно облегающую тело до талии и слегка расходящуюся ниже ее. Грудь венгерки делалась выпуклой на вате или волосистой подкладке. Шестидесятилетний помещик Оболт-Оболдуев, румяный, с «молодецкими ухватками», «пузатенький», но одетый в приталенную короткую куртку, производит трагикомическое впечатление. Для него время словно остановилось. В своем мире он молодой полный сил властелин окрестных земель, где все от вековой тайги до малой травинки шепчет ему: «Я твоя!». Его объезд границ имения по-своему символичен, представляя собой пространственное выражение «зацикленности» персонажа. Детали костюма и специфический топос персонажа, проявляют его как человека, утратившего связи с реальностью, живущего исключительно прошлым, воскресающим исключительно в его рассказах. Так выезд помещика обретает еще один важный психологический мотив – поиск слушателей, как преодоление человеческого одиночества в разоренном доме.

Еще одним маркером «национальной идентичности» русского помещика является костюм больного г-на Поливанова, героя рассказа о «Холопе примерном Якове верном» («Пир на весь мир»). Поливанов, купивший имение «на взятки», тем не менее, представлен характерным домашним тираном. После того, как ему отказали ноги, большую часть времени он проводит в халате на постели. И типичная домашняя одежда русских бар здесь является *символом его азиатского нрава*. Халат Поливанова вписывается в ряд известных халатов русской литературы от гоголевского бешеного Ноздрева до лирического лентяя И. И. Обломова из одноименного романа И. А. Гончарова. Чаще всего он является символом лени и праздности. Так в пушкинском «Евгении Онегине» о судьбе Ленского иронически предполагается: «В деревне счастлив и рогат носил бы стеганный халат...». У Некрасова в образе Поливанова в халате сошлись обе линии:

персонаж коварен, циничен, жесток и агрессивен, подобно восточному деспоту, но вместе с тем покоем и милостив, когда его эгоцентричный быт организован Яковом. Физически оторванный от реальности Поливанов замкнут в домашнем пространстве, душой которого является его слуга Яков. Но в своем эгоцентризме, он уничтожает эту основу своего мироздания: после отправки любимого племянника в солдаты Яков вешается на глазах у помещика-инвалида, чем повергает его в смятение.

Однако кульминации мотив отрыва от реальности достигает в поэме в образе князя Уяттина. *Его костюм мы интерпретируем как выражение духовной смерти персонажа.*

В главе «Последыш» странники добредают до селения Большие Вахлаки, в котором разворачивается картина «старой» жизни русского крестьянства. Своеобразный «крепостнический» маскарад, разыгрываемый вокруг одного полуживого существа:

«...старый старичок: / Худой! Как зайцы зимние, / Весь бел, и шапка белая, / Высокая, с околышем / Из красного сукна. / Нос клювом, как у ястреба, / Усы седые, длинные...»

Так глазами странников дается в поэме портрет престарелого князя Уяттина – владельца крупной вотчины. При описании старика автор использует зооморфные сравнения (заяц, ястреб), которые при мягкой «птичьей» фамилии героя создают комический эффект. При этом возникает ощущение и смертельной изможденности персонажа, и смертельной же опасности от него исходящей. Впечатление «смертоносности» этого героя усиливается и за счет его взгляда и цветовой характеристики, в которой доминирует белый цвет с красным акцентом (околыш фуражки).

Кн. Уяттин находится на грани жизни и смерти. Этот полупарализованный старик с разными глазами оказывается своеобразным индикатором новых социальных взаимоотношений. Его уход – дело времени. И именно этого события ждут и крестьяне, и родственники, чтобы поделить имущество старого хозяина. Некрасов саркастически показывает нам, что безумие его героя – делает его единственным счастливецом всея Руси его поэмы. Он пребывает в иллюзорном представлении о нерушимости «прав своих дворянских», авторитете «имени древнего». Он единственный верит в то, что устои патриархального мира целы и невредимы, в то время как социум вокруг него «заражен» уже новыми веяниями товарно-денежных отношений: крестьяне сами

«продались» бывшим господам. Водевильная история обнаружила трагический подтекст: у свободы есть цена! И этот подтекст еще более оттеняется ореолом белого цвета, окружающего старика.

Автор играет цветом, наделяя его двойной символикой. Белый цвет традиционно воспринимается как символ чистоты и благородства духа, тем более что маркируется им дворянин. Но его бледность сливается с тоном одежды и фуражки, а вкупе с другими «вывертами», белый цвет начинает восприниматься уже как цвет похоронный, цвет савана. Форменный сюртук, в итоге, и окажется таковым, когда Последыш уснет навсегда.

Форменный сюртук и фуражка князя, свидетельствовавшие о высоком ранге их хозяина, воспринимаются крестьянами-ходоками исключительно как социальная характеристика. При этом фуражка именуется мужичками «шапкой»! Полагаем, что такой акцент сделан автором не случайно, поскольку именно такой тип фуражки белой с красным околышем можно видеть на портрете Николая I работы Е. И. Ботмана (1849, ГЭ). Из всех официальных портретов этого императора, данный наиболее «домашний». Фигура государя возвышается на фоне морской панорамы с пароходом и парусником, вблизи петергофского Коттеджа. Если учесть, что формирование личности князя происходила в николаевской России, то подражание любимому императору нашло отражение и в деталях костюма: ношение форменной одежды в повседневной жизни, в том числе и фуражки.

При таком прочтении персонаж становится не только сатирой на дворянство, но и на самого царя. Имидж Николая I – в художественном универсуме Некрасова более чем отрицательный: инициатор строительства «убийственной» железной дороги, гонитель и притеснитель Пушкина, горе-полководец в Крымской кампании сер. XIX века. Благодаря узнаваемой детали костюма образ князя Уяттина раскрывался для современников как саркастическая пародия на Российского императора.

Как видим, немногочисленные и весьма «малокомплектные» ансамбли костюмов привилегированного класса в некрасовской поэме «Кому на Руси жить хорошо» представляют собой весьма продуктивный по своему исследовательскому потенциалу материал. Они не только маркеры актуальных для того времени социальных типов, но выразителями авторского отношения

к проблемам пореформенной России.

Библиографический список

1. Волкова, Л. Д. Массовые сцены в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [Текст] / Л. Д. Волкова // Творчество Н.А. Некрасова. Истоки и жизнь во времени: Межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль, 1988. – С. 48–56.

2. Гаврилова, В. Л. Портрет в поэзии Н. А. Некрасова (к использованию цветowych и светowych слов) [Текст] / В. Л. Гаврилова // Творчество Н. А. Некрасова. Истоки и жизнь во времени: Межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль, 1988. – С. 124–132.

3. Исакова, И. Н. Система номинаций литературного персонажа (На материале произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, А. А. Фета и Н. А. Некрасова) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / И. Н. Исакова. – Москва, 2004. – 360 с. – РГБ ОД, 61:04-10/865.

4. Кирсанова, Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18 первой половины 20 вв.: (Опыт энциклопедии) [Текст] / Под ред. Т. Г. Морозовой, В. Д. Синюкова. – М., 1995. – 383с. : ил.

5. Розанова, Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. [Текст] / Л. А. Розанова. – Л., 1970.

6. Твердохлебов, И. Ю. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [Текст] / И. Ю. Твердохлебов. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1954.

Bibliograficheskiy spisok

1. Volkova, L. D. Massovye sceny v pojeme N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» [Tekst] / L. D. Volkova // Tvorchestvo N. A. Nekrasova. Istoki i zhizn' vo vremeni: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. – Jaroslavl', 1988. – S. 48–56.

2. Gavrilova, V. L. Portret v poezii N. A. Nekrasova (k ispol'zovaniju cvetovyh i svetovyh slov) [Tekst] / V. L. Gavrilova // Tvorchestvo N. A. Nekrasova. Istoki i zhizn' vo vremeni: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. – Jaroslavl', 1988. – S. 124–132.

3. Isakova, I. N. Sistema nominacij literaturnogo personazha (Na materiale proizvedenij F. M. Dostoevskogo i L. N. Tolstogo, A. A. Feta i N. A. Nekrasova) [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.08 / I. N. Isakova. – Moskva, 2004. – 360 s. – RGB OD, 61:04-10/865.

4. Kirsanova, R. M. Kostjum v russkoj hudozhestvennoj kul'ture 18 pervoj poloviny 20 vv.: (Opyt jenciklopedii) [Tekst] / Pod red. T. G. Morozovoj, V. D. Sinjukova. – M., 1995. – 383s. : il.

5. Rozanova, L. A. Pojema N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho». Kommentarij. [Tekst] / L. A. Rozanova. – L., 1970.

6. Tverdohlebov, I. Ju. Pojema Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» [Tekst] / I. Ju. Tverdohlebov. – M. : Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1954.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 82-94

О. В. Лукин

**Международная научно-практическая интернет-конференция,
посвященная 110-летию со дня рождения доктора филологических наук,
профессора Наталии Александровны Булах**

SCIENTIFIC LIFE

O. V. Lukin

**International scientific and practical Internet conference
devoted to 110 anniversary of Natalia Aleksandrovna Bulakh, Doctor of Philology, Professor**

4 марта в Голубом зале Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского состоялось пленарное заседание Международной научно-практической интернет-конференции, посвященной 110-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Наталии Александровны Булах, выдающегося германиста, основателя и бессменной заведующей (1945–1973 гг.) кафедры немецкого языка Ярославского педагогического института.

В конференции приняли участие преподаватели и студенты факультета иностранных языков ЯГПУ, ветераны факультета. С приветственным словом к присутствующим обратились первый проректор ЯГПУ, доктор исторических наук профессор М. В. Новиков и директор Института филологии и культуры профессор Н. П. Воронин. В своем приветствии М. В. Новиков подчеркнул знаковость этого события: пленарное заседание проводится в Голубом зале, украшенном портретами самых выдающихся профессоров нашего университета, среди которых особое место занимает портрет профессора Н. А. Булах. С научными докладами выступили ученицы Н. А. Булах – доктора филологических наук, профессора Е. В. Милосердова (Тамбовский государствен-

ный университет им. Г. Р. Державина), О. А. Кострова (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия), а также кандидат филологических наук, главный редактор ярославской редакции «Комсомольской правды» Н. В. Булах, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ О. В. Лукин, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики ЯГПУ Т. Н. Гаврилова.

С особым вниманием был заслушан первый доклад-презентация Н. В. Булах «И дольше века длится память», в которой она рассказала присутствующим о нескольких поколениях своей семьи, семьи Булахов-Клейненбергов, давшей нашей стране многих известных деятелей науки, культуры и медицины, и показала удивительные старинные фотографии из семейного архива.

Доклад Т. Н. Гавриловой «Развитие образовательной системы Петришуле (НОУ Гимназия № 222 г. Санкт-Петербурга)» познакомил участников конференции с очень известным образовательным учреждением Санкт-Петербурга – Ленинграда – Государственным бюджетным общеобразовательным учреждением средней общеоб-

разовательной школой № 222 с углубленным изучением немецкого языка «ПЕТРИШУЛЕ» Центрального района Санкт-Петербурга. Школа была основана в 1709 году, ее основателем был Корнелиус Крюйс – сподвижник Петра I, вице-адмирал, один из основателей Российской империи, Санкт-Петербурга и немецкой общины в Петербурге. Школа была основана для обучения детей этнических немцев. Эту школу закончил муж Н. А. Булах И. Э. Клейненберг, историк-медиевист, переводчик, специалист по старонемецкому языку, сын профессора немецкой филологии, заведующего кафедрой Ленинградского государственного университета, директора Петришуле с 1916 по 1928 гг. Э. К. Клейненберга.

Доклад О. В. Лукина «Н. А. Булах: поколения и парадигмы» показал не только этапы творческого пути ученого, но и продемонстрировал, с одной стороны, взаимосвязь между научной мыслью профессора Н. А. Булах и ее учителей и учителей их учителей, а с другой стороны, показал преемственность в развитии идей ученого в работах ее учеников и учеников их учеников. Научное творчество Н. А. Булах заложило основы рассмотрения категории отрицания в самом широком плане и в самых различных языках и группах языков, впитав в себя лучшие традиции мирового языкознания непосредственно от младограмматизма и дав импульс к развитию такого направления современного языкознания, как прагмалингвистика.

Непосредственной иллюстрацией последнего положения послужили научные доклады двух учениц Н. А. Булах. Профессор О. А. Кострова (г. Самара) прочитала доклад «Развитие научного наследия Н. А. Булах в Самарской лингвистической школе». Основная идея, представленная в школе Н. А. Булах, – это, по мнению докладчика, неразрывная связь исторического развития и современного функционирования единиц языка. В докладе были показаны основные направления, по которым развивается творческое наследие Н. А. Булах в Самарской лингвистической школе: комплексное описание единиц языка; систематизация семантики и функционирования сложноподчиненных предложений в немецком и английском языках; исследование глагольных категорий; изучение видов речи и типов текста; выявление скрытых значений, имплицитованных в слове, словосочетании, предложении и тексте.

Заключительным на пленарном заседании был доклад профессора Е. В. Милосердовой (г. Там-

бов) «Концепция Н. А. Булах об отрицании в немецком языке и актуальные проблемы современной прагмалингвистики». В докладе рассматривались основные проблемы современной прагмалингвистики, связанные, в частности, с такой универсальной языковой категорией, как отрицание. Докладчик особо подчеркнула значение классической работы Н. А. Булах по исследованию отрицания в немецком языке. Большое внимание в докладе было уделено новым тенденциям в современной коммуникации к использованию имплицитного и косвенного отрицания.

После научного заседания состоялся обмен мнениями и воспоминаниями о Наталии Александровне в здании Дома российско-французской дружбы, в котором приняли участие преподаватели и ветераны факультета иностранных языков, гости конференции. В неформальной обстановке было сказано много добрых слов о Н. А. Булах – большом ученом и замечательном человеке.

В рамках Международной научно-практической интернет-конференции, посвященной 110-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Наталии Александровны Булах, было представлено еще пять докладов и два воспоминания, посвященных профессору Н. А. Булах и истории развития германистики в нашей стране. Два доклада подготовили доктора филологических наук: это доклад еще одной ученицы Н. А. Булах, профессора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Тамбовский филиал) А. В. Щербаковой «Некатегориальные формы выражения некоторых грамматических значений в синтаксисе современного немецкого языка» и доклад профессора, заведующего кафедрой немецкой филологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, вице-президента Российского Союза Германистов С. И. Дубинина «Дискурсивный квази-имидж завоевателя (на материале немецко-русского словаря для солдат вермахта)».

Доклад кандидата филологических наук, доцента, заведующей кафедрой немецкого языка Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (г. Горки Могилевской области Республики Беларусь) С. Н. Дубровиной «Из истории преподавания немецкого языка в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии» непосредственно связан с темой кон-

ференции и посвящен отдельному аспекту истории преподавания немецкого языка в Белоруссии.

Еще два доклада написаны уже третьим после Н. А. Булах поколением германистов, их подготовили дочь О. А. Костровой, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Самарского аэрокосмического университета Е. В. Беспалова («Сопоставительное исследование концептов природных объектов в немецкой и русской лингвокультурах») и аспирантка О. А. Костровой Л. Р. Хамитова («Продолженная синтаксическая форма с семантикой причины в художественных текстах»).

Все доклады конференции представлены в настоящем выпуске Верхневолжского филологи-

ческого вестника в разделах «Теория языка» и «Научная жизнь», посвященном Н. А. Булах. В него вошли также воспоминания о матери Я. И. Клейненберга и воспоминания Г. А. Рассмагиной, студентки Н. А. Булах с 1950 по 1954 гг., записанные и любезно предоставленные нам М. В. Ефимовой, кандидатом педагогических наук, доцентом, доцентом кафедры теории и методики преподавания иностранных языков.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Н. В. Булах

И дольше века длится память (к 110-летию рождения профессора Н. А. Булах)

N. V. Bulakh

**The memory lasts more than a hundred years
(to 110 anniversary of Professor N. A. Bulakh)**

Наталия Александровна родилась 25 февраля 1906 года в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Ее дед – статский советник, министр без портфеля Юрий Степанович Булах, бабушка Наталья Карловна (урожденная Бельгард) происходит из древнего французского рода. Ее отец и дед служили в русской армии.

Брак родителей Наталии можно назвать мезальянсом. Старший сын Юрия Степановича Александр влюбился в гувернантку своих младших сестер. Юная Мария была дочерью немецкого ремесленника Христиана Келера из Кемница. Сколько усилий, чтобы добиться разрешения на брак, пришлось приложить Александру, мы можем только предположить!

Но любовь и счастье далеко не всегда стоят рядом. Девочка рано остается без поддержки отца. Александр Юрьевич служил вице-консулом на Цейлоне и не раз вступался за судьбу российских моряков. За что и был отравлен недоброжелателями. Мария Христиановна вынуждена растить и давать образование трем детям.

Мировая война и революция перечеркивают налаживающийся уклад семьи. На всю жизнь Наталья Александровна сохранила нелюбовь к селедке и грибам в любом виде. В педагогический институт им. А. Герцена Наталия поступает с первого раза, несмотря на свое происхождение. Учится на отделении французского и немецкого языка – на «отлично».

Здесь она и знакомится с будущим мужем – Игорем Клейненбергом. Наталия влюбляется сразу и навсегда. Однажды, когда она отсутствовала в институте две недели по болезни и снова появилась на занятиях, ей говорят, ее Иги... женился! Это был сильнейший удар. Прошло вре-

мя, и вот они снова встречаются. И уже вместе до последних дней Наталии Александровны.

Рождаются дети – Рената, Магдалина, Ггаральд. Времена – голодные, на завтрак не всегда есть масло на бутерброд, за ситцем на пеленки приходится занимать очередь затемно. Наталия и Игорь живут так, как большинство интеллигентных семей того времени: берут из псковской глубинки домашнюю работницу, с утра до вечера по различным учебным заведениям дают уроки немецкого языка. Денег на транспорт не хватает, поэтому чаще всего они пешком добираются из одного конца Ленинграда в другой. Игорь Эрихович вспоминал, что порой приходилось подошвы ботинок прикручивать веревками. Но дом открыт для друзей, родных, коллег.

Самое страшное, что рядом исчезают близкие. Отец Игоря Эриховича – Эрих Карлович – был дважды арестован в 30-х годах. В 1939 году он умер в тюремном лазарете в Крестах. Одно из обвинений было в том, что до революции Эрих Карлович преподавал дочерям императора Николая II немецкую литературу и язык. Сестра Игоря Эриховича Маргарита была необыкновенно хороша собой, работала переводчицей – она предпочла покончить с собой, когда органы стали заставлять ее доносить на иностранных специалистов.

Наталия Александровна чувствует, что только дом дети и работа – это не все. В 1939 года, работая старшим преподавателем на кафедре немецкой филологии Первого Ленинградского педагогического института иностранных языков, поступает в только что открывшуюся там очную аспирантуру. В 1940 году в семье рождается четвертый ребенок – сын Ярослав, одновременно Наталия успешно сдает кандидатские экзамены.

Она всегда говорила позднее, что если бы не война и долгая разлука с мужем, то детей было бы гораздо больше!

4 июля 1941 года Наталия Александровна со своими четырьмя детьми и племянницей покидает Ленинград. Прощаясь с мужем, она не знает, что не увидит его 12 лет. Игорь Эрихович пережил в блокадном Ленинграде самую страшную первую зиму, был эвакуирован с взломом. Во время эвакуации были утеряны документы, при их восстановлении он указал свою национальность – немец. Последовал арест и ссылка в Сибирь, откуда он вернулся к семье только после смерти Сталина.

Наталия Александровна с детьми попадает в первый раз в Ярославскую область в одну из деревень Даниловского района. Откуда их эвакуируют в Чкаловскую область в деревню Васильевка Белозерского района.

Наталия Александровна работает завучем в школе. Денег и продуктов не хватает. Она общивает всю деревню. Шьет руками без швейной машинки – от вышитых украинских кофточек до тужурок. Это можно назвать чудом, что ей удалось сохранить в годы войны всех детей. Вот только врачи после войны скажут, что сама Наталия Александровна «съела» свое сердце. То есть истощенный организм принял за сердечную мышцу.

Возвращаться в Ленинград семье не разрешили. В их квартире жили уже чужие люди, она превратилась в коммуналку. За долгие годы войны Наталия Александровна не была забыта своими коллегами по работе. Весной 1945 года в Васильевку пришел вызов из Ярославля – Елена Осиповна Костецкая, возглавлявшая с 1943 года кафедру немецкого и французского языка пединститута, искала руководителя для немецкого отделения.

Когда была образована кафедра немецкого языка, то Наталия Александровна возглавила ее и руководила ей до самой смерти в 1973 году.

Все, что было сделано в аспирантуре до войны, пропало. В 1949–1950 году Наталия Александровна сдает заново кандидатские экзамены. В Ленинграде она была своей среди филологической элиты – Адмони, Сильман, Зиндер, Строева... В 1954 году блестяще защищает кандидатскую диссертацию.

1954 год счастливый еще и потому, что после 12-летней ссылки, наконец, возвращается муж – Игорь Эрихович. Благодаря любви и взаимной поддержке Наталии Александровны и Игорю

Эриховичу удалось пережить эти страшные годы. В 1964 году она первая на факультете защитила докторскую диссертацию.

Наталия Александровна принимает участие в работе различных комиссий Министерства образования. Ей присылали со всей страны научные работы и аспирантские диссертации для редактирования. Последняя соискательница появилась в доме за несколько дней до смерти Наталии Александровны. Девушка настаивала на рецензии. Наталия Александровна попросила оставить работу на пару дней: «Почувствую себя лучше и посмотрю обязательно вашу диссертацию!» Но сил уже не было...

История Наталии Александровны – история великой женщины, которая, вопреки всем обстоятельствам, сумела сохранить любовь к мужу, любовь к детям, любовь к работе и науке.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

Т. Н. Гаврилова

Развитие образовательной системы Петришуле (НОУ гимназия № 222 г. Санкт-Петербурга)

Т. N. Gavrilova

Education system in Petrischule (Grammar school № 222, St. Petersburg)

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского отметил в этом году 110-летний юбилей со дня рождения профессора Н. А. Булах, которая являлась основателем кафедры немецкого языка (в то время педагогического института). Ее супруг – Игорь Эрихович Клейнеберг учился в одном из старейших учебных заведений России – Петришуле (позднее преподавал иностранные языки в Ярославском медицинском институте). Эту же школу закончили две его сестры и брат (Мелитта, Маргарита и Ганс), а их отец Эрих Карлович Клейнеберг на протяжении двенадцати лет был ее директором. Эта школа с удивительной историей.

«Петришуле» (нем. *St. Petri-Schule*) – первая школа Санкт-Петербурга. Упоминание о ней, относящееся к 1709 году, было найдено в Архиве ВМФ России в личном фонде адмирала норвежского происхождения Корнелиуса Крюйса. В этом фонде хранится личное письмо адмирала императору Петру I об организации лютеранской церкви Св. Петра и *элементарной школы* при ней для обучения детей прихожан этой церкви на территории его усадьбы.

Адмирал понимал важность подготовки молодых специалистов, поэтому школа, которую он устроил в Петербурге при своем доме, первоначально имела военно-морской уклон, о чем свидетельствует и специальность первого учителя школы Корнелиуса Корнелиссена, который происходил из датского города Рипена и был по своей прежней профессии боцманом [1].

Кирха была построена в 1730 году.

В 1760 году для школы за кирхой начинают строить специальное каменное здание, тогда еще двухэтажное, которое специалисты считают ин-

тереснейшим памятником русского барокко середины 18 века.

По приглашению лютеранской общины в Петербург был приглашен первый директор Петришуле – немецкий богослов, географ, историк и педагог Антон Фридрих Бюшинг, разработавший специальный учебный план для учебного учреждения нового типа, каким должна была стать школа *St. Petrischule*, получившая статус *Schule der Sprache, Kunste und Wissenschaften* – «Школа языка, искусства и науки» [3].

Специальное объявление оповещало горожан в 1762 году, что новая школа «отворена быть имеет» 1 октября и что «юношество мужского пола, желающие быть учеными, приобретут в сей школе случай научиться всему основательно и достаточно, что они по справедливости знать должны, дабы с пользою вступать могли в университеты». А. Ф. Бюшинг руководил школой до 1765 г.

Единственное учебное заведение столицы с полувековой традицией непрерывной учебно-воспитательной практики взяла под свое высочайшее покровительство императрица Екатерина II (немка по происхождению), издавшая в 1764 году специальный указ, в котором высказала намерение «основать школу, которая не токмо с наилучшими иностранными сравнится, но в совершенстве оные еще превзойти могла» [3].

В 1782 году школа было преобразована в «Главное немецкое народное училище для подготовки учителей немецких училищ Российской Империи». Оно находилось в ведении особой Дирекции или Управы над всеми немецкими народными училищами в Российской империи.

В 1817 году училище было подчинено надзору попечителя Санкт-Петербургского учебного округа.

В 1836 году оно было уравнено в правах с гимназиями и получило официальное наименование «*Главное немецкое училище при Санкт-Петербургской лютеранско-евангелической церкви Святого Петра*».

В начале 70-х годов XIX века *Главное немецкое училище св. Петра* объединяло мужскую и женскую гимназии, реальное училище, приготовительные классы и элементарные трехклассные школы для мальчиков и девочек. Здание школы неоднократно перестраивалось и расширялось.

К своему 200-летию юбилею школа стала крупнейшим средним учебным заведением России – здесь учились более 1600 детей, в том числе, до 25 % русских. Она пользовалась заслуженной известностью, давала разностороннее образование и особенно славилась отличным преподаванием иностранных языков [2]. Находясь под опекой церковного совета Петрикирхе, школа не испытывала материальных затруднений, предполагался даже ее дальнейший рост и надстройка школьного здания, но начавшаяся вскоре Первая мировая война коренным образом изменила жизнь школы.

В августе 1915 года вышел указ Министерства народного просвещения, по которому вся школьная документация и все учебные предметы должны были вестись на русском языке. Тогда же название школы стало писаться по-русски – «*Петришуле*».

Школу вынуждены были покинуть учителя, недостаточно хорошо знавшие русский язык, а также дети германских и австрийских граждан, подлежащих высылке в отдаленные районы Российской империи. Анти немецкие настроения, проявившиеся в то время в известной части русского общества, привели к тому, что некоторые родители перевели своих детей в другие школы. Многие ученики старших классов оставили школу, чтобы добровольно вступить в русскую армию.

11 декабря 1917 года постановлением Народного комиссариата просвещения Советской Республики *Главное немецкое училище* было передано в ведение Комиссариата просвещения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

К 1922 году школа называлась – 4-я Советская школа Центрального р-на.

В 1923 году – 41-я Единая трудовая школа 1 и 2 ступени Центрального р-на.

В 1931 году – 41-я школа-девятилетка Смольнинского р-на.

В 1934 году – 28-я школа ФЗД (фабрично-заводская девятилетка) Смольнинского р-на.

В 1937 году – 14-я полная средняя школа Куйбышевского р-на.

В 1939 году – была разделена на 14-ю среднюю школу (пр. 25 Октября д. 22/24 – будущая 222 шк.) и 22-ю среднюю школу (ул. С. Перовской д. 5 – будущая 217 шк.) [1].

С 1916 по 1928г.г. директором школы был Клейнеберг Эрих Карлович, преподававший там немецкий язык. Уйдя из школы, он преподавал немецкую литературу и немецкий язык в Институте иностранных языков, был доцентом кафедры германистики Ленинградского государственного университета. Он умер в «Крестах» во время следствия в 1939 г. Ему вменяли в вину то, что он обучал немецкому языку дочерей последнего русского императора [2].

С 1929 по 1934 г. завучем школы 28 ФЗД была Соколовская Александра Львовна – профессиональная революционерка, преподаватель обществоведения, первая жена Л. Д. Троцкого, расстрелянная в Москве в 1938 г.

Петришуле уникальна тем, что за 300 лет своей работы дала миру целую плеяду выдающихся выпускников, оставивших след в истории России и Санкт-Петербурга.

Вот имена только некоторых из известных людей, которые в разное время сидели за партами Петришуле:

– архитекторы Карл Росси, Константин Тон, Николай Бенуа;

– поэты и литераторы Даниил Хармс, Юрий Лотман, Лев Лосев, нобелевский лауреат Иосиф Бродский;

– ученые Карл Раухфус (основатель педиатрии), Петр Лесгафт (основоположник научной системы физического образования), Иосиф Лагузен (основатель российской палеонтологии);

– композитор Модест Петрович Мусоргский;

– всемирно известный ювелир Фаберже Агафон Карлович (1876–1951) – сын К. Г. Фаберже;

– основатель российского футбола Георгий Дюперрон;

– актеры и деятели кино Михаил Козаков, Лидия Федосеева-Шукшина, Роман Громадский, Николай Фоменко [1].

Имя выпускника Петришуле с гордостью носят тысячи специалистов, занятых в самых раз-

ных сферах экономики, государственной службы, культуры, искусства, спорта.

Петришуле за годы своего существования выпустила 259 золотых и серебряных медалистов, а также 25 чемпионов мира и 26 чемпионов Европы.

Педагогический коллектив учреждения пополнили пятнадцать его выпускников.

С начала XXI века в школе обучаются более 500 учеников, работают около 60 учителей, существуют научные общества и факультативы. Углубленно изучается немецкий язык, и проводятся международные школьные обмены.

К 300-летию юбилею Петришуле в школе был открыт музей истории школы. В числе его экспонатов имеются рукописи и книги 17–18 веков. В музее проводятся тематические экскурсии и открытые уроки. Школа поддерживает связи с многими учебными заведениями Германии и Голландии и других стран.

В первую субботу апреля каждого года проходит традиционный Вечер встречи выпускников, на котором присутствуют более 1000 бывших выпускников Петришуле [1].

Школа является:

– «школой года» по результатам городского конкурса педагогических достижений (2001);

– победителем конкурса «Приоритетный национальный проект «Образование» среди негосударственных общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы (2008);

– лауреатом конкурса инновационных продуктов за разработку учебно-методического комплекса «Die Musik ist da» (2009);

– лауреатом конкурса инновационных продуктов за разработку учебно-методического комплекса «Гуманитарный потенциал естественнонаучного знания как средство духовно-нравственного воспитания» (2010).

Ученики школы готовят проекты (например, проект по теме «Имена сквозь столетия»), про-

водят литературно-музыкальные салоны, рождественские ярмарки, спектакли (например, «Серебряная лира», посвященный судьбам и творчеству поэтов Серебряного века), балы, акции (например, «Златая цепь», в которой ученики со 2 по 11 класс вспоминали стихотворения А. С. Пушкина).

В сети Интернет есть сайт школы, который представляет собой виртуальный музей учебного заведения (<http://vk.com/club1311854>).

Библиографический список

1. Летанина, Е. Ю. Петришуле – старейшая школа Петербурга. История строительства [Текст] // Е. Ю. Летанина. – История Петербурга, 2010. – № 2 (54). – С. 6–10.

2. Ульянов, Н. П. Судьбы учителей Петришуле (20–30-е годы XX века) [Текст] // Н. П. Ульянов. – История Петербурга, 2010. – № 2 (54). – С. 27–32.

3. Штейнберг, А. Д-р Антон Фридрих Бюшинг и открытая в Петербурге школа языков, наук и искусств [Текст] // А. Штейнберг. – История Петербурга, 2010. – № 2 (54). – С. 14–21.

Bibliograficheskiy spisok (in Russ)

1. Letanina, E. Ju. Petrishule – starejshaja shkola Peterburga. Istorija stroitel'stva [Tekst] // E. Ju. Letanina. – Istorija Peterburga, 2010. – № 2 (54). – S. 6–10.

2. Ul'janov, N. P. Sud'by uchitelej Petrishule (20–30-e gody XX veka) [Tekst] // N. P. Ul'janov. – Istorija Peterburga, 2010. – № 2 (54). – S. 27–32.

3. Shtejnberg, A. D-r Anton Fridrih Bjushing i otkrytaja v Peterburge shkola jazykov, nauk i iskusstv [Tekst] // A. Shtejnberg. – Istorija Peterburga, 2010. – № 2 (54). – S. 14–21.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

С. Н. Дубровина

**Из истории преподавания немецкого языка
в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии**

S. N. Dubrovina

The history of teaching the German language in Belarusian State Agricultural Academy

Идея создания в России высшей сельскохозяйственной школы впервые была высказана еще в 1831 г. Комитетом Государственного Совета, который был образован царским правительством, с целью определить оптимальные средства для развития в России сельского хозяйства, применяя достижения науки к России и крестьянскому быту. Огромная отсталость сельского хозяйства в России, в то время почти исключительно аграрной, заставила царское правительство обратить на это внимание. Большой неурожай, вызвавший голод в большей части Европейской России в 1833 г., явился тем фактором, который способствовал довольно быстрой реализации мысли комитета о необходимости образования земледельческой школы.

В том же 1833 г. образуется новый комитет по улучшению сельского хозяйства в России, который через два с половиной месяца в своем заключении делает вывод о необходимости распространения сельскохозяйственных знаний среди землевладельцев через издание земледельческой газеты, подготовку руководителей имений и основание специальной земледельческой школы, а также построение механического завода для производства улучшенных земледельческих орудий и машин.

Указом, данным Правительственному Сенату 24 апреля 1836 г., определяется, что главным средством достижения постепенного улучшения сельского хозяйства в России как главного источника богатства является распространение нужных знаний и подготовка практических специалистов для передового ведения сельского хозяйства. Это был первый в России законодательный акт по сельскохозяйственному образованию. Кроме этого Указом предусматривалось строительство в Горы-Горках Могилевской губернии земледельческой школы [1, с. 9–10].

Почему царское правительство остановилось на глухом местечке Беларуси Горы-Горках для открытия в нем земледельческой школы общегосударственного значения, уверенно сказать довольно сложно. Согласиться с мыслью В. В. Винера, что причиной этого явились чисто финансовые соображения, невозможно, особенно если принять во внимание то, что незадолго до этого произошло первое польское восстание (1831 г.), в результате которого Беларусь, как репрессированная, потеряла единственный свой научный центр – Виленский университет (закрыт в связи с восстанием в 1832 г.). К тому же после восстания царское правительство проводило политику угнетения местной жизни. Однако уже сам факт того, что Министерство финансовых дел поручило агроному Р. Штейгарту подыскать место для школы в одном из казенных имений Могилевщины или Киевщины, говорит о том, что не финансовые, а другие соображения лежали в основе того, чтобы новую проектируемую школу открыть на «окраине бунтарской Польши».

Видимо, главную роль в принятии этого решения играли чисто политические соображения, возможно, именно они были единственной решающей причиной: открытие земледельческой школы на востоке Беларуси рассматривалось в качестве некоей компенсации белорусской шляхте за закрытый Виленский университет и другие репрессии, которые имели место на Беларуси после восстания. Не исключено, что при открытии земледельческой школы в Горках учитывалось и то, что она будет лишена влияния патристически настроенных польских кругов, которому подвергался Виленский университет. Возможно, создание школы было попыткой несколько сгладить жесткость, которая проявилась в закрытии университета и в дальнейшей тактике, и рассматривалось как шаг к тому, чтобы привлечь на свою сторону лояльно настроенную шляхту.

Немалую роль в этом, видимо, сыграло и ходатайство самой белорусской шляхты, которая по причине экономического упадка страны после войны 1812 г. особенно большое значение придавала подъему сельского хозяйства. В этой связи белорусская шляхта от имени Белорусского вольно-экономического товарищества (основано в 1825 г. шляхтой Могилевщины и Витебщины) ходатайствовала перед царским правительством об открытии земледельческой школы на востоке Беларуси.

Горы-Горецкая земледельческая школа должна была, во-первых, обеспечивать получение учащимися необходимых теоретических и практических знаний в целях выполнения плана улучшения сельского хозяйства и, во-вторых, готовить агрономов-практиков, которые бы могли управлять крупными имениями и улучшать их хозяйство в соответствии с индивидуальным планом [1, с. 10–12].

15 августа 1840 г. состоялось открытие Горы-Горецкой земледельческой школы, в котором приняло участие около 400 человек. Не присутствовали лишь учащиеся школы. Присланные из бедных крестьянских семей, они были одеты так бедно, что их нельзя было допустить на торжественное открытие. Причиной недобора в земледельческую школу было недоверие крестьян к царскому циркуляру о направлении детей в Горки и высокая плата за обучение (в год нужно было платить 120 руб.). Этим пользовались царские чиновники. Писатель П. И. Мельников в очерке «Полярков» рассказал о том, что пристав Полярков, получив царский указ «Об отдаче малолетних крестьянских детей в Горы-Горецкую земледельческую школу Могилевской губернии», пугал крестьян. Объясняя расположение и назначение школы, он говорил, что эта губерния за Сибирью, на самом краю света. И вся-то она состоит из могил. А на тех могилах гора, и на той горе школу завели... Крестьянских ребятишек там ко всякому горю приобучают: оттого и прозвана «на горе горецкая школа». Понятно, что крестьяне пугались, и кто мог, откупался деньгами [1, с. 15–16].

Для преподавания учебных дисциплин в Горы-Горецкой сельскохозяйственной школе был определен штат: профессор земледельческих наук с двумя адъюнктами и восемь преподавателей на правах адъюнктов, за исключением преподавателя немецкого языка. Для проведения практических занятий с воспитанниками школы и для руководства образцовым хозяйством при школе назначался агроном-практик с двумя помощника-

ми по практическому и письменному обучению [1, с. 16].

30 июня 1848 г. утверждено решение Государственного Совета о преобразовании высшего разряда Горы-Горецкой земледельческой школы в земледельческий институт – первый в России с правом университета, с четырехлетним сроком обучения. Низший разряд земледельческой школы преобразован в училище. Принято Положение о земледельческом институте и земледельческом училище.

В земледельческий институт принимались лица, окончившие курс гимназии, без экзаменов, неокончившие сдавали экзамен за гимназический курс. Студенты носили форму, принятую в университетах, только с зеленой отделкой на воротнике и обшлагах.

На протяжении четырех лет студенты изучали специальные предметы: полеводство, луговое хозяйство, скотоводство, лесоводство. Изучали также домоводство, сельскую бухгалтерию, сельскохозяйственную технологию и механику, архитектуру и геодезию. В программу входили и прикладные науки: математика, физика с метеорологией, минералогия, климатология, химия, ботаника, зоология. Вне расписания, раз в неделю, проводили литературные беседы. Последние должны были знакомить студентов с лучшими произведениями отечественной литературы, с духом этих произведений, красотой и оборотами русской речи [1, с. 28].

За участие преподавателей и студентов вуза в революционном движении 1863–1864 гг. он был закрыт [1, с. 35]. И лишь 7 апреля 1919 г. решением коллегии Наркомпроса РСФСР сельскохозяйственный институт в Горках был восстановлен [1, с. 51].

12 сентября 1919 г. на заседании Совета Горьковского сельскохозяйственного института (ГСХИ) обсуждались организационные вопросы. Вопрос о кафедре иностранных языков не обсуждался.

На заседании Совета ГСХИ 14 сентября 1919 г. слушался вопрос о чтении предметов: математика, физика, черчение, химия, геодезия, ботаника, почвоведение и бонитировка. В перечне учебных дисциплин предмет «иностранная литература» не указывается.

В протоколе № 3 заседания Совета ГСХИ от 30 сентября 1919 г. в повестке дня стоял вопрос о введении преподавания новых языков. Дословно записано: «Ввиду постановлений Советов факультетов, основанных на заявлениях со стороны студенчества, признавшего необходимость введения

преподавания новых языков, и ввиду того, что в настоящее время представляется некоторая возможность подыскания преподавателя немецкого языка постановлено: ввести преподавание немецкого языка и поручить профессору П. А. Ходоровичу войти в переговоры с кандидатом на должность преподавателя немецкого языка». Таким образом, иностранный (немецкий) язык начали преподавать в Горецком сельскохозяйственном институте с 1919 г.

В отчете о состоянии Горецкого сельскохозяйственного института за 1922/23 академический год мы находим указание, что немецкий язык преподавал преподаватель А. Е. Брех.

В протоколе заседания комиссии по пересмотру учебных штатов Горецкого сельскохозяйственного института от 18 и 19 января 1925 г. сказано: «Немецкий язык (при обязательном ведении 3-х групп по 4 человека), штат – 1 ассистент».

В 1925 г. в результате слияния Белорусского института сельского хозяйства (Минск) и Горецкого сельскохозяйственного института была образована Белорусская государственная академия сельского хозяйства в Горках. Постановлением № 94 Народного Комиссариата по образованию БССР от 25 ноября 1925 г. преподавателем немецкого языка в академию зачислен К. П. Петерсон. На основании указанного Постановления Правление академии ввело обязательное преподавание немецкого языка, начиная с I курса, для чего были приглашены 2 преподавателя. В 1925 г. немецкий язык в академии изучало 12 человек.

До 18 сентября 1929 г. в штате академии были преподаватели иностранного языка, но кафедры иностранных языков в вузе не было. Народный Комиссариат Просвещения БССР, в ведении которого в 1929 г. находилась академия, на ее ходатайство о необходимости создания кафедры иностранных языков дал положительный ответ. Руководство кафедрой было поручено доценту К. П. Петерсону.

Согласно приказу № 376 по Белорусской государственной академии сельского хозяйства от 14 июля 1934 г. предоставлении очередных отпусков за 1934 г. мы находим в списке преподавателей фамилии трех преподавателей немецкого языка – К. К. Леберехт, К. П. Петерсон, А. И. Липницкая.

Из архивных материалов следует, что после войны преподавание иностранных языков было возобновлено наряду с другими учебными предметами с сентября 1945 г. Так, в приказе № 1 по Белорусской государственной академии сельского хозяйства от 12 сентября 1945 г. сказано:

«Закрепить за кафедрами академии на 1945 г. следующие помещения: 4 новый учебный корпус, 3-й этаж, 82,83 – иностранные языки». Правда, численный состав преподавателей иностранных языков был небольшой, что соотносилось с количеством обучающихся в институте.

5 февраля 1973 г. на основании приказа Главка сельскохозяйственного образования СССР в связи с большим численным составом и возросшим объемом работы происходит разделение кафедры иностранных языков на две самостоятельные кафедры: английского и немецкого языков.

В разные периоды кафедру немецкого языка возглавляли Л. Н. Иноземцев (1973–1978), Г. Ф. Игнатенко (1978–1979), В. А. Потупчик (1979–1987), П. Я. Козик (1987–1996), А. В. Никишова (1996–2005), С. Н. Дубровина (2005–по н.в.).

Таковы краткие сведения о преподавании немецкого языка и создании кафедры немецкого языка в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.

Библиографический список

1. Герасимович, А. А. Летопись Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (1840–2015 гг.) [Текст] / А. А. Герасимович, В. М. Лившиц. – 6-е изд., перераб. и доп. – Горки : БГСХА, 2015. – 212 с.

Bibliograficheski spisek

1. Gerasimovich, A. A. Letopis' Belorusskoj gosudarstvennoj sel'skhozjajstvennoj akademii (1840–2015 gg.) [Tekst] / A. A. Gerasimovich, V. M. Livshic. – 6-e izd., pererab. i dop. – Gorki : BGSNA, 2015. – 212 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

М. Е. Ефимова

Воспоминания Рассмагиной Галины Андреевны (студентки Н. А. Булах с 1950 по 1954 г.)

M. E. Efimova

Memories of Galina Andreevna Rassmagina (N. A. Bulakh's student from 1950 to 1954)

*В юной жизни моей
Мудрый друг появился.
Светом доброй души
Частью жизни своей
Он со мной поделился.
Стал мне ясен потом
Весь мой путь трудовой,
Так как был освещен
Очень яркой звездой.*

С 1950 по 1954 гг. я студентка Ярославского педагогического института факультета иностранных языков немецкого отделения. Наталия Александровна Булах в те далекие годы была заведующей кафедрой немецкого языка. Она не была нашим постоянным преподавателем. Лишь только на втором курсе ею был прочитан нам курс лекций по истории немецкого языка. Однако другом студентов она была всегда. Она интересовалась жизнью каждого студента, хорошо знала всех студентов и с большим тактом и уважением относилась к каждому из нас. Студенты тоже относились к ней с почтением и уважением как к старшему мудрому другу.

К сожалению, за давностью лет я не помню названия мероприятия, которое обсуждали все мои товарищи с Наталией Александровной. Но очень хорошо помню дружественную деловую атмосферу при его обсуждении. Мне тогда даже захотелось подарить Наталии Александровне букет цветов. Я побежала их купить, а на обратном пути я не бежала – мчалась, так как боялась, что Наталии Александровны уже не будет среди студентов. Но все обошлось благополучно, я подарила ей цветы и все были рады.

Далеко непростыми были пятидесятые послевоенные годы. Наталия Александровна со своей семьей проживала тогда в общежитии для преподавателей. Большинство студентов жило также

в студенческом общежитии, среди них была и я. На 3-м курсе окна нашей комнаты выходили во двор, на общежитие преподавателей и одно из зданий института. Нередко можно было видеть из окна, как рано утром Наталия Александровна шла с рынка и несла на плече в мешке 6–8 кг картошки.

В начале каждого учебного года студенты выполняли разные сельскохозяйственные работы. Не проходила такая работа также и мимо преподавателей. На одной из таких работ в колхозе нашим руководителем была Наталия Александровна. Правление колхоза выдавало нам продукты, еду мы готовили сами. Если нам нужен был совет, мы всегда обращались к Наталии Александровне. Однажды нам показалось, что нам дали не совсем качественную говядину, и мы пожаловались Наталии Александровне. Она спокойно проверила все полученное, понюхала мясо и сказала, что оно свежее, но заветренное, так как полежало на открытом воздухе и потеряло свой товарный вид. Но при варке все полезные качества его сохранятся. Мы были рады ее большому жизненному опыту и хозяйственной сметке.

Наталия Александровна рассказывала нам о своей трудовой жизни в военные годы. Она работала тогда учительницей в школе. В одежде и обуви была большая нужда. Из обуви у нее была только пара калош. Долгие годы и до, и после войны, и особенно во время войны люди очень бережно относились к своей одежде и обуви. Калоши не были модой, но потребность в них была очень большая, так как, надеваясь поверх обуви, они сохраняли и утепляли ее. В войну вместо сапог шили ватники и поверх них также надевали калоши. Если никакой другой обуви не было, то обувью становились калоши. Именно в таком положении и оказалась Наталия Александровна, причем из 2-х пар калош рваными оказались две на одну ногу. Ей пришлось надеть две оставшиеся

крепкие на одну ногу. Наталия Александровна предполагала, что ученики не разберутся, может быть, в ее обуви, но они разобрались и даже кто-то показал пальцем. Пришлось пережить этот конфуз.

Мое материальное положение в студенческие годы было трудным, я нуждалась в подработке. Я умела шить и могла принимать заказы на платье. Но для этого требовалась швейная машинка. Наталия Александровна узнала о моей нужде и предложила мне при надобности приходить к ней и шить на ее швейной машинке (у нее была ручная машинка Зингер – прим О. А. Караминой). Так она очень выручила меня.

Наталия Александровна всегда интересовалась успехами студентов и почти всегда присутствовала на вступительных экзаменах. Мы, студенты, предполагали, что Наталия Александровна занимается научной работой, но она была человеком исключительной скромности и нам об этом не рассказывала. И только потом через несколько лет я узнала, что Наталия Александровна стала профессором.

*Записала со слов Г. А. Рассмагиной
и отредактировала М. В. Ефимова*

Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2016

Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016

М. Е. Ефимова

**Воспоминания о Наталии Александровне Булах сына,
Ярослава Игоревича Клейненберга**

M. E. Efimova

**Remembering Natalia Aleksandrovna Bulakh
(by her son, Yaroslav Igorevich Kleinenberg)**

Наталия Александровна и Игорь Эрихович (муж Н. А. Булах И. Э. Клейненберг) закончили Ленинградский университет, факультет иностранных языков. У Наталии Александровны было все в порядке, а Игорь Эрихович был исключен из вуза за бумаги политического характера, он не был согласен со взглядом на немецкий язык. Через год его восстановили, этот год он работал на Ленинградской обувной фабрике.

Потом была война... Мы жили в Ленинграде и попали во время эвакуации чуть ли не в последнюю партию вывезенных на периферию. Сначала в Чкалов (совр Оренбург), потом в Некоузский район. А Игорь Эрихович всю Блокаду пробыл в Ленинграде, попал в Тюменскую, потом в Свердловскую область, работал в школе с 1944 по 1954 гг. учителем немецкого языка. Наталия Александровна с четырьмя детьми: Гарольдом, Ренатой, Магдалиной, Ярославом и племянницей из Киева попали сначала в большую деревню глубоко в степи. Жили в ужасных условиях в избе. Наталия Александровна шила на заказ пальто, рубашки, костюмы для колхозников и сосланных в ту деревню кулаков, обиженных на Советскую власть, тяжелый контингент был. И у нас была еще коза, которую надо было доить. Семья была пятеро детей и всего один работник... Наталия Александровна весила в то время 44 кг. Все же пережили войну. После войны начали восстанавливать систему высшего образования и через запрос Министерства нашли Наталию Александровну и послали в Ярославль. Мы приехали в Ярославль и нам дали комнату 20 м на 3-м этаже общежития, в которой мы прожили вплоть до 1957 г.

Задачей Наталии Александровны была организация кафедры немецкого языка. Кафедра и аспирантура были организованы. Сначала мама защитила кандидатскую диссертацию, писала ее параллельно с воспитанием детей, потом в 1958 г. докторскую диссертацию в Ленинграде на кафедре иностранных языков (Прим.1). И каждый год шел набор студентов от Дальнего Востока до самого запада нашей страны. Все это время отец присылал маме письма из Тюмени, из-под Свердловска. Он вкладывал в них засушенные цветы, очень любили они друг друга. Когда он отработал в ссылке положенный срок, приехал к нам в Ярославль.

Наталия Александровна была очень строгой и требовательной и к себе, и к студентам. И все было бы хорошо, но вот с начальством она не очень дружила, не шла она легким путем и была для руководства крепким орешком, если требовали халтуры. Однако в Министерстве хорошо к ней относились, помогали.

В конце 50х-начале 60х кафедра дружила с кафедрой иностранных языков университета из Лейпцига, обменивались опытом, кадрами. К нам в институт приезжала заведующая кафедрой, выступала с докладами, а Наталия Александровна ездила в Лейпцигский университет. Она была очень активная: учебная работа, научная работа, методика. Была очень принципиальной, не шла на подлоги. В тоже время всегда защищала работников кафедры, не давала в обиду: выбивала им жилье, помогала, чем могла.

В 1956 г. нам дали квартиру в доме 18-го века с окнами в ботанический сад. Первый этаж дома был кирпичным, второй деревянным. Дом был старый и сырой. Квартира состояла из 3-х комнат

и кухни с керогазом. По тем временам это жилье было большой роскошью. В этой квартире мама и прожила до самой смерти в 1973 г. Всякие в жизни были условия, но Наталия Александровна была очень убежденным человеком, высоко моральным. Она, несмотря на возраст, всегда делала гимнастику. Летом могла запросто пару раз переплыть Которосль.

Мы жили вместе почти до самой маминой смерти... К 1000-летию Ярославля была выпущена книга о женщинах Ярославской области, и к 100-летию ЯГПУ также была издана книга, где есть биография Наталии Александровны и ее цветная фотография (Прим 2).

Прим. 1: Н. А. Булах первая на факультете защитила кандидатскую диссертацию по проблеме теоретической грамматики, затем докторскую диссертацию. Под ее руководством на кафедре существовала аспирантура, которую окончили многие выпускники института: Л. А. Невская, В. К. Усилов, В. А. Жеребков, Л. Т. Жукова, Т. С. Григорьева (Факультет иностранных языков.

История на стр интернета:
<http://vestnik.yspu.org/releases/90/part2/inyaz.htm>

Прим 2: 1) Ярославна : история успеха яросл. женщин / редкол.: В. В. Величко (пред.) [и др.]. – Москва : Внешторгиздат, 2005. – 287 с. : ил. – Библиогр.: с. 286.

2) Профессора ЯГПУ. 1908–2008. Биографические очерки, Еремин А. В., Год издания: Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 220 с.

Прим 3: Некоторые даты уточнялись по генеалогическому древу, составленному В. Шапошниковым, правнуком Н. А. Булах. В. Шапошников, Родословная Шапошниковых, Булах, Клейненбергов, Ярославль на стр. интернета: <http://www.yar-genealogy.ru/alm2-06.php>

Наша родословная. Генеалогические исследования Андрея Новожилова и Нины Белозеровой
<http://novbelgen.net/bh>

*Записала со слов Я. И. Клейненберга
и отредактировала М. В. Ефимова*

*Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2016
Дата принятия статьи к печати: 29.06.2016*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азеева Ирина Викторовна – кандидат культурологии, проректор по научной и творческой работе, профессор кафедры общих гуманитарных наук и театроведения ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный театральный институт».

E-mail: yrakh@rambler.ru.

Акопджанян Яна Эдуардовна – студентка III курса (направление «Театроведение») Ярославский государственный театральный институт.

E-mail: ofelialovehamlet@yandex.ru

Анискина Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: yar_nauka@mail.ru

Беспалова Екатерина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: jangap1@mail.ru

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: manrico@newmail.ru

Буллах Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, редактор газеты «Комсомольская правда» в Ярославле.

E-mail: natalya.bulakh@phkp.ru

Быкова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: bykova2april@gmail.com

Гаврилова Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: gavrilova.tat.nik@gmail.com

Геккина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

E-mail: gekkina@rambler.ru

Дубинин Сергей Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии ФГБОУ ВПО «Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева».

E-mail: doubinin@mail.ru

Дубровина Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкого языка УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия».

E-mail: rsn.09@mail.ru

Ефимова Марина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: mv61@yandex.ru

Корчинский Анатолий Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания «Институт филологии и истории РГГУ».

E-mail: korchinsky@mail.ru

Кострова Ольга Андреевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет».

E-mail: Olga_Kostrova@mail.ru

Кузнецова Екатерина Валентиновна – аспирант Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

E-mail: katkuz1@mail.ru

Кулаковский Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: kulmn@mail.ru

Лагузова Евгения Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: laguzova.e@mail.ru.

Летин Вячеслав Александрович – кандидат культурологии, заведующий экспозиционно-выставочным комплексом ГЛММЗ Н. А. Некрасова «Карабиха».

E-mail: liotin@yandex.ru.

Летина Наталья Николаевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: liotina@yandex.ru.

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: oloukine@mail.ru

Милосердова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор немецкой филологии ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина».

E-mail: liebherz@mail.ru

Молчанова Алена Андреевна – научный сотрудник ГЛММЗ Н.А. Некрасова «Карабиха».

E-mail: malrock@mail.ru

Преображенский Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов.

E-mail: preobrag@mail.ru

Проконова Ольга Николаевна – преподаватель русского языка Университетского колледжа (ЯрГУ им. П. Г. Демидова).

E-mail: o.prockopova@yandex.ru

Пронина Татьяна Давидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства «Курский государственный университет».

E-mail: t_pronina@mail.ru

Салимова Лейла Фархадовна – студентка II курса (направление «Театроведение») Ярославский государственный театральный институт.

E-mail: leila.salimova@mail.ru

Селезнева Лариса Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Российского государственного социального университета (г. Москва).

E-mail: loramuz@yandex.ru

Суханова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Тортунова Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет». 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

E-mail: tortunova@yandex.ru

Тюпа Валерий Игоревич – доктор филологических наук, профессор учебно-научного центра глобалистики и компаративистики РГГУ, заведующий кафедрой теоретической и исторической поэтики историко-филологического факультета «Институт филологии и истории РГГУ».

E-mail: v.tiupa@gmail.com

Ухова Полина Сергеевна – аспирант кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: polina_uhova@mail.ru

Федотова Анна Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: gry_anna@mail.ru

Филипповский Герман Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Хамитова Лейсян Рамильевна – педагог-организатор ГБОУДОД СОЦДИУТТ «Самарский областной центр детско-юношеского технического творчества».

E-mail: 15lisa15@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор ФГБ НИУ «Государственный институт искусствознания», главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Сектора зрелищно-развлекательной культуры.

E-mail: nihrenov@mail.ru

Щербаква Александра Васильевна – профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Тамбовский филиал).

E-mail: liebherz@mail.ru

Юрьева Татьяна Владимировна – доктор культуры, профессор кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

E-mail: tjurjeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Azeeva Irina Viktorovna – Candidate of Cultural Science, Vice-Rector (scientific and creative work), Professor, Department of Humanities and Theatre Studies, Yaroslavl State Drama Institute.

E-mail: yrakh@rambler.ru.

Akopdzhanyan Yana Eduardovna – 3rd year student (Theatre Studies), Yaroslavl State Drama Institute.

E-mail: ofelialovehamlet@yandex.ru

Aniskina Natalia Vasilievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory of Communication and Advertising, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: yar_nauka@mail.ru

Bespalova Ekaterina Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: jangap1@mail.ru

Boldyreva Elena Mikhailovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: e71mih@mail.ru.

Bulakh Natalia Vladimirovna – Candidate of Philology, Editor of the newspaper Komsomolskaya Pravda in Yaroslavl.

E-mail: natalya.bulakh@phkp.ru

Bykova Elena Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Public Relations in Business, St. Petersburg State University.

E-mail: bykova2april@gmail.com

Gavrilova Tatiana Nikolayevna – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Theory and History of Pedagogy, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: gavrilova.tat.nik@gmail.com

Gekkina Elena Nikolayevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior researcher, Institute of Linguistic Studies RAS,

E-mail: gekkina@rambler.ru

Dubinina Sergei Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the German Philology Department, S. P. Korolev National Research University, Samara.

E-mail: doubinin@mail.ru

Dubrovina Svetlana Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the German Language Department, Belarusian State Agricultural Academy.

E-mail: rsn.09@mail.ru.

Efimova Marina Viktorovna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Foreign Languages, Yaroslavl State Pedagogical University.

E-mail: mv61@yandex.ru

Korchinsky Anatoly Viktorovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities (RSUH).

E-mail: korchinsky@mail.ru

Kostrova Olga Andreevna – Doctor of Philology, Professor, Department of the German Language, Samara State University of Social Sciences and Education.

E-mail: Olga_Kostrova@mail.ru

Kuznetsova Ekaterina Valentinovna – post-graduate student, Gorky Institute of World Literature RAS.

E-mail: katkuz1@mail.ru

Kulakovskiy Mikhail Nikolayevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: kulmn@mail.ru

Laguzova Evgenia Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: laguzova.e@mail.ru

Letin Vyacheslav Aleksandrovich – Candidate of Cultural Science, Head of the Exhibition Centre “Karabikha”, N. A. Nekrasov Literary Memorial Museum.

E-mail: liotin@yandex.ru

Letina Natalya Nikolayevna – Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.

E-mail: liotina@yandex.ru

Miloserdova Elizaveta Vasilievna – Doctor of Philology, Professor, Department of German Philology, Tambov State University named after G. R. Derzhavin.

E-mail: liebherz@mail.ru

Molchanova Alena Andreevna – N. A. Nekrasov Literary Memorial Museum “Karabikha”, researcher.

E-mail: malrock@mail.ru

Preobrazhensky Sergey Yurievich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia.

E-mail: preobrag@mail.ru

Prokopova Olga Nikolaevna – teacher of the Russian language, University College, P. G. Demidov State University, Yaroslavl.

E-mail: o.prockopova@yandex.ru

Pronina Tatiana Davidovna – Candidate of History, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Painting, Kursk State University
E-mail: t_pronina@mail.ru

Salimova Leila Farkhadovna – 2nd year student (Theatre Studies), Yaroslavl State Drama Institute.
E-mail: leila.salimova@mail.ru

Selezneva Larisa Vasilievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Russian State Social University (Moscow).
E-mail: loramuz@yandex.ru

Sukhanova Irina Alekseevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.
E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Tortunova Irina Anatolievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Russian State Social University.
E-mail: tortunova@yandex.ru

Tyupa Valery Igorevich – Doctor of Philology, Professor, Educational and Scientific Centre for Global Studies and Comparative Linguistics, Head of Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute of Philology and History RSUH.
E-mail: v.tiupa@gmail.com

Ukhova Polina Sergeevna – post-graduate student, Department of Theory of Communication and Advertising, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.
E-mail: polina_uhova@mail.ru

Fedotova Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.
E-mail: gry_anna@mail.ru

Filippovsky German Yurievich – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.
E-mail: rector@yspu.yar.ru

Khamitova Leicyan Ramilievna – teacher, Samara Regional Centre for Young People's Creative Work.
E-mail: 15lisa15@mail.ru

Khrenov Nikolai Andreevich – Doctor of Philosophy, Professor, Federal Research Institution "State Institute of Art Studies", Chief Research Officer, Department of Mass Media and Arts, Section of Entertaining Culture.
E-mail: nihrenov@mail.ru

Shcherbakova Aleksandra Vasilievna – Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Tambov branch).
E-mail: liebherz@mail.ru

Yurieva Tatyana Vladimirovna – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl.
E-mail: tjurjeva@mail.ru

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре.

2. Требования к оформлению:

– 1 страница текста формата А4 должна содержать не более 1 900 знаков с учетом пробелов;

– поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0 см;

– гарнитура Times New Roman; кегль 14; междустрочный интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением.doc.

4. Требования к рукописи:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– Ф. И. О. автора;

– почтовый адрес с индексом;

– контактный телефон;

– e-mail;

– ученая степень и звание;

– должность;

– место работы (указать юридический адрес и индекс).

4.4. Название статьи, аннотация, ключевые слова на русском и английском языках.

4.5. Аннотация статьи – не менее 150 слов.

4.6. Ключевые слова – 12 единиц.

4.7. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники и примечания указываются в тексте статьи в квадратных скобках (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27–48]). Библиографический список и примечания оформляются по ГОСТу 7.1–2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (пример оформления см. на сайте <http://vv.yspu.org/>).

6. Таблицы, схемы, диаграммы должны быть черно-белыми, без цветной заливки, допускается штриховка.

Оформление таблиц и рисунков:

– каждый рисунок должен быть пронумерован и подписан. Подписи не должны быть частью рисунков;

– рисунки обязательно должны быть сгруппированы (то есть не должны «разваливаться» при перемещении и форматировании);

– следует избегать использования рисунков и таблиц, размер которых требует альбомной ориентации страницы;

– надписи и другие обозначения на графиках и рисунках должны быть четкими и легко читаемыми;

– в тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на таблицы, рисунки, графики.

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Рисунки, таблицы, схемы должны иметь порядковый номер название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

7. К рукописи, предназначенной для публикации, необходимо приложить следующие материалы:

– Заполненное и подписанное Лицензионное соглашение в двух экземплярах.

– Почтовый конверт с марками для возвращения одного экземпляра лицензионного соглашения автору статьи.

8. Объем статьи не должен превышать 10 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

9. Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из вышеперечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

10. Присланная статья проходит рецензирование, получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии «Верхневолжского филологического вестника», после чего передается редактору для включения в номер, содержание которого утверждается на редколлегии.

Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

**CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN»
AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

– surname, first name, patronymic name (if applicable);

– address with postcode;

– contact phone number;

– e-mail;

– scientific degree and status;

– job title;

– place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 150 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1–2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and

white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

– pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

– captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

– the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

– 2 copies of completed and signed author's contract.

– An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Verhnevolzhski Philological Bulletin» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова
Объем 25 п. л., 19,4 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 80. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.06.2016

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44
Тел.: (4852) 32–98–69